11-9.



MAHTEOHT

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Осдоромо Кони.

250/ £008

TOM'S IV.

8

АВГУСТЪ — КНИЖКА ОСЬМАЯ.

1852.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

all All TV N

печатать позволяется,

съ тъмъ чтобы по отпечатании представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземиляровъ. Сентября 22-го 1852.

R12439 Englas - 42 1121

Ценсоръ Н. Пейкерт. Ценсоръ Н. Елагинт.

типографія Эдуарда веймара.

Оглавление четвертого тома.

Книжка восьмая, август.

I. Изящная словесность.

Аферист. Комедия в трех действиях. Сюжет заимствован из повести Шарля Бернара. Бабушкина. (С. 3-56).

Г-жа де-Линан. Роман Марии Экар. Часть первая. (С. 1-80).

Три стихотворения Надежды Хвощинской. (С. 81-82).

II. История и теория искусства.

Письмо о музыке к А. Д. Улыбышеву, по случаю толков о Моцарте и Бетховене. (Письмо третье). А. Серова. (С. 1-40). Английский театр до Шекспира. Статья Филарета Шаля. (С. 41-57). Карл Павлович Брюллов. (Некролог). (С. 58-60).

III. Провинциальные театры.

Театр и музыка на Нижегородской ярмарке в 1852 г.

Погода и ее влияние на нижегородскую местность. — Артисты летом и осенью. — Плохие новости. — Театр в Ярославле. Его новый состав. — Театр в Костроме. — Артисты, декорация, костюмы и оркестр. (С. 2-9).

Театры в Туле и Ярославле. (С. 10-11).

Костромской театр. (С. 11-14).

Вышневолоцкий театр. (С. 14-18).

IV. Обозрение иностранных театров.

Письмо из Парижа 1 августа (19 июля).

Неизбежное вступление. – Опять погода! – Летние поездки. – Замок ПьерръфонПоследние слухи о новой опере Мейербера. – Зимний цирк. – Окончание Лувра и и соединение его с Тюильри. – Две новые книги г. Гизо. – Две тяжбы. – Художественная собственность. – Театр Комической оперы: опера в трех действиях, музыка Мальяра. - Театр Драматической гимназии: «Через окно», в одном действии, соч. г. Амеде Ашара. «Услуга за услугу», водевиль в двух действиях, соч. его-же. - Театр Водевиля: «Дуэль моего дядюшки», водевиль в одном действии, соч. г. Амеде Ашара. «Сельские радости», комедия-водевиль в двух действиях, соч. гг. Леона Гиляра и Армана Дюрантена. – Театр Разнообразия: Венгерские музыканты. «Человек пятидесяти лет», водевиль в одном действии Гастона де-Монто. «Баловень», водевиль в одном действии, соч. г. Жака Ариго. – Пале-Рояльский театр: «Иорк, собачья кличка», водевиль в одном действии, соч. Октава Фёлье и Поля Бокажа. «Ужасный Савояр», водевиль в одном действии, соч. гг. братьев Коньяр и Шоле. - Слухи о Левассоре. (С. 1-13).

Письмо из Лондона. 23/11 июля.

Болезнь Софии Крувелли. — Театр Королевы и театрКовель-Гарденский. — балет Госселена «Зели». — Успехи Джулии Гризи. — Сент-Джемский театр. — Французская и немецкая труппы. — Эмиль Девриент в роли Гамлета. — Вести из Нью-Йорка. — «Лола Монтез», историческая драма, соч. Лолы Монтез, в которой роль Лолы Монтез играет Лола Монтез. (С. 13-16).

V. Смесь.

Приятные минуты для критика. — Pour la bonne bouche. — Мысль и улыбка «Сына Отечества». — Антикритика. — Стихи Г. Истомина. — Писатель Кривич. — Остальные статьи майской книги «Сына Отечества». — Нынешняя любовь. — Забавы в городке. — Деревенская кумушка. — Фельетоны «Современника». — Новый поэт и его суждение о «Пантеоне». — Последние номера «Библиотеки для чтения». — Михако и Нина. — Грузинская идиллия. — Поэзия «Библиотеки для чтения». Критика ее. — Мнение о Жуковском. — Метафоры критика с слог г. Кудрявцева. — Подгородный подписчик и его мнения. — «Свадьба Викторины» в двух переводах. — Смерть Брюллова и Загоскина. — Бедность биографических сведений. — Надежда Дмитриевна Хвощинская и ее стихотворения. — «Мысль и чувство». — Цитаты. — Описание природы. — В. Крестовский и его повести. — Сельский учитель и еще год. — Поэзия и проза. (С. 1-23). Музыка. (С. 23-24). Моды. (С. 24-26).

VI. Репертуар русской сцены. № 8.

Последнее прости. Комедия в одном действии, переделанная с французского Н. Н. Круглополовым. (С. 1-16). Медовой месяц, или Как проводят время молодые. Комедия в одном действии, заимствованная с французского актером С. Бойковым. (С. 1-20).

изящная словесность.

T.

AGERICATS.

AND REPARE

комедія въ трехъ двиствіяхъ.

СЮЖЕТЪ ЗАИМСТВОВАНЪ ИЗЪ ПОВЪСТИ ШАРЛЯ ВЕРНАРА.

J. Toasymhuna.

представлена въ первый разъ

императорскими придворными антерами на аленсандр. театръ въ С. Петербургъ, 28 іюня 1852 г.

государствен. академ.

ленинградоная Матральная
БИБЛИОТЕКА

мме.: А В ЛУНАЧАРСКОГО

THE PERSON AND THE PERSON

дъйствующіе:

АКТЕРЫ:

павель исанчь цыпочкинь, служившій по откупамь	Г. Каратынин 2.
ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА , жена его. ,	Г-жа Громова.
НАДЯ, дочь нхъ	Г-жа Читау.
ЛУКА ИЛЬИЧЪ НАУМЕНКО , малоросеъ, мужъ Нади	Г. Григорьевъ 1.
САВВА САВВИЧЪ ХАРОХОРОВСКІЙ, аферисть	Г Марковецкій.
другъ цыпочкина	Г. Ивельевъ.
жена друга.	Г-жа Закаспійская.
поджарый франтъ.	Г. Антонолини.
ВГОРЪ, слуга Цыпочкиныхъ.	Г. Разсказовъ.
молодые люди.	
roctu.	

REAR MISSESSEE AN AUGUST CALLED

императороними продосными антерами на аденоандр, театру ос С. 11 мероферы, 28 дона 1832 г. Садъ при дачѣ Цыпочкиныхъ. Налѣво отъ зрителя бесѣдка; направо павильонъ, изъ котораго одна дверь ведеть во внутренность дома, а другая въ спальню Нади. Въ глубинѣ вновь поставленияя и еще неокрашенная рѣшетка для вьющихся растеній. Въ бесѣдкѣ диванъ, два стула и столъ, на которомъ лежатъ книги съ ножемъ, для разрѣзывалія листовъ, и одинъ номеръ вѣдомостей.

The course of the appears of the course of t

MERICAL MAR HEALE

Shee report My, negonarra newspanning

Излинан Словесиость.

т. руб. свр. памену аптр. и мий очены пенріатно, что не спока давтири по среда по правици. Коти облиций Лука Изанта сим об среда по обла правици и предостава пробрами правици. Подоржине дома сику принада порочот сопъ на кадебила по поздран и на обласерением тут менене, что при жемитьов чения праводобным почарки и на обласерением тут менене, что при жемитьов чения принада по почему притил перти облега обласерением править на при сумить, чтобы поврати си части симиза симиза облага.

Reactonain dyly hordersolute ed ... Herafiche blike Hardenberg Har

дыпочкивъ и прасковья петровна въ бесъдкъ. 201 года 140-года 140-

дыпочкинъ (умомяющиме голосоме). Другъ ты мой! Прасковья Петровна! дружечикъ ты мой!

прасковья петровна. Вашъ дружокъ! Не въ томъ дъло: хотите или нътъ сдълать то, что я говорю?

цыпочкинъ. Да, дружечикъ ты мой, это невозможно.

прасковья петровна. Нътъ ничего невозможнаго.

дыпочкинъ. Но ты не хочешь понять, что требуешь отъ меня нарушенія священнаго обязательства, честнаго слова...

прасковья петровна. Вздоръ! пустяки! это ничего не значитъ.

пыпочкинъ. Ну, ужъ позволь мнѣ доложить, что совсѣмъ непустяки, а весьма серьозное дѣло. Выдавая нашу Надю за Науменко, мы ей назначили въ приданое десять тысячъ рублей серебромъ и объщали выдать ихъ черезъ три мѣсяца послѣ свадьбы; но вотъ уже прошло пять, а онъ еще не получаетъ и мѣднаго гроша.

прасковья петровна. Экой бъдняжка! Надя наша единственная дочь. Все, что мы имъемъ, достанется ей послъ нашей смерти.

цыпочкинъ. Послъ нашей смерти! Полно, матушка (пріосаниваясь), кажется, мы еще слава Богу! Но не въ томъ дъло. Я долженъ десять

т. руб. сер. нашему зятю, и мив очень непріятно, что не могъ заплатить въ срокъ этого долга. Хотя бъдный Лука Ильичъ еще не смълъ
объ немъ напомнить, но я увъренъ, что онъ съ удовольствіемъ пощупалъ-бы наши цълковички. Содержаніе дома ему стоитъ дорого; онъ
поиздержался на свадебные подарки и на обзаведеніе; ты знаешь, что
при женитьбъ конца нътъ расходамъ; и почему знать, можетъ быть,
онъ разсчитывалъ на эту сумму, чтобы покрыть ею часть своихъ
издержекъ.

прасковья петровна. Экое горе! Ну, подождетъ немножко! Нанасъ не пропадутъ его деньги. Онъ знаетъ, что ты служилъ по виннымъ откупамъ.

пыпочкинъ. Такъ что-же?

прасковья петровна. А то, что и безъ Науменки нашлись-бы женихи для Нади.

пыпочкинъ. Это правда! Но какъ-бы то ни было, вотъ уже два мъсяца, какъ ему слъдовало получить. Мнъ очень будетъ совъстно, если въ одно прекрасное утро онъ отъ меня ихъ потребуетъ, а я не въ состояніи буду удовлетворить его.

прасковья петровна (ст презрыніемт). Въ-самомъ-дёлё? Я желала-бы посмотрёть, какъ онъ осмёлится сдёлать подобную выходку; я-бы ему показала, какъ должно обращаться съ такими людьми, какъ ты. Но вы напрасно изволите безпокоиться. Науменко не такой человёкъ, чтобъ забылся передъ нами...О, что касается до этого, я отдаю ему полную справедливость.

пыпочкинъ. Вотъ потому-то, что этотъ бѣдный Науменко настоящій ягненокъ, я и хочу быть деликатенъ.

прасковья петровна (от нетерпинія мнето видомости во все время разговора). Если-бы онъ быль волкь, вы-бы върно еще были деликатнье; но довольно разсуждать, рышимь. Изъ числа десяти тысять рублей, обыщанныхь Надь, вы уже отдали, три мысяца тому назадь, двы тысячи пятсоть рублей Харохоровскому, которо быль такь добрь, что приняль вась въ долю въ предпріятіи своихь невзрываемых пароходово, ручаясь вамь, по-малой-мырь, за десять процентовь. Теперь Харохоровскій предлагаеть вамь сдылать вторичный внось, двы тысячи пятьсоть рублей, и я ему обыщала. Не хотите-ли вы, чтобья отступилась оть мое го слова? (Бросаеть на него грозный взглядь).

пыпочкинъ (испуганный). Дружекъ мой, я ничего не говорю; я готовъ сію-же минуту исполнить твое желаніе; но Лука Ильичъ меня остана вливаетъ...

прасковья петровна. Васъ все останавливаеть; развъ отъ васъ

требують черезь море пѣшкомъ перейти! Вотъ что вамъ надо сдѣлать: вмѣсто десяти тысячъ рублей вы будете платить Науменкѣ проценты, пятьсотъ рублей серебромъ въ годъ. Что онъ можетъ противъ этого сказать? Эти-же пятьсотъ рублей вы получите съ денегъ, отданныхъ Харохоровскому за десять процентовъ; такимъ образомъ вы расплатитесь, не вынимая кошелька, и у васъ останется въ карманѣ иять тысячъ рублей серебромъ. Кажется, это ясно?

дыпочкинъ. Такъ, такъ, но я никакъ не рѣшусь преложить это нашему зятю...

прасковья петровна. Я берусь.

пыпочкинъ. Къ тому-же ... пароходы безъ разрыва ... надежноли это?

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Какъ-же не надежно, когда машина не можетъ лопнуть?

цыпочкинъ. Да, машина! А деньги-то анціонеровъ?

прасковья петровна. А! я этого-то и ждала! Върите вы, что Харохоровской дъловой человъкъ?

цыпочкинъ. Разумъется.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Такъ вы думаете, что онъ хочеть васъ втянуть въ невыгодную спекуляцію?

цыпочкинъ. Я ничего не говорю...

прасковья петровна. Что-же вы говорите?

цыпочкинъ. Я говорю ...

прасковья петровна. Стрижено, потому-что я говорю брито, это ваша привычка. Мнъ кажется, вы-бы трехъ дней не пережили, еслибъ вамъ пришлось хоть одинъ разъ со мной согласиться.

пыпочкинъ (вздыхая). Мнъ кажется, что этимъ, напротивъ, всегда кончаются наши разговоры.

прасковья петровна. Такъ не лучше-ли начинать съ конца? Мыбы избавились отъ утомительныхъ споровъ. Я надъюсь, что этотъ разговоръ конченъ и мы согласились. И такъ ръшено, вы дадите Харахоровскому двъ тысячи пятьсотъ рублей серебромъ; онъ долженъ пріъхать къ намъ на дачу сегодня.

ЦЫПОЧКИНЪ (ходить молча, потомь останавливается переды женой и смотрить на нее робко). Харохоровской будеть у насъ сегодня?

прасковья петровна (отрывисто). Вамъ это не правится?

при на п

(Понижая голось). Между нами будь сказано, мив-бы хотвлось, чтобы визиты его къ намъ были порвже.

прасковья петровна. Это что значить?

цыпочкинъ. Ну, если ты сердишься, я ничего не говорю.

прасковья петровна (возвышая голось). Развъ я сержусь когданибудь?

цыпочкинъ. Я ничего не говорю.

прасковья петровна. Нътъ, ужъ если вы начали, надо кончить. За что вы сердитесь на Харохоровскаго?

Пыпочкинъ (стараясь выпутаться изъ своихъ словъ). Я?... я сержусь на этого малаго, на этого молодаго человъка? Нисколько, увъряю тебя, нисколько, и чтобы доказать тебъ, что нътъ, я исполню твою волю, дамъ ему еще двъ тысячи пятьсотъ рублей. Что касается до меня лично, я не имъю противъ него никакой претензіи, но... ну, да ты върно понимаешь, что я хочу сказать... Для Нади...

прасковья петровна. Только-то?

Пыпочкинъ. Науменко, можетъ быть, находитъ, что и этого довольно.

прасковья петровна. Какой вздоръ! Вы сами не знаете, что говорите. Правда, что до свадьбы Нади, Харохоровскій тадиль къ намътолько для нее, и съ радостію-бы на ней женился...

цыпочкинъ. Что-бы и случилось, еслибъ ты захотъла.

прасковья петровна. Онъ совстмъ не нравился моей дочери.

цыпочкинъ. Такъ, да я боюсь, чтобы онъ теперь-то ей непонравился.

прасковья петровна (строго). Павелъ Исанчъ!

Пыпочкинъ (довольно твердо). Я знаю, что говорю. Тебя боятся и прячутся отъ тебя; оттого ты ничего и не замъчаеть; а меня считаютъ... такъ... простачкомъ, который дальше носа ничего не видитъ, и лишь только ты отвернешься, предо мной не скрываются.

прасковья петровна (съ нетерпъніемъ). Объяснитесь. Говорите, что вы видъли?

цыпочкинъ. Прежде всего, дружекъ мой, успокойся. Дочь свою любить хорошо, но Надя ужъ не ребенокъ. Притомъ....

прасковья петровна (вить себя). Да говорите-же!

цыпочкий (теряет смилость по мирт того, какт гнивт жены увеличивается). Что-же говорить?... Мит казалось, что я видёль итсколько разь... то-есть, я видёль въ-самомъ-дёль ... или итть, я думаль... я замётиль, что Харахоровскій не только не отступился оть нашей дочери, какъ ты сказала, а напротивъ

льнеть къ ней больше прежняго. Это было-бы очень неловко для бъднаго Науменки, этой олицетворенной честности, прямодушія. Онъ не далекъ, очень не далекъ; но это не резонъ, чтобы... Словомъ, Надежда Павловна слишкомъ кокетничаетъ съ Харохоровскимъ; я даже хотъль ей это замътить.

прасковья петровна. Не ваше дъло... Это касается до меня.

пыпочкинъ. Тъмъ лучше; ты понимаешь... мнъ-бы очень было неловко приступить къ такому предмету съ Надей... ну, а ты, какъ мать съ дочерью... Это другое дъло.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (повышая голост). Я вамъ сказала, что это не ваше дёло. (Цыпочкинт от страха стеживается. Прасковья Петровна ст досады продолжаетт терзать выдомости. За сценой слышент стукт подтыхавшаго экипажа и вслыдт затымъ звонокт).

II.

ТВ-ЖЕ, ХАРОХОРОВСКІЙ И НАДЯ, которая выбѣгаеть изъ своей комнаты и смотритъ изъ навильона въ садъ; ХАРСХОРОВСКІЙ, входя, кланяется ей съ выраженіемъ особеннаго удовольствія и идеть къ ней, не замѣчая ПРАСКОВЬИ ПЕТРОВНЫ, которая наблюдаеть за ними сквозь вѣтви бесѣдки. ЦЫПОЧКИНЪ выглядываеть изъ-за нея.

пыпочкинъ (вполюлоса). Ну что? правда-ли моя? она его ждала у окна; едва онъ изъ кареты, какъ вотъ ужъ они вдвоемъ.

прасковья петровна. Гдв Науменко?

цыпочкинъ. Въ огородъ, чиститъ гряды. Бъдняжка! только и заботится о спаржъ, да турецкихъ огурцахъ, тогда какъ эта вътренница... (Показывая на Надю, которая разговариваетъ съ Харохоровскимъ). Не помъшать бы имъ?

прасковья петровна (не обращая вниманія на вопрост, про себя). Неужели онъ смъетъ любить ее?

Пыпочкинъ (съ безпокойствомъ). Не совътуешъ-ли прервать ихъ разговоръ?

присыдаеть). Ступайте прочь!.. (Цыпочкинь вскакиваеть). Я вамъ сказала, что это не ваше дъло.

Пыпочкинъ (смотря на въдомости, робко). По-крайней-мъръ отдай мнъ въдомости.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (бросаеть выдомости къ нему на столь). (Про себя). Этого быть не можеть.

Пыпочкинъ (береть uxь). Спасибо, дружекъ мой. (Про ceбя). На силу-то получилъ, пойду заниматься политикой . . (Уходить, надъвая очки).

ХАРОХОРОВСКІЙ и НАДЯ выходять изъ навильона.

ТВ-ЖЕ, неключая Пыпочкина.

прасковья петровна. Они идуть сюда. Неужели она осмѣлится остаться съ нимъ наединѣ? (Поспъшно прячется за бесъдкой). Здѣсь я все услышу.

ХАРОХОРОВСКІЙ и НАДЯ въ бестдить.

ХАРОХОРОВСКІЙ (съ экаромъ). Умоляю васъ, Надежда Павловна, выслушайте меня.

НАДЯ (ощипывая листочки розы). Вы требуете невозможнаго; что вы обо мит сами подумаете, если я соглашусь на подобное предложение?

ХАРОХОРОВСКІЙ. Хотите, я обойдусь безъ вашего согласія?

надя. Вы осмълитесь?

ХАРОХОРОВСКІЙ (*ръшительно*). Говорю вамъ, осмѣлюсь; ровно въ полночь я буду здѣсь.

надя. Вы перелъзете черезъ стъну?

ХАРОХОРОВСКОЙ. Это бездълица. Но для чего лазить, когда можно пройти черезъ дверь?

надя. Какую дверь?

харохоровской. Огородную.

надя (улыбаясь). А кто вамъ ее отворить?

харохоровской (вынимаеть ключь изь кармана). А воть кто.

надя. Ключъ! Онъ пропалъ тому назадъ нъсколько дней, и мы считали его потеряннымъ,

харохоровскій. Вы видите, что онъ потерянъ не для всёхъ.

надя. Такъ это вы его унесли?

харохоровскій. Я самъ.

надя. Знаете-ли, что это далають только воры?

харохоровскій. И влюбленные.

надя. И вы намърены имъ воспользоваться.

харохоровской. Какъ-же!

надя. Это такое безуміе, что даже не стоитъ сердиться?

ХАРОХОРОВСКІЙ Я страшусь вашего гитва, но онт не измѣнитъ нисколько моего намѣренія.

наня. Ну положимъ, что у васъ достанетъ смѣлости войти въ садъ; но знаете-ли, кого вы тамъ встрѣтите?

харохоровскій. Мустафу.

надя. Да, Мустафу, и счастье ваше, если онъ только залаетъ. Недавно онъ чуть не разорвалъ одного работника.

харохоровскій. Но вы забыли, кто вамъ подарилъ Мустафу Все я-же. Умное, вѣрное животное, неспособное сдѣлать непріятности своему старому господину. Онъ ни пикнетъ.

надя (улыбаясь). Не затъмъ-ли вы намъ его и подарили?

ХАРОХОРОВСКІЙ. А почему-же? Я вамъ уже сказалъ, что я все предвижу; по благоразумію мнъ шестьдесятъ лътъ.

прасковья петровна (подходить еще ближе. Про себя). Лукавый человъкъ!

надя (продолжая ощипывать розу съ притворнымъ вниманіемъ). Ну, вотъ вы въ саду; Мустафа вмъсто того, чтобы разорвать васъ, какъ требуетъ должность его, переходитъ на сторону непріятеля. Потомъ?...

харохоровскій. Потомъ я пробираюсь тихими шагами, какъ сильфъ, какъ тънь; черезъ минуту я у окна вашей комнаты, которая, кажется, рядомъ съ этимъ павильономъ.

надя. Потомъ?

ХАРОХОРОВСКІЙ (береть тихо ен руку), Потомь? Послушайте: нъкогда, въ Испаніи, прекрасныя сеноры часто обманывали строгій надзорь, и поздно вечеромь, когда все спало, исключан Амура, показывались изъза ръшетчатаго окна своимъ воздыхателямъ: неужели вы будете жесточе ихъ?

надя. Окно мое низко, и къ тому-же безъ решетки.

харохоровскій. Кажется, есть ставни?

надя. Онъ не замъняютъ ръшетки.

харохоровскій. Чего вы боитесь?

вадя. Чего я боюсь!... Забавный вопросъ. Вора! Отдайте мнъ ключъ.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Ни за что, и если вы меня сравниваете съ воромъ, то знайте, что для счастья видъть васъ, я готовъ прибъгнуть къ средствамъ, употребляемымъ этими господами. Ставни и окно не такъ трудно отворить снаружи, какъ вы, можетъ быть, думаете.

надя. Чёмъ дальше, тёмъ лучше! Я вижу, что вы рёшительно хотите помёшать мий спать, и мий вёрно будутъ сниться всю ночь нападенія, убійства; при малёйшемъ шумё я воображу, что шайка разбойбойниковъ ломится въ мою комнату.

харохоровскій. Въ полночь вы услышите этотъ шумъ.

надя (*серьозно*). А если его услышить еще кто-нибудь, кромъ меня?

жарохоровскій. Я приму предосторожности

надя (встаеть съ живостью). Я вижу, вы просто съ ума сошли.

ХАРОХОРОВСКІЙ (въ восторгь, про себя). О! я достигну цёли. (Одумавшись). Умёримъ восторгъ; женщины не любятъ, чтобы мы радовались въ такихъ случаяхъ.

надя. Пора вамъ войти въ домъ; тамъ ужъ върно знаютъ, что вы пріъхали, пожалуй еще подумаютъ.

ХАРОХОРОВСКІЙ. О, не безпокойтесь! Я видѣлъ издали, какъ мужъ вашъ карабкался по лѣстницѣ на шпалерникъ съ огромною кистью въ р укахъ; это упражненіе слишкомъ для него важно, что бы онъ могъ думать о чемъ-нибудь другомъ; что-же касается до Павла Исаича, онъ теперь вѣрно читаетъ вѣдомости; въ это время обыкновенно позволяется это занятіе.

надя. А маменька?

жарохоровскій (ст язвительным смихомт). Вы меня извините но я люблю правду. — Я готовъ держать пари, что ваша маменька теперь румянится; это ее займеть до вечера.

прасковья петровна (въ порывь гнъва хочеть броситься на Харохоровскаго. Про себя). Ахъ, грубіянъ! насмъшникъ! (Одумавшись). О! я отмщу за себя; но еще рано. (Харахоровскій и Надя скрываются въ одной изъ аллей сада).

THE PERSON NAMED OF THE PARTY OF THE PERSON ther more to a series to asset the

asmin tro a resign, appear are all trained training companying

To the commence of the state of

прасковья петровна и цыпочкинъ (углубленный въ чтеніе въдомостей).

STREET A PERSON DON'T SEE ON TROPING TO SEE THE TO

TAYOR OR ELECTION OF THE PROPERTY OF THE PROPE

цыпочкинъ (читаетъ). «Продается дойная корова, бурая... Сбъжала со двора лягавая собака, кличка ей Кики. Нашедшему дано будетъ приличное награжденіе».

прасковья петровна. Зачемъ вы сюда пришли? я вамъ сказала, чтобъ вы спрятались.

цыпочкинъ (испуганный). Дружекъ мой, что съ тобой? ты вся Красная... точно приливъ крови....

прасковья петровна (ст дикимо смюхомо). Развъ вы не видите, что это румяны. C. Colon Star Pagarant That

цыпочкинъ. Румяны!

прасковья петровна. Да, я румянюсь! ношу парикъ!... Почему знать, можеть быть, и вставные зубы!

цыпочкинъ (ст ужасомъ). Не бълая-ли у нее горячка! (Харохоровский и Надя выходять изь другой аллеи).

The service of the se and and appropriately the transfer of the second of the se

PLANTAGE AND STREET AN

ТВ-ЖЕ, ХАРОХОРОВСКІЙ И НАДЯ. PERSONAL PROPERTY OF STREET

seement to appear the same a seem and delicate transfer

харохоровскій (увидя Цыпочкиных). Прасковья Петровна! Павель Исанчъ! А мы васъ искали по всему саду.

цыпочкинъ (про себя). А меня встрътилъ и притворился, что не замътилъ.

прасковья петровна (ст. принужденною любезностью). Здравствуйте, Савва Саввичъ, мы были дома я не очень здорова.

харохоровскій. Дъйствительно, цвътъ лица вашего измънился, что съ вами?

прасковья петровна (про себя). Извергъ! (Вслуже). Головная

боль.... мигрень.... Я не спала всю ночь.... Мустафа будилъ меня безпрестанно своимъ лаемъ. Но это ничего.... пройдетъ отъ вашей пріятной бъсъды.

Пыпочкинъ (*про себя*). Бъдняжка! она не спала; оттого-то она такъ... немножко и блажитъ съ самаго утра.

ХАРОХОРОВСКІЙ (стараясь нравиться. Подаеть Прасковы Петровны книгу). Воть это развлечеть скорый, чыть я ... послыдній романь Поль-де-Кока... О, не сомнывайтьсь ... его можеть читать пятнадцати-лытняя дывушка ... чистая мораль ... добродытель, разумыется, торжествуеть, порокь наказывается. (Пыпочкину). Я не забыль и вась, Павель Исаичь. (Вынимая изы кармана свертокы бумаги). Вновь изобрытенныя желудочныя пилюли ... одной достаточно; я нарочно взяль для вась.

пыпочкинъ. Благодарю покорно! (Про себя). Какъ-бы не заплатить за нихъ дорого!

харохоровскій (осматриваясь). А гдіз-же самъ властелинъ замка? Я привезъ ему письмо.

надя. Письмо! отъ кого?

харохоровскій. Не знаю, мит его далъ вашъ управляющій домомъ. **надя.** Управляющій?

харохоровскій. Да; отправляясь къ вамъ на дачу изъ города и проъзжая мимо вашего дома, я зашелъ узнать, нътъ-ли чего-нибудь къ вамъ. Вы видите, что я угадалъ.

пыпочкинъ (ст недовольным видомт. Про себя). Всегда такъ: тарабары, да разныя услуги.... Если этотъ бъдный Науменко не разкроетъ глаза, придется мнъ вмъшаться.

прасковья петровна (Нада). Мужъ твой, должно быть, въ огородъ; съ нъкотораго времени онъ только и бредитъ спаржей. Пойдемте къ нему.

ХАРОХОРОВСКІЙ (предлагая руку Прасковы Петровин). Позвольте мнт овладыть вами, Прасковыя Петровна. (Бросаеть Нады выразительный взглядь).

Только что они хотъли идти, науменко показывается въ глубинъ сцены; — онъ тащить на себъ лъстницу и держить въ рукахъ кисть и горшокъ съ краской. Не замъчая общества, приставляеть лъстницу къ шпалернику, снимаеть верхнее платье, влъзаеть и красить ръшетку напъвая: — Віють витры, віють буйны, ажъ деревья гнутся.

VI.

TE-ME H HAYMERKO.

харохоровскій. Какой оригиналь!

цыпочкинъ (съ досадой). Ничего не видитъ.

прасковья петровна (произительным голосом Науменкъ). Вы върно шутите! Не можеть быть, чтобы вы насъ не видали.

науменко (обертывается). Честь имью кланяться. (Продолэкаеть работать).

прасковья петровна (Повелительно). Развѣ вы не видите Саввы Саввича?

науменко. Извините; видълъ, да я съ нимъ безъ церемоніи; онъ не прогнъвается, если я буду продолжать.

ХАРОХОРОВСКІЙ (*смъясь*). Безъ сомнѣнія. Артистамъ никогда не должно мѣшать. Если я не ошибаюсь, вы рисуете фрески?

цыпочкинъ. Сойди, братъ, Бука Ильичъ.... Вотъ къ тебъ письмо. науменко (оглядываясь). Письмо?

ХАРОХОРОВСКІЙ (вынимая письмо изъ бумажника). Изъ Одессы. **НАУМЕНКО.** Ага, изъ Одессы! И вы-же сами и принесли его? (Сходитъ медленно, беретъ письмо изъ рукъ Харохоровскаго, и посмотръвъ внимательно на адресъ, кладетъ его въ карманъ, не распечатавъ).

пыпочкинъ. Не любопытенъ-же ты!

науменко. Я знаю отъ кого. (Надъвая сюртукъ). Теперь я покажу вамъ мою спаржу. (Показывая рукой толщину спаржи). Вотъ какая!

прасковья петровна (отвертываясь ото него со презръніемо). Диковинка какая ваша спаржа! (Уходить во внутренность дома. Надя идеть за ней и садится во павильонь за работу. Цыпочкинь и Харохоровскій также удаляются ото Науменки).

науменко (про себя). Того-то мнъ и хотълось. (Распечатывает полученное имъ письмо и читает со вниманіемъ, разсматривая вложенный въ письмы документъ). Гмъ! Дъло! (Принявъ снова равнодушный видъ, беретъ лейку и поливаетъ цвъты).

VII.

ТВ-ЖЕ кром' ПРАСКОВЫМ ПЕТРОВНЫ.

ХАРОХОРОВСКІЙ (*Цыпочкину съ увъренностью*). Ахъ, да.... Павель Исаичъ, говорила вамъ Прасковья Петровна, что я у васъ беру безъ церемоніи еще двъ тысячи пятьсотъ рублей.

пыпочкинъ (съ недовольнымъ видомъ). Сейчасъ она говорила мнѣ про это.

харохоровскій. Могу я получить эти деньги завтра?

цыпочкинь. А.... (про себя). Гишь какой хвать! точно, какъ онъ у меня просить только цълковый. (Вслужъ неръшительно). Послушайте, Савва Саввичь!... я готовъ отъ души вамъ услужить... Но это дъло щекотливое.... Прасковъъ Петровнъ нътъ возможности противоръчить я не въ укрекъ ей говорю это она не женщина, а просто геній добродътели.... Но кровь-то у нея такая горячая.... Нервная система ея раздражается при малъйшемъ возраженіи, и я, чтобы не разстроить ее здоровья, всегда соглашаюсь съ ней. Я увъренъ, что мигрень ея происходитъ отъ нашего разговора на счетъ этихъ двухъ тысячъ пятисотъ рублей.

харохоровскій (самонадыянно). Что-жъ, вы думаете, что вы рискуете что-нибудь, довъряя мнъ эти деньги?

пыпочкинъ. Нътъ, я ничего не говорю; будь онъ мои, вы-бы ихъ ужъ получили, но деньги эти принадлежатъ моей дочери и я обязанъ отдать въ нихъ отчетъ нашему зятю.

ХАРОХОРОВСКІЙ. О, что касается до этого, я увѣренъ, что Лука Ильичъ нисколько не воспротивится такому употребленію капитала употребленію, которое, кромѣ двойныхъ процентовъ, принесетъ еще неисчисленныя выгоды. Не забудьте, что мои пароходы безъ разрыва....

цыпочкинъ (поспъшно). Ну хорошо, хотите положиться на мнѣніе моего зятя? Если онъ согласенъ, дѣло рѣшено, если-же нѣтъ, не будемъ больше объ этомъ говорить; но въ такомъ случаѣ возьмите ужъ на себя трудъ уговорить Прасковью Петровну.... Я не то, что боюсь ее нѣтъ ... но вотъ кровь-то у нея горячая она такъ ее мучитъ, что мнѣ-бы хотѣлось избѣжать всего, что можетъ ее взволновать.

цыпочкинъ (смотря на Науменку, который поливаеть цвъты. Про себя). Какъ-бы мнъ завести съ нимъ разговоръ незамътно? (Вслухъ). Ну, что, мой другъ любезный, когда будетъ готовъ твой шпалерникъ?

науменко (разсъянно). Скоро.

пыпочкинъ. А ты мастерски владъешь кистью; я увъренъ, что если-бы ты захотълъ, то могъ-бы написать картину

науменко. Можетъ быть.

цыпочкинъ (осматривая вишневое дерево). Ахъ, вотъ будутъ чудесныя вишни. Когда онъ поспъютъ, я не дамъ своей доли воробьямъ...

науменко. Да ... кстати о воробьяхъ; надобно завтра разставить силки.

пыпочкинъ. А когда ты насъ поподчуешь спаржей?

НАУМЕНКО (смотря на него пристально). Вы не съ тъмъ подошли ко мнъ, чтобы говорить о вишняхъ да о спаржъ. Скажите откровенно, вы чего хотите?

цыпочкинъ (конфузясь). Угадаль, брать, угадаль; Богь съ ней, съ твоей спаржей и съ твоими вишнями, мы послѣ съ ними раздѣлаемся; а теперь поговоримъ-ко о дѣлѣ. Тебѣ извѣстно, что я тебѣ долженъ десять тысячъ рублей серебромъ и, по условію нашему, мнѣбы слѣдовало тебѣ выдать ихъ два мѣсяца тому назадъ?..

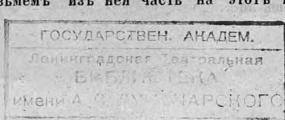
науменко (флегматически). Знаю.

пыпочкинъ (собираясь съ духомъ). Ну, милый мой, такъ вотъ въ чемъ дъло: ты, можетъ быть, знаешь, что нашъ общій знакомый — Савва Саввичъ Харохоровскій, изобрълъ новый родъ пароходовъ безъ взрыва и предпринимаетъ учредить сообщеніе между Россіей и всъми частями свъта?

науменко. Знаю...

пыпочкинъ. Такъ-какъ предпріятіе это объщаеть акціонерамъ неимовърныя выгоды, Прасковья Петровна вздумала воспользоваться этимъ важнымъ изобрътеніемъ. (Теряя смълость). Но не имъя въ настоящую свободныхъ денегь, кромъ суммы, назначенной въ приданое Надъ, жена моя думала... и я также... что ты не будешь на насъ въ претензіи, если мы возьмемъ изъ нея часть на этотъ предметъ, и мы





взяли двъ тысячи пятьсотъ рублей серебромъ на акціи этого великаго предпріятія.

науменко. Знаю.

цыпочкинъ (отдыхая). Да ты все знаешь!

науменко. Все не все.

пыпочкинъ. Но кто-жъ тебъ могъ сказать, что я далъ Харохоровскому двъ тысячи пятьсотъ рублей?

науменко. Самъ Харохоровскій. Доказывая мнѣ выгоды своей аферы, онъ не нашелъ лучшаго средства завлечь меня, какъ объявить, что вы ему содъйствуете.

цыпочкинъ. Такъ онъ и у тебя просиль денегъ?

науменко. А вы, кажется, съ радостью взяли-бы свои назадъ?

пыпочкинъ (смущенный). То-есть ... вотъ въ чемъ дъло: Прасковья Петровна такъ увърена въ успъхъ этихъ пароходовъ, что ейбы хотълось подписаться еще на двъ тысячи пятьсотъ рублей; но какъ мы вынуждены взять эти деньги изъ суммы, принадлежащей тебъ, она думаетъ, что ты согласишься пока получать проценты вмъсто капитала. (Про себя). Уфъ!.. какъ гора съ плечъ свалилась. (Нюхаетъ табакъ, ожидая съ нетерпъніемъ отвъта).

НАУМЕНКО (послы размышленія). Я нисколько не противлюсь. **ЦЫПОЧКИНЪ.** Такъ ты соглашаешься?

науменко. Не только соглашаюсь, но я и самъ хочу воснользоваться такимъ прекраснымъ случаемъ. Это просто кладъ. У меня лежитъ въ ломбардъ пятнадцать тысячъ рублей серебромъ которыя мнъ даютъ только четыре процента; такъ я хочу и ихъ отдать Харохоровскому, вмъстъ съ вашими деньгами, и просить, чтобы онъ принялъ меня въ долю.

про себя). Вотъ тебъ и разъ! это ужъ слишкомъ много! (Вслухъ). Ты, братъ, ужъ черезъ-чуръ смълъ. Подобнаго рода дъла требуютъ размышленія... Пятнадцать тысячь рублей—это въдь капиталъ, а ты знаешь, что весьма неблагоразумно всю армію посылать въ дъло.

науменко. Во-первыхъ эти пятнадцать тысячъ рублей не вся моя армія; а притомъ вы сами-же говорите, что успѣхъ аферы не подлежитъ никакому сомнѣнію.

цыпочкинъ. Конечно ... афера диковинная; но...

науменко. Но?

цыпочкинъ. На твоемъ мъстъ ... я-бы отдалъ эти деньги подъ върные залоги, хотя это приноситъ гораздо меньше выгоды, но оно ... какъ-то ... знаещь-ли... **НАУМЕНКО.** Позвольте, тестюшко; одно изъ двухъ: если вы увърены въ успъхъ этой аферы, въ такомъ случаъ зачъмъ меня останавливать; если вы на нее не надъетесь, тогда для чего-же вы сами даете деньги?

пыпочкинъ (про себя). Попался! (Вслухъ). Я... дъло другое... Прасковья Петровна хочетъ... (Всторону). Попадется-же онъ въ просакъ, и все это по милости Прасковьи Петровны; охота-же ей была втянуться въ эту проклятую спекуляцію. Чортъ-бы побралъ всъхъ аферистовъ!

ХАРОХОРОВСКІЙ (наблюдая за ними во все время, выходить изъ павильона, принимая хладнокровный видъ). Кажется, сраженіе было горячо. Павелъ Исанчъ похожъ на побъжденнаго пътуха. Ну, что! черный или бълый шаръ?

цыпочкинъ. Бълый, бълый!

ХАРОХОРОВСКІЙ. И такъ, Лука Ильичъ согласенъ наше на предложеніе?

науменко (хладнокровно). Съ условіемъ.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Посмотримъ, съ какимъ?

НАУМЕНКО. Съ тъмъ, что кромъ тъхъ акцій, которыя у васъ беретъ Павелъ Исаичъ, вы и мнъ дадите ихъ на патнадцать тысячъ рублей серебромъ.

ХАРОХОРОВСКІЙ (про себя). Еще одинъ въ западнъ! (Вслухъ). На пятнадцать тысячъ рублей. Гмъ!.. я не знаю, легко-ли это будетъ... Напрасно вы мнъ не сказали раньше.

цыпочкинъ. Какъ, развѣ нѣтъ больше акцій? Кажется, я былъ первый подписчикъ, и вы сами мнѣ предложили...

ХАРОХОРОВСКІЙ (не конфузясь). Это по особенному случаю ... впрочемъ, я постараюсь, хотя у меня дъйствительно остается очень мало акцій, но для Луки Ильича ... только для васъ ... я готовъ уступить нъсколько изъ числа оставленныхъ для себя. Мы сказали, на семнадцать тысячъ пятьсотъ рублей.

науменко. На пятнадцать тысячъ.

харохоровскій. Да, я считаю двъ тысячи пятьсотъ рублей Павла Исаича ... Какъ-бы это сдълать?.. Назначимъ свиданіе завтра, хотите?

науменко. Я только-что хотель вамь это предложить. Завтра я должень тхать въ городъ. Свободно вамь въ часъ пополудни?

жарохоровскій. Совершенно.

НАУМЕНКО. Очень хорошо; завтра въ часъ я буду у васъ, съ деньгами.

ХАРОХОРОВСКІЙ (про себя). Побъда! (скрывая восторгъ). И такъ

ръшено; въ часъ. (Смотря на часы). Теперь-же я спъщу въ комитетъ одного благотворительнаго общества, я тамъ членомъ. Что дълать! Надо быть полезнымъ страждущему человъчеству! (Раскланиваясь). До завтра! (Проходя мимо павильона, въ полголоса Нады). Въ полночь! (Про себя). Пойду къ Излеру слушать цыганокъ и подожду тамъ (Уходитъ).

цыпочкинъ (смотря вслыде Харахоровскому). Охъ, ужъ мнё эти аферисты новомодные! зналъ-бы лучше служилъ. Всякъ сверчекъ зналъ-бы свой шестокъ. (Науменкъ). Однако ужъ смеркается, Лука Ильичъ, пойдемъ-ко, сядемъ вдвоемъ въ преферансикъ, по копейке. (Проходя ирезъ павильонъ). А ты что, Надя, такъ поздно здёсь остаешься?... Поиграй-ко мнё на фортепьянахъ, да пропой ... знаешь, этотъ романсъ... какъ бишь его ... да! «Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою»...

надя. Извините меня, папаша, не могу ... я не такъ здорова ... хочу пораньше лечь ... прошедшую ночь совсъмъ не спала ... Мустафа все мъшалъ.

цыпочкинъ. Какъ Прасковъъ Петровнъ! Ну, прощай! Богъ съ тобой! Пойдемъ, Лука Ильичъ! (Уходитъ).

(Надя также уходить въ свою комнату).

are in the state of the control of t

ERFOROTOROUGH APER CONTACT CONTROL OF THE TRANSPORT OF THE CONTROL OF THE TRANSPORT OF THE

НАУМЕНКО, одинъ, ходитъ въ размышленіи взадъ и впередъ, сличая по временамъ вексель, полученный имъ изъ Одессы, съ другими письмами.

Совершенно одинъ почеркъ ... невозможно ошибиться ... стоитъ только взглянуть. Не отвернется-же онъ теперь, голубчикъ! (Задумывается). Впрочемъ, если я буду дъйствовать одинъ, не предваря никого, это покажется невъжливо, даже грубо. Пожалуй еще, скажутъ, что я скрытенъ, недовърч въ, неуважителенъ ... а я не хочу подавать повода къ упреку. Теща моя здъсь глава, слъдовательно прежде всего надо предупредить ее, и теперь же, потому-что завтра я уъду рано утромъ ... прежде, чъмъ она проснется ... Она ложится поздно и я теперь не обезпокою ее. (Уходить черезъ павильонъ. Смеркается).

MANUELLE CHARLE COPUNIC SHEETS DE MICHE A 640 CENTRE SONO CONTRACTOR

TARE IL . (digres son a hangana) for Johl . movo . age ! Brance isks gaz

the service of the se

ensured report and laterative value. They cannot be reported to the laterature of th

REACTORS REFERENCE OF RESIDERAL PROPERTY OF THE PROPERTY OF THE RESIDERAL

ЕГОРЪ, закрываетъ ставни и запираетъ дверь павильона изъ нутра.

with the control of t

Прасковья Петровна приказала особенно запереть дверь этого павильона. Да, говорить, Егорь, спусти Мустафу и не корми его на ночь. Ужъ не Пугачевъ-ли опять идеть ... (Слышень лай Мустафы). Чу! какъ сердится Ну, не желалъ-бы я ему попасться на зубокъ. (Уходить).

Hang chipped starts $\longrightarrow X^{\circ}$ decides an agreem of X° decides X° decides and the starts of the constant starts of the constant of t

MEACEDRES METEORIS.

a hand work, property at a treatment

надя, входить въ павильонъ, осматриваясь кругомъ.

on this and refer to the set of t

Всъ ушли ... ужъ скоро одиннадцать часовъ ... онъ сказалъ, въ полночь. Но нътъ, я надъюсь, онъ не сдълаетъ этой глупости (отворяетъ дверь въ садъ) Я встръчу его здъсь и скажу ему: «да, я васъ любила, но судьба судила иначе: она соединила меня неразрывными ми съ человъкомъ, который, быть можетъ, не имъетъ вашихъ достоинствъ, но я клялась ему въ върности передъ Богомъ и передъ людь. не подвергайте меня огласкъ ... Оставьте меня ми ... Умоляю васъ, навсегда!» . П если послъ этихъ словъ онъ будетъ говорить еще онъ никогда не любилъ меня!.. (Слышент шео любви ... значить лесть листьевь). Кто-то идеть! (Прислушивается). Мнъ показалось... это вътеръ, или птичка шумитъ въ кустахъ. Какая темная ночь! Сердце такъ и бьется ...

Возвращается въ свою комнату, оставя дверь павильона полуотворенною. Въ это время Прасковья Петровна выходить изъ внутренности дома съ потаеннымъ фонаремъ въ рукахъ и сталкивается съ Надей. Надя вскрикиваетъ.

прасковья петговна (открывая фонарь). Кто туть?

надя. Ахъ, это вы, maman! Что съ вами? вы нездоровы? прикажете позвать горничную? прасковья петровна (строго). Никого ненужно; я съ тобой одной хочу поговорить.

надя (всторону). Боже мой! что дълать! онъ скоро долженъ придти; что подумаетъ maman, если онъ застанетъ ее здъсь?

прасковья петровна (осмотрива кругома, становится переда Надей).

надя (принужденно улыбаясь). Ну, право, татап, если вы не перестанете на меня такъ смотръть, я подумаю, что я опять сдълалась маленькой дъвочкой, и что вы хотите запереть меня въ темную комнату.

прасковья петровна. Дай Богъ, Надежда Павловна, чтобы проступки ваши были изъ числа тёхъ, которые наказываются по-дётски; сердце мое не страдало-бы и я-бы могла, наказывая васъ, сохранить къ вамъ уважение.

надя (обиженная). Maman!

прасковья петровна. Да, я ваша мать, оттого-то я и страдаю! Ваша добрая мать — слышите? — не смотря на огорченіе, которое вы мнѣ дѣлаете! Ваша несчастная мать, которая, вмѣсто того, чтобъ гордиться и радоваться вами, какъ они надѣялись, видитъ въ васъ для себя источникъ однѣхъ слезъ и стыда! О да, я ваша несчастная мать! (Утиграетъ глаза платкомъ).

надя (съ безпокойствомъ). Да что-же я сдълала такое, что вы мнъ это говорите?

прасковья петровна. Что вы сдёлали? и у васъ достаеть духа меня спрашивать, что вы сдёлали? Слёна, что-ли, я? Вы думаете, что также легко обмануть мать, какъ вашего простофилю, Луку Ильича? Я знаю все ... все, говорю я вамъ... Такъ вотъ плоды моихъ заботъ и наставленій! вотъ награда моей нёжности! Едва пять мёсяцевъ, какъ за-мужемъ, и уже забыть свои обязанности!.. Нарушить клятвы!.. объманывать честнаго человёка!. Да, мужъ вашъ честный человёкъ, вы не можете его ни въ чемъ упрекнуть! О, это ужасно!

надя (потупляя глаза). Я васъ не понимаю...

прасковья петровна. А! вы меня не понимаете! Хорошо, я буду говорить яснъе: человъкъ безъ правилъ и безъ чести, человъкъ ничтожный и презрънный, Харохоровскій — увлекъ ваше сердце.

надя (съ энергіей). Неправда!

прасковья петровна (съ злобнымъ смъхомъ). Неправда! Да, сегодня неправда; но завтра, если-бы я не была теперь здѣсь, была-бы правда? А что, вы не знаете, что у этого негодяя ключь отъ огорода? Вы не знаете что сегодня-же, черезъ нѣсколько минутъ, онъ долженъ быть здѣсь! Вы всего этого не знаете? Отвъчайте!

надя. Вамъ все извъстно, — тъмъ лучше; теперь выслушайте меня. прасковья петровна (посль минутнаго молчанія, повелительно). Мы поговоримъ объ этомъ завтра; теперь я должна исполнить другую, важнъйшую обязанность. Ступайте въ мою комнату и дожидайтесь!

надя (робко). Что вы хотите здѣсь дѣлать?
прасковья петровна. Встрѣтить этого изверга!

d'autsiel.

надя. Но вы не знаете, какъ я готовилась сама встрътить его и... вы хотите...

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Ни слова больше! (Береть ее за руку и отводить въ домь).

надя (yxodn). Это ужасно!

XI

прасковья петровна (одна, идеть вы сады и прислушивается). Все тихо! Впрочемь, еще рано! (осматриваеть ставни).

nicking at a final position when a conjugate the second property and a second property and the conjugate and a conjugate and a

esta e del Mormo del Merges. O mendi X. Chen neuronement, en Papiraconnelle Lie del Mormo esta del Mormo de Sun del Mormo del Mormo de Sun del Mormo del

прасковья петровна въ саду и науменко выходить изъ дома въ павильонъ.

with an a demonstration of a commencer of the commencer of

науменко. Куда дѣлась Прасковья Петровна? Я стучался къ ней, она мнѣ не отвѣчала, а между-тѣмъ, въ комнатѣ у нея видѣнъ свѣтъ. Она никогда не оставляетъ на ночь огня... Стало быть, она еще не легла ... но тогда-бы она мнѣ отвѣтила ... вѣрно она вышла. Гдѣ-бы она могла быть въ это время!.. Развѣ у жены моей? Вѣроятно ... она только тамъ и можетъ быть. Тѣмъ лучше: я хотѣлъ также объясниться съ моей Надеждой Павловной: ужъ за-одно. (Стучится въ дверь комнаты Нади). Можно войти? (прислушивается). Никто не отвѣчаетъ... (отворяетъ дверь) никого нѣтъ. (Въ эту минуту Прасковья Петровна возвращается изъ сада въ павильонъ. Науменко замъчаетъ ее, про себя) Что-бы это значило? (Прячется въ комнату Нади).

прасковья петровна (въ павильонь, закрываетъ фонарь и садится въ кресла близъ двери. Смотря на часы). Скоро полночь! Еще пъсколько минутъ и мщеніе мое свершится... онъ будетъ здъсь... передо мной... О какъ-же я его накажу. Кто-бы могъ подумать, этотъ человъкъ, котораго пріютили, приласкали, осыпали дружбой и угожденьями ... замышляєть теперь нарушить спокойствіе семейства, отравить на въки жизнь молодой женщины! О! ты жестоко рас каешься въ своемъ поведеніи!.. Но какъ медленно идутъ эти послъднія минуты. (Часы быють полночь). А, наконецъ! Онъ върно уже близ ко гдъ-нибудь. (Слышенъ шумъ). Это онъ! (Беретъ фонарь и становится у самой двери).

XIII.

BEFORE BY THE BEST OF THE PROPERTY OF THE PROP

Тъ-же и харохоровскій; слышень лай собаки.

жарохоровскій (въ глубинь сада). Мустафа! ііі! (Лай прекращается; Харохоровскій идеть ощупью къ дому). Это должно быть ея окно. (Ощупываеть ставни). Заперты? Посмотримь дверь павильона. (Идеть въ дверь). Отперта! (Сталкивается съ Прасковьей Петровной, но не узнаеть ее и принимаеть ее за Надю). Надежда Павловна! О, какъ я счастливъ! Наконецъ я съ вами!

прасковья петровна (открываеть вдругь фонарь у самаго лица Харохоровскаго, который, узнавь ее, отступаеть въ садъ). Это не Надежда Павловна, это я, коварный человъкъ! (Науменко поспъшно выходить изъ комнаты и прячется у двери павильона).

харохоровскій (*опомиясь*). Мое почтеніе, Прасковья Петровна! Судя по блеску вашихъ прекрасныхъ глазъ, я вижу съ удовольствіемъ, что вашъ мигрень прошелъ.

прасковья петровна (возвышая голось). Чудовище!

ХАРОХОРОВСКІЙ (снимаеть шляпу и кланяется съ преувеличенным почтеніемь). Неблагодарный! въроломный! презрънный! (Харохоровскій, не отвычая, кланяется ниже посль всякаго названія).

прасковья петровна (вип себя). Бродяга!

харохоровскій (улыбаясь иронически). На это позвольте вамъ сказать, что гнѣвъ приводитъ васъ въ заблужденіе; бродяги не имѣютъ экинажей, а карета моя дожидается у воротъ.

прасковья петровна. Да, благодаря жертвамъ вашей хитрости, которыя за васъ платять и къ числу которыхъ принадлежу и я.

жарохоровскій. Вы клевещете на себя и на меня, Прасковья

Петровна; у васъ слишкомъ много ума, чтобы быть въ числъ моихъ жертвъ, а у меня его слишкомъ мало.

прасковья петровна. Для того чтобы обманывать? О, у васъ его вдвое больше, нежели для этого нужно.

ХАРОХОРОВСКІЙ (жладнокровно). Неугодно-ли вамъ присъсть, Прасковья Петровна? Я предвижу, что разговоръ нашъ будетъ стольже продолжителенъ, сколько онъ уже интересенъ; что-же касается до меня, я не люблю говорить стоя. (Не дожидаясь отвъта, разваливается на диванъ, стоящемъ въ бесъдкъ. Прасковъя Петровна становится передъ нимъ величественно). Теперь я готовъ съ вами бесъдовать, хоть до угра. По выразительной игръ вашей физіономіи я заключаю, что въ настоящую минуту вы находитесь въ припадкъ сильныхъ ощущеній; потрудитесь объяснить мнъ причину вашего гнъва; можетъ быть, я успокою васъ...

прасковья петровна. И вы спрашиваете причину моего негодованія? Зачёмъ вы здёсь?

ХАРОХОРОВСКІЙ. А, понимаю! Мое присутствіе здѣсь кажется вамъ непростительнымъ преступленіемъ?

прасковья петровна. Да, сударь, этого никогда человъкъ честный не сдълалъ-бы.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Честь должна быть у жейщинъ также, какъ и у мужчинъ. Не забудьте, что всѣ эти звучныя слова, ни что иное, какъ обоюдо-острый ножъ, которымъ защищаясь неловко, легко обрѣзаться. Но не въ томъ дѣло! Что значитъ эта комедія? чего вы отъ меня хотите?

прасковья петровна. Вы любите дочь мою!

харохоровскій. Кто-жъ виноватъ?

прасковья петровна (содрагаясь). Вы сознаетесь!

ХАРОХОРОВСКІЙ. Даже клянусь, хоть-бы и не хотѣлъ... Я-бы радъ васъ обмануть, но могу-ли я выдумать какую-нибудь неправлоподобную ложь, попавшись въ разставленную вами сѣть? Мнѣ ничего болѣе не остается, какъ сознаться наивно въ моемъ ужасномъ промахѣ... Впрочемъ, я не беру на себя всю отвътственность; справедливость требуетъ, чтобы она отчасти и на васъ лежала.

прасковья петровна. На мив!

ХАРОХОРОВСКІЙ. Да, на васъ; вы меня обвиняете, позвольте-же мнѣ оправдаться. Вотъ уже три года, какъ я бываю у васъ въ домѣ, почти всякій день; вы знали про мою любовь и смотрѣли на нее сквозь пальцы, проча дочь свою за меня за-мужъ, а между-тѣмъ высматривали ей женишка повыгоднѣе. Значитъ, я служилъ вамъ только щи-

томъ, чтобы свътъ не перетолковалъ въ дурную сторону мои частныя визиты? Что-же вышло? Послъдствія весьма естественныя, вы должны были ихъ предвидъть: играя роль, которую вы сами мнъ дали, я свыкся съ ней, и привычка довела меня постепенно до того, что видите.

прасковья петровна (съ досады вертить въ рукахъ перламутовую разръзку, забытую на столь). И вы осмъливаетесь говорить мнъ, что ее любите!

жарохоровскій (смотря на ноэкикъ). Какъ я радъ, что это не кинжалъ.

прасковья петровна (ломаеть разрызку и бросаеть обломки къ погамъ Харохоровскаго). Нътъ, для мщенія моего нуженъ не кинжаль — онъ слишкомъ скоро убиваеть.

харохоровскій. Что-же? Есть еще медленный ядъ.

прасковья петровна. Не смотря на весь вашъ умь, не вамъ учить женщину, какъ она должна мстить; предоставьте это ненависти, которую я къ вамъ буду питать съ нынъшняго дня. Не кинжалъ, не ядъ я готовлю вамъ, а позоръ, нищету! Вы видите эту разръзку? Мъсяцъ не пройдетъ — я васъ разобью, уничтожу такъ-же, какъ ее.

ХАРОХОРОВСКІЙ (сбираеть куски перламутра и смотрить на нихъ съ притворнымъ безпокойствомъ). Вы меня пугаете ... Неужели я такъ-же хрупокъ!

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Смъйтесь! скоро вы сами будете посмъшищемъ.

харохоровскій. Я смѣюсь, Прасковья Петровна, единственно изъ вѣжливости и чтобы отдать должную справедливость вашимъ шуткамъ.

прасковья петровна. Моимъ шуткамъ?

харохоровскій. Какъ-же иначе назвать ваши угрозы? Вы вѣрно не требуете, чтобы я принялъ ихъ за серьозное?

прасковья петровна. Онв, напротивъ, очень серьозны.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Въ такомъ случать, потрудитесь повторить ихъ немножко пояснте; чтобы сделать вамъ удовольствіе, я готовъ трепетать всти членами, но прежде я хочу знать, отчего?

прасковья петровна (съ презримиемъ). Вы приняли мое расположение къ вамъ за ослъпление; вы считали меня безразсудной, потомучто на каждомъ шагу я доказывала вамъ мою преданность. Привыкнувъ ко лжи, вы видъли въ вашей благодътельницъ ослъпленную женщину, которая не въ состоянии разсмотръть его дурныхъ качествъ; узнайте же, что я не была въ заблуждении на счетъ вашего настоящаго положения: ваши спекуляции, имена почтенныхъ людей, которые вы всегда выставляете, кредитъ, которымъ вы хвастаете, наружная роскошь, окру-

жающая вась — все это химера, ложь, хитрость! Все равно нуль, и у вась нъть ничего!

ХАРОХОРОВСКІЙ (вскочива ва простію). Прасковья Петровна!

прасковья петровна. Успокойтесь, я еще не все высказала. Да, я разгадала вполнъ, что вы за человъкъ. Не смотря на то, явсе еще надъялась, что помогу вамъ подняться на ноги и сдълаться порядочнымъ человъкомъ. Вотъ что я для васъ сдълала, и вотъ какъ вы меня вознаграждаете! (Закрываетъ лицо руками).

жарожоровскій (холодно). Вы плачете! Ради вашего цвъта лица, я долженъ вамъ замътить, что напрасно вы это дълаете.

прасковья петровна (съ безумнымъ смъхомъ). Ахъ да, я и забыла про мои румяны! (Вдругъ принимаетъ видъ грознаго спокойствія). Но главное, что я хотъла сказать вамъ, что для васъ очень важно и поколеблетъ, можетъ быть, ваше надменное хладнокровіе, это то, что съ этой минуты я буду вредить вамъ съ большимъ усердіемъ, нежели я вамъ помогала. Сердце ваше неприступно, потому-что у васъ нътъ сердца; я атакую васъ съ вашей слабой стороны.

ХАРОХОРОВСКІЙ (улыбаясь безо заботы). Не угрожаете-ли вы моему состоянію?

прасковья петровна. Вашему состоянію? Мит стоитъ только отнять руку, чтобы весь этотъ карточной домъ разрушился.

харохоровскій. Но вы этого не сдълаете.

прасковья петровна. Это ужъ сдълано!

харохоровскій. Въ-самомъ-дълъ?

прасковья нетровна. Я объщала вамъ завтра двъ тысячи пятьсотъ рублей.

харохоровскій. Я на нихъ разсчитываю.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Напрасно; совътую вамъ поискать ихъ въ другомъ мъстъ.

харохоровскій (спокойно усаживается на дивань). Я очень радь, что мы наконець приблизились къ настоящему дёлу. До сихъпоръ я долженъ былъ довольствоваться второстепенной ролью слушателя. Наконецъ, бой рёшительный начинается; я надёюсь, что вы позволите мнё также молвить слова два. Удостойте меня на нёсколько минутъ вашего вниманія, особенно не теряйте нить моей рёчи.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Любопытно, что вы можете сказать въ свое оправдание?

ХАРОХОРОВСКІЙ. (Посль ньскольких минут размышленія, тоном педанта). Я представляю здёсь два лица, человёка свётскаго и человъка дъловаго. Какъ первый, я виноватъ передъ вами, сознаюсь; называйте меня неблагодарнымъ, дерзскимъ, чъмъ вамъ угодно ... даже, знаете что? разыграйте трагедію, заколите меня, я заслужилъ это!.. Не забудьте, что это говоритъ человъкъ свътскій; что-же касается до дъловаго, это совсъмъ другое. Какъ дъловой человъкъ, я ръшительно не признаю надъ собой вашей власти и не даю вамъ ни малъйшаго права мъшаться въ мои дъла. Словомъ, я отдъляю ръзкой чертой афериста отъ друга вашего семейства, и положительно объявляю, что первый не долженъ терпътъ за втораго. Логика моя, можетъ быть, вамъ не нравится!.. Вотъ какое я вывожу изъ нея заключеніе: завтра Науменко долженъ быть у меня и подписаться на значительное количество акцій моего пароходства—за себя и за вашего мужа. Я покорнъйше васъ прошу не разстроивать этого дъла.

прасковья петровна. Зять мой у васъ не будетъ.

харохоровскій. Будеть.

прасковья петровна. Я запрещу ему.

ХАРОХОРОВСКІЙ (деспотически). А я запрещаю вамъ говорить о моихъ дълахъ вашему зятю; вашему мужу, кому-бы то ни было ...

прасковья петровна. Xa! ха! ха! Вотъ это ужъ переходить въ комедію. Вы — запрещаете мнъ? Да на какомъ-же правъ?

хорохоровскій. На прав'т хитраго! Вы находите, что я нео́лагоразуменъ; а вы сами еще неосмотрительнъе меня. Вы говорите, что состояніе мое въ рукахъ вашихъ; а репутація ваша разв'т не въ моихъ?

прасковья петровна (съ достоинствомъ). Моя репутація отъ васъ не зависить.

харохоровскій. Если вы забыли, я напомню вамъ, что у меня достало благоразумія сохранить нѣсколько посланій вашей руки, конечно невинныхъ, но все-же вами писанныхъ. Иногда можно придраться къ самому невинному слову, вывесть заключеніе — поднять грозу ...

прасковья петровна (теряясь). Но это было-бы противно чести. харохоровскій (съ проническимъ смъхомъ). Чести! Вы говорите, что у меня ее нътъ! Нътъ, Прасковья Петровна, неблагоразуміе мое не дошло до того, чтобы уничтожить вашу корреспонденцію. Пятьнадцать записокъ—шутка сказать! Притомъ, я увъренъ, что въ настоящую минуту могу сдълать изъ вашихъ посланій употребленіе очень полезное.

прасковья петровна (встревоженная). Нъть, вижу, я васъ знала не вполив...

ХАРОХОРОВСКІЙ (смотрить на часы). Ужъ второй часъ! какъ скоро идетъ время въ бесъдъ съ вами; но довольно: мнъ предстоитъ много дъла сегодня утромъ, и вы сами, съ вашимъ мигренемъ, направ-

но такъ долго остаетесь на воздухъ. Прощайте-же и не сердитесь на меня. Вы помните мой ultimatum? Война или миръ: выбирайте; что касается до меня, я предпочитаю миръ и не люблю огорчать женщинъ. Науменко объщалъ быть у меня въ часъ. Если онъ не придетъ, или я замѣчу изъ изъ словъ его, что вы наговорили ему противъ меня, такъ ужъ извините — письменный слогъ вашъ пойдетъ въ-дѣло. Теперь позвольте вамъ пожелать покойной ночи. (Останавливается, сдълавъ нъсколько шаговъ). Ахъ, да! я и забылъ, что завтра я у васъ объдаю. Я не замедлю и смѣю надѣяться, что не смотря на это маленькое облачко, вы меня примите съ вашей обыкновенною любезностью. (Уходитъ).

дъйствіе второе.

mentodistrict of the consensation of the course of the consensation of the consensatio

a resource office and a research of AMROTTEL RESERVED BE

kanga mengalan dan kengganan pertangan seriah dan berangan dan kenggan dan kenggan berangan seriah dan kenggan Kenggan seriah dan seriah seriah dan kenggan pertangan seriah seriah seriah seriah seriah seriah seriah seriah

Комната Прасковьи Петровны на дачъ; на лъвой сторонъ диванъ, на правой письменный столъ.

There is define an inform or set H.s. throughout out of man an obvertigen

gumonumus. 1. Ha and extract out bear a real of the sentiment was the out.

прасковья петровна на диванъ.

Ужасная ночь! не сонъ-ли это быль? нътъ, послъднія угрозы его еще раздаются въ ушахъ моихъ... онъ говорилъ мнъ про письма ... потомъ въ глазахъ моихъ потемнъло ... Какое униженье!

A REDIT OF THE REAL PROPERTY OF THE PROPERTY O

CHARLED STR. STREET STREET

прасновья петровна и цыпочкинъ входить осторожно.

пыпочкимъ (съ участиемъ). Я слышалъ, что Надя провела съ тобою ночь; инпрасно ты не прислала за мной, я-бы посидълъ при тебъ, я кръпче ея. **прасковья петровна.** Это вы виноваты, что я нездорова ... ваще упрямство. Вчерашній споръ разстроилъ мои нервы.

пыпочкинъ (робко). Какъ! Развъ ты забыла, дружекъ мой, что я съ тобою во всемъ согласился? Харохоровскій получить сегодня деньги.

прасковья петровна (при имени Харохоровского содрагается). Кто васъ просилъ такъ скоро ръшиться выдать эти деньги!

цыпочкинъ (удивленный). Ты сама, кажется:

прасковья петровна. Я вамъ ни слова объ этомъ не говорила; мы не назначили время для выдачи денегъ; вы всегда иначе перетол-ковываете мои слова.

пыпочкинъ (про себя). Опять раздумала, тъмъ лучше. (Вслухъ). Еще ничего не сдълано, и если ты перемънила свое намъреніе, скажи мнъ только слово, я напишу Харохоровскому, чтобы онъ не надъялся на насъ.

прасковья петровна. Кто вамъ про это говорить?

припочкинъ. Ты знаешь, что я, съ своей стороны, предпочитаю не отдавать этихъ денегъ. Вотъ Лука Ильичъ вздумалъ также взять акціи на пятнадцать тысячъ рублей. Такъ скоро все наше состояніе перейдетъ въ руки Харохоровскаго...-Я не то, чтобы не имълъ къ нему довърія, но не должно никогда посылать всю армію.

прасковья петровна (вскочиво со мьста). Науменко также хочеть взять акціи?

пыпочкинъ. На пятнадцать тысячъ рублей серебромъ. Развъ онъ тебъ не говорилъ?

прасковья петровна. Когда онъ хочетъ подписаться? пыпочкинъ. Сегодня.

прасковья петровна (ст экивостью). Позови его ко мнѣ; чтобъ онъ сейчасъ пришелъ!

Прасковья петровна. Что же вы стоите?

прасковья петровна. Что же вы стоите?

пыпочкинъ (бросаясь въ дверь). Бъгу, бъгу, не сердись.

прасковья петровна (ему вслыдъ). Пусть онъ придеть сюда.

(Пыпочкинъ уходитъ).

CANADAS OF A STORY AND REPORT OF A DESCRIPTION OF THE CHARGE BASES.

ALL A PRODUCTIONS OF THE PRODUCTION OF THE PROPERTY OF THE PRO

nemper y a lefter i terriminario i intermentario more, d'alcomo al 2000 de la 2000 de la 2000 de la 2000 de la La lago tom de la crista de la crista de la lacció de la como de la como esta de la como de la como de la como

strategic of the strate

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА, одня

Lower arrangers and the area statement of him and the property of the restate with the

properties to the state of the second contract the second of the second second second

Теперь и читаю ясно въ душѣ этого жалкаго человька: деньги — вотъ его идолъ! Подъ видомъ дружбы, онъ хотѣлъ только овладѣть нашимъ состояніемъ, и теперь, онъ ужъ не довольствуется этой добычей: ему нужно состояніе дѣтей моихъ. Для него дочь моя ни что иное, какъ оружіе для достиженія цѣли! А она воображаетъ, что онъ любитъ ее! Развѣ такой человѣкъ можетъ любить!.. Но прежде всего нужно возвратить мои письма, во что бы то ни стало; я готова купить ихъ не только цѣной золота, но даже крови. Я не хочу ему дать даже легкаго торжества надъ собою.

The final property of the state of the state

the fill grading with the tree biggins the bree

Foundation of the street of th

прасковья петровна и науменко, съ своей обычной флегмой.

прасковья петровна (смотря на него внимательно). Наружность не воинственная, но выбирать некогда; онъ одинъ можетъ спасти меня. науменко. У васъ есть поручение въ городъ?

прасковья петровна. Я хочу поговорить съ вами о предметь болъе важномъ. Но прежде дайте мнъ честное слово, что вы никому не передадите нашего разговора, никому — слышите? — даже вашей женъ.

науменко. Кчему эта предосторожность? Я знаю и безъ того, что женщинамъ должно довърять только то, что мы хотимъ распустить.

прасковья петровна (съ удивленіемь). А! это ваше правило! науменко. Нътъ, эта наша малороссійская поговорка.

прасковья петровна (смотря на него пристально, про себя). Какая перемёна!.. взглядъ рёшительный, твердый. Я никогда не замёчала въ немъ этого... Тёмъ лучше, онъ будетъ мнё полезенъ. (Вслухъ). Выслушайте меня. Если-бы ваша мать была жива, и кто-нибудь оскорбилъ ее, вы вёрно-бы за нее вступились, употребили-бы всё свои силы, чтобы защитить ее, отмстить за нее? Не правда-ли?

науменко. Это обязанность всякаго.

прасковья петровна (съ притворною ит сностью). Вы имѣлинесчастіе потерять свою мать, но бракъ вамъ далъ другую, которая, хотя и не можетъ замѣнить первой, но, по-крайней-мѣрѣ, старается всѣми силами утѣшить васъ, питая къ вамъ самую нѣжную любовь.

науменко (кланяясь). А!. я этого и не подозрѣвалъ!

прасковья петровна. Мужъ мой и я, мы оба любимъ васъ какъ роднаго сына, и я увърена, что въ случат нужды, вы съумъете исполнить обязанности сыновней преданности.

науменко (скромно). Надъюсь ...

прасковья петровна. Я увърена въ этомъ, потому-что вы человъкъ честный, благородный, словомъ — настоящій малороссъ.

науменко (низко кланяясь). Безъ комплиментовъ.

прасковья петровна. Если-бы и вамъ сказала: «Лука Ильичъ! есть человъкъ, который оскорбилъ меня жестоко, смертельно; онъ первый врагъ мой, заклятой врагъ; мужъ мой старъ, сына у меня нътъ, а сама и слабая женщина: одни вы можете защитить меня; отъ васъ однихъ могу и ожидать помощи и покровительства!» Скажите, другъ мой, что-бы вы тогда сдълали?

науменко (смотрить вы потолокь, сложа руки и вертя пальцами). Что-бы я сдылаль? Право не знаю; вы лучше должны знать, что вы хотите, чтобы я сдылаль?

прасковья петровна (съ презръніемъ). Какъ! Вы мужчина, и не знаете, что отвъчать на подобный вопросъ! Я вамъ говорю о непростительной обидъ, о серьозной опасности. дъло идетъ о жизни или смерти, и вы меня спрашиваете, что вамъ надо дълать! Вы върно не подумали хорошенько, или не поняли меня.

НАУМЕНКО (xладнокровно). Не совсѣмъ. Потрудитесь повторить мнѣ пояснѣе; можетъ быть, я и пойму.

прасковья петровна (отрывисто). Еслибъ вы получили пощечину, что-бы вы сдълали?

науменко. Сдалъ-бы двъ.

прасковья петровна. Вы-бы вызвали на дуэль человъка, который-бы подняль на васъ руку, не такъ ли? А я вамъ сейчасъ доказала, что по силъ связей, насъ соединяющихъ, честь ваша или моя — одно и то-же. Вы оскорблены въ моемъ лицъ ... Теперь понимаете?

НАУМЕНКО. Начинаю ... Вы хотите, чтобы я вышель на дуэль. Позвольте мнъ сдълать на это маленькое замъчаніе.

прасковья петровна (съ недовольнымъ видомъ). Говорите!

науменко (флегматически). Два мъсяца назадъ мы были въ гостиной-вы, жена моя и я. Я лежалъ на диванъ, а вы, считая меня спящимъ, разговаривали у фортецьяно, и вотъ что вы сказали женъ моей: «ты находищь, что мужъ твой простъ, не любезенъ, это правда; но за то у него пътъ ни энергіи, ни характера, ни воли, а это главное: ты изъ него можешь дълать, что хочешь. Повърь мнъ, лучше пмътъ дъло съ глупцомъ, котораго можно водить за носъ, нежели съ упрямцемъ, который самъ захочетъ умничать».

прасковья петровна (смутясь). Я не говорила этого ...

-науменко. Извините, вы сказали. А если, по собственнымь вашимъ словамъ, я человъкъ безхарактерный, безъ энергіи, то какъже мнъ теперь не удивляться? Вы хотите, чтобъ я принялъ на себя роль, требующую непремънно обоихъ этихъ качествъ.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА ($npo\ ceбn$). Какая неосторожность! ($Bc.xy.x_{\overline{o}}$). Отклонять вопросъ, не значить отвъчать на него.

науменко. А вы непремънно хотите, чтобъ я отвъчалъ? Извольте. Вотъ ужъ пять мъсяцевъ, какъ я женатъ. Я помирился съ положеніемъ, въ которое вы меня поставили, хотя-бы очень желаль быть независимъ въ семействъ ... Но вы находите, что это былъ-бы дурной примъръ; а вы въ свою очередь управляете моей женой; изъ чего слъдуетъ, что настоящая здъсь хозяйка вы; я-же едва смъю пригласить пріятеля отобъдать. Люди смотрять на вась всякій разь, какь я имъ что-нибудь приказываю; домъ, садъ, вы все здѣсь перевернули, безъ моего согласія: словомъ, я — нуль. Прекрасно, я не жалуюсь... Но какъ на мит лежатъ иткоторыя обязанности, я считаю себя въ правъ пользоваться и нъкоторыми выгодами. Если-бы полный хозяинъ здъсь быль я, если бы я имъль власть главы семейства, и вы мнъ сказали-бы: «вотъ то и то случилось; это касается до мужчинъ», я-бы вамъ отвътилъ: «да, это мое дъло» и поступилъ бы какъ себъ знаю; но какъ здъсь управляете вы, то вы-же и выходите на дуэль; я ни во что не мъшаюсь.

прасковья петровча (съ презръніемъ). О, какъ я васъ хорошо поняла! Какъ върно угадала я, съ перваго взгляда, что вы ни что иное, какъ слабый и пустой человъкъ.

науменко. Второй томъ Павла Исайча, не такъ-ли?

прасковья петровна (съ гипвомъ). Подите вонъ; я не позволю вамъ при мнъ оскорблять отца вашей жены!

НАУМЕНКО (съ непоколебимымъ хладнокровіемъ). Больше вамъ ничего не нужно?

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (выбытая изъ комнаты, сквозь зубы). Глупець! трусь! (Въ эту минуту Цыпочкинъ отворяетъ осторожно дверь въ мубинъ и входить на цыпочкахъ.)

region de la companya de la companya

re-all-field services and the services of the

науменко п цыпочкинъ.

The professional to the state of the state of the community of the state of

цыпочкинъ. Ну что? о чемъ говорила жена моя?

науменко. На счетъ акцій Харохоровскаго.

пыпочкинъ. Такъ и зналъ. Ну, что-жъ, раздумала?

науменко. Ничего не бывало; я ъду сейчасъ въ городъ... Ахъ, да, гдъ ваши акціи?

цыпочкинъ (вынимая изъ бумажника акціи). Вотъ онъ со мной. науменко (подходя къ письменному столу). Вотъ перо и чернила; потрудитесь перевести ихъ на мое имя; я принимаю ихъ въ счетъ десяти тысячъ рублей, которыя вы мнъ должны.

цыпочкинъ (садясь за столь). Неужели!.. Изволь, батюшка, съ удовольствіемъ (опустивь перо вы чернилицу, задумывается). А Прасковья-то Петровна согласна-ли на это?

науменко. Разумъется. Мы во всемъ согласились съ почтенной матушкой. Пишите скоръй; ужъ поздно, а мнъ надо быть въ часъ у Харохоровскаго.

пыпочкинъ. Ну, коли Прасковья Петровна согласна (падписывает акціи). Вотъ и все... И такъ остается за нами только семь тысячь пятьсотъ рублей серебромъ. Теперь послушай старика, Лука Ильичъ! Подумай хорошенько прежде, нежели ръшишься довъриться Харохоровскому; онъ хитеръ, поумнъе тебя, гораздо поумнъе! Я знаю, онъ тебъ посулитъ Калифорнію,—не поддавайся! На твоемъ мъстъ, я бы прежде разузналъ на счетъ этихъ пароходовъ. Тебъ не къ спъху; пятнадцать тысячъ рублей серебромъ не бездълица; какъ говорится, на улицъ не подымешь.

науменко (улыбаясь). Не безпокойтесь. Хотя вы не полагаетесь на мой умъ, но можетъ быть, я и не такъ простъ, какъ кажусь.

цыпочкинъ (провожая его). А все таки поостерегись...

 $(Yxodsm_{\overline{o}}).$

Квартира **ХАРОХОРОВСКАТО.** Роскошно меблированный кабинеть; столь; на немъ раскрытый большой портфель, въ сумкахъ котораго, между прочими бумагами, видно нъсколько банковыхъ билетовъ. Направо диванъ и столикъ; по срединъ комнаты большой круглый столь, на которомъ лежить планъ пароходовъ безъ разрыва; вдоль стънъ шкафы съ книгами и футлярами, на которыхъ видны надписи, показывающія назначеніе ихъ. Дверь въ глубинъ. **ХАРОХОРОВСКІЙ** на диванъ, въ богатомъ утреннемъ костюмъ. Лакей въ ливрев подаетъ ему кофе, на серебрянномъ сервизъ.

VI.

харохоровскій (*лакею*). Кто-бы ни пришель, меня ни для кого нъть дома, исключая г. Науменки, слышишь! (*Лакей уходитъ*).

харохоровскій (одинъ). Семнадцать тысячь рублей серебромъкушь порядочный! И какъ кстати! Рессурсы мои начинали истощаться, и я не зналъ, что дълать. Люди дълаются съ каждымъ днемъ недовърчивъе... Правда, кредитъ мой начинаетъ здъсь надать; по получения этихъ денегъ, я перенесу центръ моихъ дъйствій въ другое мъсто... Лишь-бы только не помъшала мнъ Прасковья Петровна... Но нътъ, она не посмъетъ ... она у меня въ рукахъ. А жаль, что мнъ не удалось подпустить турусы на колесахъ Надеждъ Павловнъ; она была-бы мнъ полезна, касательно рессурсовъ... муженекъ-то у нее то-же подъ башмакомъ.

лакей (отворяя дверь). Г. Науменко!

харохоровскій (поспъшно садится за бюро и притворяется занятымо). Съ подобными людьми надобно всегда имёть видъ дёловаго человака.

VII.

ХАРОХОРОВСКІЙ И НАУМЕНКО.

харохоровскій (пишеть, не замьчая Науменки).

науменко (смотря на футляры, про себя). Всв принадлежности кабинета афериста — шкапы, футляры ... и върно все пустые...

ХАРОХОРОВСКІЙ (оглядываясь). А! извините, Лука Ильичъ!.. Я такъ занятъ, что и не замътилъ, какъ вы вошли ... прошу садиться. Вы позволите мнъ только кончить письмо.

НАУМЕНКО (садится). Сдълайте одолжение, у меня времени довольно.

ХАРОХОРОВСКІЙ (написавъ инсколько строкъ небрежно). Размалевано хорошо, но самъ чортъ ничего тутъ не разберетъ. (Склады ваетъ письмо). Теперь я весь къ вашимъ услугамъ; но прежде, чёмъ говорить о дълахъ, скажите, какъ увасъ дома! Дамы ваши? здоровы?

науменко. Прасковья Петровна не очень здорова.

харохоровскій. Върно дурно провела ночь?

науменко. Кажется...

харохоровскій (про себя). И мнъ то-же кажется. Но пора къ дълу (разваливается въ креслахъ; вслухъ). Я уже вамъ вчера сказалъ, что акціи моихъ пароходовъ безъ разрыва разбираются съ неимовърной быстротой; вы хватились еще во время ... еще нъсколько дней, и ужъ было-бы поздно. Предпріятіе это представляется съ весьма выгодной стороны, и все объщаетъ намъ самый блистательный успъхъ. Не смотря на то, безъ сомнънія, вамъ любопытно знать нъкоторыя по- дробности касательно цъли, средствъ къ выполненію и результатовъ этого колоссальнаго предпріятія?

науменко. Я васъ слушаю.

жарохоровскій (догматически). Въ короткихъ словахъ, вотъ въ чемъ дъло. Въ сравненіи съ чудесами, произведенными въ Америкъ, и усовершенствованіями, сдъланными недавно въ Англіи и во Франціи, наша паровая навигація еще не достигла полнаго развитія. Пополнить этотъ недостатокъ, значитъ очевидно оказать важную услугу, и я смъло утверждаю, что единственное средство къ достиженію подобнаго результата, состоитъ въ учрежденіи постояннаго пароходнаго сообщенія между Россіей и всъми частями Свъта. Замътьте, что дъло идетъ не о какойнибудь мелочной спекуляціи, я говорю о предпріятіи, основанномъ на прочномъ фундаментъ.

науменко (скромно). Вашъ прочный фундаментъ, я полагаю —

это побольше денегъ.

жарохоровскій. Безъ всякаго сомнінія. Главная пружина торговли—
деньги, особенно въ моемъ предпріятіи: мы посвемъ серебро, а пожнемъ золото. Но перенесемся нісколько въ будущее. Положимъ, что
общество наше уже въ полномъ ходу. Мы учредили между Петербургомъ и главными пунктами Америки, какъ-то: Нью-Іоркомъ, Мехикой,
Антильскими-островами, Ріо-Жанейро и прочее, сообщеніе постоянное,
быстрое, безопасное и экономическое. Постоянное: это очевидно;
стоитъ только построить достаточное количество пароходовъ. Быстрое:
я вамъ сейчасъ докажу, что мы ускоримъ ходъ парохода, противъ

обыкновеннаго, одной милей въ часъ. Безопасное: одно названіе нашихъ пароходовъ показываетъ, что они не подвержены взрыву, потому-что машина опускается въ воду въ случать несчастія. Наконецъ, экономическое, и это главное — намъ не надо угля.

науменко (съ удивленіемь). Вамъ не надо угля?

жарохоровскій (самодовольно). Намъ не надо угля! Позвольте мнѣ пока умолчать, чѣмъ мы его замѣнимъ: въ этомъ состоитъ весь секреть аферы, главная сила, посредствомъ которой мы ниспровергнемъ всякаго рода конкуренцію. Довольно вамъ знать, что проблема мореплаванія отнынѣ рѣшена. Въ чемъ было все зартудненіе? Уголь, занимая много мѣста, препятствоваль, во многихъ случаяхъ, запасаться превизіей на все время путешествія; Океанъ не почтовая дорога, гдѣ-бы можно было произвольно расположить станціонные дворы. Благодаря нашему веществу, замѣняющему уголь, препятствіе это болѣе не существуеть. Я не буду входить въ дальнѣйшія подробности, вы вѣрно уже предвидите неисчислимыя послѣдствія, которыя произойдутъ отъ приложенія новаго двигателя. И такъ, главнымъ ручательствомъ за уснѣхъ нашего дѣла служитъ, во-первыхъ, увеличиніе скорости, а во-вторыхъ— экономія въ издержкахъ.

науменко (склоняясь въ знакъ согласія). Очень ясно.

ХАРОХОРОВСКІЙ (одобренный, продолжаеть съ большой смълостію). Такъ ясно, что не надо быть и негоціантомъ, чтобы понять это. Ясно, какъ дважды—два——четыре. Главное, въ торговлѣ двухъ частей свѣта не должно только упускать изъ виду трехъ вещей: товаръ, тарифъ, транспортъ. Мы не можемъ уменшить цѣну товаровъ и таможенную илату; нужды нѣтъ, мы выигрываемъ на перевозкѣ. Увеличеніе скорости, также весьма важный пунктъ, особенно для произведеній роскоши, подчиненныхъ капризу моды. Кто намъ мѣшаетъ нагружаться подобнаго рода товаромъ въ заграничныхъ портахъ, доставивъ туда наши сырые продукты? Мы можемъ, наконецъ, учредить конторы повсюду и повсюду одержимъ верхъ; вы только представьте себѣ, что мы совершаемъ путешествіе до Нью—Горка, считая переѣздъ черезъ Балтійское Море въ тринадцать дней!

науменко. Въ тринадцать дней!!!

харохоровскій. Это разсчитано. Вы понимаете, — поспѣвая вездѣ первые и имѣя возможность продавать дешевле другихъ, мы, члены компаніи, не будемъ бояться соперничества ни въ какомъ государствѣ; слѣдовательно, успѣхъ нашихъ невзрываемыхъ пароходовъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Кто въ состояніи будетъ бороться съ нами?

Наше горючее вещество отниметь у всёхъ руки съ перваго раза; мы уничтожимъ Голландію.

науменко. Жаль! она въдь научила насъ кораблестроенію.

харохоровскій. Пустое. Самъ Петръ сказалъ, что Россія учится для того, чтобы послъ учить другихъ.

науменко. И Францію тоже?

харохоровскій. Или по-крайней-мѣрѣ, мы принудимъ ее довольствоваться второстепенной ролью. Пусть она тягается на Югѣ, напримѣръ, съ Тріестомъ,—Богъ съ ней; но мы не позволимъ ей соперничать съ нами въ Одессѣ; мы подчинимъ сеоѣ Егппетъ, Востокъ, Средиземное море, Антильскіе острова, Америку, Океанъ. Мы уничтожимъ Англію.

науменко. Вы этакъ уничтожите весь свътъ!

харохоровскій. Любезнъйшій мой! въ торговлъ частенько приходится уничтожать сегодня, чтобы не быть уничтожену завтра. Вся жизнь наша не безпрерывная—ли борьба? Положимъ, что вы торгуете колоніальными товарами: имъя возможность, съ помощію нашихъ пароходовъ, уменшить цъпу сахара въ Мартиникъ по тридцати копъекъ на пудъ, неужели вы остановитесь потому только, что это нанесетъ ударъ французской промышлености? Что вы за глупецъ, не правда—ли? Прежде всего ваша собственная выгода, а тамъ хоть пропадай вся свекловица.

науменко. Совершенная правда, пропадай свекловица.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Я вамъ объясняю эту аферу только въ общемъ ея объемъ, пропуская пропасть подробностей, имѣющихъ, каждая отдъльно, свою собственную важность. О! наша компанія произведетъ великія дъла! Словомъ, она ручается подписчикамъ за десятъ процентовъ, не считая дивиденда, который во всякомъ случаѣ и по самому умѣренному разсчету, долженъ быть втрое. И такъ, отъ сорока до пятидесяти процентовъ на сто: изрядно, неправда—ли?

НАУМЕНКО (съ видомъ убъжденія). Не изрядно, а превосходно! Изъ словъ вашихъ видно, что предпріятіе будетъ имъть огромный уситьхь: просто, кладъ для подписчиковъ.

ХАРОХОРОВСКІЙ (отдыхаеть, прохлаждаясь платкомь, какь опахаломь, про себя). Уфъ, какая галиматья!. Хоть убей, въ другой разъ не повторю... Я не подозръваль въ себъ такого красноръчія... (Показывая на Науменку, который разсматриваеть плань). Только такимъ акціонерамъ и можно пести подобную ахинею. Но пора приступить къ главному (вслухь). И такъ, мы сказали, что вы берете акцій на пятнадцать тысячь?

науменко (флегматически). Позвольте: мы этого совству не сказали.

харохоровскій. Какъ! Мнъ кажется, вы сами назначали эту сумму. **науменко**. Да, вчера.

харохоровскій. Вы раздумали?

науменко. Не раздумалъ, а разсудилъ.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Объяснитесь: хотите вы больше акцій или меньше? **НАУМЕНКО.** Ни больше, ни меньше.

харохоровскій. То-есть, какъ?

науменко. То-есть, ничего.

жагохоговскій (содрагаясь, про себя). Это что значить? (Вслужь). Върно утро вечера мудренье?

науменко. Именно мудренъе.

жарохоровскій (озлобляясь). Не Прасковья-ли Петровна произвела въ васъ перемъну?

науменко. Прасковья Петровна нисколько туть не виновата.

харохоровскій. Я узнаю это.

науменко, Какъ вамъ угодно.

ХАРОХОРОВСКІЙ (старалсь скрыть свою досаду). Если въ одну ночь вы переходите отъ бълаго къ черному, то не будемъ больше объ этомъ говорить. Но позвольте узнать, что мнъ доставляетъ честь видъть васъ?

науменко (жладнокровно). Двѣ причины. Во-первыхъ, три мѣсяца тому назадъ, тесть мой взялъ у васъ на двѣ тысячи пятьсотъ рублей акцій вашего пароходства. Въ настоящее время акціи эти принадлежатъ мнѣ; Павелъ Исаичъ перевелъ ихъ на мое имя. Но я уже имѣлъ честь объявить вамъ, что не желаю участвовать въ вашей аферѣ, и такъкакъ она находится въ самомъ цвѣтущемъ состоянія, я увѣренъ, что вы согласитесь безъ затрудненія взять обратно мои десять акцій за туже цѣну.

харохоровскій (смотря на него съ удивленіемь). Что вы говорите?

науменко. Я говорю, что эти десять акцій при мнѣ; а вонъ тамъ... въ портфелѣ (показывая на бюро) я вижу отсюда гораздо большее количество банковыхъ билетовъ; слѣдовательно, нѣтъ ничего легче, какъ обмѣнять ихъ.

ХАРОХОРОВСКІЙ (разваливается во креслахо, со гомерическимо смъхомо). Почтеннъйшей мой, Лука Ильичь! Я зналъ и прежде, что вы предобрый малый, неподражаемый живописецъ, опытный садовникъ и, въроятно, искуснъйшій игрокъ въ шашки; но я далеко не подовръваль

всъхъ вашихъ талентовъ. Знаете-ли, вы мастерски умъете смъщить и притворяться? Какъ жаль, что вы не актеръ! Въ роляхъ комическихъ вы имъли-бы огромный успъхъ.

НАУМЕНКО (улыбаясь, скромно). Мы сейчасъ возвратимся къ нашимъ двумъ тысячамъ пяти стамъ рублямъ. Теперь позвольте мнѣ объяснить вторую причину моего визита.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Сдълайте одолженіе; случаи посмъяться такъ ръдки! Я надъюсь, что вы соблюли законъ прогрессіи и что второй нумеръ будеть еще забавнъе перваго.

НАУМЕНКО. А вотъ увидите: ў васъ письма отъ Прасковьи Петровны; потрудитесь мнѣ ихъ возвратить.

ХАРОХОРОВСКІЙ (вскакивая, со смьхомь). Такъ вотъ гдъ загадка! Я быль увърень, что это работа Прасковы Петровны! А! такъ она объявляеть войну? Прекрасно! (Надменно). Милостивый государь! я принялъ за простую шутку ваше первое требованіе, и потому только посмъялся; но я вынужденъ принять серьознъе ваши послъднія слова. Достаточно—ли вы обдумали послъдствія этого порученія Прасковы Петровны?

науменко. Прасковья Петровна мит не давала никакого порученія. харохоровскій. Она вамъ не говорила о письмахъ?

науменко. Никогда.

харохоровскій. Кто-же?

науменко. Позвольте мит не отвъчать на этотъ вопросъ.

харохоровскій. Значить, вы дъйствуете лично отъ себя.

науменко. Да.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Въ такомъ случать, вотъ мой отвътъ: хоть вы и зять Прасковьи Петровны, я васъ считаю не вправт мъщаться въ дъла, касающіяся до нея одной, и поэтому не даю вамъ ея писемъ. Что-же касается до вашей первой просьбы,—я продаю акціи, но не покупаю ихъ.

НАУМЕНКО. Я ожидалъ этого двойнаго отказа, а потому принялъ всъ нужныя предосторожности, чтобъ получить ваше согласіе.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Въ-самомъ-дълъ? А въ чемъ заключаются эти предосторожности?

науменко. Сейчасъ узнаете; прошу только прислушать со вниманіемъ.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Съ удовольствіемъ. Я готовъ, если нужно, слушать васъ до вечера. Мив очень любопытно знать, чёмъ вы хотите меня принудить сказать да, когда я говорю *ињт*ъ. Сигара васъ не безпокоитъ?

науменко. Нисколько.

ХАРОХОРОВСКІЙ (закуриваеть сигару, и развалясь въ креслахь, кладеть ноги на бюро, пуская дымь въ потолокь). Тенерь, мой

почтепнъйшей, вы можете начинать; я весь зръніе и слухъ.

науменко (смотря пристально на Харохоровскаго, твердымо голосомо). Развивая ваши коммерческія теоріи, вы, въроятно, воображали, что имъете передъ собой человъка, совершенно незнакомаго съ этимъ предметомъ? Вы ошиблись. Четыре года тому назадъ я былъ товарищемъ бумагопрядильной фабрики, и самъ управлялъ конторою, которая имъла довольно обширныя сношенія, именно, въ конторъ Блюма, Томсона и К°.

ХАРОХОРОВСКІЙ (вздрагиваеть и опускаеть ноги на поль, про себя). Что я слышу!...

науменко (не сводя съ него глазъ). Одинъ разъ, это было 30-го апръля 1845 года, какой - то господинъ Перчаткинъ явился въ кассу для полученія денегъ, по довъренности изъ конторы Рюля и Лентцель (Харохоровскій смущается все болье и болье). Хотя у насъ не было получено отъ нашихъ корресподентовъ никакого предварительнаго извъстія на счеть этой довъренности, мы выдали по ней деньги, потому-что она заключала въ себъ всъ признаки форменности, Несмотря на то, довъренность оказалась фальшивою. При первомъ объясненів, мы въ этомъ убъдились: довъренность вышла дъйствительно изъ конторы Рюля и Дентцеля, но только подпись была поддълана. Мы сделали розыскъ для открытія мошенника. Подозренія нашихъ корресподентовъ пали въ то-же время на одного молодаго человъка, который занимался у нихъ въ конторф и былъ передъ тфмъ уволенъ за многія весьма важиыя пеисправности. Этотъ челов'єкъ назывался Зайченко, но онъ имъетъ также и другое имя... Что-жъ вы не курите? Сигара ваша подухнеть. (Харохоровскій старается курить, но сигара уже потужла). Сравнивая эту фальшивую довъренность со многими бумагами, написанными рукой Зайченка, мы безъ труда узнали одинъ и тотъ-же почеркъ. Очевидно, что этотъ Зайченко, весьма хорошо знакомый съ подписью конторы, гдъ онъ прежде занимался, составиль этоть фальшивый документь, а можеть быть, и многіе другіе. Мы справлялись о мнимомъ Перчаткинъ, по означенному имъ адресу; но, разумъстся, не нашли его, потому-что онъ никогда не существоваль. Казалось, что следь вора пропаль совсемь ... Вскоре другія важивинія двла отвлекли вниманіе наше отъ этого произшествія; мы включили эту сумму въ число убытковъ и забыли объ ней. Но два человъка видъли этого Зайченко въ ту минуту, когда онъ явился въ одинъ былъ кассиръ Ниллеръ, другой — акціонеръ фабрики, который тутъ находился случайно и очень хорошо разглядълъ предъявителя фальшивой довъренности. Этотъ акціонеръ былъ — я.

(Харохоровскій ломаеть съ досады сигару. Науменко хладнокро вно). А мнимый Перчаткинъ, или Зайченко, который носить еще тре тье имя, словомъ этотъ воръ — были вы.

ХАРОХОРОВСКІЙ (вскакиваеть, бросая на Науменко свирыный взглядь). Подлая клевета! низкая ложь! вы заплатите мив жизнью за это оскорбленіе.

науменко. Не думаю; но прежде позвольте мить кончить. У меня память на лица превосходная: ваше лицо поразило меня съ перваго раза. Когда я васъ встрътилъ въ домъ моего тестя, воспоминанія мон пробудились, и я васъ узналъ.

жарохоровскій. Я вамъ говорю, что это подлая ложь!

науменко. Ну-съ на этотъ счетъ будьте спокойны: глазъ и память у меня не обманчивы. Рюль и Дентцель насъ увъдомили, что подозръваемый ими человъкъ называется Савва Зайченко-Харохоровскій. Въ другомъ мъстъ васъ звали просто Зайченко; но, въроятно, найдя, что имя это отслужило свой срокъ, вы его бросили и довольствуетесь только Харохоровскимъ; какъ бываетъ часто въ сраженіи: раненую лошадь бросаютъ и берутъ здоровую.

ХАРОХОРОВСКІЙ (задыхаясь ото бышенства). Хорошо!.. продолжайте ... Когда вы кончите, мы раздълаемся.

науменко (не теряя хладнокровія). Я могь бы тогда-же сорвать съ васъ личину; но я не привыкъ дъйствовать неосмотрительно. Я ръшился обличить васъ съ неопровержимыми доказательствами въ рукахъ. Я выписаль отъ Блюма-Томсона фальшивую довъренность и всю перениску. Въ ожиданіи желаемой присылки, прошло пять мъсяцевъ, въ теченіе которыхъ я по-неволъ принужденъ былъ териъть у себя въ домъ, за моимъ столомъ человъка, которымъ прельстилось семейство жены моей, не подозръвая, что онъ ничто иное, какъ плутъ.

ХАРОХОРОВСКІЙ (замажива чев на Науменко). Дерзкій!

науменко (схватываеть его руку и, сильно опуская ее, принуждаеть Харохоровскаго състь). Еще немножко потерпите, я сей-чась кончу: письмо, которое я ждаль, чтобы окончательно уличить вась, наконець пришло вчера, и вы были такъ добры, что сами привезли его. Всѣ докуменны, обвиняющіе васъ при мнѣ, вотъ здѣсь, въ бумажникѣ. Хотите ихъ получить обратно, ладно! А нѣть—предупреждаю васъ, прямо отсюда я представлю ихъ въ судъ.

ХАРОХОРОВСКІЙ (посль ныскольких минуть размышленія). Что вы хотите за нихъ?

науменко (показывая на портфель). Пятьдесять вонь этихъ

серій въ промънъ моихъ десяти акцій и пятнадцать записокъ Прасковьи Петровны.

ХАРОХОРОВСКІЙ (отсчитываеть серіи изь своего портфеля, потомь изь ящика своего бюро вынимаеть связку писемь). Воть письма.

науменко (принимая ихъ). Позвольте перечитать?

ХАРОХОРОВСКІЙ (улыбаясь злобно). О, извольте. (Про себя). Нечего дълать! Изъ двухъ золъ меньщее.

НАУМЕНКО (пересчитавъ). Пятнаднать ... счетъ въренъ. Теперь потрудитесь завернуть ихъ и запечатать вашей печатью.

жарохоровскій (береть большой листь бумаги). Кчему эта предосторожность?

НАУМЕНКО. Я не хочу, чтобы Прасковья Петровна думала, что я читалъ ея письма.

ХАРОХОРОВСКІЙ (запечатавъ, отдаетъ пакетъ вмъсть съ серіями Науменкъ, который возвращаетъ ему акціи и довъренность).

НАУМЕНКО (прячеть деньги и письма вы кармань). Время не нотеряно.

ХАРОХОРОВСКІЙ (выхвативо акціи и довъренность изо руко Науменки, смешаето ихо на свычкы и растатываето пепело ногами). А ... все кончено! остается послёдній разсчеть. На чемъ вы хотите драться?

НАУМЕНКО (улыбаясь). Я не дерусь никогда, а ужъ если придется, такъ на натуральномъ оружіи.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Такъ вы отказываетесь отъ дуэли? **НАУМЕНКО**. Ръшительно.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Но я заставлю васъ! Вы нанесли мнѣ смертельную обиду и хотите, чтобы я перенесъ ее молча? Вы съ ума сошли, мой почтенный! Мы будомъ драться, и не завтра, а сегодня-же. Согласитесь лучше добровольно и немедленно... если не хотите, чтобъ я...

НАУМЕНКО. Не совътую вамъ повторять этого жеста ... во второй разъ я могу быть менъе терпъливъ и, пожалуй, этакъ немножко выброшу васъ въ окошко ... не забудьте, здъсь третій этажъ! (*Pacnpaвляетъ руки*).

ХАРОХОРОВСКІЙ (всторону). Отъ этого быка все станется. (Вслуже). Я вамъ говорю, какъ джентльменъ, а вы мнѣ отвѣчаете, какъ извощикъ!

НАУМЕНКО. А что-жъ извощикъ? Извощикъ не поддълывается подъ чужія руки.

ХАРОХОРОВСКІЙ (задыхаясь от гньва). Послушайте ... мы здёсь одни, здёсь съ вами толковать нечего ... но въ первый разъ, какъ я васъ встрёчу въ обществе, я вамъ не советую близко подходить ко мне; не то ... клянусь вамъ честью, где-бы я васъ не встретилъ, я изломаю объ васъ мою трость. Увидимъ, какъ вы тогда откажетесь драться!

НАУМЕНКО (съ флегмой). Я васъ приколочу, но драться мы не будемъ; если-бы вы были только дуэлистъ, я, можетъ быть, и сдълальбы такую глупость, куда ни шло! Но ты сверхъ того плутъ, нътъ такого закона чести, который-бы заставлялъ драться съ плутами.

ХАРОХОРОВСКІЙ, (вить себя). Вы хотите, чтобъ я васъ убилъ!

науменко (улыбаясь). Это меня не тревожить. Вызвать на дуэль противника, зная его мирныя правила, и когда самъ попадаешь въ туза, на это ненужно большой храбрости; но убить человъка — другое дъло: туть нужна смълость. Если вы купили свой фальшивый актъ, такъ ужъ меня не убъете. (Встаеть, береть такпу и медленно идеть къ двери, не поклонясь Харохоровскому).

ХАРОХОРОВСКІЙ (опомиясь, бросается къ нему). До свиданія ... Сегодня я объдаю у вашего тестя ... вы тоже будете ... Тамъ, въ присутствіи всего вашего семейства, я вамъ дамъ пощечину ... не надъйтесь на свои извощичьи кулаки: я буду вооруженъ, и при первомъ вашемъ движепіи, я раскрою вамъ черепъ!

науменко (беззаботно). Спасибо, что предувъдомили. (Уходить).

ХАРОХОРОВСКІЙ (ему всятьдь). До свиданія!.. (Оставшись одинь). О! какая неожиданная перемѣна! все рушилось... въ одно мгновеніе... я разоренъ... послѣдняя моя надежда, письма, вырваны изъ рукъ и, въ добавокъ этотъ чурбанъ въ продолженіе двухъ часовъ потѣшался надо мною!.. О мщеніе, они заплатятъ мнѣ дорого! (Звонить. Лакей является). Карету и одѣваться! (Уходить въ боковую дверь).

Аекорація перемыняется.

Гостиная на дачъ Цыпочкина. Налъво дизанъ; передъ нимъ круглый столь, превращенный на время въ письмемный, кресла. Направо дверь въ кабинетъ Науменки. Въ глубинъ три двери, ведущія въ столовую; онъ затворены. Налъво дверь въ кабинетъ.

VIII.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА лежить въ изнеможении на диванъ. **ЦЫПОЧКИНЪ** пишеть у стола, передъ нимъ лежить изсколько готовыхъ писемъ.

пыпочкинъ. «Павелъ Исанчъ и Прас-ко-вья Пет-ровна Цы-почки-ны имъ-ютъ честь увъ-до-мить Три-фо-на Си-до-ро-вича Горемыку.» (Останавливаясь). Это мой лучшій другь! старый другь! (продолжаетъ читать). «И супругу его Аграфену Карповну, что объдъ ихъ, по случаю внезапной бользни Прасковыи Петровны, отлагается.» (Про себя). Въ десятой разъ иншу одно и тоже ... (Любуясь иочеркомъ). А какой почеркъ-то!.. чудо! (Смотря на Прасковью Петровну). Бъдняжка! все для нее тружусь.

прасковья петровна. Ну, что-жъ, скоро-ли конецъ? пыпочкинъ. Сейчасъ, дружекъ мой; еще одно (numemo).

IX.

TE-ME II HAYMERKO.

пыпочкинъ (увидъвъ Науменку, встаетъ съ живостью). А!.. Наконецъ я тебя поймалъ. Хорошъ молодецъ, куда хорошъ!

науменко. Что такое?

пыпочкинъ. Какъ-же ты меня увърилъ давича, что Прасковья Петровна согласилась передать тебъ акціи? А теперь она меня бранитъ; какъ-будто я могъ отгадать, что ты это выдумалъ изъ своей головы. (Жепь). Дружокъ мой! вотъ спроси его ... пусть онъ объяснится самъ. (Науменкъ). Ну ка, Лука Ильичъ, изволь отвъчать, сказалъ ты мнъ или нътъ, что дъйствуешь согласно съ Прасковьей Петровной?

науменко. Сказалъ

цыпочкинъ. Ну, вотъ изволите видъть.

прасковья петровна. (*Науменки*). Вы осмъливаетесь утверждать, что я согласилась?

науменко. Вы мнъ ни слова на счетъ этого не говорили. (Цыпочания и Прасковья Петровна переглядываются и осматривають Науменко съ безпокойствомь).

про себя). Да онъ, кажется, нализался въ городъ. . Ужъ не Харохоровскій-ли напоилъ его, чтобы получше ощипать ...

прасковья петровна (Науменкть). Объясните-ли вы, наконецъ, что это значить?

науменко. Съ удовольствіемъ. Я не могъ располагать акціями, пока онъ не были моей собственностью, и чтобы заставить вашего мужа передать ихъ мнъ, я не нашелъ лучшаго средства, какъ подъйствовать на него вашимъ именемъ.

цыпочкинъ (трепеща). Ты осмълился передать акціи?

наумико (смъясь). Осмълился.

цыпочкинъ (*про себя*). Это вино придаетъ ему смѣлость; я никогда не видаль его въ такомъ видѣ.

прасковья петровна. Я теряю терпъніе. Скажите вы мнъ или нътъ, что вы сдълали съ акціями?

науменко. Да говорится: утро вечера мудренте. Замтчаніе Павла Исаича касательно непрочности нткоторых коммерческих предпріятій, показалось міть сегодня утромъ весьма основательнымъ, хотя вчера я съ нимъ и не соглашался. Витето того, чтобы взять у г. Харохоровскаго новыя акціи, я возвратилъ ему старыя.

прасковья петровна и цыпочкинъ (вмпств). И онъ взяль ихъ? науменко. Разумъется, воть и деньги. (Вынимаеть изъ бумаженика серіи и кладеть ихъ на столь).

пыпочкинъ (протягивая съ радостью къ нимъ руки). Вы вырвали деньги изъ когтей Харохоровскаго, и онъ не сдълалъ никакого затрудненія?

науменко. Да, съ начала; но мы наконецъ сошлись. И такъ вотъ ваши двъ тысячи пятьсотъ рублей. Хотите ихъ оставить у меня въ счетъ приданаго вашей дочери, я возьму ихъ; а не то отдадите миъ всъ виъстъ — я и на то согласенъ.

посль. Прежде всего, милый мой Лука Ильичь, прости меня за дурную мысль: я вообразиль, что ты въ городъ подгуляль и что этотъ краснобай Харохоровскій тебя провель; а выходить напротивь, что ты

его мастерски поддълъ. Ты, братъ, себъ на умъ ... а съ виду кажется воды не замутишь ... (Прасковья Петровна во все время наблю-даетъ внимательно за Науменкой).

прасковья петровна (прерывая Цыпочкина, съ притворнымъ равнодушіемъ). Что, вы кончили письма?

цыпочкинъ. Только адресы надълать.

прасковья петровна ($npo\ ceбn$). Надо удалить его. (Bcnyxv). Я сама напишу. Подите, скажите Егору, чтобъ онъ былъ готовъ; надобно разнести ихъ поскорѣе

науменко. Такъ это циркулярно?

цыпочкинъ. Ты знаешь, мы пригласили сегодня человѣкъ десять объдать: но Прасковья Петровна не очень здорова, и мы ръшились отложить.

прасковья петровна. Я вамъ сказала, чтобы вы шли къ Егору. цыцочкинъ. Бъгу, бъгу, дружокъ мой. (Уходитъ).

X. And Son Anterior

ТВ-ЖЕ кромъ ЦЫПОЧКИНА.

прасковья петровна (садится за столь, надписываеть нъсколь ко адресовь, пото нь обращается нь Науменки, притворяясь равнодушной). Такъ вы видъли Харохоровскаго?

науменко. Только-что отъ него.

прасковья петровна. Когда вы предложили взять обратно акціи, онъ не сдълалъ никакихъ затрудненій?

науменко. Я отстранилъ ихъ.

прасковья петровна. А какими средствами?

науменко. Цъль достигнута — и довольно.

прасковья петровна (падписавт еще пъсколько адресовт). Вы только объ акціяхъ говорили?

науменко. Мы говорили о разныхъ разностяхъ.

прасковья петровна (съ беспокойствомъ). А, а! Но върно ни о чемъ важномъ что-бы стоило передать мнѣ?

науменко (смотря на нее съ сожальніемъ, про себя). Бъдная женщина! Утъшу ее. (Вынимаетъ свертокъ писемъ, и кладетъ его на столъ).

прасковья петровна (береть съ удивленіемъ свертокъ, и замитивъ псчать Харохоровскаго). Его печать! (Распечатываеть съ поспъшностью. Письма разсыпаются передъ ней; въ сильномъ волненіи). Мон письма! (Встаеть и береть руку Пауменки). О! я вамь обязана болье, чъмъ жизнью.

НАУМЕНКО (х. гаднокровно). Спрячьте ихъ. (Прасковья Петровна собирает в письма; хочет спрятать ихъ, но вдругъ останавливается и начинаетъ ихъ считать). Напрасно, всъ цълы.

прасковья петровна. Всв!

науменко. Пятнадцать.

прасковья петровна (смущаясь). Вы считали ихъ?

НАУМЕНКО. Только считаль; но не читаль, печать вамъ служить доказательствомъ!

прасковья патровна. О! вы благороднъйшій человъкъ! я никогда себъ не прощу обращенія съ вами сегодня утромъ. Я усомнилась въ васъ въ ту самую минуту, когда вы мнъ оказывали услугу, за которую я готова заплатить всей моей жизнью.

науменко. Вы можете заплатить мнъ гораздо дешевле.

прасковья петровна (съ готовностью). О! говорите!

НАУМЕНКО. Я вижу, вамъ теперь лучше. Сдълайте мнъ удохольствіе, не откладывайте вашего объда.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (немедленно разрываеть письма). Это шутка. Требуйте отъ меня услуги серьозной. (Цыпочкинь входить неоэкиданно).

when the same of the same of the XI.

ТЪ-ЖЕ и ЦЫЯОЧКИЯЪ сопровождаемый ЕГ. РОМЪ.

цыпочкинъ. Вотъ и Егоръ! (Замъчая на полу клочки разорванныхъ писемъ). Мои письма! А я цълыхъ два часа трудился. (Смотря на Прасковью Петровну). Что-жъ, развъ онъ дурно были написаны?

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Кто вамъ говоритъ про это! я раздумала.... объдъ будетъ.... и притомъ ужъ теперь поздно разсылать письма.

Пыпочкинъ. Дружекъ мой, позволь тебъ замътить, что при твоемъ состояніи здоровья, это не благоразумно....

прасковья петровна. Миз лучше.

цыпочкинъ. Тебъ такъ кажется, но на самомъ дълъ....

прасковья петровна. Я вамъ говорю, что мит лучше.

ЦЫПОЧКИНЪ. Я-бы душевно желалъ, чтобы это было правда, но мнѣ кажется, это невозможно....

прасковья петровна. Послушайте, Павелъ Исаичъ! Если вы не хотите, что-бы я опять была больна, не говорите со мной. Извольте лучше отправляться и распорядитесь, чтобы все было готово. Слышите! цыпочкинъ (уходя, про себя). Лучше ужъ не говорить ничего....

дивода войнать безована динах и под хип. ПХ под делова и образования в под селования под селования

ement alemningue armi alemnos e chemical una subarmoste control describe

обранит виду драги постава же, крома дыпочкина. Возглиний по пред до не и далиний на пред на пред до не и далиний пред на пре

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Теперь мы одни; разскажите мнѣ подробно, какъ все случилось, какимъ волшебствомъ вы восторжествовали надъ Харохоровскимъ?

науменко. Къ чему? Забудемъ лучше прошедшее, для меня — его какъ не бывало. Вы мать жены моей — этого достаточно; остальное до меня не касается. Важнъе всего, что мы избавились отъ человъка опаснаго во многи хъ отношеніяхъ.

прасковья петровна. О да, все кончено, я надфюсь. — Онъ также приглашенъ сегодня объдать, но върно не будетъ.

науменко. Будетъ.

прасковья петровна. Какъ! онъ осмълится?

науменко. Осмълится... чего другаго, а смълости у него много. Но успокойтесь, я буду съ вами.... Примите его, какъ обыкновенно и, что-бы не случилось, не пугайтесь, я все беру на себя.

прасковья петровна (смотря на него пристально, про себя). Странная перемъна! (Вслухъ, съ принужденной улыбкой). Право, я не узнаю васъ, Лука Ильичъ: до-сихъ поръ вы были такъ скромны, такъ кротки, такъ тихи!...

науменко. Какъ мокрая курица, не правда-ли?

прасковья петровна. Я этого не говорю.

науменко. Но думаете, это совершенно все равно. Что делать, по чтеннъйшая матушка, день на день не приходится.

прасковья петровна. Характеръ не можетъ такъ скоро измъниться.

науменко. Да онъ и не измънился. Я сегодня тотъ-же, что вчера. прасковья петровна. Однакожъ, вашъ взглядъ, вашъ голосъ, ваша осанка, все мнъ кажется ново. Это просто загадка!

науменко. Хотите разгадать ее?

прасковья петровна. Я женщина....

науменко (серьозно). А я мужчина; мужчина, а не автомать, какъ вы до-сихъ-поръ думали. Вотъ вся загадка. Я объясню вамъ ее въ двухъ словахъ. Я не танцоръ, не шаркунъ, не говорунъ; у меня неталантовъ нътъ никакихъ; но я, съ позволенія сказать, честный человъкъ, другъ правды, а ужъ въ обязанностяхъ — то-же, что солдатъ во фрунтъ. Женитьбой я не шутилъ, а хотълъ быть хорошимъ семьяниномъ, составить счастье жены и жить въ любви и миръ съ ея се мействомъ. Но видите-ли, дядъ моему захотълось поскоръй меня женить: тяпъ да ляпъ, и обвънчалъ насъ, прежде чъмъ я успълъ хорошенько съ вами ознакомиться. Вы желали слышать правду, такъ ужъ теперь не прогнъвайтесь! Ни въ васъ, ни въ дочери вашей на нашелъ я ни малъйшаго сочувствія! Лучшія предположенія души моей приняты вами холодно и безъ вниманія. Я не говорю о мужѣ вашемъ, это прекраснѣйшій человъкъ! Но вы, отъ кого больше всего зависъло мое семейное счастье, вы отказали мнъ въ своей помощи. Мое вниманіе, моя почтительность, покорность моя, все было обращено вами въ насмѣшку, а жена моя съ точностью во всемъ подражала маменькъ.

прасковья петровна. Поведеніе жены вашей до меня не касается. науменко. Какъ! поведение дочери не касается до матери! Для чего - же законы возлагають на родителей отвътственность за пороки дътей. Еслибъ Надежда Павловна не имъла безпрестанно передъ глазами дурнаго примъра, она всегда уважала - бы доводы мужа, и миъ теперь не пришлось-бы подчинить ее моей власти. Но всв недостатки ея происходять отъ васъ, и только поэтому я къ ней и снисходителенъ. Спустя недълю послъ моей сватьбы, я все поняль, да не хотълось шума, огласки — а то-бы я тогда-же поставилъ всякаго на свое мъсто. Но я покорился необходимости, скръпя сердце, и сдержаль въ уздъ свой характеръ, обыкновенно не совсъмъ покорный. Пять мъсяцевъ я выказывалъ терпъніе, равнодушіе, покорность, словомъ, былъ ручнымъ ... да, ручнымъ, слово это хорошо выражаеть мою мысль; я разсчиталь, что если не укрощу вашего деспотическаго духа этими мягкими средствами, такъ по-крайней-мъръ буду имъть право, купленное дорого, противупоставить мою твердость вашему упрямству. Срокъ наступилъ: пора намъ обмъняться ролями. Съ нынешняго дня у насъ будетъ новый порядокъ.

HEITA HERON

прасковья петровна (смущенная). Что это, ссора? Неужели у васъ такъ мало великодушія, что въ ту самую минуту, когда вы мнъ оказываете такую важную услугу, вы хотите со мной поссориться за пустое недоразумъніе, которое такъ легко поправить.

науменко. Ссоры — нътъ, не будетъ, если вы сами этого не захотите. Вы теща моя, и всегда найдете во мнъ должноя вниманіе, уваженіе, попеченіе и прочее и прочее; что-же касается до управленія домомъ, такъ ужъ извините, это дъло мое, а потому прошу васъ покорнъйше не забывать, что съ нынъшняго дня здъсь одинъ хозяинъ — я! (Кланяется почтительно и уходитъ).

where Course Charles for the soft XIII.

The principal of the control of the

arrestanting state of the agreed a continue of the same agreed and the same agreed and the same agreed and the same agreed and the same agreed agreed and the same agreed agreed agreed and the same agreed a

to the part of the control of the c

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА одна.

Власть моя кончена ... и я должна покориться ... но при первомъ удобномъ случав я увезу Павла Исаича куда-нибудь подальше .. а то еще пожалуй и заразится ... (послы непродолжительнаго размышления). Какъ наружность обманчива! Могла-ли я ожидать, что этотъ простякъ, тюря, какъ мы его называли, въ-самомъ-дълъ ... Но, какоето предчувствие говоритъ мнв, что еще не все кончено и быть грозв ... (Авери въ глубинъ растворяются, въ столовой видънъ накрытый столъ, около котораго суетится Цыпочкинъ, Егоръ. Надя выходить изъ двери павильдна. Гости начинають съвзжаться).

XIV.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА на диванъ, НАДЯ подів нея, ДЫПОЧКИНЪ въ столовой.

цыпочкинъ (Егору). Бълое вино поставь сюда, а красное сюда... принеси льду... да скажи Матренъ, чтобы она погодила ставить пирожки... да чтобы хорошенько застудила желе (подходя къ Прасковыть Петровню). Дружекъ мой, все готово. (Входить Трифонъ Сидоровичь съ женой). А, другъ мой! всегда первый, вотъ за это люблю.

ДРУГЪ. О да!

дыпочкинъ (смотря въ окно). А вотъ и Лука Ильичъ съ цълой компаніей идетъ сюда; върно показывалъ свою спаржу.

Andrews and antiques that even XV.

ТВ-ЖЕ и НАУМЕНКО въ сопровождении четырехъ молодыхъ людей.

Estados de la companya del companya de la companya del companya de la companya del la companya de la companya d

tions a representation of the state of the s

науменко (молодымъ модямъ). То, что вы видите здъсь, ничего не значить ... а вотъ, милости прошу ко мнѣ въ Малороссію ... тамъ я васъ поподчую арбузами, вотъ ... (ищетъ предметъ для сравненія). какъ-бы вамъ не солгать ... (показывая на голову Трифона Сидорыча) вотъ больше головы Трифона Сидорыча! (Другъ разъваетъ ротъ). Ну, что Трифонъ Сидорычъ! какова погода? жарко?

другъ. О да!

- (Поджарый молодой человькъ рисуется пер'едъ дамами, которыя не обращають на него вниманія. Прасковья Петровна оглядывается съ безпокойствомь всякій разъ какъ входить новое лицо).

поджарый. Представьте себъ, Прасковья Петровна ...

прасковья петровна (смотря на дверь). Все не онъ!..

поджарый. Представьте себъ, Надежда Павловна ...

надя (смотря на часы). Онъ върно не будетъ.

поджарый (съ отчаннія пускается въ разговоръ съ женой Трифона Сидоровича). Представьте себъ, Аграфена Павловна ...

цыпочкинъ (ходить изъ угла въ уголь, обдумывая плань). Не знаю какъ приступить ... Прасковья Петровна, кажется, не въ духѣ... взволнована ... (къ полголоса женть). Дружекъ мой, скоро пять часовъ, върно Харохоровскій не будетъ, въдь мы съ нимъ безъ церемоніи. Не пора-ли подавать кушать?.. Все переварится ... курица ...

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Оставьте меня въ покоъ съ вашей курицей. (Раздается сильный ударъ звонка, Прасковья Петровна вздрагиваетъ).

егоръ (громко). Савва Савичъ Харохоровскій!

(Харохоровскій входить въ изысканномь туалеть, съ хлыстикомь въ рукахъ и лорнетомь, кляняясь Присковы Петровны съ особенною въжливостью).

ХАРОХОГОВСКІЙ. Какъ вы провели ночь?.. довольны—ли вы ... своимъ здоровьемъ ... (Бросаетъ Надеждій Павловнію выразительный взглядъ). А вы, Надежда Павловна? (Лорнируетъ все общество. За мьтивъ Науменку, который обрятясь къ нему спиной, разгоса риваетъ въ группъ молодыхъ людей. Про себя). А, вотъ онъ .. (Дерзко). Я удивляюсь, господинъ Науменко, что вы позволили себъ придти сюда, зная что я здъсь буду! Я кажется, довольно ясно сказалъ вамъ сегодня утромъ, чтобы вы со мною не встръчались? Если у васъ такъ слаба память (вертя хлыстикомъ)... я ее укръплю.

(Общее удивленіе. Прасковья Петровна и Надя встають. Пыпочкинь хочеть идти уговаривать Харохоровскаго, но другь его удерживаеть).

науменко (хладнокровно дълая знакт рукой Харохоровскому). Сію минуту! (Обращаясь къ молодымъ людямъ). Господа! пожалуйте со мной. (Авлая нъсколько шаговъ къ Харохоровскому). Милостивый государь! завязка этой комедіи слишкомъ любопытна, чтобы заставить долго ждать развязки.

харохоровскій. Чемъ скорей, темъ лучше.

цыпочкинъ (бросается изъ стороны въ сторону, стараясь уговорить). Господа!... Господа!... у меня въ домъ.... Лука Ильичъ....

науменко. Не мъщайте

поджарый. Прежде, мнъ кажется, должно. ..

науменко. Ни слова больше. (Обращается къ гостямъ). Господа! я вамъ послъ объясню эту траги комедію; теперь-же прошу васъ остаться нъмыми зрителями. (Показывая на Харохоровскаго). Этотъ господинъ, котораго вы знаете всъ по репутаціи, хочетъ меня заставить драться. Но я не могу принять вызова отъ этого господина, потому-что...

харохоровскій. Берегитесь.

науменко (не обращая вниманія). Чего-же беречься? Я только

называю каждаго по имени... потому-что онъ—плутъ! (Общее движеніе. Харохоровскій замахивается, его останавливають). Я предупредиль его сегодня утромъ, что за первой личной обидой послѣдуетъ примѣрное наказаніе. Вы всѣ были свидѣтелями обиды, будьте-же свидѣтелями наказанія. Но зала эта неудобна и здѣсь есть дамы. Неугодно-ли вамъ пожаловать ко мнѣ въ кабинетъ?

ХАРОХОРОВСКІЙ (идя съ торжестсенным видомь). Хоть въ Китай! Хоть въ преисподнюю!

молодые люди. Лука Ильича! что вы дълаете?

НАУМЕНКО (выхватывая трость изъ рукъ одного изъ нихъ). Прочь! развъ вы не видите, что онъ вооруженъ. (Идетъ въ кабинетъ, молодые люди слыдують за нимъ и становятся у двери. Гости толпой смотрять изъ-за нихъ).

НАУМЕНКО (за сценой). Защищайтесь! (Слышны вскрики Харохоровскаго).

прасковья петровна. Мнъ дурно! (Падаеть на дивань).

надя (заботись около нея). Боже мой! чёмъ все это кончится? харохоровскій (выбълаеть изь кабинета вы безпорядкы). Такое оскороленіе... Мит. мит. который убизъ на дуэлт троихъ и раниль четырехъ, Нтть, это сонъ! (Ощупывая спину). Ой!

науменко (выходя). Жизнь ваша мнв не нужна, я только хотвлъ васъ исправить. Если этого урока мало (вертя тростью), я готовъ подать знакъ къ новой музыкъ.

ХАРОХОРОВСКІЙ $(yxods\ nocnewno)$. У вду за-границу!

надя (смотря ему вслыдь). И я могла любить его! Презрънцый! цыпочкинъ. Какъ онъ его отдълалъ! Теперь ужъ не вернется!

науменко (обществу). Господа! комедія кончена. (Серьозно). Я сейчась объясню, почему я такъ раздълалси съ Харохоровскимъ. Но если кому-нибудь изъ васъ поступокъ мой кажется не деликатнымъ, и онъ полагаеть, что я сдълаль это изъ трусости, того я прошу объясниться со мной, и я готовъ доказать ему на дълъ, что онъ ошибается. (Гости, слушавшие его до конца со впиманиемъ, благоразумно расходятся въ разныя стороны).

надя (про себя). Я не умъла оцънить его!

науменко (подождаво отвъта). Никто! значить всъ меня оправдывають! Если такъ, извините, что я такъ долго заставиль васъ ждать объда. Неугодно-ли вамъ пожаловать въ столовую и закусить. Почтенный Трифонъ Сидорычъ, просите гостей, я сейчасъ-же явлюсь за вами.

другъ (съ поспъшностью идетъ въ столовую). О да! (Гости слъдують за нимъ).

. цыпочкинъ. Насилу-то. (Бъжить въ столовую). Егоръ, вели ставить пирожки! (Прасковъя Петровна и Надя остаются въ гостиной).

НАУМЕНКО (становится передъ ними Серьозно, но ласкаво). Надя! я сегодня объяснился съ твоей матушкой; она возьметъ на себя трудъ передать тебъ послъ слова мои. Я не люблю повтореній. Я не красавецъ, не одаренъ ни блистательнымъ умомъ, ни привлекательной любезностью: вотъ мое мнъніе о себъ; твое нъсколько строже: по-твоему я просто глупъ, смъшонъ и скученъ.

надя (смутясь). Напротивъ....

науменко. Не притворяйся я все знаю — все!

надя (закрывая лицо руками). О! (Она падаеть передь нимь на кольна, онь ее быстро поднимаеть).

НАУМЕНКО (ипънсно), Я-бы желалъ тебъ нравиться. (Серьозно). Но такъ-какъ природа отказала мнѣ въ достоинствахъ, которыя могутъ заслужить твою нѣжность, я вынужденъ довольствоваться одними правами мужа. Я забываю прошедшее; скажу только, что поведеніе твое до-сихъ-поръ было неосмотрительно я извиняю первую ошибку, буду меньше снисходителенъ ко второй, но не прощу никогда вины. Теперь отъ тебя зависитъ избрать войну или миръ.

надя (бросается къ нему въ объятія). О! какъ ты добръ и ведикодушенъ!

НАУМЕНКО (устремиво взоры ко небу). Благодарю тебя! (Торжественное молчаніе).

прасковья петровна. Какая идиллія! Все отомщу на Павлъ Исанчъ.

цыпочкинъ (выходя изъ столовой). Супъ простынеть; давно поданъ.

науменко (освободясь тихо изъ объятій жены). Теперь за столь! И выпьемъ за наше будущее счастье.

цыпочкинъ. Шампанскаго!

(Занавьсъ опускается).

The state of the s

CONTRACTOR OF THE CONTRACTOR O

kiens ing kalumi mga saar pilator<u>oon (nadoky sain ustan na dir din ong esia silandi.</u> Mga Masangangan mangat mangat kanangan na mangat kanangan mangat kanangan na mangat kanangan mangat mangat manga

and the control of th

AND BUSINESS OF THE PROPERTY O

THE R SHOW SET A REAL PROPERTY OF THE PROPERTY OF THE PARTY OF THE PAR

or surveyed to the contraction are surveyed to the contraction of the

Remealing of the street of the court there are no real participants. A red to grave

Bould a little application of the section was a section with a section of the sec

e to a state of the second of

The Particle of the Control of the Control of the Carlot C

CAPABLE SECURITION OF THE PROPERTY OF THE PROP

HALLAND CONTRACTOR STREET, CONTRACTOR STATE OF THE STREET, CONTRACTOR STATE OF THE STATE OF THE

Service at the contract of the contract of the contract of the

drate throughtening regarded with are

A STOREGALD AND A STORE SHEET A

госпожа де линанъ,

РОМАНЪ

MAPIH SKAPL

часть первая.

I

первая встръча.

Въ равнинъ нъсколько холмистой, которая занимаетъ все пространство отъ Сенъ-Манде до Шарентона, еще въ 1805 году находился изящный паркъ, искусно обсаженный густыми деревьями, которыхъ въковыя вершины едва не касались облаковъ. На самой срединъ этого парка, на песчаномъ возвышеніи, красовался загородный домъ. Наружный видъ дома не представлялъ ничего необыкновеннаго, но внутреннее убранство комнатъ отзывалось роскошью, доступною только развъ очень богатому владъльцу, тъмъ болъе, что этотъ павильонъ—такъ правильнъе называть этотъ домъ — былъ обитаемъ единственно въ лътніе мъсяцы. Эта маленькая мыза называлась Фоли-Бюссьеръ. Многіе давали этой мъстности другія наименованія, такъ, на-примъръ, ее называли Фоли-Божонъ, Фоли-Бонне; но окрестные жители Шарентона, Сенъ-Манде,

Венсена, Конфлана, Бисетра и многихъ другихъ сосъднихъ предмъстій, единогласно называли ее Фоли-Бюссьеръ. Въ наше время этотъ восхитительный уголокъ, осъщемый густою тъйью деревьевъ, орошаемый струистыми ручьями, освъжаемый фонтанами, уже болье не существуетъ. Деревья срублены, фонтаны замолкли, таинственныя дріады разсъялись, самая земля раздълена на участки и распродана, а такъ-какъ грунтъ земли довольно влажный, то изъ прелестнаго парка образовались огороды.

Въ 1805 году мыза Бюссьера еще процвътала въ полномъ блескъ. Однажды счастливый владълецъ ея, г. Бюссьеръ, сидя въ великолъпной залъ павильона, оканчивалъ партію въ пикетъ съ своею сестрой, г-жею де-Линанъ. Въ обширномъ каминъ ярко разливалось пламя, не смотря на то, что въ этотъ день свътило іюльское солнце; но это дълалось по приказанію хозяпна какъ противоядіе сырости, которая легко зараждалась въ домъ, утопавшемъ, такъ сказать, въ непроницаемой густотъ деревьевъ. Притомъ г-жа де Линанъ жаловалась на легкіе припадки ревматизма.

- Огонь тебя не безпокоить сестра? спросиль Бюссьерь.
- Напротивъ того, Луи, напротивъ ... И она еще болъе придвинула къ камину свои кресла, все-таки продолжая игру.
 - Мнъ кажется, я выпграла? замътила она.
 - Мив то-же кажется...

Бюссьеръ сосчиталь свой проигрышь, потомь вынуль изъ кармана кошелекъ, чтобы расплатиться. Онъ быль человъкъ около пятидесятипяти лътъ, высокій, довольно тучный, съ лицомъ, которое въ одно и тоже время выражало и доброту и веселость. Бывъ нъкогда адвокатомъ парламента, въ самую бурную эпоху онъ пріютился въ своемъ павильонъ, гдъ мы застаемъ его, въ 1805 году, совершенно позабытымъ, подъ защитою столътнихъ деревьевъ. Одинъ изъ его друзей, г. де-Понти, скрываясь съ нимъ вмъсть въ этомъ-же самомъ убъжищъ, умеръ въ 1795 г. и назначилъ Бюссьера опекуномъ своей дочери. Заботы о воспитаніи и по управленію обширнымъ имъніемъ дъвицы де-Понти, врожденная лъность и частичка мизантропіи помъщали ему жениться; такъ-что мало-по-малу Бюссьерь сделался старымъ холостякомъ. Между-тъмъ сестра его овдовъла и ръшилась сблизиться съ братомъ, встръчаясь съ нимъ очень ръдко во время своего замужства: братъ и сестра были очень дружны, не смотря на противоположность ихъ характеровъ; можетъ быть, даже эта противоположность была причиною ихъ дружбы. Бюссьеръ принадлежаль къ самому просвъщенному обществу; друзьями его были литераторы, знаменитые артисты: въ

числъ ихъ мы можемъ повторить имена Жуи, Лансеваля, Еллевіу, живописца Давида, Боэльдьё. Онъ посъщаль даже людей, блиставшихъ на политическомъ поприщъ. Сестра его также подјерживала знакомство съ важными людьми, но это она дълала для будущихъ выгодъ своего сына, Анатоля де-Линана; любимое-же общество ея составляли простыя старушки. Г-жа де-Линанъ была шестью годами моложе своего брата.

- Братъ, сказала она, отодвигая рукою золотую монету, положенную Бюссьеромъ: кчему это золото?
 - Я пропграль, и хочу расплатиться...
- Но я совствув не играю такой большой игры ... Я думала, что мы играемъ только по пяти франковъ...
 - А я игралъ по двадцати...
 - Ты ошибся. Убери назадъ твое золото.

Бюссьеръ замолчалъ, спряталъ наполеонъ и подалъ сестръ монету въ пять франковъ. Г-жа де-Линанъ посмотръла на него пристально.

- Луи, сказала она: въроятно, тебъ нужно со мною о чемънибудь переговорить; въ противномъ случаъ, для чего-бы ты меня приглашалъ сегодня вмъстъ съ Анатолемъ?.. Скажи правду...
- Начать съ того сестра, ты знаешь, какъ я радъ каждому твоему посъщению; тебъ извъстно также сколько оттого выигрываетъ Жюльетта. Справедливо, что мнъ нужно съ тобою поговорить о весьма важномъ дълъ, но еслибъ въ этомъ заключалось единственная причина моего приглашения, то я-бы самъ могъ къ тебъ отправиться.
 - И такъ Луи, въ чемъ-же дъло?
 - Я хотълъ тебъ сообщить нъчто объ Анатолъ...
- Объ Анатолъ?.. что онъ сдълалъ, Луи?.. Скажи миъ и ничего не скрывай...

Произнося эти слова, г-жа де-Линанъ почувствовала приливъ крови къ головъ; щеки ея пылали. Ей пришла мысль, не сдълалъ-ли ея сыпъ какую-нибудь изъ шалостей.

- Успокойся сестра, отвъчаль онъ: здъсь вовсе дъло не такого рода, чтобы могло тебя пугать ... Я хочу женить моего племянника...
- A!.. произнесла г-жа де-Линанъ, вздохнувъ свободнъе: моего сына?
 - Я думаю, что такъ? У меня нътъ другихъ племянниковъ.
- Хорошо, я знаю; но на комъ ты хочешь его женить? Онъ еще такъ молодъ!
 - Двадцать пять льтъ, сестра...
 - Это правда; но скажи мит выборъ твой.

- Тебъ извъстно, сестра, что я люблю Анатоля точно какъ-бы я любилъ роднаго сына, значитъ, ты должна быть заранъе увърена въ достоинствъ моего выбора... Притомъ дъло пдетъ о Жюльеттъ.
 - Жюльетта де-Понти, твоя воспитанница?..
- Она самая. Что-жъ?.. Эта партія тебъ кажется неприличною? невъста дурна.
- Луи, отвъчала г-жа де-Линанъ, Жюльетта де-Понти: я не отвергаю, очень богатая невъста; она мила и прелестна, это можетъ замътить всякій; ея отецъ, твой другъ, былъ извъстный дворянинъ, столько-же честный какъ и любезный человъкъ, я согласна; но Жюльетта слишкомъ молода...
 - Ея лътъ ты сама вышла за-мужъ за г. де Линана...
- Послушай, Луи: я давно изучила характеръ Жюльетты: въ ея характеръ есть какая-то ръшительность, даже вспыльчивость; она горделива какъ павлинъ, Луи: такая жена не составитъ счастія...
- Сестра, возразилъ Бюссьеръ: признаюсь, это исчисление однихъ недостатковъ мнъ вовсе не по сердцу; ты осуждаешь Жюльетту безъ милосердія. Позволь-же мит показать тебт правую сторону дела, тогда какъ ты видишь только изнанку. Жюльетта красавица; черные глаза ея живы и исполнены блеска; она высокаго роста, хочешь, она имфетъ осанку Юнопы или Діаны; вотъ почему въ ея пріемахъ и поступи замѣтно достоинство, которое ты принимаешь за гордость; въ ея характерт есть много живости, но еще болъе доброты; она вспыльчива, но сейчасъ-же утихаетъ ... со временемъ и эта пылкость исчезнеть. Можеть быть, я ошибаюсь, но я замъчаю въ ней только одить добрыя качества: у нея въ характерт есть твердость, что я внолять одобряю; я ее люблю, замъняю ей отца и счастливъ при мысли, что ничего не было упущено для ея воспитанія. Между-тімь мой племянникь, о которомъ мы еще ни слова не сказали, также имъетъ довольно недостатковъ. Для своего возраста онъ слишкомъ честолюбивъ; ты называешь его упорство постоянствомъ; ты похваляешь его твердость, которую охуждаешь въ Жюльеттъ. Короче, сестра моя, вотъ какая цъль побудила меня сдъ лать теб'в предложение объ этомъ союзъ. За Жюльеттой уже сватались; но вспомни, что она богата, она наслъдуетъ также часть моего собственнаго имънія, и я хотъль дать тебъ счастливую возможность женить на ней Анатоля, тъмъ болье, что мнъ извъстна ихъ взаимная любовь. Однако, чтобы свадьба это могла совершиться, требуются два условія: первое, чтобы ты формально у меня проспла руки моей воспитан-

ницы для твоего сына, а второе, чтобы Жюльетта изъявила свое согласіе.

— Что касается до перваго условія, отвъчала г-жа де-Линанъ, внутренно радуясь такой богатой невъсть: я согласна, Луи...

Она поднялась съ своего мъста и сдълала почтительный реверансъ Бюссьеру.

- Я прошу у васъ, прибавила она: —руки дъвицы Жюльетты де-Попти для моего сына Анатоля де Линана, вашего племянника...
- Сколько это зависить отъ меня, отвъчаль Бюссьерь: я изъявляю вамъ на то мое полное согласіе...
- А что касается до втораго условія, возразила г-жа де-Линанъ:—то тебъ извъстно, что молодые люди любять другъ друга?..
- Но какъ-же я могу знать, любять-ли они другъ друга? отвъчалъ Бюссьеръ: кто можетъ знать сердце молодой дъвушки? Не только я, въ этомъ случав знатоки могутъ ошибаться. Жюльетта воспитывалась вмъстъ съ Анатолемъ. Можетъ быть, она его любитъ какъ брата, какъ кузена, какъ друга, и со всъмъ этимъ не желаетъ быть его женой.

Говоря эти послъднія слова, г-жа де-Линанъ встала съ своего мъста и расправила платье, какъ обыкновенно дълаютъ дамы послъ долгаго присъста.

Въ это время Анатоль вобжалъ въ комнату; волосы его были мокры отъ лѣтняго зноя, щеки пылали отъ жару. Онъ былъ хорошъ собою; его глаза блистали счастіемъ и здоровьемъ, его гибкое и хорошо сложенное тѣло отличалось правильностію и ловкостью движеній, которыя пріобрѣтаются столько-же отъ гимнастическихъ упражненій, сколько навыкомъ частаго обращенія въ свѣтъ; онъ почтительно ноклонился матери и пожалъ руку дяди.

- Однако, воскликнуль онъ: должно сознаться, любезный дядюшка, что у васъ очень много очаровательныхъ дъвицъ...
- Очаровательныхъ?... возразилъ дядя.
- Да, дядюшка! во-первыхъ Жюльетта де-Понти, потомъ Шарлотта де-Мейранъ имъетъ таки свое достоинство. Братъ ея, Мейранъ хотя стоитъ ниже ея, но также славный малый...

Анатоль приблизился къ дядъ и, взявъ его за руку, сказалъ:

- Людезный дядюшка, мнѣ предстоитъ сдѣлать вамъ признаніе и потомъ со всевозможною вѣжливостью дать вамъ благой совѣтъ....
- Говори, дитя мое....
- Я не могу видъть безъ особаго восхищенія вашей воспитанницы, дъвицы де-Понти.... Ея красота меня побъждаетъ....

WIND - STOPPHINGTH - ARREST WORKS

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

- Да, дядюшка, я только въ ней нахожу ту предесть, которая меня привлекаетъ, плънительную кротость, доброту, которыя прямо проникаютъ въ душу... Жюльетта обладаетъ всъми добродътелями, составляющими блескъ самой красоты....
 - А дъвица Шарлотта де-Мейранъ?
- Шарлотта де-Мейранъ прелестна, я не спорю, но это можно замътить, когда возлъ нея нътъ Жюльетты....
 - И такъ я вижу, что ты очень влюбленъ; вотъ и признаніе
 - Да, дядюшка.
 - Въ чемъ-же состоитъ совътъ?
- Совътъ состоитъ въ томъ, что еслиоъ я былъ на мъстъ г. де-Бюссьера, то женилъ-бы моего племянника на моей воспитанницъ, или удалилъ-бы его отъ нее подалъе....
 - Ты считаешь себя столько опаснымъ?
 - Нътъ; но я могу влюбиться въ нее еще болъе
- О! тебѣ данъ разсудокъ; я не люблю имѣтъ дѣло вообще съ людьми, которые рѣшаются дѣйствовать съ зажмуренными глазами, и потому спѣшу тебѣ сказать откровенно Анатоль, такъ какъ я сейчасъ говорилъ съ твоей матерью: Жюльетта выгодная партія; отдавая ее тебѣ, я поступаю по чувству родственному.
 - И съ согласія матери, воскликнула г-жа де Линанъ.
- Но, возразилъ Бюссьеръ: тутъ есть условіе: я согласенъ, если Жюльетта охотно приметъ твое предложеніе; въ противномъ случаѣ, я оставляю тебя и перехожу на ея сторону.... И вотъ ты огорченъ?...
- Это оттого, отвъчалъ Анатоль, дъйствительно встревоженный:—
 оттого, что я опасаюсь Эрнеста Мейрана.
 - Пустое; онъ гораздо хуже тебя....
 - Милый дядюшка, влюбленный человъкъ всего боится.

Вдругъ Анатоль встрепенулся, встряхнулъ головой какъ-о́ы для того, чтобы разсъять всъ смъшныя подозрънія и, придя въ свое обычное расположеніе духа, воскликнулъ:

- Ба, она меня любить; впрочемъ еслибъ она меня не любила и предпочитала мнъ другаго, то я отказываюсь отъ нее.
 - Очень хорошо! любезный племянникъ....

Г-жа де-Линанъ пошла отыскивать Жюльетту въ тънистомъ паркъ, а дядя и племянникъ остались наединъ.

— Въ наше время, сказалъ Анатоль: начинается въкъ замъчательный: Имнераторъ думаетъ соединить Азію и Европу и сдълать изъ нихъ одно государство; Африка и Америка будутъ наполнены колоніями. Потомъ императоръ назначитъ проконсуловъ, которымъ ввъритъ въ управленіе

обширныя страны, какъ нъкогда римскій сенать посылальвъ по коренныя страны Леліевъ, Саллюстіевъ, Метелловъ.

- Я согласенъ; но я не вижу ничего общаго между покореніемъ всего міра и твоимъ бракомъ съ Жюльеттой.
- А вотъ что-дядюшка: эти проконсулы будутъ избираться изъ префектовъ; но чтобы получить право управлять какою-нибудь частичкою вселенной, надо сперва отличиться ревностнымъ и успъшнымъ управленіемъ департамента.
- И ты хочешь быть префектомъ, чтобы послъ сдълаться проконсуломъ?
 - Непремънно...
- Но Жюльеттъ, продолжалъ спрашивать Бюссьеръ: какое дъло до этого?
- Послушайте-же: префекты утверждаются по представленію министра, внутреннихъ дълъ, назначающаго кандидатовъ.
- Я все это знаю и не понимаю только, что ты хочешь этимъ сказать?
- Этотъ министръ, кажется, женатъ на одной изъ родственницъ вашей воспитанницы?
- Ахъ вотъ, наконецъ-то, я вижу въ чемъ дѣло, воскликнулъ Бюссьеръ: я часто говорилъ твоей матери, что ты честолюбивъ, Анатоль, и вѣроятно только это одно родство прельщаетъ тебя въ Жюльеттѣ...
- Какъ вы жестоки, любезный дядюшка! воскликнулъ Анатоль деЛинанъ: ахъ, я-бы желалъ, чтобы Жюльетта была бъдная дъвушка,
 повърьте я-бы и тогда чувствовалъ къ ней то-же. Я люблю ее единственно
 для нея, люблю исключительно, и неужели только потому, что она богата, я долженъ отъ нея отказаться? Но вы сами, любезный дядюшка, устроивая мою судьбу съ вашей воспитанницей, ужели не думали о моемъ
 состояніи, о моей будущности?
- Это правда, отвъчалъ дядя.

Между-тъмъ г-жа де Линанъ молча пробъгала по аллеямъ парка; умъ ея былъ озабоченъ мыслію, какъ-бы выгодно женить сына, открыть ему дорогу къ почестямъ; но тутъ являлось другое условіе: нужно было имъть невъсткой женщину кроткую, послушную. Похвалы брата не могли ослъпить г-жу де-Линанъ. Впрочемъ она замътила въ Жюльеттъ здравый смыслъ, и это качество ее обнадеживало.

— Молодая женщина съ здравымъ смысломъ, говорила она самой себъ, ступая такъ тихо по песочной дорожкъ, что не слышно было ен шаговъ: — молодая женщина съ здравымъ смысломъ умъетъ удерживать

порывы своихъ страстей. Позднъе, будущность дътей совершенно поглотитъ все ен вниманіе.

Она продолжала итти тихо, по направленію, откуда слышались голоса двухъ молодыхъ дѣвицъ и Эрнеста де-Мейрана. Находясь отъ нихъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ, она спряталась за дубомъ. Жюльетта стояла противъ самаго дуба, Шарлотта и Эрнестъ, сидя на травѣ, собирали голубые пвѣты; легкій и скоро испаряющійся ароматъ этихъ цвѣтовъ казался имъ пріятнѣе запаха розы.

— Шарлотта, вдругъ сказала Жюльетта: хочешь-ли ты выйти замужъ?...

Г-жа де-Линанъ вздрогнула.

— Черезъ шесть мъсяцевъ, отвъчала Шарлотта: за моего кузена, Гюстава, драгунскаго капитана съ крестомъ на груди....

И голубые взоры молодой дъвушки оживились. Она бросила цвъты и пристально посмотръла на Жюльетту.

- Выборъ не очень блистательный, возразила Жюльетта. Еслибъ я когда-нибудь ръшилась выйти, то пенначе какъ за генерала или капитанъ-лейтенанта....
- О, она именно такъ горда, какъ, я предполагала, подумала г-жа де-Линанъ.
- Однако, продолжала Жюльетта: есть вещи, которыя-бы я предпочла: воть еслибъ у меня быль красивый, молодой мужъ, еслибъ я любила его, еслибъ мы жили съ нимъ въ великолъпномъ замкъ, посреди нашихъ арендаторовъ, виноградницъ, косарей; у меня-бы непремънно были цыплята и кролики.... Г. Эрнестъ, имъете-ли вы замокъ?...
- O! Боже мой! тихо произнесла г-жа де-Линанъ: ужъ не любитъ-ли она молодаго Мейрана?...

Г-жа де-Линанъ сдълала усиліе, чтобы разсмотръть молодаго человъка, и хотя часто видъла его прежде и всегда находила въ немъ много хорошаго, но тутъ ей хотълось его разсмотръть еще съ большимъ вниманіемъ. Онъ былъ однихъ лътъ съ ея сыномъ; лицо у него було смуглое, но черты довольно нъжныя и пріятныя; преимущественно онъ былъ хорошо сложенъ и умное выраженіе лица придавало ему много характеристическаго. Г жа де-Линанъ сознавала, что женитьба ея сына должна была разстроиться.

— Нътъ, отвъчалъ молодой человъкъ: и я неимъю никакого замка; но мой кузенъ, Гюставъ, сдълавшись богачемъ, върно уступитъ намъ одинъ замокъ, куда мы всъ переселимся жить.

При такомъ отвътъ, который доказывалъ по-крайней-мъръ, что Эрнестъ былъ холоденъ къ прелестямъ Жюльетты, г-жа де-Линанъ нъсколько оживилась. Въ это мгновеніе газовый шарфъ Жюльетты, сорванный вътромъ, обвился около дуба, за которымъ ее подслушивали. Г-жа де-Линанъ, поймавъ конецъ шарфа, потянула его къ себъ. Жюльетта догадалась, что кто-нибудь ее ожидаетъ.

 — Собирай, собирай цвъты, Шарлотта, я увърена, что у меня скоро будетъ букетъ лучше твоего...

Она объжала дубъ и встрътилась лицомъ къ лицу съ г-жею де-Линанъ.

— Это вы, г-жа де-Линанъ? спросила она.

Г-жа де-Линанъ показала Жюльеттъ знакъ молчанія и пригласила ее слъдовать за нею. Сдълавъ нъсколько шаговъ, онъ повернули въ другую аллею, удаляясь такимъ-образомъ отъ Мейрановъ. Г-жа де-Линанъ взяла подъ руку Жюльетту.

- Жюльетта, сказала она: я сейчасъ удостовърилась, что вы не любите Мейрана...
- A почему я должна его любить? возразила Жюльетта, дълая большіе глаза.
- Однимъ словомъ, Жюльетта, вы не пойдете иначе, какъ за человъка, который васъ любитъ.

Жюльетта не хотъла, чтобы перетолковывали по-своему ея слова.

- Вы превратно меня поняли. Я напротивъ того сказала, что не выйду за-мужъ иначе, какъ за того, кого я сама люблю; болъе ничего я не говорила.
- Это самое я хотъла сказать, возразила г-жа де-Линанъ: и если я дурно выразилась, то, можетъ быть, потому-что я знаю человъка, который васъ любитъ и котораго я сама люблю; такъ-какъ эта мысль во мнъ преобладаетъ надъ другими, то противъ желанія я ее высказала прежде всего другаго. И такъ, Жюльетта, продолжала г-жа де-Линанъ послъ минутнаго молчанія: —и такъ, вы имъете уже одного поклонника; не достаетъ только того, чтобъ и вы его любили. Онъ будетъ заботиться только о васъ, вы будете жить въ замкъ, или гдъ вамъ заблагоразсудится...

Эти объщанія, эта счастливая будущность удивили молодую дъвушку, тъмъ болье, что она привыкла видъть въ г-жъ де-Линанъ строгаго судью.

- О комъ хотите вы мнъ сказать? спросила она довольно быстро.
- O моемъ сынъ, Анатолъ...
 - Анатоль! Онъ меня любить?..
 - Болье, чъмъ сколько я могу васъ въ томъ увърить...
- О, говорите, говорите, если только мой опекунъ на то согласился...

- Дитя мое, до-сихъ-поръ я не думала женить моего Анатоля; но если иногда мнъ приходила мысль о невъстъ для него, то, при множествъ знакомыхъ мнъ дъвицъ, она всегда останавливалась на васъ, Жюльетта...
 - А Шарлотта де-Мейранъ? съ живостію спросила Жюльетта.
- Дъвица де-Мейранъ черезъ шесть мъсяцевъ выходитъ за-мужъ за своего кузена, капитана Гюстава...
 - Это не мъщаетъ ей, возразила Жюльетта: правиться Анатолю...
- Нѣсколько дней тому назадъ, произнесла г-жа де-Линанъ съ тонкостью свѣтской женщины: мы съ Анатолемъ были въ одномъ домѣ у нашихъ знакомыхъ и тамъ намъ показывали миніатюру Изобе; сынъ мой пришелъ въ восторгъ отъ этой миніатюры и безпрестанно повторялъ. «какъ она хороша! какъ она хороша!» Онъ былъ правъ. Изобей извѣстный художникъ... Оттуда мы отправились въ Лувръ, и когда мы увидѣли женскую голову Рафаэля—вамъ это произведеніе должно быть извѣстно— то удивленіе и восторгъ моего Анатоля не знали предѣловъ; они были такъ сильны, что онъ долго безмолствовалъ передъ этимъ великимъ художественнымъ произведеніемъ, и геній Рафаэля изгладилъ въ немъ совершенно первое впечатлѣніе. Поговорите сами съ Анатолемъ о Рафаэлѣ Изобея—и вы убѣдитесь въ справедливости того, что я вамъ разсказываю. Вы меня понимаете, Жюльетта.

Жюльетта протянула къ ней свою руку, трепетавшую отъ внутренняго волненія. Г-жа де-Липанъ продолжала:

- Мой сынъ могъ плъняться красотою дъвицы Мейранъ ... простите мое замъчаніе, Жюльетта; но я, какъ мать, знала-бы нъчто объ этой привязанности, между-тъмъ я ничего не замътила. Къ тому-же Анатоль былъ столько благороденъ, что не смълъ вамъ открыться прежде объясненія съ дядей: ваша чистая душа, въроятно, найдетъ въ этой чертъ много хорошаго. Скажите теперь, любите-ли вы моего сына?
- О, да, я люблю его, отвъчала Жюльетта, надая въ объятія г-жи де-Линанъ, у которой сердце при этомъ исполнилось радости.

Жюльетта и г-жа де-Линанъ, продолжая бестдовать, приблизилизь наконець къ павильону, гдт мы оставили Анатоля и Бюссьера. Въ это время Анатоль сидъль въ залт одинъ. Увидъвъ его, Жюльетта сдълала шагъ назадъ и обернулась посмотртвь, слъдуетъ ли за нею г-жа де-Линанъ. Но г-жи де-Линанъ не было въ комнатт. Жюльетта, видя необходимость быть наединт съ Анатолемъ, вошла въ комнату, не показывая виду, что она что-нибудь знаетъ, а напротивъ того съ достоинствомъ хозяйки, требующей къ себт должнаго вниманія и почтенія. Она любила Анатоля чистою, высокою любовью, любовью юнаго и непорочнаго сердца; но къ этой любви примѣшивалась частица ревности. Анатоль, въ свою очередь, такъ много объяснилъ
дядъ о своихъ чувствахъ и планахъ, что, находясь наединъ съ
Жюльеттой, онъ не могъ не ощутить невольнаго смущенія и вмѣстѣ съ
тѣмъ пламеннаго желанія сознаться ей во всемъ, тѣмъ болѣе, что это
казалось ему необходимымъ. Короче, онъ рѣшился поступить какъ маленькія дѣти, которыя, когда имъ предстоитъ принять лекарство, проглачиваютъ его сразу, чтобы не почувствовать горечи.

- Жюльетта, сказалъ онъ, протягивая къ ней руку: вы должны ръшить, хотите-ли быть со мною всегда вмъстъ, или сегодня мы видимся въ послъдній разъ.
- Выборъ жестокій, отвъчала Жюльетта. Но ... мы будемъ всегда любить другь друга; я только что дала въ этомъ объщаніе вашей матушкъ.

Холодная принужденность мгновенно исчезла и двое любящихъ сердецъ, столько-же гордыхъ, сколько страстныхъ, предались однимъ изліяніямъ дружбы и любви. Анатоль чувствовалъ однако нѣкоторую
неловность, какъ человѣкъ, которому предстоитъ обогащеніе черезъ
приданое; а передъ Жюльеттой все рисовались голубые и томные
взоры Шарлотты, которые какъ будто нарочно всегда устремлялись на
Анатоля. Жюльетта не могла этого забыть. Она сѣла въ уголъ залы,
подалѣе отъ камина; огонь едва мерцалъ подъ грудою потухающей золы.
Оживляемые новымъ чувствомъ, умиленные мыслію о своемъ положеніи, почти со страхомъ оставаясь наединѣ, они говорили о будущемъ,
вслѣдствіе понятной застѣнчивости, которая мѣшала имъ предаваться
созерцанію настоящаго.

- Ахъ! Жюльетта, сказалъ Анатоль: какой счастливый день! съ какимъ наслажденіемъ мы будемъ о немъ вспоминать. Клянусь, я всегда буду покорнымъ и преданнымъ мужемъ...
- Преданнымъ, это такъ, возразила Жюльетта: но я стала-бы требовать отъ васъ одной откровенности. Будьте откровенны, этого для меня достаточно...
- Любовь безъ нея не бываеть; не опасайтесь, вы будете знать самые сокровенные изгибы моей души. У меня нътъ ничего тайнаго; въ противномъ случаъ вамъ первымъ было-бы все извъстно...
 - У васъ нътъ ничего тайнаго, Анатоль?
- У меня была одна тайна сегодня утромъ: моя привязанность къ вамъ; она уже вамъ извъстна.

Внезанный скринъ колесъ кабріолета, подъёхавшаго къ навильону,

прерваль разговорь. Кабріолеть остановился, и молодой человькь, затянутый вь блестящій мундирь гвардейскихь удань, вошель вь залу. Это быль поручикь Шарль Норберть, человькь льть около тридцати, ловкій, стройный, красивый. Небольшой чинь его быль слідствіемь поздняго начатія службы; впрочемь онь находился вь родствів сь военнымь министромь Кларкомь и на весьма хорошемь счету у своего командира. Будущее ему улыбалось и притомь у него было хорошее состояніе. Норберту хотьлось выйти вь отставку, по дядя удерживаль его оть этого наміренія, и, заботясь о будущности племянника, совітоваль ему жениться на Жюльетть де-Понти, какь весьма выгодной невьсть. Шарль Норберть и быль тоть самый женихь, который по словамь Бюссьера, уже, просиль руки Жюльетты. При виді уланскаго офицера, Жюльетта почувствовала сильное волненіе. Она поднялась навстрічу гостя. Вь это время вошель Бюссьерь.

— Жюльетта, сказаль онъ, поклонившись сперва поручику: — не хочешь-ли передъ объдомъ прогуляться въ Венсенскую рошу? Карета уже готова; кажется, ты имъла въ виду эту прогулку, потому-что Пикаръ успълъ запречь экипажъ...

Въ эту минуту воъжала въ комнату Шарлотта и, схвативъ Жюльетту за руки, увлекла ее за собой; Анатоль послъдовалъ за ними.

— Поручикъ, сказалъ Бюссьеръ Шарлу Норберту: — хотите вхать съ этими молодыми людьми: вамъ тоже будетъ мъсто ...

Поручикъ въжливо отказался, говоря, что онъ желаетъ насладиться бестдою съ самимъ хозяиномъ.

- Это-то ваша воспитанница? спросилъ онъ.
- Да, поручикъ.
- Она прелестна.
- Г. Норбертъ, замътилъ тогда Бюссьеръ, я знаю причину вашего пріъзда.
- Желаніе васъ видъть, тъмъ болье, что мы давно уже съ вами не встръчались. Признаюсь, что между прочимъ мнь страхъ какъ хочется посмотръть вашу мызу. Мнъ гоорили о ней чудеса и, кажется, не напрасно: Чудная тънь! Тюильрійскіе каштаны просто карлы въ сравненіи съ вашими дубами...
- Будьте откровенны сударь, сказалъ Бюссьеръ: въроятно, вы имъли въ виду видъть здъсь также мою воспитанницу?
 - Я этого пламенно желалъ.
- Господинъ министръ мнѣ писалъ. Дъло идетъ о предложеніи, ноторое столько-же лестно для меня, какъ и для моей воспитанницы.
 - Ахъ, сударь, произнесъ поручикъ, признаюсь вамъ, что я прі-

вхаль къ вамъ именно съ мыслію объ этой партіи, которой даже я не вполнѣ заслуживаю; но съ той минуты, какъ я увидѣлъ вашу воспитанницу — новое чувство мнѣ сдѣлалось знакомо и, мнѣ кажется, я могу быть счастливъ только при вашемъ благосклонномъ вниманіи къ просьбѣ моего кузена.

- Моя воспитанница въ совершенныхъ лѣтахъ, отвѣчалъ Бюссьеръ: выборъ жениха зависитъ совершенно отъ нея; однако я опасаюсь, не слишкомъ-ли поздно вы пріѣхали; мнѣ кажется, что сердце ея принадлежитъ другому...
- Что вы говорите?
- Послушайте, вы, въроятно, замътили молодаго человъка, который былъ подлъ нея во время вашего пріъзда; это мой племянникъ, Анатоль де-Линанъ: онъ предупредилъ васъ и, мнъ кажется, онъ любимъ.
 - Но вы въ этомъ не увърены ?.
- Не совсъмъ. Впрочемъ недостаетъ только полнаго признанія Жюльетты, которое я желаю слышать. Да вы, въроятно, останетесь у насъ объдать?..

Fig. 1. April 1990 and 1990 an

tigining and supplication of the superior of t

Норбертъ сдълалъ знакъ согласія.

entrante pontante in como estrapolar e de M. de la como estra como establica de la como establica de la como e La como establica de la co

ФЛАКОНЪ СЪ СПИРТОМЪ.

Однако Жюльетта вовсе не была такъ счастлива, какъ о томъ думала г-жа де-Линанъ; она искала откровенности, а, по ея понятіямъ,
Анатоль былъ скрытенъ. Жюльетта хотъла быть истинно любима. Между-тъмъ въ той самой каретъ, которая мчала ихъ въ Венсенскую рощу, сидъла дъвушка съ личикомъ столько-же привлекательнымъ, сколько
внушающимъ любовь; но при всей красотъ, при всей поэзіи ея голубыхъ
глазъ, эта дъвушка была не богата... Она утверждала, что черезъ шесть
мъсяцевъ выходитъ за-мужъ за кузена: можетъ быть, это была только
одна хитрость молодой дъвушки, между-тъмъ какъ о ней вовсе не
помышляли. Гюставъ находился въ Вънъ. Притомъ, не смотря на отсутствіе жениха, Шарлотта устремляла пламенные взоры на Анатоля и
продолжала говорить о своемъ кузенъ. Нельзя было этого не приписать
невинному кокетству. Анатоль, въ свою очередь, находилъ эту дъвушку
очень хорошенькой, и кто могъ поручиться, что если-бы ея приданое
было нъсколькими сотнями тысячь франковъ болье, что онъ не предпо-

чель-бы ее самой Жюльетть? Вст эти мысли, какъ мрачныя снови-

Иредаваясь своимъ мыслямъ, Жюльетта опустила взоры и вдругъ замѣтила... можетъ быть, это была случайность, можетъ быть, толчокъ кареты былъ причиною такого происшествія... но только она замѣтила, что Анатоль каснулся руки Шарлотты. Шарлотта быстро отодвинулась и покраснъла. Анатоль ничего не замѣтилъ и продолжалъ споръ съ Эрнестомъ Мейраномъ: они спорили о качествахъ дичи ... Анатоль отдавалъ преимущество кампіенской передъ фонтенеблосской.

- И такъ, говориль онъ съ жаромъ: компіенскій изубрь гораздо лучше фонтепеблосскаго, потому-что...
- Прошу извинить, возразиль Эрнесть: всъ охотники скажуть вамъ, что ...
- Флаконъ! мой флаконъ! болъзненно воскликнула Шарлотта: —я задыхаюсь.

И она опустила руку въ карманъ, который находился на переди ен платья. Съ быстротою молніи Жюльетта схватила руку Шарлотты, чтобы помъщать ей вынуть флаконъ.

- У васъ спиртъ! восклицала она: спиртъ! вотъ почему я все время страдаю ... цълое утро ... именно съ той минуты, какъ вы къ намъ пріъхали; у васъ спиртъ ... спиртъ этотъ меня убиваетъ...
- Что такое случилось? спросилъ Анатоль, испуганный быстротою движеній и крикомъ: —вамъ дурно, Шарлотта?

Если-бы Анатоль взглянуль въ эту минуту на Жюльетту, онъ могъ-бы сдълать ей тотъ-же самый вопросъ. Губы ея были сини, капли пота какъ жемчужины блистали на лбу; одною рукою какъ въ тискахъ она сжимала руку Шарлотты, другая была въ какомъ-то су-дорожномъ положении.

- Не вынимайте изъ вашего кармана этого ненавистнаго флакона: я не хочу видёть его, я умру, слышите-ли вы?...
- Я васъ не понимаю, Жюльетта, произнесъ Анатоль: если Шарлоттъ нужно понюхать спиртъ. почему вы ей не позволяете?
- Замолчите, сударь, сурово отвъчала Жюльетта: и не мъшайтесь не въ свое дъло; я говорю вамъ, что спиртъ меня убиваетъ.
- Спиртъ есть вещь успокоительная, онъ успокоиваетъ ... онъ даже можетъ быть полезенъ для васъ...

Послъднія слова показались Жюльетть насмъшкой; она вообразила, что Анатоль надъ нею насмъхается, и грустная улыбка мелькнула на ея устахъ. Шарлотта, постигая причину такой обиды, притомъ испугавшись, опустилась въ уголъ кареты и, слегка закинувъ головку съ

полураскрытыми глазами, произносила только одни стоны. Анатоль предвидёль, что все это можеть быть причиною ссоры между двумя подругами; понимая также, что спирть могь-бы принесть пользу имъ объимъ, успокоивъ ихъ раздражительное состояніе, рышился освободить руку Шарлотты.

— Какъ! воскликнула Жюльетта: — вы осмъливаетесь прибъгать къ насилію? Какъ! вы дерзнули поднять на меня руки? О! господинъ Эрнестъ, я надъюсь, что вы не допустите этого съдлать...

Эрнестъ Мейранъ, до-тъхъ поръ не мъшавшись въ этотъ споръ, при послъднихъ словахъ Жюльетты, объявилъ себя ея защитникомъ.

- Но, Жюльетта, говорилъ Анатоль: г. Мейранъ, въроятно, разсудительнъе васъ; дъло идетъ о томъ, что нужно помочь сестръ, вотъ и все тутъ. Увъряю васъ, что спиртъ вамъ не сдълаетъ ни малъйшаго вреда...
- Пикаръ, Пикаръ! кричала Жюльетта, поблъднъвъ отъ гнъва и обращаясь къ кучеру:—Пикаръ стой, я хочу выйти, я не хочу здъсь долъе оставаться. Я пъшкомъ вернусь къ моему опекуну.

Пикаръ остановилъ карету и нагнулся съ козелъ, чтобы принять приказаніе.

Между-тъмъ погода перемънилась. Дождь лилъ ливмя.

- Что случилось, сударыня? чего желаете? спрашивалъ онъ.
- Отвори дверцы, Пикаръ ... я хочу выйти...
- Выйти, сударыня? На такую бурю...
- - Да.
- Вы не подумали о томъ, сударыня, что дождь льетъ какъ изъ ведра и мои лошади по колѣна въ водъ...
 - Ничего знать не хочу...

Кучеръ не послушался, или понявъ такъ, что ему приказали ъхать домой, отвъчалъ:

— Я поверну домой ... Съ этими словами онъ пріударилъ лошадей п карета быстро понеслась.

Жюльетта трепетала отъ негодованія.

Эрнестъ Мейранъ довольно кротко и въжливо замътилъ своей сестръ:

- Шарлотта, не разсуждая о томъ, что спиртъ вреденъ или полезенъ, какъ нъкоторые хотятъ увърить, онъ вреденъ для дъвицы Понти, этого достаточно. Вынь изъ кармана твой флаконъ и брось его за окно.
 - Но, брать...
 - Ты совершенно здорова, не то маленькая дурнота, которую ты

чувствуеть, стоить того нерасположенія, какое ты причиняеть другимъ... брось флаконъ.

- То-есть, возразиль Анатоль, потерявшій всякое терпѣніе:—это значить вы нездоровы, такъ бросьте лекарство...
- Милостивый государь, возразилъ Эрнестъ, все съ прежнею въжливостію: —позвольте мнъ замътить сестръ, что она обязана сдълать...

Жюльетта наконецъ рѣшилась освободить руку Шарлотты и приложила къ своему носу платокъ, чтобы не слышать запахъ спирту, который ее безпокоилъ все утро. Шарлотта повиновалась; она начала шарить въ карманѣ, и прежде всего вынула платокъ, потомъ пебольшую памятную книжку въ кожаномъ переплетѣ, потомъ подушечку съ булавками, потомъ еще черепаховую бомбоньерку, наполненную бульдегомами, болѣе ничего не было; она вывернула карманъ, онъ былъ пустъ.

— Ахъ, Боже мой! воскликнула Шарлотта: я забыла мой флаконъ въ Парижѣ... да я теперь вспоминаю, вчера я его заперла въ моемъ рабочемъ столикъ и тамъ забыла.

Они прітхали. Пикаръ отворилъ дверцы. Жюльетта, ступивъ на первую ступеньку крыльца, бросила на Анатоля взоръ, исполненный презртнія. Анатоль поймалъ этотъ взоръ и мгновенно въ сердцт его испарилась любовь.

— Никто еще меня не презиралъ, говорилъ онъ самому себъ: — а эта дъвушка будетъ меня презирать? Нътъ, нътъ, этого не случится; она унизила меня передъ Мейранами.

Въ досадъ, ни съ къмъ не простившись, онъ отправился къ Сенъ-Манде и уъхалъ въ Парижъ.

Жюльетта между-тъмъ какъ стръла пронеслась черезъ съни и, какъ дикая лань, не замъчая Норберта, пролетъла въ кабинетъ Бюссьера. Бюссьеръ сидълъ спокойно въ креслахъ и повърялъ счеты.

— Опекунъ мой, воскликнула Жюльетта, кидаясь на шею Бюссьера:—неужели вы хотите выдать меня за вашего племянника, Анатоля?

Бюссьеръ, съ кротостію и съ осторожностію освободивъ себя изъ объятій своей воспитанницы, по просиль ее състь.

- Дити мое, сказаль онь: Анатоль тебя пламенно любить, я ръдко видъль такую любовь.
- Да, вы правы, г. Анатоль точно пламенно любить ... только не меня, а Шарлотту де-Мейранъ.
 - Что ты говоришь, Жюльетта? не можетъ быть...
- Онъ даже не скрываетъ этого, и это все послъ того, какъ г-жа де Линанъ умъла исторгнуть у меня признаніе въ любви моей къ ея

сыну ... потому-что дъйствительно я его любила! И Анатоль осмълился увърять меня въ въчной любви!

Каждое слово Жюльетты раздражало и возмущало Бюссьера. Онъ вспомниль, какъ сестра его мало расположена къ ней, и въроятно, еслибъ Жюльетта не была такъ богата, то г-жа Линанъ не согласилась-бы на эту свадьбу. Что касается до Анатоля, то его занимала болъе всего одна мысль: быть префектомъ; любовь у него была чъмъ-то второстепеннымъ. Правда, что двъ страсти одновременно занимали Анатоля: по понятіямъ его онъ были равносильны; но, разсуждая такимъ образомъ, двадцати-пяти-лътній молодой человъкъ могъ ошибиться и простую пылкость или горячность молодости легко могь принять за любовь. Въ последнемъ случае, значитъ, онъ былъ только подъ вліяніемъ одной страсти: честолюбія, казалось Жюльетта была права; однако къ чемубы въ такомъ случав привязывать сердце къ дввицв Мейранъ? Былали это шутка, капризъ, прихоть сердца или ума? И Бюссьеръ съ горестію подумаль, что онь какъ-будто самь опуталь свою воспитанницу. ввъривъ ея участь женщинъ, ослъпленной достоинствами своего сына. Къ-счастію, Жюльетта была проницательна. Бюссьеръ любилъ своего племянника: онъ зналъ его за человъка холоднаго и разсчетливаго для его лътъ, но въ сущности за честнаго и благороднаго.

- Жюльетта, сказалъ Бюссьеръ: моя сестра просила у меня теоей руки для ен сына Анатоля. Онъ самъ присоединилъ къ ея просъбъ свои собственныя убъжденія; наконецъ я самъ очень желаю этого союза; но впрочемъ ты можешь располагать собою.
 - A! воскликнула Жюльетта, вздохнувъ свободнъе: —въ добрый часъ!
- Смотри, Жюльетта, чтобы послъ не раскаяваться; минутная непріятность и потомъ всю жизнь ты будещь сожальть, если впослъдствіи узнаешь, что твои подозрънія были несправедливы...
- Я видѣла собственными глазами....
- Глаза часто обманывають. Наши чувства употребляють часто во зло нашу довъренность.

Изъ оконъ кабинета Бюссьера, выходившихъ прямо на дорогу, можно было видъть ръшетку павильона, потомъ все что было за ръшеткой, и наконецъ самую дорогу, которая вела къ Сенъ-Манде. Жюльетта случайно посмотръла въ окно и увидъла, съ какою поспъшностію стремился Анатоль къ Сенъ-Манде.

— Посмотрите, сказала она своему опекуну: —виновный самъ себя осуждаеть; посмотрите, какъ онъ поспъшно удаляется....

Бюссьеръ посмотръль въ окно и дъйствительно увидълъ, какъ спъшилъ Анатоль, даже не оборачиваясь.

— Это, кажется, онъ? произнесъ Бюссьеръ, посмотръвъ на Жюльетту.

Бюссьеръ былъ въ изумленіи. Жюльетта въ эту минуту была похожа не Горгону: до такой степени ненависть исказила ея черты, до такой степени распустившіеся волосы, длинными волокнами падавшіе ея нащеки, придавали ей странный и разительный видъ. Бюссьеръ отступилъ ипогрузился въ кресла.

— Ты за него не выйдешь за-мужъ, Жюльетта, ты за него не выйдешь. Болъе не станемъ объ этомъ говорить.

Другое обстоятельство, весьма впрочемъ обыкновенное, еще болъе утвердило Бюссьера въ его ръшимости и въ томъ убъждении, что этотъ бракъ былъ невозможенъ и что племянникъ его сдъдалъ такой поступокъ, какой молодыя дъвушки никогда не прощаютъ. Явился человъкъ отъ Шарлотты де-Мейранъ съ докладомъ, что господа его уъхали.

- Барышнъ сдълалось дурно, говорилъ слуга: во время прогулки въ Венсенскую рощу, а такъ-какъ бользнь не проходила и по возвращени, то онъ съ братцемъ отправились въ Парижъ.
- Она памърена тамъ встрътиться съ нимъ; произнесла Жюльетта съ холоднымъ презръніемъ, обращаясь къ Бюссьеру, когда слуга удалился: они стоютъ другъ друга....

Опустите одну каплю желчи, говоритъ Горацій, въ чашу, наполненную самымъ лучшимъ нектаромъ, и вотъ уже этотъ нектаръ отравленъ и вы не ръшитесь омочить въ него ваши уста. Такъ точно любовь Жюльетты не угасла, но превратилась въ злобу и ненависть. Анатоль, съ которымъ она дълила радость и горе своего дътства, товарищъ всъхъ ея забавъ, тотъ самый, въ которомъ она всегда признавала такъ много достоинства и красоты, обманулъ ее: нъсколько часовъ тому назадъ, онъ клялся ей въ любви, которой не чувствовалъ, и это только для того, чтобы послъ насмъхаться надъ ея довърчивостію съ другою дъвушкою, тоже ея подругой, но съ дъвушкою безстыдной. Жюльетта, будучи не въ силахъ себя удерживать, съ досадою топнула ногой и воскликнула:

- Не правда-ли, сударь? Никогда, никогда!...
- Будь спокойна, Жюльетта, никогда... Въроятно, мой племянникъ очень провинился предъ тобою? прибавилъ Бюссьеръ.

Взоръ молодой дъвушки и яркій румянець на щекахъ послужили безмолвнымъ отвътомъ на послъднія слова Бюссьера.

- По видимому, Жюлье́тта, нер'вшительно произнесъ онъ: ты его очень любила?
- Можетъ быть, съ гордостію отвъчала Жюльетта: но оть сегоднишняго утра до настоящей минуты такое разстояніе, что я едва могу вспомнить любовь, о которой вы мнъ говорите ...
- Мий кажется, сказаль Бюссьерь, показывая на сенть-манденскую дорогу:—что Анатоль отправился одинь. Надежда удержала-бы его здась. Онъ насъ оставиль, Жюльетта; что-же хочешь ты теперь далать?
 - Я прошу, чтобы вы меня выдали за мужъ...

Шарль Норбертъ, пользуясь приглашеніемъ Бюссьера, остался ожидать объда. Онъ прохаживался въ паркъ, въ ожиданіи появленія хозяевъ въ залъ, и проходилъ мимо оконъ въ ту минуту, когда, указывая на него, Бюссьеръ спросилъ свою воспитанницу:

— Ну, хочешь-ли ты за этого?

Жюльетта сдълала знакъ согласія головой.

— Какъ я несчастлива! воскликнула она, бросаясь въ объятія своего опекуна:

a mangle-life mangrafia, mangrafia di partito di propositione del propositione del propositione del propositio La propositione del proposition

an religio estrano de rindra per a III. de acada anguar consistentarios

НЕДОСТАТКИ НОРБЕРТА.

Когда Бюссьеръ объявилъ Норберту, что Жюльетта любила Анатоля де-Линана, то это обстоятельство показалось ему весьма ничтожнымъ, потому-что онъ питалъ глубокое презрънје къ фрачникамъ.

Во время объда онъ надъялся выказать въ полномъ блескъ свою граціозность, ловкіе, изящные пріемы и вообще всъ тъ преимущества, какими надълила его природа. На лбу у него былъ маленькій рубецъ, который не только его не портилъ, но еще много придавалъ его марсовскому выраженію. Черные усики улана чудно оттънялись эмалевою бълизной его зубовъ и это сообщало его лицу нъкоторую суровость; но онъ умълъ владъть глазами, смягчать ихъ и при случать придавать имъ томительное выраженіе любви. Онъ прославился своими похожденіями во многихъ городахъ и даже въ самомъ Парижъ. Въ Оперъ танцовщицы чувствовали къ нему особенное расположеніе.

Шарль Норбертъ былъ отчаянный дуэлистъ, игрокъ и знатокъ въ винахъ, и когда онъ проигрывалъ въ игрѣ или когда винные пары разгорячали его мозгъ, онъ дѣлался весьма необходителенъ, и даже грубъ и дерзокъ. И такъ онъ оставался на мызъ, въ надеждѣ взять верхъ надъ тщеславнымъ соперникомъ, какъ вдругъ замѣтилъ большую размолвку: Анатоль прошелъ мимо его съ разстроеннымъ лицомъ къ рѣшеткъ.

— Oro! воскликнулъ Норбертъ: — только лишь я прівхаль, этотъ господинъ уже удаляется!

Жюльетта, блъдная, устремилась въ съни....

 И такъ, я здъсь не лишнее лицо, какъ я вижу, мысленно произнесъ уланъ.

Какъ намъ извъстно, Мейраны тоже уъхали

Оставаясь одинъ и невольно размышляя объ этомъ всеобщемъ бъгствъ, Норбертъ прошелъ мимо оконъ Бюссьера и, идучи все прямо, приблизился къ сараямъ. Карета еще не была поставлена въ сарай, хотя лошади были отпряжены и довольно пожилая женщина разговаривала съ кучеромъ Пикаромъ. Эта дама была г-жа де-Линанъ. Она тотчасъ догадалась, что Жюльетта перемънила свои намъренія; что Анатоль ушелъ не простившись, по неудовольствію, тъмъ болье, что дъвица Мейранътакже уъхала; желая нъсколько удостовъриться въ своихъ догадкахъ, г-жа де-Линанъ обратилась къ кучеру Пикару, полагая, что онъ можетъ ей объяснить причины. Пикаръ могъ ей объяснить только одно обстоятельство, что во время прогулки барьниня Жюльетта пришла въ такое негодованіе, что хотъла выдти изъ кареты, не смотря на грозу и дождь.

— Эта дъвушка вспыльчива, подумала г-жа де Линанъ: — даже слуги удивляются ея выходкамъ. Что будетъ дълать Анатоль съ такою женой? Они еще не женаты, и уже ссорятся.

Увидъвъ улана и зная его намъреніе, она обратилась къ нему съ особенною въжливостію:

- Гдъ вы были во время бури? спросила она:—я все сидъла одна въ залъ... притомъ я тоже боюсь бури, и все искала, чтобы кто-ни-будь меня успокоилъ... Гдъ вы были?
- Въ кабинетъ г. Бюссьера, отвъчалъ поручикъ: онъ мнъ показывалъ индъйскія оружія....
- Ружье Типпо-Саиба?
- Но, сударыня, возразилъ поручикъ: мнѣ кажется, я вамъ помѣшалъ... Мое присутствіе васъ отвлекаетъ...
 - Г-жа де-Линанъ лукаво улыбнулась.

— Вы говорите о ссорѣ, которая произошла между Жюльеттой и моимъ сыномъ? Анатоль слишкомъ чувствителенъ; иногда одно слово, дурно понятое, оскорбляетъ его; Жюльетта вспыльчива. Вотъ ея единственный недостатокъ. Они сотворены другъ для друга, и любятъ другъ друга съ самаго дѣтства. Это была ссора любящихся. Я вамъ сейчасъ говорила о грозѣ; посмотрите на небо: оно опять чисто и ясно.... Увѣряю васъ, что завтра-же Жюльетта и мой сынъ будутъ такъ же спокойны, какъ это небо, и будутъ любить другъ друга съ прежнею горячностію.

Не смотря на такую увъренность, г-жа де-Линанъ съ прискорбіемъ смотръла во время объда, какъ Норбертъ, сидя подлъ Жюльетты, расточалъ передъ нею ласковыя фразы. На этотъ разъ онъ былъ любезенъ, даже болъе: онъ былъ ловокъ.

Бюссьеръ, ръшительно не зная ничего о происходившемъ во время прогулки, завелъ ръчь о скоромъ отъъздъ Мейрановъ и о дъвицъ Мейранъ. Норбертъ, постигнувъ соперничество двухъ подругъ, воспользовался случаемъ и разсказалъ, что онъ видълъ, какъ эта молодая особа садилась въ карету, отправляясь въ Парижъ.

- Она, кажется, очень обыкновенная блондинка, замѣтилъ онъ:— мнѣ показалось даже, что она не столько больна, какъ обезпокоена и встревожена; братъ ея напротивъ того имѣетъ наружность образованнаго молодаго человѣка...
- Какъ вы находите сестру? спросила Жюльетта, стараясь казаться хладнокровною.
- Она вовсе не хороша; но въ ея лицъ замътна хитрость. Скажу откровенно, что еслибъ я былъ мужемъ этой особы и по какимъ-нибудь причинамъ пересталъ-бы ей нравиться, то я не былъ-бы спокоенъ.

Бюссьеръ вооружился противъ такого объясненія на счетъ дочери хорошаго его пріятеля, тъмъ болье, что это обвиненіе не было ни на чемъ основано, и Норбертъ не могъ выдавать себя за ученика Лафатера. Жюльетта была довольна и на ея устахъ скользила улыбка.

По окончаніи объда, госпожа де-Линанъ взяла подъ руку Жюльетту. Жюльетта очень неохотно покорилась необходимости съ ней объясняться.

- Что такое у васъ произошло съ сегодняшняго утра?.. спросила мать Анатоля.
- Ничего. Что касается до васъ, г-жа де-Линанъ, я всегда сохраню къ вамъ мое уважение; но вашъ сынъ васъ обманывалъ ...
- Мой сынъ неспособенъ обманывать.

Произнеся эти слова, г-жа де-Линанъ вышла изъ залы, потребовала свою карету и убхала въ Парижъ.

Должно замѣтить, что Жюльетта, именно такъ, какъ о томъ думала г-жа де-Линанъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ обладала здравымъ смысломъ, который всегда позволялъ ей видѣть вещи въ ихъ настоящемъ видѣ. Ее пугала теперь ненависть, какая вдругъ наполнила ея сердце, и которая такъ внезапно ее окружила: г-жа де-Линанъ, Шарлотта де-Мейранъ, Анатоль, столько непремиримыхъ враговъ!

— Что-же въ томъ, повторяла она: — развъ я ихъ обманывала? на противъ, они сами тянули меня въ свои съти...

Она удалилась въ паркъ, чтобы, такъ сказать, еще пристальнъе посовътоваться съ своимъ сердцемъ. Норбертъ остался съ Бюссьеромъ.

Уланъ очень хорошо постигаль, что его предложеніе было принято, что онъ нравится Жюльетть, что онъ соотвытствуеть видамъ Бюссьера, что соперникъ его со стыдомъ бъжалъ: однимъ словомъ Норбертъ, по обыкновенію, торжествовалъ. Но въ настоящемъ случав онъ долженъ былъ показать кротость.

— Признаюсь вамъ, говорилъ ему Бюссьеръ: — что я ръшительно не понимаю, что у меня сегодня происходитъ въ домъ. Моя воспитанница по утру была влюблена въ моего племянника, вечеромъ его ненавидитъ; сестра уъхала, не сказавъ ни слова; Жюльетта повздорила съ искреннею своею подругой дъвицей де-Мейранъ. Но я могу вамъ сказать только то, что Жюльетта очень рада вамъ, и каждый вашъ прітадъ будетъ для нея новымъ удовольствіемъ.

Норбертъ понималь чему приписать событія, которыя казались такими странными Бюссьеру. Все это произошло отъ одной причины—отъ его появленія. Однако онъ кротко простился съ Бюссьеромъ и отправился въ паркъ, чтобы встрътить Жюльетту. Но Жюльетты уже не было въ паркъ. Она вошла въ свою комнату, съ тъмъ, чтобы этотъ вечеръ болъе не выходить изъ нея.

День этоть быль тяжель для дъвушки. Она легла спать; но сонь бъжаль ея глазь ... Опустивъ голову на подушку и скрестивъ руки на груди, она долго лежала съ открытыми глазами, въ состояніи человъка, когда онь хочеть собрать всъ силы души своей и правильно обдумать свое положеніе. Она уже болье не сомнъвалась въ своей ненависти къ Анатолю; притомъ Жюльетть представлялась очень выгодная партія, даже блестящая, которая могла болье всего досадить Анатолю. Жюльета остановилась на этой мысли. Она не раскаявалась, что изъявила согласів своему опекуну. Но ей хотьлось разсудить, точно-ли этотъ

выборь могъ соотвътствовать ея желаніямъ и надеждамъ. Норбертъ быль красивый мужчина, но за объдомъ Жюльетта легко замътила, что, не смотря на все желаніе Норберта очаровать ее онъ человъкъ пустой, занятый собоювъ вы сшей степени и неположительный, надъ которымъ легко было взять верхъ и удержать свою власть.

Съ этою мыслію Жюльетта заснула и, проснувшись на другой деньеще болье утвердилась въ своемъ намъреніи.

- И такъ я рѣшаюсь выйти за-мужъ за поручика, говорила она са, мой себѣ, въ то время, когда горничная убирала ей голову: хотя еще вчера я смѣялась надъ Шарлоттой за ея выборъ.
- Справедливо-ли сударыня, что вы идете за мужъ? спросила горичная.
 - Кто-же распространяеть эти новости?
 - Кучеръ Пикаръ...
 - Разскажи пожалуйста, что говоритъ Цикаръ?
- Кажется, вчера, сударыня, Пикаръ тадилъ съ вами въ Венсенскую рощу?..
 - Справедливо...
- Съ вами были въ каретъ Шарлотта де-Мейранъ, ея братецъ и г. де-Линанъ, который такъ васъ любитъ.
- Не повторяй мнъ всего этого, Клодина, это уже все мнъ извъстно... дальше...
 - Быда гроза... продолжала Клодина.
 - Дальше что?
- Во время грозы вы, сударыня, изволили заспорить съ господиномъ Линаномъ, и, сударыня, вы такъ осердились, что хотъли выйти изъ кареты, только чтобъ не видъть г. де-Линана, а г. де-Линанъ уъхалъ въ Парижъ, чтобы только не объдать вмъстъ съ вами, сударыня... Совершенная размолвка...
 - И по этому Пикаръ заключаетъ о моей скорой свадьбъ?..
 - Да, сударыня.
- И такъ, моя милая, ты можешь сказать Пикару, что онъ ошибается и распространяетъ ложные слухи..:
 - Какъ! вы, сударыня, не пойдете за-мужъ за г. Анатоля?
 - Никогда, Клодина, благодаря Бога?...
- Значить, вы пойдете за г. де-Мейрана?

Жюльетта еще объ этомъ не подумала и ей подазалось неблагодарностію пренебречь въ этомъ случать Мейраномъ; правда, что онъ не искалъ ея руки; но ей было непріятно, что со вчерашняго дня она не подумала о томъ юношъ, который во время исторіи съ флакономъ, ръшительно взялъ ея сторону. Какъ вдругъ воображенію ея представился Шарль Норбертъ, и мысли ея приняли совершенно другое направленіе, такъ-что ненависть къ Шарлоттъ заставила ее невыгодно подумать о ея братъ.

- Нътъ, Клодина, нътъ! я не выйду за-мужъ за Мейрана... отвъчала она.
- Въ такомъ случат вы выйдете за этого красиваго барина, который вчера прітажаль въ великольшномъ кабріолеть и на богатьйшемъ конь?...
 - Ты угадала наконецъ, Клодина. Можешь сообщить это и Пикару.

IV.

АНОНИМНОЕ ПИСЬМО.

Норберть быль богать и расточителень, но при всемь этомь онь не имѣль собственнаго дома въ Парижѣ, во-первыхъ потому-что онъ быль холостякъ, и во-вторыхъ, что не сегодня, такъ завтра полкъ могъ выступить изъ столицы. Въ силу этихъ причинъ Норбертъ нанималъ небольшую, но изящную квартиру для холостаго, въ Кастильонской улицѣ. Здѣсь-то собирались къ нему его пріятели и оперныя знаменитости. Въ слѣдующій день, послѣ того дня, въ который мы имѣли честь его вамъ представить, поручикъ угощалъ завтракомъ трехъ своихъ товарищей, съ которыми былъ въ короткихъ сношеніяхъ. Въ тѣ времена всевозможные завтраки отличались чрезмѣрнымъ истребленіемъ устрицъ, запиваемыхъ хорошимъ шабли Вслѣдъ за шабли и устрицами, когда гости чувствовали себя въ пріятномъ расположеніи духа, подавали дичь, морскіе раки, чудно приготовленные г жею Неве, и, безъ сомнѣнія, при этомъ занимало не послѣднее мѣсто шампанское: самая удобная минута для чистосердечныхъ признаній.

- Я женюсь господа, сказалъ Шарль своимъ друзьямъ.
- Ты? Но тебъ еще необходимо совершить десять походовъ прежде женитьбы...
 - Господа, я женюсь.
 - На комъ-же?

- Вчера я видълъ мою невъсту въ первый разъ.... Женюсь на красавицъ, какихъ я никогда не встръчалъ, и притомъ на одной изъ богатъйшихъ невъстъ....
- Что-жъ, не дурно, замътилъ одинъ изъ товарищей: —я самъ охотно-бы женился на богатой невъстъ.
- Ей-ей, господа, когда вы увидите мою жену, вы согласитесь,
 что никогда не могло быть лучшей невъсты.
- И вы отказываетесь совершенно отъ Оперы? Оставляете Олимпію, не исполнивъ объщаній, какія вы ей сдълали?..
- Что это значить, капитань? Ужь не утъщается-ли она надеждой выйдти за меня за-мужъ?
- Я не думаю, чтобъ она такъ далеко простирала свои виды, возразилъ капитанъ: для этого нужно, чтобъ вы оставили службу, а она Оперу, что весьма не выгодно для того и другаго... Но, дъло не въ томъ вы дали ей объщаніе, которымъ она дорожитъ...
- Что-же такое? спросиль поручикь, дававшій объщанія съ такою-же поспъшностію, съ какою онь ихъ позабываль.
- Вы объщали ей освободить ее отъ должности хористки и доставить ей случай танцовать на de deux съ Полемъ Аэріеномъ.
- Это правда, капитанъ, я объ этомъ забылъ. Впрочемъ это легко для меня исполнить: я выпрошу у Ремюзе назначение дебюта, переговорю съ Полемъ и онъ върно согласится съ нею танцовать; для меня онъ не откажетъ...
- Хорошо, возразилъ капитанъ:—но есть еще статья, которую вы должны исполнить...
- Говорите, капитанъ, я человъкъ услужливый и хочу по себъ оставить хорошую память...
- Вы объщали не жениться ни на комъ, ранъе сорока лътъ, а какъ вамъ теперь тридцать...

Вошедшій слуга объявиль о прибытіи актрисы Олимпіи.

Олимпія вошла въ комнату съ улыбкою на устахъ. Это было маленькое очаровательное существо, легкое какъ сильфида, съ личикомъ, исполненнымъ граціи; китайскіе глазки ея горѣли съ особенною яркостью. Возвращаясь домой, послѣ репетиціи, Олимпія случайно встрѣтила мальчика, который бѣжалъ къ Норберту съ превосходною яичницей отъ ресторанта Шеве. Танцовщица проголодалась. Норбертъ, не замѣтивъ въ танцовщицѣ никакихъ признаковъ досады, успокоился и предложилъ ей вкушать ароматическую яичницу. Олимпія пожелала также устрицъ, потомъ ей подали дичину, раковъ; она любила также шампанское. Она ѣла съ большимъ аппетитомъ.

- А я чуть не забыла, любезный Норбертъ! произнесла она, обмакивая кусокъ пирога въ шампанское: правда-ли, что вы женитесь? Браншю объ этомъ разсказала Вестрисъ, Вестрисъ передала эту новость Клотильдъ, Клотильда сообщила ее Мари, а Мари на репетиціи мнъ...
- Вотъ какъ хранять тайны въ Оперъ... замътиль одинъ изъ собесъдниковъ.

Но Олимпія была не въ такомъ расположеніи духа, чтобы ссориться; жете-баттю утомляють, и пищевареніе требуеть нѣкотораго спокойствія, которымъ въ эту минуту сильфида желала вполнѣ насладиться. По-видимому она рѣшилась дѣйствовать мѣрами кротости, от вергая крикъ, слезы, плачъ, упреки, вопли, какъ средства, позволительныя только рыночнымъ торговкамъ; такія манеры были-бы неприличны корифейкѣ, мечтавшей сдѣлаться одною изъ первыхъ знаменитостей Оперы.

- А что, мосьё Норбертъ, произнесла она болъзненнымъ голосомъ: успъли вы до завтрака посътить очаровательную Жюльетту де-Понти?..
- Какъ, Олимпія! воскликнулъ встревоженный Норберть: ты знаешь?
- Славно! Вы забыли, что я двоюродная сестра Пикара, кучера Бюссьера? И вы думаете, что мы ничего не знаемъ? Если вы сегодня еще не видъли Жюльетты, то поспъшите... Она получила маленькое посланіе, нъсколько касающееся васъ...
 - Посланіе, касающееся меня? воскликнулъ Нороертъ.
- О! я просто послала за Жирардомъ, публичнымъ писцомъ, потому-что онъ въ нашей балетной труппъ постоянно исправляетъ должность секретаря... и вотъ ему-то продиктовали маленькую біографію... болъе ничего...

При этихъ словахъ Норбертъ побагровълъ отъ злости. Онъ быстро выскочилъ изъ-за стола и бросился къ ней съ досадою Собесъдники заступились за танцовщицу. Олимпія, видя свою безопасность, продолжала грызть пирогъ и запивать шампанскимъ.

— Успокойтесь—поручикъ, замѣтилъ капитанъ: кчему такъ горячится!
— Капитанъ, возразилъ Норбертъ: —позвольте мнъ распоряжаться въ моихъ дълахъ такъ, какъ я хочу...

Капитанъ Вольскій, такъ его звали, всегда выдавалъ себя услужливымъ кавалеромъ и защитникомъ слабыхъ. При послъднихъ словахъ поручика, онъ сурово на него поглядълъ и тъмъ далъ ему почувствовать, что ръшительно беретъ сторону Олимпіи. Поручикъ посиъшилъ ему замътить, что въ такомъ случаъ онъ будеть ему отвъчать за посланіе, полученное Жюльеттой.

Капитанъ подалъ ей свою руку и они вышли.

— Господа, сказалъ Норбертъ: —вы согласитесь въ справедливости моего негодованія. Ничтожная женщина оклеветала меня передъ моей невъстой. Я могу потерять чудесную партію, а Вольскій беретъ сторону Олимпіи, присвоиваетъ себъ право защищать ее противъ меня... Какое оскорбленіе!...

Одинъ изъ товарищей сохранялъ спокойствіе духа, необходимое чтобы подать добрый совътъ.

- Любезный Норбертъ, сказалъ онъ: что касается до Олимпіи, я не берусь на себя оправдывать ее; но вы напрасно сердитесь на капитана...
 - Почему такъ? воскликнулъ Норбертъ.
- Онъ предохранилъ васъ отъ поступка, въ которомъ вы-бы раскаявались черезъ часъ времени. Чъмъ-бы не кончилась ваша ссора, во всякомъ случаъ бракъ вашъ черезъ это не состоится...

Въ этихъ деводахъ было такъ много благоразумія, что Норбертъ, хотя не вполнѣ разувѣренный, рѣшился уступить. Онъ безпокоился только о посланіи баллетантокъ. Ему хотѣлось удостовѣриться, въ ка кой степени Олимпія была опасна. Норбертъ простился съ своими товарищами и поспѣшилъ на мызу Бюссьера. Опекуна не было дома; воспитанница сидѣла одна въ залѣ и вышивала. Поручикъ разсыпался въ похвалахъ работѣ. Ничего нельзя было замѣтить на лицѣ Жюльетты, вполнѣ занятой своимъ дѣломъ.

Разговоръ съ Жюльеттой начался съ обыкновенныхъ предметовъ; говорили о модахъ, театрахъ, объ актрисъ Марсъ, которая затмила ея предшественницу Кантату, о превосходствъ Тальмы надъ Лекеномъ, а наконецъ объ оперъ.

- Посъщаете ли вы когда-нибудь Оперу? спросила Жюльетта.
- Никогда.
- Я почти была въ томъ увърена.
- Осмълюсь спросить васъ: что породило въ васъ такое убъжденіе?

Жюльетта приподняла шитье съ своего рабочаго столика и передала Норберту небольшую записку.

Вотъ письмо, сударь, сказала она—которое доказываетъ противное.

Норбертъ протянулъ руку, чтобы взять посланіе, но Жюльетта от дернула письмо съ презръніемъ.

 Фи, не стоитъ труда! Анонимное письмо! Я краситю даже за мой вопросъ.

Она разорвала письмо и бросила на полъ.

- Анонимное письмо! продолжала она: есть орудіе людей низкихъ.
- Вы правы.
- Васъ стараются очернить сударь, и я единственная тому причина, я это знаю... Тъмъ болъе уважаю васъ.

Норбертъ былъ въ восхищеніи, что дѣло приняло такой счастливый оборотъ, старался всячески воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, чтобы себя совершенно оправдать.

- Я-бы желалъ только знать, въ чемъ меня обвиняютъ?
- Что вамъ до этого? Письмо не подписано: этого достаточно.
- Ахъ, еслибъ я зналъ имя клеветника или клеветницы!
- Есть люди, способные на все; но эта стръла пущена не женщиною
- Вы думаете?
- Я въ томъ увърена.
- Вы, значить. догадываетесь, откуда это письмо?...
- Какъ нельзя лучше.
- Ахъ, произнесъ Норбертъ, нъсколько встревоженный: такъ вы знаете?
 - Да, сударь, кажется я не ошибаюсь.

Не мъшаетъ припомнить, что Олимпія хвалилась своимъ родствомъ съ Пикаромъ. Слъдовательно ничего не было удивительнаго, что Жюльетта знала имя автора анонимнаго письма Эта возможность жестоко безпокоила поручика. Но Жюльетта не долго заставила его мучиться.

- Авторъ этого письма, сказала она: есть мой врагъ, мой личный врагъ.
- Я васъ умоляю, воскликнулъ Норбертъ, вскакивая съ своего мъста: скажите мнъ его имя... умоляю, скажите...
 - Нътъ, сударь ... никогда.
 - Вашъ врагъ, столько-же мнъ врагъ, прибавилъ Норбертъ.
- Благодарю васъ, отвъчала Жюльетта: но подумайте хорошенько; доказательства нътъ и его никогда не будетъ. Вотъ почему анонимное письмо не имъетъ никакого значенія.

Жюльетта не могла забыть приключеній вчерашнаго дня и она, по странному предубъжденію, приписывала это письмо Анатолю де-Линану, обвиняя его въ такомъ дълъ, о которомъ онъ ровно ничего не зналъ.

— Я васъ прошу, сударь, сказала она Норберту: — не старайтесь

узнавать, кого я подозръваю, и ничего объ этомъ не разсказывайте моему опекуну.

Норбертъ охотно объщалъ ей исполнить эти два требованія. О, сколько дъвица де-Понти заблуждалась въ своихъ догадкахъ, думалъ онъ, она осуждала невиннаго и не имъла понятія о настоящей виновницъ. Все устроилось къ лучшему и Вольскій дъйствительно оказалъ ему услугу. Чъмъ чаще поручикъ бывалъ у Бюссьера, тъмъ болье и болье очаровывался Жюльеттой.

— Не пройдетъ и недъли, воскликнулъ онъ однажды, оставаясь наединъ: — какъ я буду влюбленъ въ нее до безумія ... Она увърена, что я не посъщаю Оперы—и я не буду туда ъздить... Счастливъ тотъ, кто такими сладостными путями можетъ быть обращенъ къ благоразудію, какъ, на-примъръ, это теперь совершилось со мною!

Посль такой ръшимости, Норбертъ исключительно предался удовольствію бывать у Бюссьера и изъясняться въ любви предъ его воспитанницей. Въ одну изътакихъ минутъ, когда они оставались вдвоемъ и, какъ люди еще мало знакомые, затруднялись приступить къ ръшительному объясненію, явился Биссьеръ, и своимъ присуствіемъ разръшилъ все затрудненіе.

Они были помолвлены, даже опредъленъ день, когда должна была совершиться въ Парижъ ихъ свадьба. Бюссьеръ занималъ въ Парижъ цълый домъ, въ улицъ Серютти. Домъ этотъ былъ собственность Жюльетты. Было ръшено, что молодые будутъ жить въ этомъ-же домъ вмъстъ съ опекуномъ. Норбертъ тотчасъ-же отправился въ Парижъ, и накупилъ брилліантовъ, шалей, прошивныхъ батистовыхъ платочковъ и множество бездълицъ, которыя должны были наполнить свадебную корзину.

— Пишите анонимныя письма, милая Олимпія, повторяль самому себъ поручикъ, въъзжая въ Парижъ: выдумывайте, что угодно: мы стоимъ выше всъхъ этихъ закулисныхъ дрязгъ...

Наступилъ день свадьбы поручика Шарля Норберта и Жюльетты де-Понти

Г-жа де-Линанъ отправилась къ меру, смотръть церемонію.

Олимпія также повхала туда. Ей пришла странная мысль наря диться въ трауръ: черное креповое платье изящно обрисовывало ея станъ; легкая черная воаль ниспадала съ головы, но выраженіе лица ни мало не соотвътствовало мрачному наряду.

Анатоль также желалъ видъть эту свадьбу. Въ ожиданіи жениха и невъсты онъ искалъ Шарлотты. Она вскоръ пріъхала и, замътивъ Анатоля, помъстилась у окна, откуда удобно могла его видъть и быть имъ видима. Затъмъ прибыли женихъ и невъста.

Норбертъ вошелъ первымъ въ своемъ свадебномъ нарядъ. На немъ былъ надътъ голубой мундиръ съ золотыми пуговицами, бълый жилетъ, бълые казимировые панталоны, поверхъ которыхъ были надъты почти до колънъ такъ называемые суворовскіе сапожки, съ золотыми застежками. Онъ узналъ въ толпъ нъкоторыхъ своихъ товарищей и привътствовалъ ихъ легкимъ движеніемъ руки.

Жюльетта была очаровательна уже сама по себъ, но брилліанты и великольный нарядь придавали ей очень много. Бълое платье превосходно обрисовывало ея талію; свадебный токъ и дъвичій букеть, которыми была убрана ея голова, придавали ея чернымъ волосамъ блестящій и голубой отливъ. Она съ удовольствіемъ смотръла на Норберта, шедшаго передъ нею, но вдругъ лицо ея приняло совсьмъ другое выраженіе: она увидъла Шарлотту. Жюльетта отвернулась и глазамъ ея представился Анатоль. Жюльетта поблъднъла, потомъ вспыхнула.

Брачная церемонія окончилась благополучно. Только съ Олимпіей сдълалось дурно; она въ обморокъ упала и Вольскій отвезъ ее домой.

Черезъ нъсколько дней послъ этой свадьбы, Анатоль получилъ на значение вхать изъ Парижа. Онъ простился съ Шарлоттой, объщалъ вести постоянную переписку и сожальль, что этотъ отъвздъ разрушаетъ его, планы Анатоль замътилъ въ Шарлоттъ такъ много кротости и такое къ нему расположение, какихъ онъ всегда искалъ въ любимой имъ дъвушкъ. Еще болъе: Шарлотта, казалось, имъла къ нему неограниченное уважение, раздъляла всъ его мысли, соглашалась съ его суждениями и смотръла на него, какъ на человъка, способнаго занять почетное мъсто. Очень естественно, что Анатоль платилъ Шарлоттъ тъмъ-же уважениемъ, какое она оказывала ему, а отъ такого уважения одинъ шагъ къ чувству болъе нъжному и болъе сильному.

— Она не такъ богата, повторялъ онъ самому себъ: но наши два состоянія, соединенныя вмъстъ, будутъ весьма достаточны для безбъдной жизни. Съ. Шардоттой я буду гораздо счастливъе, чъмъ съ гордою Жюльеттою де-Понти.

Шарлотта всегда отличала Анатоля передъ другими молодыми людьми... Дъвица де Понти не ошиблась въ своихъ догадкахъ, какъ вообще ревнивыя женщины ръдко ошибаются... Шарлотта была довольно холодна къ Гюставу, своему кузену, драгунскому капитану, и со времени ссоры съ Жюльеттой, она гордилась, что могла быть причиною ея размолвки съ Анатолемъ. Если-бы не Шарлотта де-Мейранъ, то Жюльетта вышла-бы за-мужъ за Анатоля.

— Онъ меня любитъ, любитъ давно, говорила она себъ: — онъ всегда любилъ меня ... Такъ, я выйду за-мужъ за человъка достойнаго, умнаго, дъятельнаго, не такого, какъ мужъ Жюльетты

Но какъ-будто нарочно, Шарлоттъ во всемъ противоръчилъ ен братъ. Эрнестъ де-Майранъ питалъ большое уважение къ г-жъ Норбертъ и невыгодно отзывался объ Анатолъ, считая его гордымъ и пустымъ человъкомъ.

Г-жа де-Линанъ была очень рада отътзду своего сына.

Marie Land Company of the Company of the State of the Sta

Single acceptance of the Real action of the Commission of Chicago, and the second of the commission of

· 通知的特别的意义。由于1950年的1950年的1950年的1950年的1950年的1950年的1950年的1950年的1950年的1950年的1950年的1950年的1950年的1950年的1950年的1950年的1

ter en la la companya de la company La companya de la co

and its to be a selection of the selecti

танцовщица олимпія.

Молодые супруги пламенно любили другъ друга. Норбертъ мало-помалу замътилъ, что Жюльетта очень умна, и совершенно подчинился ея превосходству, пользуясь почти при всякомъ удобномъ случать ея совътами. Г-жа Норбертъ между тъмъ имъла большой успъхъ въ свътъ: она блистала на вечерахъ и раутахъ. Тутъ ей пришелъ на мысль Эрнестъ де-Мейранъ. Онъ еще не имълъ-мъста на службъ, но, получивъ блестящее образованіе, былъ способенъ къ занятію любей должности.

По прошествін нъсколькихъ дней, Эрнестъ получилъ превосходное мъсто и былъ этимъ одолженъ г-жъ Норбертъ.

Между-тъмъ Жюльетта, замътивъ свое превосходство надъ мужемъ, ръшилась съ нимъ поговорить нъсколько положительнъе.

- Милый Шарль, сказала она: ты меня любишь я въ этомъ не сомнъваюсь.
- Я тоже тебя люблю, и отъ тебя зависить сохранить эту любовь... Знаешь-ли ты, что эта любовь едва не превратилась въ ненависть?...
 - Какимъ-образомъ? спросилъ испуганный поручикъ.
- Помнишь-ли ты анонимное письмо, которое я изорвала въ твоихъ глазахъ?..
- Очень хорошо помню, Жюльетта... И ты знаешь, кто его писаль?
 - Я знала и тогда.
 - И ты мит скажешь его имя?...

- Ты объщалъ миъ никогда его не спрашивать...
 - Это справедливо.
- Но, продолжала Жюльетта: я тогда сказала тебѣ, что я ограничилась пробъжать нъсколько первыхъ строкъ письма, между тъмъ какъ я его все прочла.
 - Въ-самомъ-дълъ?
- Да, сударь, я справлялась, и въ цисьмъ было нъчто справедливое ..
 - Подумай о томъ Жюльетта, что меня обвиняли передъ тобой.
 - Это одно тебя извиняетъ ... произнесла Жюльетта.

Норбертъ нъжно поцъловалъ ея руку. Жюльетта продолжала.

- Ты помнишь день нашей свадьбы, Шарль? спросила она.
- О, этотъ день, Жюльетта, останется для меня незабвеннымъ...
- Ты не забылъ женщины въ трауръ, съ которою сдълалось дурно?
- Не помню Жюльетта! но...
- Позволь, дружокъ, позволь: эта женщина Олимпія.
- Какъ! ты знаешь?
- Я все знаю, Шарль, потому-что я тебя люблю. Ты должент мнт объщать, что болже съ нею не увидишься.

Норбертъ объщалъ исполнить просьбу жены, увъряя ее, что онъ самъ былъ такихъ-же мыслей.

- Я знала это, Шарль, возразила ему жена:—и потому рѣшилась говорить о такомъ щекотливомъ предметѣ ...
- Увъряю тебя, сказалъ Норбертъ, обнимая свою жену:—что я болъе никогда ее не увижу.
- Ахъ, Боже мой! Шарль! воскликнула Жюльетта: дъло не вътомъ! Ты очень заблуждаешься, если приписываешь мои опасенія пансіонской ревности ... Я хочу уъхать изъ Парижа.
 - Потдемъ на мызу Бюссьера, если хочешь, Жюльетта.
 - Я хочу оставить Парижъ вмѣстѣ съ тобой.
 - Со мной? А служба?
 - Ты возьмешь отпускъ.
 - Куда-же мы повдемъ? смвясь спросиль Норбертъ.
- Мит хочется такать въ Неаполь, въ Римъ, и я хочу непремънно такать съ тобою вмъстъ; я нездорова, мит душно въ Парижъ ... Мит хочется пожить хотъ нъсколько времени подъ роскошнымъ небомъ очаровательной страны, Неужели, Шарль, ты не хочешь исполнить моего желанія?
- Жюльетта, отвъчалъ Шарль, нъжно поцъловавъ ее: еслибъ я могъ, то нътъ никакого сомнънія!

- Твоего согласія для меня достаточно, Шарль! Я съ моей стороны твердо и положительно этого желаю. Я хочу даже если тебя освободять, чтобы мы съ тобою оставили Парижъ въ скоръйшемъ времени ... не позже завтрашняго дня ... Объщаешь—ли ты мнъ?
 - Отъ всего моего сердца! воскликнулъ Норо́ертъ.
 - Посылай-же нанять почтовыхъ лошадей на завтрашнее утро...

Поручикъ отправился въ главный штабъ, чтобы запастись отпускомъ отъ полковника

Жюльетта позвонила и приказала вошедшей горничной все приготовить къ завтрашнему отъйзду.

Но теперь мы переносимся изъ великолъпныхъ комнатъ въ скромную квартиру корифеи.

Сорокъ лътъ тому назадъ, въ улицъ Св. Анны, красовались два смежные дома. Въ настоящее время они не существують; на мъстъ ихъ возвышается огромный домъ, котораго весь нижній этажъ занятъ магазиномъ ръдкостей и новинокъ. Въ одномъ изъ этихъ сосъдственныхъ домовъ, Олимпія занимала квартиру въ третьемъ этажъ. Надо было войти по довольно темной и грязной ластница и постучать въдверь: если дверь отворялась, то первое, что представлялось взорамъ посътителя, была маленькая и совершенно темная горница; изъ нея двъ двери, одна вела въ постоянно холодную, нетопленую кухню-по весьма естественнымъ причинамъ: Олимпія любила хорошо покушать только тогда, когда ее приглашали на объдъ, а дома она довольствовалась маленькимъ кусочкомъ чего-нибудь, или посылала взять для себя четверку галантина у колбасника, торговавшаго на углу улицы .. Другая дверь отворялась прямо въ столовую, по большей части пустую, въроятно, по причинъ пустоты на кухив. Изъ залы можно было пройти въ кабинетъ. Въ кабинеть танцовщицы быль настлань особенный поль, на которомъ она твердила свои баттеманъ и жетте, или приготовлялась къ уроку Жирарда. Вообще, квартирка Олимпіи была довольно скромная, а при всемъ томъ она возбуждала зависть въ ся подругахъ, которыя далеко не пользовались такимъ благоденствіемъ.

Не такова была Олимпія. Въ вознагражденіе кухни и столовой ее всегда можно было застать дома въ весьма чистомъ и даже изысканномъ нарядъ. Сохраняя нъкоторыя привычки своего дътства, еще того времени, когда она жила подъ крыломъ матери, танцовщица любила ухаживать за цвътами. На окнахъ ея чудно красовались ерань, базилики, кобея; ихъ густая тънь, заслоняя собою всъ окна, распространяла въ комнатъ таинственный полусвътъ и наполняла ее благоуханіемъ. По объ-

имъ сторонамъ камина стояли гортензіи. Далье, между двухъ вазъ, находились въ футляръ изъ краснаго дерева скромненькіе стънные часы. Достоинство этихъ часовъ заключалось не въ ихъ ръдкости и дороговизнъ, а въ томъ, что, при всей ихъ простотъ, они върно показывали время репетицій и спектаклей.

Олимиія была расчетлива. Какія-бы деньги она не получала, тотчасъ раздъляла ихъ на три части: одна предназначалась для настоящихъ расходовъ, другая въ пользу бъдныхъ подругъ, третья присоединялась къ запасному капиталу. Не все-же быть молодой, думала она; придетъ старость, тогда эти деньги пригодятся. Бывъ до такой степени умъренною и расчетливою у себя дома, Олимпія дълалась ненасытною, когда могла покушать на чужой счетъ. Одна только страсть омрачала ея сердце: то было самолюбіе и гнъвъ.

Жюльетта, при одномъ взглядѣ на тонцовщицу, постигла ея характеръ и наклонности, тогда какъ для безпечнаго наблюдателя все это скрывалось подъ самыми пріятными и нѣжными прикрытіями. Это и заставило Жюльетту опасаться за своего мужа и мы вскорѣ увидимъ, что опасенія ея были не безъ основанія.

Воротившись домой послѣ свадьбы, Олимпія тотчасъ послала за театральнымъ докторомъ. Вольскій видѣлъ, какъ она упала въ обморокъ, но не зналъ, что при этомъ она ушибла ногу.

Черезъ полчаса ключница объявила Олимпіи о прибытіи доктора.

На этотъ разъ Маллье былъ дежурнымъ докторомъ и онъ явился на призывъ Олимий. Маллье былъ мужчина лътъ около сорока пяти, но, несмотря на зрълость возраста, онъ съ такою-же легкостью виталъ за кулисами Оперы, съ какою Зефиръ Поль пародировалъ на сценъ въ кругу нимфъ Діаны или подругъ Флоры. Докторъ Маллье одъвался съ изысканностью; манеры его отзывались чопорностью, и еслибъ еще ему придать шпагу и трехъ-угольную шляпу, такъ онъ имълъ-бы видъ совершеннаго маркиза; въ его карманахъ можно было всегда найти обильный запасъ пастилокъ, жюжюбовъ, бульдегомовъ и душистой лакрицы. Всъ эти сокровища онъ расточалъ съ истинною щедростью преимущественно знаменитостямъ оперы и балета. Докторъ подошелъ къ Олимпіи, понробовалъ у нея пульсъ, какъ это водится у нихъ обыкновенно, и, отстунивъ къ камину, приложилъ свой носъ къ поблекшей гортензіи.

— И такъ, у насъ болитъ-горлышко?.. произносилъ онъ: — ахъ, виноватъ, я и забылъ, что вы танцовщица; въроятно, у васъ боль подъ лодышкой....

Олимпія испустила легкій стонъ. Докторъ продолжаль:

- Кашель, вотъ что а я забыль мои жюжюбы у Мильерье.... У насъ, въроятно, также мигрень?... Сегодня утромъ была прекрасная погода и я катался верхомъ на чудной лошадкъ. Франкони нарочно для меня ее выъздилъ.... Завтра буду также кататься....
 - Докторъ, произнесла Олимпія со слезами на глазахъ
 - Я васъ увъряю, что у васъ нътъ жару....
- Я боюсь, не сломана-ли у меня нога произнесла Олимпія, бледнея и съ полузакрытыми глазами.
 - Переломлена нога! Вы упали?
 - Да, докторъ....

Олимпія ръшилась наконецъ показать доктору свою ногу. Въ нъсколькихъ мъстахъ точно были замътны синія пятна и содранная кожа. Маллье съ большою осторожностью взялъ ногу, ощупалъ ее, встряхивалъ составы.

- Ахъ, ахъ, мнъ больно, докторъ! воскликнула Олимпія.
- Будьте спокойны, Олимпія, ваша нога не сломана; восемь дней и вы будете опять прыгать до карнизовъ оперной сцены....
- Восемь только дней! воскликнула танцовщица: никакъ не могу... я такъ страдаю, докторъ...
 - Ну, такъ пятнадцать дней....
 - Неправда-ли докторъ, Шарль Норбертъ, чудовище....
- Разумъется; вы должны дълать припарки изъ теплой воды съ солью....
 - Охъ нътъ, докторъ, увольте....

Докторъ написалъ свидътельство, что Олимпія пятнадцать дней не можетъ являться на сценъ, и объщалъ въ тотъ-же вечеръ отправиться въ Оперу и сообщить тамъ всю исторію. Олимпія только этого желала.

На другой день капитанъ Вольскій явился къ Олимпіи. Онъ засталь ее лежащею на дивань: маленькія ножки ея отдыхали въ легкихъ изящныхъ башмачкахъ; голова была со вкусомъ обвернута индійскими тканями, и это придавало лицу ея, безъ того тревожному, выраженіе какойто рышимости. Капитанъ вошелъ озабоченный и недовольный. Танцовщица воспользовалась посъщеніемъ Вольскаго, чтобы отмстить Норберту, и сказала, что послыдній отзывался о немъ очень дурно. Эта клевета рышительно вскружила голову Вольскому.

Олимпія посмотръла на капитана, и сказала:

— Вы на меня сердитесь, потому-что я сказала, или, лучше сказать, повторила уже сказанное прежде не мною? Хорошо! Но размыслите, капитанъ, о вашихъ поступкахъ въ продолжение послъднихъ двухъ недъль...

- Моихъ?..
- Да, вашихъ ... Послушайте, узнавъ о свадьбъ Норберта, я поспъшила къ нему и встрътила васъ у него. Въ вашихъ глазахъ онъ меня оскорбиль. Вы были столько великодушны, что приняли меня подъ свое покровительство. Покровительство это выражало ваше великодушіе, а мое согласіе принять ваше покровительство должно было объяснить вамъ сколько я на васъ полагалась. Но слушайте ... При всемъ этотъ господинъ, который меня оскорбилъ, преспокойно и совершенно безнаказанно женился, и никто не потребоваль у него отчета, по какому праву онъ могъ оскорбить беззащитную женщину.
- Правда-ли капитанъ, прибавила она: что вы мастеръ драться на шпагахъ?
 - Надъюсь.
 - А на сабляхъ?...
 - О, тогда я бываю увъренъ въ своемъ дълъ.

Carried State of the Control of the

istorial constitution and the military of the Children

and substitute assemble, growing to make the first in the second account to the second part of

THE BOOK STATES BY AND ADDITIONAL SERVICES.

grant and constitute attended to grant and between the confirmations

The construction of the second second

A substitute of the contract of t

and the Comment form the above the second of the first ten

eran Angelow, or general to broken the second

- Я была-бы очень благодарна вамъ, еслибъ вы хорошенько проучили Норберта.

in a later than the l

Transaction design of Bulling Profes

VII.

the first of the second of the

письмо.

Анатоль де-Линанъ, какъ уже извъстно, долженъ былъ уъхать въ провинціальный городокъ, и здъсь онъ вполнъ испыталъ тоску, которая должна быть такъ знакома столичнымъ жителямъ, когда, послъ дъятельной и веселой жизни столицы, они принуждены проводить время въ мъстечкъ, гдъ ни въ чемъ нельзя найти пищи для ума. Но вдругъ къ нему пришло письмо отъ матери. Это письмо заключало въ себъ много весьма важныхъ подробностей о дъйствующихъ лицахъ нашего романа, и мы здъсь его выписываемъ:

«Милый Анатоль, писала ему мать: — надо благодарить судьбу, что она истребила въ твоемъ сердцѣ любовь къ женщинѣ, жизнь съ которою была-бы для тебя мученьемъ ..

«Признаюсь тебь, сынь мой, я согласилась на твой бракь съ Жюльеттой потому только, что меня обольстило богатство дъвицы де-Понти, и потому, когда я узнала, что твой дядя намъренъ тебя женить на ней, я легко согласилась. Ты, Анатоль, ближайшій наслъдникъ твоего дяди, а между-тьмъ это не помъшало ему отказать часть своего имънія Жюльетть. Впрочемъ мы, вмъсть будемъ стараться заслужить расположеніе твоего дяди, и повърь, что все устроится къ твоей пользъ.

«Ты не повъришь, Анатоль, какой страхъ мною овладълъ, когда я увидъла тебя на свадьбъ г-жи Норбертъ. Однакожъ ты велъ себя какъ нельзя благоразумнъе.

«Я вспоминаю, Анатоль, что передъ отъёздомъ твоимъ, говоря о г-жѣ Норбертъ, ты замѣтилъ, что, при всей ея вспыльчивости, она попалась въ твердыя руки. И что-же? Поручикъ побѣжденъ! Она дѣлаетъ изъ него все, что хочетъ! Ты былъ-бы несчастливъ, еслибъ женился на этой женщинъ... Слава Богу, что она уже за другимъ. Однако я не спокойна; у меня есть какое-то предчувствіе. Въ нынѣшнее время очень можетъ случиться, что Норбертъ неожиданно встрѣтитъ смерть; жена его овдовѣетъ. Успокой меня, Анатоль, увѣреніемъ, что ты не любишь этой женщины и никогда на ней не женишься.

«Увъдомляю тебя, что Норбертъ, по просьбъ жены, взялъ полугодовой отпускъ, и отправляется съ нею въ Италію. Поэтому, я объснила твоему дядъ, что теперъ ничто не препятствуетъ тебъ возвратиться въ Парижъ, и мой братъ совершенно согласился съ моимъ мнъніемъ.

«Наконець, другь мой, я хочу поговорить съ тобою о предметъ важномъ, который заслуживаетъ большаго вниманія; однимъ словомъ, я хочу говорить о твоей женитьбъ. Я нахожу, что ты очень молодъ для женитьбы, и по моимъ понятіямъ, ты могъ—бы продолжать холостую жизнь еще въ-продолженіе пяти или шести лѣтъ; но теперь тебъ представляется прекрасныя партія Шарлотты де-Мейранъ, которая, сколько я успъла замѣтить, отличается, кромѣ красоты, удивительною кротостію...

«Кротость, любезный Анатоль, есть лучшая добродѣтель въ женщинъ. Дъла Шарлотты перемънились. Отецъ ея человѣкъ не слишкомъ доступный; но такъ какъ я знаю, что Шарлотта о тебъ хорошаго мнѣнія, то совѣтую, по возвращеніи твоемъ въ Парижъ, сблизиться съ Мейранами. Такъ-какъ дочь тебя любитъ, Анатоль, то тебѣ предстоитъ только трудъ склонить на свою сторону отца, и если ты этого желаешь, то, мнѣ кажется, для тебя это будетъ не трудно сдѣлать. Въ случаѣ усиѣха, черезъ годъ ты можешь жениться. Мой братъ очень друженъ съ Мейраномъ. Безъ сомнѣнія, дядя можетъ помочь въ этомъ дѣлѣ; не дурно было-бы только, еслибъ онъ въ пользу этого брака обезпечилъ тебя наслѣдствомъ его имѣнія.»

Г-жа де-Линанъ заключила это письмо самыми нъжными увъреніями и объщаніями всегда заботиться о счастіи своего сына.

Анатоль два раза неречиталь носланіе, которое такь согласовалось съ настоящими его чувствами, что онь затрепеталь отъ радости. Ему предстоить вскорт оставить Сарргетимъ и возвратиться въ Парижъ, гдъ не будетъ г-жи Норбертъ, которой одинъ видъ могъ быть теперь для него тягостенъ.

Потомъ онъ переходилъ мыслію къ дѣвицѣ Мейранъ. Она не могла думать о немъ, что онъ изъ-за богатства привязываетъ къ ней свои мечты, тѣмъ болѣе, что онъ вовсе не зналъ, что она получила состояніе послѣ дяди. Отца ея онъ считалъ за человѣка, котораго очень легко можно было уговорить, не смотря на совершенно противуположное миѣніе о немъ г-жи де-Линанъ. Что касается до брата Шарлотты, Эрнеста, то это составляло другой вопросъ ... Любилъ-ли онъ г-жу Норбертъ или искался въ ней изъ видовъ своей личной пользы, во всякомъ случаѣ Анатоль видѣлъ въ немъ врага; но онъ не боялся его. Шарлотта нисколько не могла зависѣть отъ своего брата, притомъ

онъ понималъ Эрнеста человъкомъ ничего не значущимъ, который ин покакому случаю не могъ касаться до замужства сестры.

На другой-же день, Анатоль получилъ министерскую депешу, призывавшую его въ Парижъ. Онъ выбхалъ въ тотъ-же день.

Въ тъ самыя минуты, когда Жюльетта укладывалась, приготовляясь къ отъъзду завтра въ десять часовъ утра, опасность, о которой она говорила своему мужу, уже начинала осуществляться. Въ это самое время капитанъ Вольскій оставилъ Олимпію, въ намъреніи исполнить объщанное. Однако, когда онъ очутился на улицъ, онъ могъ болъе зрълымъ образомъ обдумать требованіе и свое объщаніе. Именно въ это время ему предстояло получить слъдующій чинъ. Вольскій не хотълъ для Олимпіи жертвовать выгодами службы. Съ другой стороны, ему хотълось исполнить ея просьбу.

Разсуждая такимъ-образомъ, капитанъ вошелъ въ Пале-рояль и остановился противъ театра Монтансье, гдъ въ то время блисталъ коминъ Брюнетъ, который, два года спустя, явился на сценъ театра Варьете. Рядомъ съ театромъ, у самыхъ дверей ресторатора, сидъли офицеры; увидъвъ Вольскаго, они стали приглашать его къ себъ.

- Вольскій, стаканъ пива! Не пройдетъ мѣсяца, мы будемъ пить лучшее... Ваше здоровье, капитанъ!...
 - Что вы хотите этимъ сказать, господа?
 - Вы не знаете новости?
 - Какой? спросилъ Вольскій.
- Черезъ мъсяцъ, капитанъ, вамъ прійдется пить воду изъ Шпре, или вы будете наслаждаться оперою въ Вънъ ... то и другое будетъ зависъть отъ вашего выбора ...
 - Какъ такъ?
 - Да, капитанъ, армія идетъ на съверъ.
 - И когда мы выступаемъ?
- Что касается собственно до насъ, мы выступаемъ завтра; гвардія-же спустя пятнадцать дней. Вамъ, капитанъ, еще предстоитъ возможность пятнадцать дней пожить въ Парижъ...

Какой-то гвардейскій офицеръ въ это время подошель къ веселому кружку офицеровъ; онъ подтвердилъ справедливость изсъстія о скоромъ походъ арміи, потомъ, обращаясь, къ Вольскому.

- Капитанъ, сказалъ онъ: нельзя-ли мнъ перейти въ вашу роту...
- У меня полный комплектъ офицеровъ.
- Извините, капитанъ ... вамъ недостаетъ одного поручика ...

- Вы ошибаетесь ...
 - Позвольте-же, капитанъ; я сейчасъ узналъ, что Норбертъ получилъ отпускъ.
 - Отпускъ въ то время, когда предстоитъ компанія! Это невозможно...
 - Это истина, капитанъ...
 - Объ этомъ еще нужно справиться, господа, сказалъ Вольскій, и простившись съ офицерами, пошелъ въ главный штабъ.

Отправляясь въ главный штабъ, Вольскій непремѣнно долженъ былъ пройти весь Пале-рояль.

Въ тѣ времена Нале-рояль былъ мѣстомъ свиданія для всѣхъ иностранцевъ и въ-особенности для военныхъ, временно пребывавшихъ въ Парижѣ. Нужно-же было совершиться такому несчастію, что Норбертъ, возвращаясь домой, не смотря, что это было совершенно ему не по дорогѣ, возымѣлъ желаніе туда зайти. Можетъ быть, онъ имѣлъ въ виду встрѣтить тамъ своихъ товарищей, но едва лишь онъ очутился въ Палерояльскомъ паркѣ, какъ увидѣлъ идущимъ къ нему навстрѣчу капитана. Ему непріятно было встрѣчаться съ капитаномъ послѣ послѣдней ссоры, тѣмъ болѣе, что онъ считалъ капитана неправымъ за то пристрастіе, какое онъ показалъ, защищая Олимпію. Однимъ словомъ, вовсе не съ капитаномъ думалъ онъ встрѣчаться и откровенничать... Вслѣдствіе этого онъ притворился, какъ-будто не замѣчаетъ Вольскаго, повернулъ немного влѣво, дѣлая видъ, что хочетъ зайти въ одинъ изъ магазиновъ но Вольскій прямо подошелъ къ нему.

— Поручикъ, сказалъ онъ: — я сейчасъ слышалъ, что вы берете отпускъ: Вамъ слъдовало-бы предувъдомить меня объ этомъ.

Норбертъ отвъчалъ капитану грубостью.

Офицеры, съ которыми бесъдовалъ Вольскій передъ этимъ, находились въ двухъ шагахъ. Услышавъ ссору, они тотчасъ прибъжали разнимать спорщиковъ.

— Завтра, поручикъ, говорили ему: — вы получите удовлетвореніе. Въ семь часовъ, у воротъ Майлльо.

Норбертъ, при словъ дуэль, тотчасъ утихъ и обратился къ одному изъ офицеровъ:

- Хотите вы быть моимъ секундантомъ завтра?..
- Извольте.

Этого офицера звали Дюранъ; онъ занималъ квартиру на бульваръ

Памиль. Онъ далъ свой адресъ Норберту и они условились, что Норбертъ къ нему прівдеть завтра въ щесть часовъ утра.

Норбертъ вышелъ изъ Пале-рояля.

VIII. e kozili nukara zvora pokoratarani o proposi a ber i poli

comment of the contract of the

The second of th

TOWN THE TERM SERIES AND ADDING THE

мыза бюссьера.

Норбертъ, возвратившись домой, засталъ жену свою въ той-же самой залъ, въ которой они простились за два часа передъ этимъ. Отпускъ лежаль на каминь. Норберть съль подль своей жены.

- Ты наняла лошадей, Жюльетта, къ завтрашнему дню?
- Да, дружочекъ, мы ъдемъ въ десять часовъ; уже все готово...
- Ты повдешь одна, Жюльетта, я не вду съ тобою въ Римъ...
- Почему это, сударь? Кажется, вы мнв дали слово?..
- Вотъ почему: компанія уже открылась, какъ я это предвидълъ; гвардія выступаетъ въ походъ черезъ пятнадцать дней, и я не хочу оставлять полкъ въ то время, когда онъ идетъ въ дъло...
- Другь мой, неужели ты думаешь, говорила она, обнимая своего мужа: — что я захочу отвлекать тебя отъ твоихъ обязанностей? Мы не потдемъ въ Италію, но я прошу у тебя одной милости: вмъсто того, чтобы тхать въ Римъ, мы потдемъ на Рейнъ...
 - Ты хочешь, Жюльетта, следовать за мною?
- Я хочу видъть берега Рейна; мнъ хочется съ тобою виъстъ увхать изъ Парижа. Право, не знаю, предчувствие ли это, или просто слабость, но я трепещу за тебя. Мнв не слишкомъ пріятно будеть эти пятнадцать дней проводить въ постоянныхъ опасеніяхъ.

Норбертъ улыбался.

- И такъ, Жюльетта, мы вдемъ въ Страсбургъ, сказалъ онъ, и послѣ минутной паузы, продолжаль:
- Жюльетта, я купилъ славнаго боеваго коня, котораго хочу

испытать; а потому завтра я долженъ вытхать въ шесть часовъ и возвращусь къ десяти: это тебъ не помъщаетъ.

- Если только въ десять часовъ ты будешь готовъ състь въ карету?
 - Можешь положиться на меня, Жюльетта.

На другой день, ровно въ шесть часовъ утра, Норбертъ явился къ капитану Дюрану.

Норбертъ пригласилъ капитана Дюрана състь въ его кабріолетъ и они отправились въ Венсеннъ. На дорогъ имъ встрътился какой-то человъкъ, ъхавшій верхомъ. Онъ поклонился Норберту. Это былъ докторъ Майллье, который, подобно центавру, гарцовалъ на маленькой верховой лошадкъ.

Когда Дюранъ и Норбертъ поровнялись съ башнею замка, то, обогнувъ замокъ, соскочили съ лошадей, чтобы пройти въ аллею, которая вела къ мъсту, гдъ должна была совершиться ръшительная битва. Вольскій уже давно ихъ ожидалъ съ своимъ секундантомъ. Капитанъ ночевалъ въ Венсеннахъ, чуть свътъ проснулся, и отправился осмотръть небольшую площадку, которая была предназначена для дуэли.

Битва продолжалась довольно долго, потому-что Вольскій боялся промахнуться Желаніе одержать совершенную побълу было въ немъ такъ сильно, что онъ вдругъ ръшительнымъ движеніемъ совершенно обнажилъ себя Норберту. Поручикъ въ это время ударилъ его въ лъвое плечо и дамасская сталь такъ и впилась въ самую кость; но Вольскій въ это-же мгновеніе съ быстротою и мъткостью вонзилъ ему въ грудь почти весь клинокъ своей сабли... Однако Норбертъ еще имълъ довольно силы, чтобы воздать ему ударомъ за ударъ. Такъ, нъсколько секундъ они стояли другъ передъ другомъ и каждый держалъ въ рукахъ своихъ саблю, которой лезвіе тонуло въ груди противника; мало-по-малу ослабъвшія руки ихъ опустили эфесы; они колебались еще нъсколько времени и потомъ упали на траву, орошенную ихъ кровью.

Секундантъ Вольскаго слышалъ шумъ, который, происходя въ двухъ шагахъ отъ капитана, заставилъ его обернуться и такимъ-образомъ былъ причиною его смерти. Онъ бросился къ тому мъсту и объими руками поймавъ за поводья лошадь, вытащилъ ее на площадку, гдъ совершился трагическій поединокъ. На этой лошади сидълъ докторъ Майллье.

Дюранъ подошелъ къ доктору.

- Мы, кажется, съ вами встрътились, сказалъ онъ: на дорогъ къ Венсеннамъ, и вы докторъ?
- Такъ точно, милостивый государь, отвъчалъ Маллье, поправляясь на стременахъ: — я докторъ Оперы.
- И такъ поспѣшите встать съ лошади и оказать пособіе этимъ офицерамъ, если можно еще чѣмъ-нибудь имъ пособить...

Все это было сказано быстро. Докторъ не могъ еще видъть труповъ, лежавшихъ на площадкъ, которую ему заслоняло большое дерево.

— Какимъ офицерамъ? спросилъ онъ.

Капитанъ потянулъ къ себъ за поводья его венгерскую лошадь.

— Ахъ, Боже мой! вскричалъ докторъ.

Онъ слъзъ съ лошади; капитанъ подошелъ къ Норберту, которымъ прежде всего должно было заняться; докторъ приблизился и наклонился къ умирающему:

- O! воскликнулъ онъ: —Шарль Норбертъ? Я съ нимъ былъ хорошо знакомъ въ Оперъ ...
- Посмотрите, посмотрите докторъ: нътъ-ли возможнети спасти этого офицера, по-крайнъй-мъръ облегчить его страданія?

Докторъ Майллье, при всей своей вътренности, былъ человъкъ даровитый. Онъ дотронулся пальцемъ домертвыхъ губъ поручика.

- Увы, сказаль онъ: сердце перестало биться, легкія не дышать, губы оцінентам... я не слышу дыханія... Могь-ли я думать, что это тоть самый человікь, который за четверть часа смітялся надъ моєю неловкой посадкой на коніте могь-ли я думать, что увижу его здітсь недвижимымь навсегда... распростертымь, чтобы уже боліте не подняться? Кажется еще молодой... недавно женился?
- Превосходный офицеръ! сказалъ Дюранъ: онъ умеръ?

Въ эту минуту какой-то человъкъ, уже пожилыхъ лътъ, изъ числа тъхъ любопытныхъ, о которыхъ замътилъ капитанъ Дюранъ, приблизился; на лицъ его былъ начертанъ ужасъ. Это былъ Пикаръ, кучеръ Бюссьера. Со дня свадьбы своей барышни онъ пользовался особенной свободой, и потому каждый день путешествовалъ отъ мызы Бюссьера къ Сентъ-Манде.

На этотъ разъ онъ зашелъ къ самой Венсенской башнѣ и, увидѣвъ стоящій кабріолетъ, который привезъ несчастнаго поручика, сталъ разговаривать съ кучеромъ.

- Что, пріятель, сказалъ онъ: хорошо-ли начался денекъ?
- Чудесно, отвъчалъ кучеръ кабріолета: меня наняли два офи-

цера еще съ половины седьмаго утра; одинъ изъ нихъ дерется на дуэли... Въдь это, братъ, пахнетъ десятью франками по-крайности...

- Ага! они дерутся?
- Я полагаю, что такъ.

Пикаръ, имъя еще свободный часокъ впереди того времени, когда нужно было задать овса лошадямъ, направился къ лъсу. Онъ пришелъ вскоръ послъ Майллье и, только лишь взошелъ на площадку, какъ узналъ Норберта.

- Ахъ, сударь, сказаль онъ капитану Дюрану: въдь это нашъ баринъ, онъ мужъ нашей госпожи, барышни Жюльетты... Г. Бюссьеръ недавно ихъ женилъ, я думаю, нътъ еще и двухъ недъль!..
- Любезный, сказалъ Дюранъ: намъ необходимо должно тѣло это представить въ семейство, или куда-нибудь наконецъ въ приличное мѣсто, покамѣсть кто-либо изъ родственниковъ или изъ знакомыхъ успѣетъ приготовить г-жу Норбертъ къ этому жестокому извѣстію...

Пикаръ находилъ, что лучше всего отвезти поручика на мызу Бюссьера. Капитана Рольскаго положили на фіакръ, который отправился въ Парижъ, а Норберта понесли на носилкахъ. Дюрандъ и докторъ Майллье за нимъ слъдовали.

- Прахъ возьми, говорилъ капитанъ доктору: дуэль, это ужасная вещь! Едва лишь она совершится, мучитъ совъсть, зачъмъ не помъшали ей. Миъ-бы гораздо пріятнъе было, еслибъ эти офицеры были убиты въ сраженіи, въ виду всей арміи...
- Я думаю, что вашъ пріятель, поручикъ, былъ очень грубъ, капитанъ?.. сказалъ докторъ.
- Поручикъ вовсе не былъ моимъ пріятелемъ, я слыхаль о немъ только по разсказамъ; однако сколько, я понимаю, въ этомъ несчастномъ дёлъ онъ вовсе не былъ виноватъ ...
 - Какъ не виноватъ? Онъ всъхъ осмъивалъ.
- Мит чрезвычайно прискорбно, что два храбрые офицера ръшились обнажить свои сабли другъ противъ друга за какую-нибудь танцовщицу.
 - Потому-что вы не такъ хорошо знаете эту исторію?
 - Прошу покорно!
 - Это видно, что вы ръдко посъщаете Оперу ...

Они вышли въ это время изъ рощи. Какой-то артиллерійскій офицеръ внезапно явился передъ ними: онъ остановилъ солдатъ.

- -Раненый? спросилъ онъ ихъ.
- Нътъ, поручикъ, мертвый ...

- Офицеръ?
- Точно такъ ...
- Правильно-ли былъ совершенъ поединокъ?

Капитанъ Дюранъ приблизился къ офицеру:

- Да, поручикъ ...
- Хорошо; но только я приглашаю оставшагося въ живыхъ отправиться подъ арестъ.
 - Оба убиты, отвъчалъ Дюранъ.

Поручикъ поклонился, сдълалъ знакъ артиллеристамъ продолжать ихъ шествіе, а самъ отправился своей дорогой.

Пикаръ отправился впередъ. Его послали извъстить Бюссьера о кончинъ поручика, и, поспътая исполнениемъ этого приказания, онъ былъ гораздо блъднъе и болъе встревоженъ, нежели нъсколько минутъ тому назадъ, когда слъдовалъ вмъстъ съ погребальнымъ конвоемъ. Онъ впустилъ носильщиковъ черезъ калитку, которая находилась по близости отъ конюшень, и тъло внесли въ ту самую залу, гдъ Норбертъ въ первый разъ увидълъ Жюльетту, сидящую съ Анатолемъ.

Капитанъ Дюранъ вынулъ часы изъ кармана: было уже восемь часовъ; дъла призывали его въ Парижъ, и потому, въ послъдній разъ поклонившись тълу поручика, онъ оставилъ мызу Бюссьера и поспъшилъ къ своимъ драгунамъ. Докторъ Майллье разсуждалъ иначе: онъ предполагалъ, что въ такія минуты присутствіе доктора не безполезно. Онъ пожелалъ видъть жену поручика.

- Къ-счастію, она въ Парижъ, отвъчаль Пикаръ.
- А хозяинъ этой мызы?

Его провели къ Бюссьеру, который, только-что проснувшись, никакъ не могъ повърить непріятной новости.

- Я докторъ Оперы, продолжалъ Маллье: —и потому мнѣ извѣстно множество тайнъ, которыя, къ-счастію, не проникаютъ въ дома; но день смерти допускаетъ бо́льшія откровенности...
 - Поручикъ, въроятно, дрался за актрису?
- Совершенно напротивъ; капитанъ Вольскій дрался за актрису... Оперныя актрисы чрезвычайно мстительны. Не знаю какъ не стыдно было капитану Вольскому, вступаться за нее? Короче, вотъ причина дуэли. Но капитанъ такъ-же убитъ, какъ и его противникъ; въ этомъ я лично удостовърился...

Разговоръ еще продолжался, когда въ комнату вбъжалъ Пикаръ.

- Сударь, повторяль онь: барышия Жюльетта, то-есть г жа Норберть ... на поворотъ дороги, я узналь карету...
- Запереть двери въ залу и провести Жюльетту прямо ко мнѣ, слышишь Пикаръ ... Докторъ ... продолжалъ Бюссьеръ, обращаясь къ Маллье: помогите мнѣ, пожалуйста, смягчить ударъ, какой должна получить эта бѣдная женщина... Вчера лишь была свадьба ... право, докторъ, мнѣ кажется, какъ-будто это было вчера, и она уже вдова!..

Причина, по которой Жюльетта прівхала къ своему опекуну, была весьма обыкновенная. Она оставляла Парижъ на мъсяцъ или на два, можетъ быть, а потому должна была проститься съ своимъ опекуномъ. Спустя часъ послъ того времени, какъ Норбертъ вышелъ изъ квартиры, они отправились на мызу.

— Я увърена, думала она, проъзжая по дорогъ, ведущей къ предмъстію Св. Антонія: — что встръчу Норберта у моего опекуна. О, онъ непремънно долженъ быть тамъ: въдь нужно-же ему съ нимъ проститься.

Когда карета ея домчалась до поворота дороги, которая ведеть къ Венсеннъ, но по которой ей также слъдовало проъхать, чтобы выбраться на дорогу къ Сентъ-Манде.

— Мнъ кажется, подумала она: — что объезжать лошадь, здъсь столько-же удобно, какъ и въ Булонскомъ лъсу.

При другомъ вовороть, гдъ Жюльетта должна была свернуть съ Венсенской дороги на дорогу Сентъ-Манденскую, карета ея едва не столкнулась съ фіакромъ, который, подвигаясь медленно, не хотълъ ни остановиться, ни придержать лошадь.

— Держи, кричаль извощикъ: — держи, я везу мертвое тъло.

Жюльетта не разслышала этого хорошо, но не менъе того приказала кучеру остановиться. Фіакръ, на которомъ находилось тъло Вольскаго, проъхаль безъ препятствія и карета снова помчалась.

Жюльетта прівхала нісколько минуть послів этой встрівчи. Она быстро выскочила изъ кареты и съ легкостію птички устремилась въ залу, гдів лежало тівло ея мужа; но Пикаръ стояль на сторожів у затворенныхъ дверей.

— Здраствуй, Пикаръ, сказала она, давая ему золотую монету: — вотъ тебъ... Мужъ мой пріъхалъ ... да, вотъ и лошадь его...

Потомъ, посмотрѣвъ немножко внимательнѣе на маленькую лошадку, которую, вѣроятно, докторъ нанялъ, оставивъ отдыхать дресированную Франкони,

— О нътъ, сказала она: — это лошадь не моего мужа.

- Это лошадь доктора, сказалъ Пикаръ трепещущимъ голосомъ.
- Мой опекунъ боленъ?
- Я не говорю этого, сударыня, я только докладываю, что г. Бюссьеръ сидять съ докторомъ и...
 - И ... что такое Пикаръ?
 - Г. Бюссьеръ просять васъ пожаловать къ нимъ наверхъ.
 - Ты точно знаешь, что мой мужъ еще не прітхалъ сюда?
 - Нътъ... нътъ, сударыня...

Жюльетта, не обращая вниманія на разстроенный видъ Пикара, тотчасъ подумала, что опекунъ ея такой мнительный, въроятно ночью страдаль припадками подагры, и совершенно веселая устремилась на лъстницу, которая вела въ комнату Бюссьера. Она вошла къ нему.

- У васъ опять подагра, мой любезный опекунъ, сказала она, обнимая Бюссьера:—если вы позволите, я берусь васъ вылечить въ присутствии доктора.
 - Докторъ поклонился. Жюльетта продолжала:
- Потдемте съ нами; я увлекаю мое мужа на Рейнъ; перемъна воздуха, пищи, самая дорога вамъ принесутъ пользу... Превосходное путешествіе... Норбертъ веселаго характера... Онъ также потдетъ съ нами; мы пробудемъ за городомъ пятнадцать только дней; послъ того Норбертъ отправится воевать съ пруссаками, а вы со мною возвратитесь въ Парижъ.

Бюссьеръ сълъ и облокотился на руку.

— Норбертъ, сказалъ онъ печальнымъ голосомъ:—не повдетъ на Рейнъ...

Но казалось, ни что не могло открыть глаза Жюльеттв.

- И вы также, воскликнула она съживостію: —противъ этого путешествія? Никто не хочетъ, чтобъ я ъхала; я намъревалась ъхать въ Италію должно было отказаться отъ этого намъренія. Теперь я хочу ъхать на съверъ и вы неодобряете этотъ планъ! Лошади для отъъзда уже наняты...
- Но сударыня ... возразилъ докторъ Маллье: если съ вашимъ мужемъ случилось несчастіе...
- Онъ упалъ съ лошади? въ ужасъ спросила Жюльетта: сегодня онъ объъзжалъ одну?

Докторъ и Бюссьеръ переглянулись, какъ-бы желая другъ друга вооружить мужествомъ, какое было такъ необходимо для нихъ въ настоящемъ случав. Докторъ болве всего затруднялся.

— Онъ упалъ съ лошади, любезный опекунъ? векричала Жюльетта,

скрестивъ руки: — присутствие доктора служитъ тому доказательствомъ. Пикаръ мнъ сообщилъ, что у васъ докторъ...

— Нътъ, онъ вовсе не упалъ съ лошади, съ важностію возразиль докторъ...

Бюссьеръ призвалъ на помощь все свое мужество.

— Благодареніе Богу было-бъ, Жюльетта, если бъ онъ только упалъ съ лошади!..

Уста Жюльетты трепетали, глаза ея сдълались большими и нъсколько минутъ она безмолвно стояла, потомъ вдругъ воскликнула:

— Говорите, говорите ... если сколько-нибудь жалъете меня, говорите...

Бюссьеръ, любившій свою воспитанницу какъ родную дочь, не могъ пошевелить языкомъ. Докторъ продолжалъ:

- Вашъ супругъ, сударыня, сказалъ онъ: имълъ сегодня дуэль...
- Онъ мертвъ ... мертвъ!..
- Дуэль съ капитаномъ Вольскимъ...
- Онъ мертвъ ... повторяла Жюльетта ... онъ мертвъ...
- Оба они пали ... они оба мертвы...
- Гдъ онъ? гдъ Шарль?
- Пожалуйте, сказалъ докторъ, предлагая руку Жюльеттъ...

Бюссьеръ воспротивился желанію Жюльетты видѣть убитаго, но докторъ доказалъ, что желаніе г-жи Норбертъ было совершенно правильно и благоразумно.

- Однако берегитесь, говориль онъ ей: взорамъ вашимъ представится мрачное зрълище; смерть всегда жестока, а для молодой женщины не легко увидъть любимаго человъка безъ движенія, съ помертвълымъ лицомъ, и котораго одна минута смерти могла лишить еще недавней блистательной красоты...
 - Идемте, сударь, идемте...
 - Ваши руки холоднъе мармора ... замътилъ докторъ.
 - Напротивъ того... я горю: гдѣ онъ? Скажите мнѣ, гдѣ онъ?
- Вы правы ... продолжалъ докторъ: ваши руки были холодны какъ ледъ, теперь онъ горятъ ... успокойтесь.
- Да, что до этого, идемте...
 - Выпейте сперва непремънно стаканъ воды...

Докторъ подошелъ къ туалету, налилъ стаканъ воды и, опустивъ въ него нъсколько капель изъ флакона, который онъ всегда носилъ при себъ, предложилъ Жюльеттъ, говоря: «Это успокоительное». Жюльетта выпила однимъ залпомъ.

- Теперь, сударыня, дайте мнъ вашу руку. Она сошла съ лъстницы довольно твердо, безъ слезъ и стенаній. Бюссьеръ за нею следовалъ. Двери въ залу отворились и Жюльетта узидела своего мужа распростертаго на погребальныхъ носилкахъ ... мужа, который за два чася передъ этимъ оставилъ ее исполненный здоровья и силы. Поручикъ лежалъ на синив, одна рука его, выпавъ изъ носилокъ, висвла до самого пола, другою онъ сжималъ рану, какъ-бы желая ее сдавить: рука его была забрызгана черною кровію, запекшеюся на кожѣ и на рубашкѣ; глаза были закрыты, но роть сохраняль выражение угрозы и гивва. Жюльетта остановилась передъ носилками, потомъ упала на колена и, взявъ руками голову Норберта, прижимала ее къ груди, осыпала поцълуями, орошала слезами. Вдругъ поблъднъла, глаза ен закрылись и она безъ чувствъ упала на паркетъ, увлекая съ собою тѣло мужа. Тяжелый воиль вырвался изъ груди Бюссьера. Докторъ призвалъ людей, которые положили несчастного поручика опять на носилки, на его, такъ сказать, последнее ложе, между-темъ какъ ключница и несколько горинчныхъ, взявъ Жюльетту, перенесли въ ту комнату, которую она занимала до замужества и положили ее въ постель.
- Я ей далъ нъсколько капель лавданумъ, и четырехъ или пятичасовой сонъ заставитъ ее забыть горе до пробужденія. Если, проснувшись, она будетъ плакать и какъ можно болье слезъ, на что я разсчитываю, то опа спасена...
- Вы насъ не оставите, докторъ? возразилъ Бюссьеръ, взявъ за руку Маллье.
- Напротивъ того, сударь, я возращаюсь въ Парижъ. Необходимо должно, чтобы г жа Норбертъ по пробуждени видъла подлѣ себя новыя лица. Мое присутствие можетъ напомнить ей только одно несчастие, которое ее постигло. Пошлите за докторомъ, лечившимъ ее въ дътствъ; онъ человъкъ чуждый всъхъ этихъ новыхъ и кровавыхъ происшествий. Между-тъмъ прикажите перенесть тъло поручика въ Парижъ.

Въ этихъ совътахъ было такъ много участія и истиннаго знанія человъческаго сердца, что они были приведены въ исполненіе.

Докторъ Маллье разсказалъвъ Оперъ всъмелкія подробности этой дуэли. Танцовщица сожальла о Вольскомъ и о Норбертъ ...

Фуше, начальникъ тайной полиціи, считалъ дъло весьма важнымъ, потому-что оно касалось двухъ гвардейскихъ офицеровъ. Въ одно прекрасное утро, Олимпію схватили на квартиръ, какую она занимала въ улицъ святой Анны, и отвезли въ Маделонетты, гдъ ей было запрешено повторять ея battements и ухаживать за гортензіями. Такимъ-образомъ первая новость, какою привътствовали Анатоля въ Парижъ, была смерть мужа Жюльетты.

— Счастіе злыхъ людей, говорила г-жа де-Линанъ своему сыну: такъже быстро проходить, какъ проливной дождь. Г-жа Норберть овдовъла.

Анатоль понималъ вещи иначе; онъ не могъ не пожальть о преждевременной кончинъ молодаго офицера; а во вторыхъ, понималъ, какое поприще теперь открывалось въ Парижъ для молодой вдовы, красавицы, богатой, обладающей большими связями, ни отъ кого не зависящей и, безъ сомнънія, окруженной толпою поклонниковъ. Между-тъмъ Жюльетта была очень способна всъмъ этимъ пользоваться.

— Матушка, сказалъ онъ г-жѣ де-Линанъ: — напротивъ того врагъ нашъ торжествуетъ, и это вдовство гораздо болѣе можетъ вредить моему благосостоянію, нежели какъ вы думаете. Я былъ очень радъ, что г-жа Норбертъ любила своего мужа и я вполнѣ вѣрю вамъ, что теперь она плачетъ и сокрушается. Но.

Sur les ailes du temps la tristesse s'envole...

Пройдуть шесть мъсяцевъ и Жюльетта будетъ блистать въ свътъ и, пользуясь покровительствомъ своего могущественнаго кузена, также тою силою, какою обладаетъ ея родственница г-жа С***, пріобрътетъ большой въсъ.

- Но послушай, Анатоль, какъ ты полагаешь, не будетъ-ли Жюльетта опять жить вмъстъ съ своимъ опекуномъ? Это было бы очень пагубно для тебя; тебъ нельзя будетъ ъхать къ твоему дядъ, безъ того, чтобы не встрътить тамъ эту женщину; тъмъ болье опасно будетъ это сближеніе ея съ Бюссьеромъ, потому-что своею вкрадчивостію она успъла совершенно овладъть моимъ братомъ и онъ привыкъ на все смотръть ея глазами.
- Да, сказалъ Анатоль: вотъ еще одно бъдствіе, какое намъ причиняетъ смерть поручика. Впрочемъ, мнъ кажется, что вдова Норбертъ будетъ жить своимъ домомъ.
- Но скажи, Анатоль: я не постигаю, почему ты безпрестанно твердишь объ этой женщинъ?
 - Это вы матушка безпрестанно мит объ ней говорите.
- Я боюсь, другъ мой: теперь она свободна и пугаетъ меня болъе, чъмъ когда-либо.

TRULY AR AREAGUAGE SAND AREAS AREAS AND ASSESSMENT OF THE RESERVED OF THE RESERVED AND ASSESSMENT OF THE PROPERTY OF THE PROPE

— Однако вы радовались смерти мужа.

[·] То-есть на крыльяхъ времени, улетаетъ печаль.

— Да, по монмъ понятіямъ мужъ былъ онасенъ для тебл. Въ настоящее время, не знаю, какое-то предчувствіе заставляетъ меня опасаться твоего сближенія съ нею.

Апатоль воскликнуль съ досадой:

- Моего солиженія съ этой женщиной? Чтобы я, не говоря уже о любви, чтобы я ръшился жить съ нею въ одномъ мъстъ ... Накогда, матушка. Ахъ! я не знаю, какую будущиость миъ заготовила судьба, но у меня одно желаніе...
- Чего желаешь ты, Анатоль?
- Вы знаете: я хочу жениться на этой кроткой Шарлотть; съ нею жизнь моя протечетъ мирно и спокойно.
- Радуйся-же, мой другь: Бюссьерь, который пока еще не совству подчинился г-жъ Норберть, взяль на себя трудь поговорить о тебъ Мейрану, отцу той особы, которую ты любишь.

entropent de les le communitées de la communitées de la communitée des la communitée de la

and the property of the prope

CBATOBOTBO.

annex and the property of the property of the party of the control of the property of the party Анатоль говорилъ откровенно, признавась своей матери въ любви къ Шарлоттъ. Онъ истинно любилъ эту молодую особу, которая, въ свою очередь, пламенно желала выйти за него за-мужъ, предполагая, что со-временемъ онъ будетъ блистать въ свътъ, и вообще поставляя его выше другихъ молодыхъ людей, которые ее окружали. Анатоль любилъ Шарлотту, но любовь эта, не встръчая никакихъ препятствій, не мъщала ему увлекаться совершенно другими чувствами, каковы были ненависть и честолюбіе. Однакожъ Анатоля не производили въ следующій чинъ; онъ былъ обманутъ въ своихъ честолюбивыхъ надеждахъ; что касается до его ненависти, онъ считалъ ее безсильною. Катастрофа, такъ внезапно облекшая вътрауръ домъ Норбертовъ, гдъ еще свадебные цвъты и гирланды сохраняли свою свъжесть, возбудила всеобщее участіе. Всъ со жалъли, что лютая смерть такъ быстро разстроила такую счастливую и блестящую чету. Молодая женщина, мечтавшая единственно о счастін, радостяхъ и любви, еще почти въ объятіяхъ мужа должна была вынести ужасное зрълище мрачнаго убійства.... Все это совершилось такъ быстро, что любящія уста ея не успъли произнести послъдняго прости...

Ни единаго взора! ни мальйшаго воспоминанія! Другое діло, еслибъ поручикъ былъ убитъ на полъ сраженія, еслибъ онъ, подобно храбрымъ, палъ подъ мечами непріятелей, -слава могла-бы, если не утъщить вдову, то по-крайней-мъръ облегчить ея страданія; но Норбертъбыль убить заничтожную женщину. Анатоль понялъ очень хорошо, что нъкоторое время г-жу Норбертъ надлежало оставить въ поков. Онъ пристально вглядывался въ Шарлотту, которая была врагомъ Жюльетты. Съ ужасомъ она услыхала о смерти поручика и этотъ ужасъ быль следствіемъ техъже опасеній, какія тревожили г-жу де-Линанъ. Она боялась, чтобы случайное обстоятельство не сблизило онять молодыхъ людей, ненависть, по ея боязливымъ догадкамъ, могла превратиться въ лю-Влюбленной дъвушкъ очень простительно было имъть такія опасенія: богатство Жюльетты еще болье увеличилось присоединеніемъ къ нему наслъдства послъ поручика; Бюссьеръ, въроятно, постоянно желалъ соединить свою воспитаниицу съ племянникомъ. Наконецъ Шарлотта знала, что Анатоль былъ чрезмърно честолюбивъ, а по ея понятіямъ, любовь, которая допускаеть расчеты и вообще какое-либо другое чувство, не можеть быть слишкомъ спльною. Шарлотта любила Анатоля и мечтала, что будетъ имъть право гордиться такимъ мужемъ, какъ Анатоль.

- Нашъ бракъ, говорила она часто Анатолю: зависитъ гораздо болъе отъ вашей матушки, чъмъ отъ насъ самихъ; г-жъ де-Линанъ стоитъ только объясниться съ моимъ отцемъ....
- Милая Шарлотта, отвъчалъ Анатоль: матушка пламенно желаетъ нашего союза; но одинъ только дядя мой можетъ устроить это дъло.

THE RESIDENCE CONTRACTOR CONTRACTOR TO THE

- Г. де-Бюссьеръ?...
- О Боже мой!именно онъ....
- Пусть онъ посившить, возразила Шарлотта: г-жа Норберть имъеть сильное вліяніе на моего брата, очень къ вамъ нерасположеннаго, также на г. Бюссьера, который, въроятно, скоръе послушаеть свою воспитанницу, чъмъ своего племянника.... Изъ этого вы можете понять, что мы совершенно въ рукахъ нашихъ враговъ.

Анатоль воспользовался этими совътами и Бюссьеръ, уступая убъжденіямъ и просьбамъ г-жи де-Линанъ, вскоръ отправился къ своему другу, просить руки его дочери.

Г. Мейранъ былъ десятью годами моложе своего друга Бюссьера, провелъ лучшіе годы своей жизни въ совершенной бъдности, прикрывая ее однако наружнымъ блескомъ. Онъ почти каждый день отказывалъ себъ во многомъ и терпълъ лишенія, чтобы поддерживать только этотъ блескъ. Въ домъ его соблюдалась экономія; старая кухарка одна прислуживала тремъ господамъ, и если Шарлоттъ или Эрнесту.

нужны были новыя платья, и нужно было ихъ сдълать, то за объдомъ г. Мейрана на нъсколько мъсяцевъ исчезало жаркое.

— На брюхъ шелкъ, а въ брюхъ щелкъ, говорила старая кухарка. Но все это хранилось втайнъ; никто не зналъ объ этихъ лишеніяхъ, которыя однако приведены были въ такую систему, что не могли ни мало увеличиваться. Г. Мейранъ отъ времени до времени, но всегда въ одинаковые сроки, между шестымъ и седьмымъ часами, когда всв его знакомые скрывались дома, сидя за объдомъ, бралъ изъ своей кассы одинъ экю и таинственно отправлялся въ игрецкій домъ, въ Пале-рояль, и тамъ испытывалъ счастье.... Если ему давали первыя двъ карты, то онъ тотчасъ пряталъ въ карманъ первую ставку и былъ очень радъ; напротивъ того, когда случалось ему проиграть, то онъ съ горестью возвращался домой, соображая, какъ долго предстоитъ ожидать новой возможности рисковать однимъ экю. Вдругъ онъ неожиданно разбогатълъ, получивъ наслъдство!... Съ той поры все измънилось въ его домъ: явилась новая мебель; старая кухарка получила множество помощниковъ, и наконецъ два лакея въ нарядныхъ ливреяхъ постоянно дежурили въ передней и прислуживали за столомъ.

Бюссьеръ засталь своего друга въ кабинетъ, убранномъ съ большимъ вкусомъ. Мейранъ сидълъ у бюро съ потайными ящиками, гдъ такъ удобно прятались банковые билеты и свертки золота.

— Любезный Бюссьеръ, воскликнуль отецъ Шарлотты, вставая и посившая къ нему навстръчу: — ты върно сердишься, что я у тебя не быль со времени кончины Норберта; виноватъ, другъ мой; но тебъ, въроятно, извъстно, какая перемъна произошла въ моемъ положении и, я думаю, тебъ хорошо извъстно, сколько безпокойствъ сопряжено съ богатствомъ....

Бюссьеръ отвѣчалъ, что такъ-какъ онъ и его племянница еще не переѣхали въ городъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что занятый человѣкъ его не посѣщаетъ.

- Впрочемъ, любезный Мейранъ, сказалъ онъ: не будемъ вспоминать объ этомъ горестномъ событін; мы живемъ въ мірѣ, гдѣ радость и горе ходятъ рука-объ-руку, и гдѣ вслѣдъ за трауромъ и печалью наступаютъ дни радости и веселые праздники...
- Ты хочешь этимъ сказать о моемъ наслъдствъ?...
- Не совсъмъ ты угадалъ; признаться, именно твое наслъдство меня затрудняетъ...
- Какъ-такъ?
- Другъ мой, сказалъ Бюссьеръ: я плохой дипломатъ и потому мнъ трудно было-бы долго скрывать то желаніе, которое меня за-

нимаетъ. Я прітхаль просить у тебя руки твоей дочери для моего пле-мянника.

- Шарлотты? при принце принце
- Для Анатоля де-Линана?
- Да, другъ мой; этотъ молодой человъкъ объщаетъ много хорошаго, онъ пойдетъ далеко; притомъ, имъя таланты, состояніе, мъсто, бывъ честолюбивъ, онъ не устращится пренятствій; наконецъ я и самъ ему помогу ...
- Онъ часто бываетъ у насъ, но я никакъ не думалъ, что его посъщенія имъютъ виды?...
- Виды... мой другъ! воскликнулъ Бюссьоръ: развѣ ты не номнишь свою молодость? Ты долженъ знать, что Анатоль любитъ твою дочь уже давно, гораздо прежде, чѣмъ какъ она сдѣлалась богата...
 - Моя дочь не богата... сказалъ Мейранъ сухо.
- Тъмъ лучше, мой другъ, мы страшимся богатыхъ невъстъ ...
- Позволь, сказалъ Мейранъ: —ты, кажется, быль намъренъ женить его на твоей воспитанницъ?
- Это правда. И воть что еще болье подтверждаеть страсть Анатоля: онь отказался оть Жюльетты изь любви къ твоей дочери...
- Но, сказалъ Мейранъ: г-жа Норбертъ овдовъла, г. Линанъ можетъ на ней жениться...
- Жениться на Жюльеттъ? возразилъ съ живостію Бюссьеръ: мнъ кажется это невозможнымъ, потому—то я у тебя прошу для него руки твоей дочери. Анатоль и Жюльетта питаютъ другъ къ другу какую—то антипатію.
 - Моя дочь не можетъ идти за мужъ.
 - Такъ ты отказываешь моему племяннику?
 - Положительнымъ образомъ.

Последнія слова Мейранъ произнесь такимъ решительнымъ и суровымъ голосомъ, что Бюссьеръ взбешенный, удалился. По отъезде Бюссьера, Мейранъ призвалъ своего сыпа.

— Эрнестъ, сказалъ онъ ему: — сейчасъ сватали твою сестру, узнали, что я богатъ и тотчасъ стали являться искатели. И кто-же хочетъ жениться на Шарлоттъ? Одинъ изъ твоихъ друзей, Линанъ.

Эрнестъ отвъчаль отцу своему, что съ нъкотораго времени Линанъ уже вовсе не считается его другомъ; бывъ во многомъ одолженъ г-жъ Норбертъ, по ея ходатайству получивъ выгодное мъсто, наконецъ чувствуя къ ней особое уважение и склонность, Эрнестъ объяснилъ отцу

своему, что послѣ всего этого онъ не могъ быть другомъ съ Линаномъ, который былъ явный врагъ г-жи Норбертъ.

- Значитъ, ты не сердишься за мой отказъ?
- Напротивъ, отвъчалъ Эрнестъ: это меня восхищаетъ, тъмъ болъе, что у меня есть одинъ проэктъ, который былъ-бы совершенно спутанъ и даже уничтоженъ этимъ бракомъ...
- Что это за проэктъ, мой другъ?
- Это покамъстъ однъ слабыя надежды и которыя не могутъ такъ скоро осуществиться; но онъ составляютъ мое счастіе и я надъюсь, что со-временемъ онъ осуществятся.
 - Нельзя-ли узнать, что это за надежды?
- Вы, въроятно, со мною согласитесь, батюшка, я увъренъ. Я не могу не чувствовать къ г-жъ Норбертъ того, что она внушаетъ всъмъ...
 - Ты любишь воспитанницу Бюссьера?
- Да, батюшка....

Мейранъ всталъ и нъсколько разъ прошелся по комнать.

- Я не знаю человъка несчастите меня, говориль онъ: до настоящаго времени, я былъ очень бъденъ, и самому Богу извъстно, какін я дълаль пожертвованія, чтобы дать воспитаніе моимъ дътямъ! Но вотъ я случайно разбогатъль, чего я вовсе не ожидалъ, и что-же?... Я вдругъ сдълался цълью, въ которую мътятъ честолюбцы и спекуляторы. Линанъ хочетъ жениться на моей дочери, безъ сомнънія, для того, чтобы получить отъ меня хорошее приданов.... Меня увъряютъ, что онъ любиль ее прежде: положимъ, что такъ; но почему-же онъ прежде не сватался? Мой сынъ влюбленъ въ г-жу Норбертъ, и если любовь его не будетъ отвергнута, то въроятно, онъ также будетъ требовать отъ меня, чтобъ я далъ ему содержаніе, сообразное съ тъмъ, какое имъетъ та особа, на которой онъ хочетъ жениться.
- Ахъ, батюшка, посившно возразилъ Эрнестъ: я не требую ничего. Я буду очень богатъ и счастливъ, если когда-либо женюсь на г-жъ Норбертъ.
- Въ добрый часъ, отвъчалъ отецъ: я не мъшаю тебъ выгодно жениться, любезный сынъ; но объявляю впередъ, что ни сестра твоя, ни ты не получите отъ меня ни гроша прежде моей смерти...

Успокоенный увъреніями своего сына, Мейранъ ръшился потолковать съ нимъ о его чувствахъ къ Жюльеттъ.

— Ты довольно не дуренъ собою, Эрнестъ, сказалъ онъ ему:—ты не можешь также жаловаться на недостатокъ ума, ловкости, я согласенъ; но хорошо-ли ты обдумалъ, что предпринялъ? Жениться на г-жъ Норбертъ, которая потеряла любимаго мужа, и потеряла такъ траги-

чески, что воспоминаніе объ этомъ, можетъ быть, будетъ преслъдовать ее до могилы; жениться на женщинъ, которая въ ту минуту, когда ты замышляешь искать ея руки, можетъ быть страдаетъ...

- Вотъ почему, отвъчаль Эрнестъ: я вамъ сказалъ, что это только отдаленныя надежды и для совершенія ихъ потребно много времени.
- Я уже замътиль, кажется, сказаль отець: что ты довольно пріятный мужчина... Можеть быть, я осльплень отцовской слабостью; во всякомь случаь, ты не можешь состязаться въ этомъ отношеніи со покойнымь Норбертомь; ты передъ нимь то же, что маленькая яблонь или невзрачная слива передъ дубомь; однако, чтобъ жениться на вдовь, надобно заставить ее любить себя.

Эрнестъ слегка улыбнулся, и хотя внутренно ему было непріятно слышать, что его сравнивають съ невзрачной сливой, онъ отвъчаль съ кротостію:

- Не всегда, батюшка, любять то, что прекрасно; усталый, жаждущій путешественникъ охотнье встрычаеть на своемь пути невзрачную сливу, на которой много хорошихъ плодовъ, пежели великольпный дубъ, котораго желуди не могуть утолить его жажды...
- Вотъ сравненіе, котораго я не ожидаль!
- Вы понимаете, батюшка, продолжаль Эрнесть съ прежнею кротостію, желая расположить отца въ свою пользу:—что я не стапу торопиться въ изъясненіяхъ передъ г-жею Норберть; я выжду время, когда пройдуть ея страданія и она забудеть своего прежняго мужа: это всегда бываеть; почему-же Жюльетта пепремънно должна составлять исключеніе изъ общаго правила?
 - Жюльетта! произнесъотецъ: и ты осмъливаешься ее такъ пазывать?
- Я се такъ называлъ, когда она еще была дъвицей и, кажется, тогда она была ко мнъ не совсъмъ равнодушиа. Еслибъ не представился Норбертъ, очень легко можетъ быть, что выборъ ея могъ пасть на меня.
- Эрнестъ, другъ мой, ты предаешься мечтамъ опаснымъ.
- Если это только однъ мечты, то по-крайней-мъръ онъ не опасны. Замътъте, однако, что во время ея замужства, которое было такъ непродолжительно, она мною занималась.
 - Это справедливо; я согласенъ съ этимъ.
- И такъ вы видите, батюшка, что мои мечты основаны на нъкоторыхъ данныхъ...
- Ты правъ, Эрнестъ, желаю тебъ успъха... Теперь ты можешь удалиться; мнъ нужно просмотръть кой-какіе акты...
- Батюшка....
- Что еще?

- Вы знаете, въ какой нуждъ мы жили все это время?
 - Да, но не будемъ этого вспоминать, любезный сынъ...
 - Нътъ ничего удивительнаго, что я немного задолжалъ...
- Задолжаль?... У тебя есть долги?...
 - Да, батюшка.... это в в выполняющий в выстания в выстания
 - Г. Мейранъ пересълъ къ своему бюро.
- У меня есть долги, батюшка, которые я сдълалъ по крайней необходимости. Кредиторы мои жестоки и взыскательны; если вы можете...
- Что такое ты говоришь?
- Если вы можете дать мнъ билетъ въ пятьсотъ франковъ?
 Мейранъ поспъшно закрылъ бюро, замкнулъ его и положилъ ключъ въ карманъ.
- Пятьсоть франковъ! вскричалъ онъ, подымаясь съ своего мъста: и для чего? чтобы платить за увеселенія расточительнаго сына? Нътъ, сударь, у васъ есть мъсто, жалованье.... Жалованье, сударь, превышающее всъ наши доходы прежняго времени, и которыхъ, однако, хватало на всю нашу семью. Я пе дамъ тебъ ни копъйки...

Онъ указалъ на дверь кабинета и сыну оставалось только удалиться, не говоря ни слова. Мейранъ не былъ скупъ, но онъ былъ игрокъ и долго ограничивался маленькими ставками.

Между-тьмъ, Анатоль вскоръ узналъ настоящую причину смерти поручика Норберта, или такъ сказать, поводъ къ дуэли: друзья его дали ему кое-какія порученія къ ихъ парижскимъ товарищамъ, а по всей армін только и было разговоровъ, что о Вольскомъ и Норбертъ.

Говорили, что Норбертъ, женившись на прелестной женщинъ, которую страстно любилъ, не могъ ее оставить, и просилъ отпуска, въ то время, когда выступали въ походъ; что Капитанъ Вольскій не могъ снести, чтобы поручикъ показалъ такую слабость, такой дурной примъръ, и что вслъдствіе того была дуэль...

on the confidence of the properties of the contract of the con

Ponesta della amparenta della

Short and Purpose program to the contract of t

Though the art of the article and article and a second and a second article articl

ГЕРБУА.

eral militarias

Восемиадцать мъсяцевъ прошло съ того времени, о которомъ мы говорили, и Жюльетта наконецъ сбросила трауръ, чтобы снова явиться въ свъть со всъми преимуществами, которыми она могла пользоваться,

какъ по своимъ личнымъ достоинствамъ, такъ и по своему положению. Шесть мъсяцевъ она провела на мызъ Бюссьера, погруженная въ печаль, не покидая ни на минуту той-залы, въ которой видела она своего мужа въ первый разъ, и увы! также въ послъдній. Она садилась на кресло и, устремляя взоръ къ тому мъсту, на которомъ стояли погребальныя носилки, предавалась самымъ нъжнымъ, но грустнымъ воспоминаніямъ, и прекрасные глаза ея наполнялись слезами. Г. Бюссьеръ тщетно старался утъшить свою воспитанницу. По прошествіи шести мъсяцевъ, одна пенсіонская подруга, также вдова, только послъ старика мужа, увлегла ее въ свое помъстье, въ Нормандію, глъ горе ихъ слълалось для груг общимъ. Сдиа утвшала другую, и этимъ спасительнымъ средствомъ облегчали тяжесть ихъ взаимной печали. Наконецъ г-жа С***, жена министра внутреннихъ дълъ, предъявила свои родственныя права и Жюльетта последніе шесть месяцевъ траурнаго года провела въ прелестномъ Турскомъ замкъ, вмъстъ съ женою министра. Г-жа С*** еще не знала вдовства и потому жила открыто. Тамъ-то Жюльетта узнала о той клеветь, которую на нее взносиль г. де-Линань, подобно нъкоторымъ офицерамъ, полагавшимъ, что причина дуэли и траура былъ отпускъ. Жюльетта не могла согласиться съ такимъ обвиненіемъ.

— Я хлопотала объ отпускъ, говорила опа своей родственницъ: когда я была увърена, что полкъ остается въ Парижъ; неужели не пріятнъе совершить путешествіе въ Италію, чъмъ два раза въ день кататься мимо предмъстія Святаго Антонія. Но едва лишь я узнала, что армія выступаетъ въ походъ, я сама изорвала отпускъ и, вмъсто Италіи, приготовилась ъхать на Рейнъ...

Эрнесть Мейранъ, бывъ произведенъ по приказанію министра въ слъдующій чинъ, ръшился писать къ г-жъ Норбертъ, какъ къ той особъ, которой онъ единственно былъ обязанъ этою милостію. Сперва онъ написалъ ей одно письмо, потомъ другое, наконецъ принялъ за обыкновеніе писать каждую недълю. Жюльетта была довольна этими письмами; Эрнестъ описывалъ ей парижскія моды, театры, городскія новости и всегда умълъ кончить письмо весьма искусною любезностью, которая уже прямо относилась къ ней самой.

- Вашъ протеже, говорила г-жа С*** молодой вдовъ: довольно уменъ: Каковъ онъ, не дуренъ собой?
 - Да, онъ довольно милый кавалеръ...
- Въ такомъ случав, я прошу тебя представить его къ намъ зимою; любезный кавалеръ никогда не лишнее лицо въ залъ.

Жюльетта возвратилась въ Парижъ уже въ половину утъщенная; сна начала посъщать свътъ. Сперва на нее смотръли съ любопытствомъ,

какъ обыкновенно смотрятъ на женщину, если съ ея именемъ сопряжено воспоминание какой-нибудь катастрофы, въ которой она сама была также дъйствующимъ лицомъ. Но вскоръ это легкое облако промелькнуло, и всъ плънялись единственно красотой, юностью и чрезвычайнымъ богатствомъ молодой вдовы. У нея образовался свой кругъ, свои дни; она давала балы и Эриестъ Мейранъ былъ постояннымъ членомъ ея общества.

Въ числъ прочихъ гостей, постоянно посъщавшихъ г-жу Норбертъ, бываль одинъ господинъ лътъ сорока, маленькаго роста, толстый, смъшной наружности, немного глуховатый, но съ тонкимъ и умнымъ взглядомъ; его звали Гербуа; онъ былъ двоюродный братъ покойнаго поручика Норберта. Г. Гербуа, какъ богатый помъщикъ Авейронскаго департамента, обыкновенно лътомъ жилъ въ своихъ помъстьяхъ, а зимою переселялся въ прелестивищий городъ Родезъ, гдв пользовался общимъ уваженіемъ. Совершенно отъ него зависъло быть головою этого города, но у него были другія заботы. Какъ членъ земледъльческаго общества, онъ составилъ записки о саранчъ, писалъ отчеты объ индійскихъ каштанахъ и опыты объ употребленіи краснаго лака для составленія красокъ. Онъ прівхаль въ Парижь, въ надеждв выхлопотать медаль за составленную имъ диссертацію о пользъ употребленія тука въ Авейронскомъ департаментъ. Польза, которую ни въ Авейронъ и нигдъ никто не отвергаль; но Гербуа умудрился написать объ этомъ предметь четыреста страницъ. Общество родезское напечатало эту диссертацію на свой счеть и Гербуа представиль г ж Норберть одинь экземиляръ съ золотообръзной бумагой этого мудраго творенія.

По прибытій въ Парижъ, Гербуа не находилъ лучшаго занятія какъ посъщать свою кузину. Его принимали ласково, и такъ-какъ онъ находилъ домъ ея очень хорошимъ, объдъ вкуснымъ, кресла удобными, общество пріятнымъ, то являлся въ домъ ежедневно въ половинъ пятаго.

— Не безпокойтесь, милая кузина, говорилъ онъ забавнымъ тономъ: — это я, вашъ кузенъ, это я, авейронскій агрономъ...

Онъ влъ съ аппетитомъ, пиль исправно, а послѣ обѣда охотно садился за бостонъ, или еще охотнъе занималъ четвертое мъсто въ театральной ложъ.

- Я не тду изъ Парижа, говаривалъ онъ: пока кузина не выхлопочетъ мнъ почетнаго легіона.
 - Но чтиъ вы заслужили его?
 - А записки мои о тукъ...

«Нътъ другаго средства отдълаться отъ моего кузена, думала Жюльетта: — какъ женить его».

- Эрнестъ, сказала она однажды молодому Мейрану: —ваша сестра Шарлотта все еще по прежнему меня ненавидитъ, не правда-ли?
- Это правда, потому-что въ этомъ она видитъ единственное средство доказывать свое постоянное расположение къ Линану.
 - А онъ все еще влюбленъ?
 - Онъ говоритъ такъ по-крайней-мъръ...
 - Вашъ отецъ продолжаетъ противиться этому союзу?
 - Напротивъ. Мой отецъ начинаетъ соглашаться...
 - Соглашается? воскликнула Жюльетта.
- Его уговаривають, во-первыхь, моя сестра Шарлотта, вслъдъ за нею является г-жа де-Линанъ.
- Г-жа де Линанъ! воскликнула Жюльетта:—еще непримиримый врагъ...
- Г-жа де-Линанъ, продолжалъ Эрнестъ: осаждаетъ моего от ца двумя способами: во-первыхъ, увъряя его, что сынъ ея не имъетъ нужды въ приданомъ; мой отецъ не даетъ приданаго за дочерью; во-вторыхъ, объщаетъ ему, что этимъ средствомъ онъ помирится съ Бюссьеромъ. Вамъ должно быть извъстно, что отказъ моего отца поссорилъ его съ г. Бюссьеромъ.
- Очень хорошо знаю; и такъ г. де-Мейранъ готовъ согласиться.
- Я опасаюсь этого. Его удерживаетъ только одно обстоятельство: — служба де-Линана. Вы знаете, что его дълаютъ префектомъ?
- Въ самомъ-дълъ? произнесла Жюльетта съ двусмысленною улыбкою. Линанъ никогда не будетъ префектомъ, я вамъ за то отвъчаю. Однако я должна вамъ замътить, что если бракъ этотъ совершится, то, при всемъ удовольствіи, какое я нахожу видъть васъ у себя, я должна буду запереть вамъ двери, потому-что для меня будетъ совершенно невозможнымъ сохранять дружество съ родственниками моихъ враговъ ...

Послъднія слова Жюльеты произнесла съ улыбкою, которой глубокое значеніе Эрнесть легко разгадаль.

- Но, воскликнуль онь: я противлюсь этому браку всёми моими силами, и ничто не могло бы быть для меня непріятніве, какъ имість зятемъ Линана ... Что же ділать, когда матушка его такъ искусна, а сестра моя такъ влюблена!..
- И она его любитъ!?.. Есть еще женщины, которыя могутъ любить этого человъка! Послушайте, Эрнестъ: почему вы сами не выдадите за-мужъ вашей сестры?
 - Я!!?..
 - Безъ сомнинія! Если мы вмъстъ съ вами примемся за это

дъло, его будеть очень легко устроить; она миленькая... Только-бъ не выходила она за-мужъ за Линана, я готова признать въ ней всъ ея хорошія качества...

- Я самъ желаю, но не вижу другихъ искателей, кромъ Линана.
- Вы ошибаетесь, Эрнестъ ... я знаю одного; у меня есть женихъ для вашей сестры ...
 - Кто такой?
- Человекъ богатый, который, вмёсто того, чтобы просить денегъ у вашего отца, самъ можетъ одолжить ему въ случав надобности, и вы все это обстоятельство непремённо объясните вашему отцу, когда будете говорить ему объ этомъ дёлъ. Скажите ему также, что если Шарлотта выйдетъ за Линана, то тогда онъ долженъ будетъ проститься и съ вашимъ благосостояніемъ и съ своею дочерью. Г-жа де-Линанъ слишкомъ хитрая женщина; вашъ отецъ долженъ будетъ ей во всемъ покориться...
 - Такъ, сказалъ Эрнестъ: —а Шарлотта?
- Боже мой, Шарлоттъ, какъ всякой молодой дъвушкъ, хочется имъть мужа, и мужа богатаго, чего она не встрътить въ Линанъ. Ваша сестра не имъетъ приданаго, это она знаетъ; между-тъмъ она выйдетъ за мужъ за такого человъка, который будетъ желать только ея одну...
 - И кто-же этотъ человъкъ? спросилъ Эрнестъ.
 - Вы не догадываетесь? Это мой кузенъ-Гербуа ...
- Г. Гербуа! воскликнулъ Эрнестъ, смѣючись. Такимъ-образомъ вы не избътнете родства съ Шарлоттой: она будетъ вамъ кузиной.
- Родственница въ Родезъ! сказала Жюльетта: кузина въ Авейронскомъ департаментъ!
- Но Гербуа знаетъ-ли мою сестру? Онъ не знаетъ даже, существуетъ-ли она на свътъ... Онъ желаетъ жениться?
 - Не имъетъ ни мальйшаго желанія ...
 - И послъ этого вы хотите устроить этотъ бракъ?
- Я хочу, чтобы онъ былъ совершенъ не позже пятнадцати дней, если только вы станете мнъ помогать; вамъ нужно единственно сказать вашему отцу, что Гербуа ищетъ руки вашей сестры; къ этому, разумъется, вы присовокупите, что Гербуа зажиточный гражданинъ города Родеза, что онъ имъетъ сорокъ тысячь ливровъ годоваго дохода и что доходы его за три послъдніе года хранятся неприкосновенными въ чистой монетъ; остальное все я устрою сама ...
 - Я буду говорить объ этомъ моему отцу, сегодня-же вечеромъ ...
- Сдълайте это Эрнестъ, и пріъзжайте за мною сегодня въ десять часовъ; я хочу видъть послъднее дъйствіе Весталки.

Въ этотъ день г-жа Норбертъ приказала никого не принимать, кромъ Гербуа и она объдала съ нимъ вдвоемъ.

- Какъ вамъ нравится эта дичь, мой кузенъ?
- Чудесная, кузина; однако у насъ въ Авейронъ зайцы бываютъ лучше этого ...
 - Въроятно, вы мало взяли.
- Напротивъ, кузина; кажется, миъ положили на тарелку всю заячью спину; мпъ даже совъстно, вамъ ничего не осталось...
- Я никогда не тыть дичи, любезный Гербуа; кусочекъ цыпленка достаточно для меня... Пейте-же... можетъ быть, вамъ не нравится это вино... Это, впрочемъ, прекрасное вино...
- О, что касается до вина, кузина, то такого въ нашей сторонъ не бываетъ . .
- По-видимому вы имъ не пользуетесь, вы такъ бережете себя... Да, что съ вами, Гербуа? Вы сегодня такъ печальны. Я увърена, что министръ васъ дурно принялъ сегодня утромъ.
 - Онъ совсъмъ меня не принялъ, кузина.
- Я удивляюсь, сказала Жюльетта: простотъ умныхъ людей и простодушію ученыхъ! Вотъ, на-примъръ, г. Гербуа, молодой человъкъ достойный уваженія...
 - Мит уже сорокъ лътъ, замътилъ Гербуа.
- Г. Гербуа, молодой богатый человъкъ, членъ земледъльческаго общества города Родеза, извъстный своими сочиненіями, которыя имъли такой успъхъ...
- Да-съ, три разсужденія о саранчѣ и одно о тукѣ... замѣтилъ Гербуа.
 - Этотъ человекъ хочетъ получить награду.
 - Честолюбіе мое жаждеть этого, кузина ...
- Онъ замъчаетъ, что я ничего также не могу сдълать, не смотря на всъ мои старанія, и этотъ человъкъ столь умный и достойный ничего не догадывается...

Гербуа сдълаль большіе глаза, устремивъ ихъ на кузину, и держа ножъ и вилку въ положеніи вертикальномъ; нъсколько минутъ онъ оставался совершенно неподвиженъ.

- Я!!? вскричаль онъ наконець:—я ничего не догадываюсь? А въ чемъ-же долженъ я догадываться?
- И я должна, продолжала Жюльетта:—никого не принимать для того, чтобы наединъ объяснить ему истину...
 - Истину!!? воскликнулъ Гербуа, роняя съ вилки кусокъ зайца: —

развъ министръ находитъ дурною мою систему о тукъ ... развъ я ни-когда не получу награды?

- Напротивъ, милый кузенъ: министръ два или три раза перечитывалъ ваше разсуждение, онъ безпрестанио его хвалитъ; но какъ наградитъ автора?
- На это естъ средство, сказалъ Гербуа.
- Очень хорошо, возразила Жюльетта: —но во первыхъ, всѣ производства и награды представляются съ утвержденія императора и вовторыхъ, вамъ не должно зарывать свой талантъ въ своемъ земледъльческомъ обществъ
 - Въ такомъ случав я останусь въ Парижв, сказалъ Гербуа.
- Совсѣмъ не нужно; должно жить въ Родезѣ, быть тамъ представителемъ, показать себя, принимать хорошее общество; однимъ словомъ, кузенъ, вы должны жениться. Что такое быть холостымъ? Это значитъ, жить безъ цѣли. Императоръ любитъ людей семейныхъ, кузенъ. Если завтра вы рѣшитесь жениться, послѣ завтра получите награду.
 - Вы думаете, кузпна?
- Я въ томъ увърена. Послушайте, кузенъ: объщаете вы мнъ хранить втайнъ то, что я буду вамъ говорить?
 - Клянусь вамъ, кузина.
- И такъ, кузенъ, я вамъ все это говорила не безъ причины.
- Я не вижу, впрочемъ, затрудненія жениться, если вы находите, что я еще довольно молодъ... замътилъ Гербуа.
 - Вамъ только сорокъ лътъ?
- Это правда, возразилъ Гербуа: и я знаю въ Родезъ одну молодую особу...
 - въ Родезъ?
- Не въ самомъ Родезъ, а въ Клерво... въ четырехъ верстахъ отъ Родеза, подлъ моего помъстья... молодая особа, которая со-временемъ будетъ имъть пятнадцать тысячь дохода...
- Совсѣмъ не въ Родезѣ должно жениться вамъ, кузенъ, а въ Парижѣ: я устрою ваши дѣла...
 - въ Парижъ? спере нада чите стре спере спередования
- Безъ сомивнія. Не знаю, замітили—ль вы вчера у меня молодаго человітка, который сидіть за столомъ подлів васъ?
- Онъ самый. Онъ очень хорошъ съ министромъ; этотъ молодой человъкъ имъетъ весьма выгодное положение въ свътъ; Онъ можетъ быть полезенъ. У него-то есть сестра, невъста, очень хорошенькая особа...

- Богатая? спросиль Гербуа.
 - -- Она богата для васъ и бъдна для другаго.
- Я не понимаю этого, сказалъ Гербуа.
- Между-тъмъ это такъ легко понять: отецъ Шарлотты, г. Мейронъ, очень богатъ, но скупъ; онъ не даетъ приданаго своей дочери, но за то она получитъ большое наслъдство... Значитъ, Шарлотта очень богата для васъ, потому-что вы можете ожидать...
 - Это правда, кузина, я никогда не проживаю монхъ доходовъ.
- И такъ вы хорошо понимаете теперь! Присовокупите ко всему этому ту выгоду, что вашъ шуринъ будетъ здѣсь хлопотать по вашимъ дѣламъ, давать ходъ вашимъ сочиненіямъ.

Последній доводъ совершенно победиль Гербуа. Онъ сделаль еще несколько легких возраженій, болье, для того, чтобы заинтересовать собою, нежели отказываясь отъ партіи, какую ему предлагали.

— Надобно знать теперь, сказаль онъ:—захочеть-ли меня дѣвица Мейранъ?

Жюльетта посмотрѣла на своего кузена такимъ взглядомъ, какимъ нерѣдко возбуждается мужество въ самыхъ робкихъ людяхъ.

- Вы шутите, Гербуа, сказала она ему: такой человѣкъ, какъ вы, первая особа въ Авейронъ, имъющій сорокъ тысячъ ливровъ годоваго дохода! Чтобы молодая дъвушка отказалась отъ сорока тысячъ дохода! Это неслыханное дъло... по-крайней-мъръ въ Парижъ. Впрочемъ, если Шарлотта вамъ откажетъ, мы найдемъ другую невъсту.
 - Я надъюсь, что она мит не откажеть.
- Я думаю, въ противномъ случав она очень плохо понимала-бы свои выгоды. Посмотрите, какъ опасно ваше положеніе: предположимъ, что Шарлотта любитъ кого-нибудь, что она уже имъетъ расположеніе къ тому или къ другому; но вышедши завасъ за мужъ, она увзжаетъ, съ вами въ вашъ департаментъ; эта привязанность исчезаетъ по мъръ удаленія вашего отъ береговъ Сены, и наконецъ совершенно умираетъ...
- Да, да, прервалъ Гербуа, потирая руки:—умпраетъ и тонетъ въ водахъ авейронскихъ.
- Совершенно такъ: есть еще одна вещь, въ которой и должна васъ предупредить, замътила Жюльетта: мы были прежде пріятельницами съ Шарлоттою Мейранъ; но въ настоящее время мы въ ссоръ и даже съ нею не видимся. Однако, по поступку моему вы можете понять, что я желаю добра Шарлоттъ и что я не забыла нашей прежней дружбы.
 - Такія чувства ділають вамь честь, кузина.
 - Поэтому, мнъ кажется, вамъ безполезно будетъ говорить ей обо

мить темъ более разсказывать, что я вамъ подала идею объ этомъ замужствт. Вы должны сказать просто, что знаете Эрнеста Мейрана, что вы ему сообщили желаніе жениться, что онъ вамъ предложилъ свою сестру, и дела такимъ образомъ сами собою устроились.

. — Какъ хотите, кузина.

Гербуа тогда освъдомился объ имъніи дъвицы Мейранъ. Жюльетта знала напередъ, что эти свъдънія окончательно побъдять ея кузена. Наслъдство, полученное Мейраномъ, было весьма значительнымъ: не говоря о наличныхъ деньгахъ, ни о двухъ домахъ въ Парижъ, ему достались еще чудесныя теплицы въ Онской долинъ, что въ пятнадцати или двадцати верстахъ отъ Парижа.

- И замѣтьте еще, мой кузенъ, что у г. Мейрана только двое дѣтей. Впрочемъ вы имѣете полное право справиться объ его имуществѣ у нотаріуса, котораго имя и адресъ я вамъ дамъ; даже вы можете посѣтить имѣніе Мейрановъ въ Нормандіи.
- Это легко можетъ случиться, сказалъ Геро́уа: если г. Мейранъ приметъ мое предложение. Я могу буду дать весьма полезные совъты его арендатору объ употреблении тука.

Жюльетта не питала ненависти къ Шарлоттъ, но имъла къ ней антипатію.

— Эта молодая дъвушка, думала она: — мнъ не нравится, вотъ и все тутъ, можетъ быть, потому-что я брюнетка, она блондинка.

Такимъ-образомъ Жюльетта охотно устроивала выгодное замужство для дъвицы Мейранъ. Она этимъ желала только лишить Анатоля любимой женщины, и Гербуа былъ именно человъкъ, какого ей нужно было въ этомъ случав, чтобъ предложить Шарлоттъ Эрнестъ помогалъ ей въ этомъ дълъ съ большимъ успъхомъ: приходя въ восторгъ при мысли, что онъ нравится женщинъ всъми уважаемой и что со-временемъ, можетъ быть, разбогатъетъ, женившись на ней, онъ употребилъ все стараніе, чтобы склонить отца къ согласію на предложеніе Гербуа. Притомъ счастіе благопріятствовало Жюльеттъ въ этомъ дълъ и ему угодно было, чтобы довольно нечувствительное сердце Гербуа совершенно растаяло при одномъ взглядъ на красоту Шарлотты, такъ-что, послъ трехъ или четырехъ свиданій, онъ совершенно забылъ клервонскую красавицу, которая имъла пятнадцать тысячъ ливровъ доходу, и горълъ желаніемъ скоръй увезти въ Родезъ очаровательную парижанку.

— Я отдаю вамъ дочь мою, наконецъ сказалъ ему старикъ Мейранъ:
—мой сынъ такъ вами восхищенъ, что я ръшился именно васъ выбрать женихомъ для моей дочери, столько-же по его настоятельнымъ просьбамъ, сколько снисходя на ваше желаніе.

- Это слишкомъ много чести для меня, отвъчалъ Гербуа: и н никогда не забуду моей благодарности къ вамъ и къ вашему сыну; но я желалъ-бы знать, согласна-ли на то ваша дочь?
 - Моя дочь?
 - Да, сударь, ваша дочь, дъвица Шарлотта?
- Я чувствую къ ней такую пламенную любовь. Впрочемъ есть одна вещь, которую мнѣ, какъ будущему мужу дѣвицы Шарлотты, очень пріятно было-бы знать: любить-ли она меня, или нѣтъ?
 - Вы хотите знать, любить-ли васъ моя дочь?
 - Да, сударь, это простое любопытство.
- Скажите лучше, что это дъло тонкой въжливости; это чувство дълаетъ вамъ честь. Вы будете удовлетворены. Моя дочь съ вами свободно объяснится.

Мейранъ объяснился съ своей дочерью коротко и ясно.

- Милая Шарлотта, сказаль онъ ей: твой брать познакомиль насъ съ однимъ господиномъ, которому ты очень поправилась. Я говорю тебъ о Гербуа.
- Это тотъ господинъ, произнесла Шарлотта: который хочетъ удобрять мерченемъ ваши помъстья въ Онской долинъ.
 - Да, и онъ хочеть на тебъ жениться; это главное его желаніе.
- Но, папа...
- Послушай-же меня, Шарлотта; этотъ господинъ имъетъ сорокъ тысячъ годоваго дохода; онъ одинъ изъ самыхъ зажиточныхъ помъщиковъ Авейрона. Я когда-то былъ въ Авейронъ, знаю Родезъ: чудный городъ ... Я знаю, что ты хочешь мив сказать г. Линанъ тебя любитъ и ты не прочь отъ него. Но тебъ извъстно, что я отвергъ это предложение и за то поссорился съ лучшимъ моимъ другомъ, Бюссьеромъ. Это одно могло-бы заставить его потерять всякую надежду... Ни чуть не бывало: этотъ молодой человъкъ продолжаетъ за тобою ухаживать. мать его мив надоблаеть и я наконець решаюсь отделаться отъ того и другого. Сорокъ тысячъ ливровъ доходу, Шарлотта! подумай хорошенько... Человъкъ кроткій, безвредный. Между-тъмъ какъ Анатоль, за котораго ты никогда не выйдешь иначе, какъ противъ моего желанія, вовсе тебъ не пара, потому-что, еслибъ когда-нибудь въ этомъ ты успъла, то ужъ тогда должна будешь сказать прости насл'єдству, а г-жа де-Линанъ не будеть на тебя и глядеть, когда узнаеть, что у тебя неть наследства. Завтра къ намъ будетъ Гербуа; онъ станетъ говорить тебъ о своей страсти, ты можешь отвъчать ему, что хочешь.

Шарлотта хорошо знала характеръ своего отца и ни мало не сомнъвалась, что онъ сдълаеть посвоему желанью. Дъвица Мейранъ была не изъ числа романическихъ дъвушекъ и тотчасъ съумъла взвъсить силу своей страсти съ собственными личными выгодами.

Заставить г. Мейрана перемънить его намъренія было невозможно. Потомъ она разсуждала о Героуа съ тъмъ върнымъ инстинктомъ, который никогда не обманываетъ женщинъ. Гербуа, ученый агрономъ, или по-крайней-мъръ человъкъ, выдававшій себя за ученаго: человъкъ, который охотите проведетъ итсколько часовъ надъ стменами ржи, нежели въ бесъдъ съ самою очаровательною свътскою женщиной; наконецъ, человъкъ, у котораго сорокъ тысячь годоваго дохода. Женщина, которой мужъ получаеть сорокъ тысячь дохода, можетъ пріятно жить въ Родезъ. Шарлотта, разсуждая такимъ-образомъ, она ръшилась Вследствіе того, на другой день авторъ сочивыйти за Гербуа. ненія о необходимости тука въ Авейронскомъ департаментъ получиль весьма удовлетворительный отвътъ и могъ ръшительно думать, что онъ одинаково любимъ отцомъ, сыномъ и дочерью. Бракъ былъ утвержденъ.

Шарлотт оставалось еще исполнить одну обязанность, —проститься съ Анатолемъ. Уже нъсколько дней будущій префектъ не могъ видъть своей возлюбленной; привратнику былъ данъ строгій приказъ никого не принимать; то онъ говорилъ, что г. Мейрана нътъ дома или что барышня уъхала вмъстъ съ своимъ отцомъ; то говорилъ, что баринъ нездоровъ, а барышня поъхала навъстить знакомыхъ. Измученный отказами, Анатоль, блуждая около дома Мейрановъ, ръшался уже написать письмо Шарлоттъ, въ которомъ хотълъ жаловаться на такія необычайныя строгости, какъ вдругъ онъ повстръчалъ старую кухарку Мейрана.

- Жанетта, вскричалъ Анатоль, останавливая ее: скажи пожалуйста, что твой господинъ ... отказываетъ мнъ отъ дома? Г. Мейранъ не хочетъ меня болъе принимать?
 - Выдаютъ за-мужъ барышню...

Линанъ, услышавъ такой отвътъ, отскочилъ назадъ.

- Въроятно, это совершается не безъ участія г-жи Норбертъ?
 сказалъ онъ.
 - Ахъ! я знаю только то, что барышня прежде желала за васъ выйдти.
- Я непремънно хочу ее видъть, Жанетта.
- Того же самого желаеть барышня ... Черезь два или три часа, когда наступить ночь, вы слегка постучите въ калитку. Сторожъ вамъ отворить, вы ему скажите «Жанетта!» и суньте экю въ руку. Потомъ вы взойдите по черной лестницъ на самый верхъ, въ мою комнату, гдъ будеть васъ ожидать барышня ... Смотрите, небольшая сърецькая дверь, тамъ другихъ дверей нътъ...

Лишенный возможности посъщать г. Мейрана, Анатоль покорплся

необходимости имъть, можетъ быть, послъднее свиданіе съ любимою особою, въ комнатъ старой служанки, въ надеждъ уговорить Шарлотту. Умилостививъ Цербера подачею ему одного экю, онъ взбъжалъ по черной лъстницъ и постучалъ у дверей Жанетты. Шарлотта между-тъмъ приготовилась къ свиданію. Едва лишь Апатоль показался на порогъ, она тотчасъ закрыла лицо свое платкомъ и залилась слезами.

Мы уже объясняли выше, что Анатоль любилъ Шарлотту. Хотя Мейранъ отказалъ ему впачалъ, но, принимая его у себя въ домъ, онъ подавалъ ему надежды на будущее: вслъдствіе этихъ причинъ онъ вошелъ въ комнату Жанетты въ такомъ расположеніи духа, которое вполиъ удаляло его отъ всякихъ нъжностей и снисхожденія.

— Слезы, Шарлотта... сказалъ онъ слушая ея рыданія: — слезы ничего не значутъ. Я не прошу вашихъ слезъ; я требую отъ васъ только любви и постоянства...

Шарлотта отняла платокъ отъ своего лица; глаза ея были полны слезъ, щеки влажны, лицо удивленное. При песлъднихъ словахъ Анатоля, она вскрикнула.

— Онъ думаетъ, что я его не люблю, говорила она послъ: — онъ думаетъ, что я ему измънила!.. Анатоль, недоставало мнъ еще этого несчастія...

Шарлотта въ эту минуту была чудно хороша,

- Я не чувствителенъ!!? воскликнулъ Анатоль:—не вы-ли меня покидаете и въ то-же время обвиняете меня? Развъ я женюсь на другой?
- Развъ я васъ покидаю, Анатоль!? Удивляюсь право, вы говорите, какъ-будто я завишу отъ самой себя. Я вижу, вы не знаете даже за кого меня выдаютъ ...

THE RESERVE OF THE PARTY OF THE

- Нътъ, я не знаю...
- Вы не знаете г. Гербуа?
- Гербуа?
- Авейронски дикарь, который увезеть меня въ свою берлогу, гдъ я умру отъ тоски и отчаянія.
- Г. Гербуа? повторилъ Анатоль: я знаю одного Гербуа, который каждый день является въ канцелярію.
 - Это онъ и есть, онъ хлопочетъ о наградъ.
 - Родственникъ г-жи Норбертъ...
 - Г-жи Норбертъ? произнесла Шарлотта.

Въ эту минуту ея удивленіе и страхъ были уже непритворными. Это тотчасъ объяснило ей, почему братъ ея принималъ такое дъятельное участіе въ этомъ замужствъ; но вскоръ она одумалась и постигла мысль Жюльетты. Молодая предоставляла Шарлоттъ своего богатаго родственника; въ намъреніи лишить Анатоля той женщины, которую онъ любилъ, она готова была обогатить соперницу, чтобы наказать въроломного.

— Такъ вотъ что, произнесла Шарлотта, усугубляя свои рыданія:— это она поражаетъ насъ такимъ несчастіемъ! О Боже мой! О Боже мой! Какая жизнь мнъ предстоитъ!..

Когда Шарлотта успѣла увѣрить Анатоля въ томъ, что она жертва ненависти г-жи Норбертъ, тогда рѣшилась безъ малѣйшаго опасенія спрашиватъ Анатоля, что оставалось имъ дѣлать. Такъ-какъ невозможно было ничѣмъ побѣдить настойчивость г. Мейрана, то оставалось прибѣгнуть къ великодушію Гербуа. Но для этого надлежало знать свойства Гербуа, а Шарлотта между-тѣмъ успѣла убѣдиться, что онъ не слишкомъ уступчивъ въ этомъ дѣлѣ. Гербуа сватался по причинамъ, ей вовсе неизвѣстнымъ, но въроятно онъ не согласился-бы отъ нея отказаться. Шарлотта, послѣ грустныхъ размышленій, рѣшилась съ особенною живостью сказать Апатолю:

— А между-тъмъ, милый другъ, я васъ люблю... Что-же намъ дълать? что намъ предпринять? Дайте мнъ севътъ, укажите мпъ дорогу... Я васъ слушаю...

Анатоль взяль руку Шарлотты и поцѣловаль ее съ жаромъ, но онъ продолжалъ сохранять молчаніе. Шарлотта, увидѣвъ ясно, что кончится тѣмъ, что она будетъ имѣть сорокъ тысячь годоваго дохода, рѣшилась дѣйствовать еще смѣлѣе.

- Увезите меня, Анатоль, увезите!
- Нътъ, Шарлотта, я не могу быть такимъ эгоистомъ...

Кухарка въ это время бросилась въ маленькую комнатку, гдъ они такъ хитрили другъ передъ другомъ.

IN COURSE A TAILTH WAS A WAS BORNELLE

- Барышня, васъ вездѣ ищутъ. Папенька васъ спрашиваетъ въ залѣ; г. Эрнестъ входилъ въ вашу комнату и даже испугался, увидѣвъ, что васъ тамъ нѣтъ. Спуститесь внизъ поскорѣй, ради Бога!..
- Анатоль, произнесла Шарлотта, протягивая къ нему руку съ невыразимою нъжностію: я надъялась найти въ васъ гораздо болъе любви ...

Послъ того она вышла изъ комнаты Жанетты, быстро сбъжала по черной лъстницъ и вошла въ залу съ лицомъ, спокойнымъ, безъ малъйшаго признака слезъ и съ улыбкой на устахъ. Г. Мейранъ спокойно разговаривалъ съ Гербуа. Одинъ Эрнестъ былъ очень встревоженъ.

— Гдъ была ты, сестра? спросилъ онъ.

- Въ моемъ кабинетъ. Я слышала, какъ ты все перерылъ въ моей комнатъ. Чего ты искалъ?
- Вотъ какая! Ты слышала, и между-тъмъ не хотъла отозваться мнъ, чтобы я могъ узнать, гдъ ты находишься...
 - Совствы приж...
- Ты върно что-нибудь писала?
 - Ты угадалъ...
 - Къ Линану?
- Именно. Надобно же проститься съ друзьями, когда предстоитъ ъхать въ Родезъ ...
- Ну, слава Богу сестра, я люблю тебя, когда ты благоразумно разсуждаешь. Липанъ совсѣмъ тебѣ не пара .. Этотъ молодой человѣкъ очень несчастливъ; все, что онъ предпринимаетъ, ему не удается; притомъ тебѣ, сестра, было-бы непріятно выйти за того человѣка, которому отказала г-жа Норбертъ...
- Это правда, любезный братъ; носмотри, чтобы случившееся съ Липаномъ не повторилось съ тобою...
 - Я очень остороженъ, сестра...

Шарлотта, пожертвовавъ сердечною привязанностію выгодамъ вещественнымъ, ни въ какомъ случат не хоттла, чтобы ея жертва оставалась безполезною. Она подстла къ Гербуа, который въ это время описывалъ городъ Родезъ самыми яркими красками.

— У васъ здѣсь родственница, спросила она:—съ которою вы часто видитесь?

Гербуа, вспомнивъ наставленія Жюльетты, боялся излишнею откровенностію опечалить свою невъсту.

- У меня есть точно дальній родственникъ, который живетъ въ Маре отвъчалъ онъ: мы очень ръдко встръчаемся.
 - Я вамъ говорю о родственницъ, о молодой вдовъ, г-жъ Норбертъ.
- Да, г-жа Норбертъ, вдова.
- И въроятно, продолжала спрашивать Шарлотта: вы часто встръчаетесь у нея съ монмъ братомъ?
 - По правдъ, мы тамъ съ нимъ познакомились...
- Жюльетта, съ небрежностію произнесла Шарлотта: была подругою моего дътства, мы съ нею поссорились изъ-за пустяковъ.
- Я васъ увъряю, простодушно сказалъ Гербуа:—что моя кузина на васъ не сердится.
- Я увърена; притомъ я сама уже давно забыла эту маленькую ссору...

Агрономъ пришелъ въ восторгъ.

— Какъ я счастливъ! воскликнулъ онъ: —двѣ прелестныя женщины, которыхъ я знаю, вмѣстѣ съ тѣмъ самыя очаровательныя: одна моя кузина, другая будетъ моей женой.

Бракъ совершился очень скоро. Ихъ обвънчали въ Сенъ-Рошской церкви. Г-жа де-Линанъ и Анатоль не присутствовали на свадьбъ. Сама Жюльетта, при всей ея добротъ, и не смотря на совершенную перемъну чувствъ къ Шарлоттъ, также не почтила присутствиемъ свадьбу своего кузена. Въ то время ея опекунъ страдалъ подагрой и она всъ дни проводила у него на мызъ.

Tide and produce the present of the control of the

простигаем по времения деннической выправания и станов простигаем простигаем по компрости совержите совержите пр

госпожа Де-Ренонкуръ.

Въ эпоху, о которой мы здёсь повёствуемъ, въ Парижѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находились два смежные сада, проведена была новая улица подъ названіемъ Монт-Таборъ, въ честь монт-таборскаго сраженія, выиграннаго генераломъ Бонапартомъ еще въ 1799 году. Улица эта еще не была совершенно отстроена, а между-тѣмъ ее уже населяли богатыя лица, привлеченныя туда красотою зданій и великолѣпіемъ новыхъ квартиръ.

Въ одномъ изъ наиболѣе громадныхъ домовъ этой улицы, весь бельэтажъ занимала какая-то дама: На ея ежедневныхъ объдахъ всегда можно было встрътить множество богатъйшихъ парижанъ. У нея допускалась также карточная игра. Женщина эта была маленькаго роста, наружности болѣе привлекательной, чъмъ красивой, и легкая какъ зефиръ. Однимъ словомъ, это была Олимиія, отставная корифея балетной труппы.

Пребываніе танцовщицы въ Маделоннеттахъ было непродолжительнымъ. Первымъ дъломъ Олимпіи было явиться къ Гарделю.

- Что вижу я? воскликнуль балетмейстерь: ты, душа моя, похудъла, постаръла; я полагаю, что пища въ Маделоннеттахъ не слишкомъ благопріятствуетъ здоровью?..
 - О, г. Гардель, не дай Богь никому быть на моемъ мъстъ.
 - Ну, моя милая, покажи-ко мнъ баттеманъ и маленькій антрша... Олимпія повиновалась.
 - О, это ужъ не то, что прежде, мой другъ, произнесъ балет-

мейстеръ: нътъ ни той силы, ни той граціи, и ноги какъ-то дурно выгибаются; мы просто распростились съ нашимъ талантомъ, моя милая. Я убъжденъ, что ты хочешь имъть мъсто провинціальной танцовщицы? — О, совсъмъ нътъ, г. Гардель: я хочу занять мое прежнее мъсто въ Оперъ.:.

Гардель при этомъ сдълалъ жестъ удивленія, какой онъ обыкновенно дълалъ въ балетъ Телемакъ, когда Менторъ застаетъ сына Улисса въ обществъ нимфы.

— Возвратиться въ Оперу, сударыня! воскликнулъ онъ: — я вижу, что вы меня не узнаете: Олимпія будетъ танцовать на сценъ опернаго театра! Этого никогда не будетъ ... Мои танцовщицы не согласятся имъть такую подругу. .

Олимийя болье не усиливалась и хорошо поняла, что ей должно проститься съ ремесломъ Терпсихоры. Она обладала нъкоторыми сбереженными ею деньгами, наняла превосходную квартиру въ улицъ Монт-Таборъ, и съ того времени стала именоваться Октавіей де-Ренонкуръ.

Если кто-нибудь случайно узнаваль въ ней прежнюю Олимпію, то она не отвергала этого имени. Напротивъ того, она признавалась всѣмъ, что точно, вслъдствіе враждебныхъ обстоятельствъ ея прежней жизни, она принуждена была принять на себя званіе танцовщицы подъ этимъ именемъ; но когда снова она получила возможность явиться въ свѣтѣ, прилично ея званію, тогда она снова рѣшилась принять свою прежнюю фамилію.

Простодушные люди върили, и ъздили къ ней, потому-что она угощала хорошимъ объдомъ, потому-что у нее всегда можно было составить сильную партію въ вистъ или въ другую игру.

Однажды Анатолю де-Линану встрътилась необходимость повидаться съ полковникомъ L***. Дъло было спъшное; Анатоль незасталъ полковника, но слуга сказалъ, что можно видъть его барина въ улицъ Монт-Таборъ; у г-жи Ренонкуръ.

Всякій, кто быль порядочно одѣть, могь имѣть свободный входъ къ отставной танцовщицѣ. Анатоль прежде всего должень быль пройти черезь залу, гдѣ въ вихрѣ вальса кружилась легкай полувоздушная толпа танцующихъ. Миновавъ залу, Анатоль прошель въ небольшую комнату, гдѣ за вкусный обѣдъ въ Монт-Таборской улицѣ, каждый платилъ свою долю на зеленомъ полѣ ... И первое лицо, попавшееся ему на глаза въ этой комнатъ, былъ Эрнестъ Мейранъ, братъ Шарлотты.

— O! о! подумалъ Анатоль: — если здѣсь я не встрѣчу полковника, то тутъ можно сдѣлать кое-какія наблюденія и пріобрѣсть біографическія свѣдѣнія, которыя при случаѣ пригодятся.

Эрнестъ Мейранъ кутилъ на счетъ будущихъ благъ и входилъ въ долги. Вскоръ послъ свадьбы своей сестры, онъ имълъ искусство занять у своего зятя пять банковыхъ билетовъ. Гербуа очень неохотно сдълалъ это пожертвованіе, заклиная самого себя другой разъ ужъ никакъ не поддаваться такой слабости.

Въ тотъ самый вечеръ, когда мы описываемъ, Эрнестъ проигрывалъ послъдніе наполеоны, которые онъ занялъ у своего зятя. Анатоль обошель залу и сълъ позади его. Противникомъ молодаго мота былъ тотъ самый полковникъ, котораго желалъ видъть Анатоль. Множество любопытныхъ окружали этотъ столъ, потому-что игра представляла особенную занимательность. Прежде этого они играли въ пикетъ и счастіе такъ и везло Эрнесту, выигравшему довольно значительную сумму. Полковникъ не любилъ проигрывать; съ досады онъ бросилъ карты и весьма ласково предложилъ Эрнесту сыграться.

- На червонную даму! воскликнулъ нъкто изъ зрителей.
- Пожалуй, на червонную даму произнесъ полковникъ: вы будете метать.

Эрнестъ принялъ предложеніе, хотя оно для него было совершенно невыгоднымъ. Талія началась. Полковникъ поставилъ наполеонъ, и потомъ съ обоюднаго согласія, при возобновленіи каждой таліи, онъ шелъ все дублетомъ. При такой игрѣ проигрышъ и выигрышъ ростутъ быстро. Первыя три карты были убиты. Полковникъ расплатился съ Эрнестомъ. Потомъ счастіе нѣсколько разъ переходило то на ту, то на другую сторону, и наконецъ оно совершенно измѣнило Эрнесту. Въ эту минуту Анатоль приблизился къ игрокамъ.

- Несчастіе! произнесъ банкометъ: кажется я далъ одинадцать картъ.
- Двънадцать! воскликнулъ одинъ постоянный игрокъ, который все время мътилъ будавкою на картъ
- Вы правы. Точно двънадцать разъ. Я ошибся, возразилъ банкометъ.

Полковникъ поднялъ голову.

- И двѣнадцать разъ отъ одного наполеона, произнесъ третій:—
 что составитъ двѣ тысячи сорокъ восемь наполеоновъ.
- Такъ точно, сказалъ четвертый: —двѣ тысячи сорокъ восемь наполеоновъ, то-есть что составляетъ сорокъ тысячь девятьсотъ шесть-десятъ франковъ, если я не ошибаюсь ...
- Это совершенно такъ! кричали со всёхъ сторонъ: счетъ въренъ.
 - Угодно продолжать? спросилъ Эрнестъ.
 - Съ удовольствіемъ, сухо отвъчаль партнеръ: но заплатите,

я всегда расплачивался, когда проигрываль и не понимаю, почему вы этого не дълаете ...

Передъ Эрнестомъ лежала довольно порядочная кучка золота. Онъ сталъ пересчитывать и класть по пяти наполеоновъ особо, какъ обы-кновенно это дълаютъ. Такимъ-образомъ, онъ выставилъ десять рядовъ, пятнадцать, потомъ двалцать, потомъ, очистивъ всъ свои карманы, прибавилъ еще одинъ рядъ.

- Вотъ сто пять наполеоновъ, произпесъ полковникъ: то-есть двъ тысячи сто франковъ; а остальные?
- Остальные, произнесъ кто-то между зрителями: составляютъ тридцать восемъ тысячь восемьсотъ шестьдесятъ франковъ.
- Можете вы мит заплатить, сударь? спросиль цолковникъ.

Эрнестъ, запинаясь, произнесъ, что съ нимъ не было такой суммы денегъ.

— Это очень можетъ быть, въжливо замътилъ полковникъ: — но вы позволите отложить эту партію до того времени, когда вы расплатитесь.

Полковникъ всталъ съ своего мъста и отдалъ карту свою Эрнесту. Въ эту минуту Эрнестъ увидълъ Линана.

— Ахъ, подумалъ онъ: — я погибъ, если черезъ двадцать четыре часа не заплачу проигрыша. Но я никакъ не ожидалъ, чтобы Анатоль былъ также игрокъ.

Анатоль подошель къ полковнику и переговориль съ нимъ о дёлё.

- -- Вы выиграли большую сумму, сказалъ Анатоль, когда они уже объяснились о дълъ: --- успъютъ-ли заплатить вамъ?
- Безъ сомивнія. Вы не знаете того, кто проиграль?
- Нъсколько знаю, полковникъ. Его отецъ богатъ, но онъ гроша не заплатитъ за шалости сына...
 - У него есть другіе источники ... произнесъ полковникъ.
 - Какіе-же?
 - Я все знаю: онъ можетъ занять у Ренонкуръ...
- Ренонкуръ? возразилъ Анатоль: я ее видѣлъ при входѣ. Лицо ея мнѣ знакомо, но фамилія меня удивляетъ...
- Оперная актриса; годъ или два тому назадъ, она плясала въ балетной труппъ.
 - Такъ что-же! Что она вамъ сказала?
- Она мнъ сказала, что этотъ молодой человъкъ сватается на вловъ одного нашего поручика, г-жъ Норбертъ, и что она одолжитъ ему эту сумму.
- Сомнъваюсь.

- Хотите держать пари?
 - Oxotho...
 - Завтракъ на шесть персонъ въ Провансо?
- Согласенъ. Однако, полковникъ, какъ мы узнаемъ истину? Ни тотъ, ни другой изъ этихъ особъ, не станутъ этимъ хвалиться.
- Во-первыхъ, отвъчалъ полковникъ: высами предполагаете, что г. Мейранъ не имъетъ другихъ средствъ къ уплатъ; значитъ, если онъ заплатитъ, то деньгами г жи Норбертъ. Потомъ, вы дурно знаете этого молодаго человъка, если считаете его такимъ скромнымъ; напротивъ, онъ хвастаетъ своимъ вліяніемъ на вдову; этимъ средствомъ выпросилъ онъ денегъ у Ренонкуръ, которой и теперь онъ состоитъ должнымъ. Мы ужъ узнаемъ истину, будьте въ томъ увърены. . И такъ, до послъ-завтра, въ полдень въ Пале-роялъ, потому-что, но правамъ игры, должно дать двадцатичетырехъ-часовой срокъ г. Мейрану.

Пари былъ заключенъ.

Между—тъмъ Эрнестъ мрачный и задумчивый вышелъ изъ комнаты, гдъ онъ такъ жестоко проигрался. Ему хотълось видъться съ Ренонкуръ, чего она также желала, чтобы сдълать ему маленькое предостереженіе. Ренонкуръ увидъла его прежде.

— Милый кавалеръ, сказала она ему, ударивъ его слегка по плечу:— мнъ нужно съ вами поговорить...

Эрнестъ повиновался. Роскошь и изящность комнаты, въ которую они удалились, соотвътствовала великольпному убранству прочихъ комнатъ; гардины на окнахъ были шелковыя, диванъ обитъ дорогою матеріей, на небольшомъ каминъ, изъ бълаго мармора, стояли дорогіе алебастровые часы; стъны были обиты штофными обоями, на которыхъ рукою моднаго живописца того времени, Фрагонара, была изображена исторія Психеи. Фргагонаръ писалъ свои гравюры въ такомъ античномъ стилъ, который въ началъ XIX стольтія приводиль всъхъ въ восхищеніе.

- Мы дълаемъ большіе усиъхи, сказала г-жа Ренонкуръ Эрнесту:— какъ! проиграть сорокъ тысячь франковъ въ одинъ вечеръ! Мы остались должны сорокъ тысячь франковъ!
 - Такъ точно ; вотъ что значитъ посъщать вашъ домъ.

Г-жа Ренонкуръ приняла видъ оскорбленнаго достоинства.

- Г. Мейранъ, сказала она: у меня выигрываютъ, когда суждено выиграть; притомъ вы играли въ игру, въ которой васъ никто не поджигалъ....
 - Вы сердитесь?
 - За что я сержусь совстмъ другое дъло.
 - Какое-же это другое дъло?

- Честь моего дома, г. Эрнестъ, возразила г-жа Ренонкуръ: что подумаютъ обо мнъ въ Парижъ, когда узнаютъ, что у г-жи Ренонкуръ въ одну партію было проиграно сорокъ тысячь франковъ и что они не были уплачены?
 - Въ игру, въ которой никто не поджигаетъ, замътилъ Эрнестъ.
 - Шутите, шутите, я вамъ совътую...
- Послушайте, сказалъ Эрнестъ: поговоримъ толкомъ, это будетъ полезнъе, чъмъ намъ ссориться Дъло въ томъ, что мнъ нужно расплатиться. Одолжите мнъ денегъ...
- Вы уже должны мив тысячу экю, Эрнестъ.
- Одолжите мнъ сорокъ тысячь франковъ, я дамъ вексель въ интъдесятъ.
- Полно говорить пустяки... Развъ у меня есть сорокъ тысячъ?
- Я знаю, что у васъ нѣтъ сорока тысячь; но я знаю также, что вы можете занять у кого-нибудь.
- Это не такъ дегко... все-таки должно непремънно заплатить... сказала г-жа Ренонкуръ.
- Послушай еще, милая. Ты знаешь одного стараго ростовщика, который живеть въ Сенъ-Рошской улицъ.
 - Дядю Монти?
 - Онъ самый ... Еслибъ онъ мнъ помогъ?
- У Монти въ его чуланчикъ нътъ столько денегъ, притомъ онъ беретъ экю на экю. Но, Эрнестъ, вы не хотите развъ подумать о вашемъ единственномъ источникъ?
- О которомъ ? пристава пределения для в приставления
- Займите не у мадамъ Норбертъ: она мильонерка и для нея сорокъ тысячъ франковъ то-же, что для насъ монета въ два франка. Но послушайте, говоря сорокъ тысячъ франковъ, я хочу вамъ сказать сорокъ три тысячи франковъ, потому-что тогда вы мнъ заплатите мои тысячу экю, а я вамъ отдамъ вашъ лоскутокъ.
- Г-жа Норбертъ? Невозможно, произнесъ Эрнестъ.

Между-тъмъ Эриестъ почувствовалъ глубокую тяжесть. Мысль о его гибельномъ положеніи его мучила Онъ посмотрълъ на алебастровые часы. Уже было девять часовъ.

- Хорошо, отвъчаль онъ, г-жъ Ренонкуръ: дъйствительно должмо обратиться къ г-жъ Норбертъ, это моя единственная надежда...
 - Онъ всталъ, чтобы итти.
- Сорокъ три тысячи, слышите-ли Эрнестъ? Не ошибитесь въ цифрахъ. Завтра утромъ я ожидаю васъ къ чаю...
 - Этого нельзя! завтра утромъ я занятъ...

— Ну такъ, къ объду...

Эрнестъ вышелъ отъ нея съ растерзанной душой, проклиная улицу Монт-Таборъ и обгомъ отправился въ улицу Серютти, гдв жила г-жа Порбертъ. Въ этотъ вечеръ молодая вдова оставалась дома совершенно одинокою. Она покоилась въ изящныхъ креслахъ. Подлъ нея, на небольшомъ рабочемъ столикъ, свътила ламиа новъйшаго изобрътенія. Эти лампы въ то время назывались астральными. Казалось, Жюльетта не знала еще какое занятіе предпочесть, и ея нъжная рука, такъ сказать. колебалась между рабочей корзинкой и небольшой брошюрой. За то въ душъ ен было такъ много радостныхъ идей, что уединение и этотъ фаръ-ніенте были для нея пріятными. Болъе всего она восхищалась при мысли о бракъ Шарлотты и Мейранъ. Этотъ бракъ, по ея понятіямъ, имъль три счастливыя послъдствія: во-первыхъ, она избавилась несноснаго кузена; во-вторыхъ врага, какъ Шарлотта, и въ-третьихъ, досада, какую чрезъ то долженъ былъ почувствовать Анатоль де-Линанъ, лишаясь любимой женщины, или скорве той, за которою онъ ухаживаль. потому-что Жюльетта считала его неспособнымъ къ любви.

 Должна сознаться, говорила она самой себъ: — что Эрнестъ мнъ содъйствовалъ въ этомъ предпріятіи съ большимъ умомъ и расторонностію.

При воспоминаніи объ Эрнесть, мысли ея приняли другое направленіе: любить—ли она его? согласится—ли она когда—нибудь выйдти замужь за молодаго человька, который могь доставить ей такое родство, какъ родство съ г-жею Гербуа?... Жюльетта была не въ силахъ лукавить передъ собою!... Такъ она его любила и, вышедши за него замужъ, имъла счастливую возможность доставить ему мъсто префекта, котораго добивался Анатоль и, въроятно, еще долго бъ не добился. Что—же касается до г-жи Гербуа, которая въ послъднемъ случав сдълаласьбы ей родственницей по двумъ случаямъ, то отъ Парижа до Родеза довольно далеко. Притомъ бракъ Жюльетты съ Эрнестомъ не могъ-бы сблизить ее съ Шарлоттой и онъ, попрежнему, никогда-бы не встръчались.

Вдругъ двери отворились и слуга произнесъ имя г. Мейрана.

— Ахъ, въ добрый часъ г. Эрнестъ, придите разсъять скуку бъдной вдовы, подлъ которой уже нътъ веселаго кузена, Гербуа. Садитесь на это кресло говорила Жюльетта веселымъ тономъ: — скажите мнъ, что выражали лица нашихъ молодыхъ, когда они садились въ свой авейронскій тарантасъ?... Точно—ли это былъ тарантасъ, а не телъга, потому-что я знаю, что Гербуа закупалъ телъги и, очень легко можетъ быть, что онъ хотълъ употребить ихъ въ дъло... Но что съ вами, г. Эрнестъ? вы такъ блъдны! Ужъ не возвращаетесь—ли вы изъ драматическаго театра?

- Нътъ, я только-что объдаль въ Пале-роямъ.
- И прекрасно! Я сама хочу на этихъ дняхъ отправиться туда съ моимъ опекуномъ. Желала-бъ знать, возвращусь-ли я оттуда такою печальною, какъ вы?
- Мое положение требовало, чтобъ я могъ передать мое несчастие тому, кто его пойметъ.
 - Говорите, Эрнестъ, говорите.
- Мы объдали вшестеромъ въ Провансо; небольшой объдъ для холостыхъ въ особой горницъ. Въ числъ нашихъ собесъдниковъ находился полковникъ L***.
 - Я слышала объ этомъ полковникѣ; добрый, прямой человѣкъ.
- Совершенно такъ, отвъчаль Эрпесть: я ни въ чемъ не могу упрекнуть его, только послъ объда захотъли играть и принесли карты. Я не игрокъ, но я не могъ отказаться отъ одной партіи въ пикетъ.
 - И вы проиграли?
 - Я проигралъ сорокъ тысячъ франковъ.

Жюльетта привскочила на своемъ креслъ.

- Сорокъ тысячъ франковъ вы должны полковнику L***?
- Да-съ.
- Но Богъ мой, это огромная сумма. Она была выиграна честно?
- Совершенно честнымъ образомъ.
- Боже мой! говорила Жюльетта: какъ это могло случиться, что, никогда не бывъ игрокомъ, вы могли въ то-же время такъ увлечься, чтобъ проиграть такую страшную сумму?

Эрнесть, болъе всего опасаясь признаться въ знакомствъ съ г-жею Ренонкуръ, откровенно разсказаль какъ обманчива игра, въ которую онъ проигрался и какъ естественно можно было увлечься, незамъчая даже опасности....

- Увы! испытайте вы сами, говорилъ онъ: и вы увидите, что, играя дублетомъ, можно дойти до несмътныхъ суммъ, проигравъ только иять или шесть картъ сряду.
 - Прощайте, сказалъ Эрнестъ, вставая съ мъста.
 - Куда-же вы идете?
- Я не могу болье оставаться въ Парижь, даже во Франціи; я удалюсь изъ отечества, буду трудиться, заниматься торговлею, чъмъ умъю! И если когда-нибудь заработаю сумму денегъ, которую я про-игралъ, то возвращусь, чтобы расплатиться.
- Вы совершенно правы, сказала Жюльетта:—я сама-бы такъ поступила, еслибъ была мужчиной и находилась въ ващемъ положении.

- Нужно умереть, произнесь Эриесть въ слезахъ: не говоря уже о глубокомъ чувствъ, которое меня постоянно занимаетъ и о которомъ и теперь долженъ умолчать; не говоря о разстройствъ моей карьеры и потеръ чести, сердце мое разрывается, когда я подумаю, что ненавистный для меня человъкъ и который въ свою очередь также меня ненавидитъ, видълъ мое несчастие и радовался.
 - О комъ вы хотите сказать?
- О комъ-же болъе я могу говорить, какъ не объ Линанъ, нашемъ общемъ врагъ.
- Г. Линанъ?!! произнесла Жюльетта въ сильномъ волненіи:—кажется, вы посъщаете вашихъ враговъ и дълите съ ними хлъбъ-соль; въ противномъ случаъ, какъ могли-бы вы ръшиться съ ними вмъстъ объдать?
- Кажется, Линанъ знакомъ съ полковникомъ Л*** и у него было дъло къ этому полковнику. Онъ вошелъ въ ту комнату, гдъ играли въ то самое время, когда объявленъ былъ мой проигрышъ, и послъ онъ оттуда вышелъ вмъстъ съ полковникомъ.

Жюльетта, сидя неподвижно на своемъ креслъ, размышляла нъсколько минутъ.

- Надобно, чтобы кто-нибудь изъ вашихъ друзей вамъ помогъ, Эрнестъ, непремъпно....
- Ахъ, у меня нътъ друзей, которые могли-бы имъть сорокъ тысячъ франковъ. И притомъ... карточный долгъ! Кто ръшится заплатить карточный долгъ?

Жюльетта облокотилась на руку и погрузилась въ глубокое размышленіе, и потомъ написала нъсколько строкъ.

- Вотъ вамъ записка, сказала она Эрнесту: отнесите ее къ моему управляющему; онъ выдастъ вамъ нужныя вамъ деньги, и больше объ этомъ не будемъ говорить.
- Никогда, никогда!... воскликнулъ Эрпестъ, вставая съ своего мъста.
- Будьте-же благоразумны, Эрнестъ; все это не стоитъ того, чтобы терять слова. Это значитъ, что я откажу себъ въ одномъ нарядъ, вотъ и все тутъ....
 - Ахъ, я не въ силахъ принять отъ васъ такой жертвы....
- Ну, вотъ новости! фантазіи ... И неужели вы можете колебаться между фантазіей и репутаціей друга?
 - Повторяю вамъ, что я никогда не ръшусь
- Я хочу, чтобъ вы непремънно взяли, я хочу этого! воскликнула Жюльетта вставая съ своего мъста: впрочемъ, прибавила она, положивъ на столъ записку, вамъ предоставляется полная свобода; дъй-

ствуйте какъ хотите; но берегитесь, смотря по вашей неръшимость, я буду судить о томъ, въ какой степени вы дорожите вашею репутаціей.

Говоря такимъ образомъ, она прошла мимо молодаго человъка, дълая ему прощальный знакъ рукою и удаляясь въ свою комнату. Когда Эрнестъ остался одинъ, онъ бросился къ драгоцънной запискъ.

— Наконецъ-то она ръшилась говорилъ онъ самому себъ: — стоиложе это порядочнаго труда. По правдъ, она дълаетъ это пожертвованіе не столько для меня: ею въ этомъ случав руководить вовсе не любовь, а ненависть. Еслибъ Линанъ не явился въ минуту моего проигрыша, когда червонная дама такъ предательски мнъ измъняла, тогда, клянусь честью, полковникъ прождалъ-бы этихъ денегъ гораздо долъе двадцати четырехъ часовъ. Однако мнъ необходимо должно перемънить образъ жизни, должно покинуть Ренонкуровское общество. Жюльетта не такая женщина, чтобъ она могла еще разъ сдълать такое пожертвованіе для спасенія моей чести. Она кузина моему зятю Гербуа, у котораго уже болъе нътъ банковыхъ билетовъ къ моимъ услугамъ.

На другой день утромъ, полковникъ Λ^{***} получилъ сполна карточный долгъ, и Эрнестъ, остался завтракать съ г-жею Ренонкуръ.

- Я вамъ говорила, Эрнестъ, что я не отвъчаю за карточные долги, хотя я очень рада, когда ихъ уплачиваютъ. Однако всего болъе меня безпокоитъ моихъ тысяча экю.
- Неужели вы когда-нио́удь могли думать, что я для вашихъ тысячи экю стану безпокоить г-жу Норбертъ?
 - Такъ это она дала вамъ деньги?
 - Кто-же кромъ ея?

Эрнесть увърилъ Ренонкуръ, что уплатитъ ей тысячу экю при первомъвыигрышъ, и простился съ нею.

Жюльетта была совершенно счастлива и легко извиняла огромный проигрышъ Эрнеста.

White William to the continue and the continue of the continue

and the state of t

santones non la parte de la liggio partir de la lagrigia (specialis) de la company de la company de la company La company de la company de

made and account the control of the

and the profession and any presenting the great

The state of the s

A Control of the Management of the Annual Control of the Management of the Control of the Contro

TPU GYUXOTBOPBULA.

1. Thosaide arrained in Militan. In urranne Just

Tree de la company de la la la company de la

enorula elocaz era era era a esanarea grenariareaga. La

Hamman tonerenerms. In anthonouspens

Arabadape, sabrida, ka teragia atao ja Koopidea ja arabada Di

nees a designation and entered the second of the second of

า เราะสมบังเดิม (ค.ศ. 2014) การ การสมบังเกาะสมบังเดิมการสมบังเดิมการสมบังเลย (ค.ศ. 2014) ค.ศ. 2014 2) สมบังเทคาร เกาะสังเกาะสมบังเทาะสมบังเทาะสมบังเทาะสมบังเทาะสมบังเทคาร (ค.ศ. 2014) ค.ศ. 2014 ค.ศ. 2014 ค.ศ.

a successful to a superior will also be to the superior of

CHREE THE DESCRIPTION OF CHARGE STREET STREET ASSOCIATION OF THE STREET STREET

PROTES ON STRUCKLED THE STRUCK OF TRICKED IN

Trest on Track on homeogram and as it

CHART TETROSCOR SOME

Passun 1851.

ter a cause? chart song hanco a circum asturos de

Намъ не знать, сколько въ лонъ земли Скрыто нъжной и жаркой любви! Мы не знаемъ, какъ дороги ей Пышно-юные дъти полей: Мохъ и травы, колосья, цвъты.... А межъ-тъмъ, сколько ихъ всякій день Губитъ жадность, иль прихоть, иль лънь, Иль законъ непреклонной нужды?...

А земля все покорно молчитъ!

Если-жъ къ намъ также горе слетитъ

И безжалостно вырветъ у насъ
Дорогое для сердца и глазъ....

О! не будемъ мы плакать надъ нимъ,

Если то, что намъ жизни милъй,

Горе властью отниметъ своей —

Безъ упрековъ и то отдадиъ!

II.

Часъ настоящему — а прошлому мгновенье! О чемъ ты блёдное тоскуешь привидёнье? Зачемъ явилось ты? Не хочешь-ли опять Напомнить что-нибудь, кого-нибудь назвать? Затъмъ-ли сберегло ты въ памяти ревниво Слова завътныя, знакомые мотивы, Затъмъ-ли образы въ игръ лучей, тъней Являются опять изъ области твоей, Чтобъ что-нибудь въ груди уснувшее проснулось, Опять тревогою и счастьемъ встрепенулось, И, позабывъ года, восторгамъ и слезамъ Вновь сердце отдалось, привыкшее къ годамъ, Къ привычкамъ важнымъ ихъ, къ ихъ холоду благому, Безъ зависти къ любви и счастію чужому.... Напрасно, прошлое! Мелькии и пропадай Бродящій, грустный духъ! Я въ твой далекій край, Гдъ носятся цвъты и слезы средь тумана, Гдъ свътятъ радуги — заглядывать не стану, И въ книгъ жизненной, не сказку, не мечту, Но строгіе листы раскрою и прочту.

III. a cannii Janoonu on asle

etude enorma charano arenecon-senell

Christian arthur a decimant and another control of

Теплится тихо лампада,
Ночь наступаетъ... пора!
Чья не готова, не рада
Душа отдохнуть до утра?
Сумрачно небо ночное,
Окна подернулъ туманъ...
Ждетъ утомленье покоя
Нуженъ печали обманъ....
Снова востокъ загорится,
Утро проглянетъ въ лучахъ,
Какъ-бы скоръе забыться,
Хоть-бы проснуться въ слезахъ....

Надежда Хвощинская.

письма о музыкъ.

and the state of t

and the second s

and the state of t

period to a second to the transfer of the best of the contract of the contract

КЪ А. Д. УЛЫБЫШЕВУ, ПО СЛУЧАЮ ТОЛКОВЪ О МОЦАРТВ И БЕТХОВЕНЪ

and some of the state of the st

and the figure of the first transfer and the first of the first transfer and the spinish

Stanis II. An are says negligit, IA. the nothing office of the

Control of the Contro

Чтобы сколько-нибудь върно судить о бетховенской симфонической музыкъ, какъ отдъльно, такъ и въ сравненіи съ симфоніями Гайдна и Моцарта: чтобъ понять ясно, въ чемъ именно новый поворотъ, приданный Бетховеномъ всему направленію симфонической музыки, надобно, конечно, согласиться сперва въ значеніи симфоніи вообще, какъ самостоятельнаго рода музыки.

Для этого позвольте мнѣ отступить въ область «философіи» искусства, позвольте разсмотрѣть существенныя свойства музыкальной поэзіи, музыкальнаго языка, и изъ нихъ вывести приблизительную теорію симфонической музыки.

Музыка вообще дополняеть поэзію, доказываеть то, чего словами нельзя или почти нельзя выразить. Это свойство музыки составляеть ея главную прелесть, главную чарующую силу. Языкъ музыкальный, языкъ самыхъ тонкихъ, иногда едва ощутимыхъ волненій, аффектовъ души (Empfindungen), въ музыкъ съ текстомъ идетъ параллельно съ поэзіей словъ, не всегда, не во всемъ съ ней совпадая, чего и не должно быть, иначе музыка окажется лишнею или только подчиненною слугою поэзіи.

Въ музыкъ безъ текста, музыкальный языкъ отръшается отъ своей союзницы — поэзіи словесной, но не перестаетъ быть поэтическимъ языкомъ, т. е. выраженіемъ поэтическихъ идей. Иначе музыка должна перестать быть изящнымъ искусствомъ на ряду съ поэзій, должна превратиться въ довольно-пустое чувственное удовольствіе (Ohrenkitzel). Языкъ музыкальный, по самому свойству музыкальныхъ звуковъ, дъйствуетъ на душу непосредственно, но за то и весьма неопредълительно. Быть можетъ, именно въ этомъ свойствъ музыки одно изъ главныхъ ея очарованій.

Какъ отъ музыки съ текстомъ должно требовать чего-то не передаваемаго словами (иначе зачъмъ-же и музыка къ нимъ?), такъ и въ музыкъ безъ текста не ищите опредъленныхъ, разсудочныхъ понятій (Begriffe), опредъленныхъ, ръзко очеркнутыхъ представленій, ясныхъ, осязательныхъ образовъ.

Она непосредственный языкъ души (безъ пособія разсудочныхъ понятій), но душа, въ сферъ ея аффектовъ (Empfindungen) волнуется болье или менье всьмъ, что совершается съ человькомъ въ его микрокосмъ, т. е. въ немъ самомъ, въ его »я« и въ природъ, во внъшнемъ міръ. И въ музыкъ значитъ можетъ отражаться вся жизнь человъческая, въ той степени, какъ она «волнуетъ» душу чувствомъ печали, скорби и чувствомъ отрады, со всъми безконечными оттътками этихъ двухъ чувствъ.

Вотъ міръ искусства звуковъ. Его сфера чисто-психическая, потому-что музыка можетъ выражать только настроенность души (Seelenstimmung, Geistestimmung). Мимоходомъ замъчу вамъ, что я привожу постоянно немецкія выраженія только потому, что въ немецкомъ языке мнъ кажется, больше опредълительности для философскихъ понятій, чъмъ въ нашемъ, а вовсе не потому, что заимствую что-нибудь изъ «нъмецкихъ» критикъ и разсужденій. Я еще нигдъ не встръчаль опредъленія области музыкальнаго языка, такъ, какъ я ее понимаю и стараюсь вамъ пересказать. Но настроенность души можеть быть вызвана всемъ на свътъ: современными событіями, историческимъ фактомъ, отдъльнымъ случаемъ частной жизни, поэмой, драмой, романомъ, картиной, прии такъ далве. Следовательно, истинная сфера музыкальнаго языка также безгранична, какъ сфера другихъ искусствъ, пока музыка остается отраженіемъ настроенности душевной, и также какъ всв другія искусства музыка теряеть все свое очарованіе, всю свою прелесть, обращается въ безмысленный наборъ звуковъ, если забъгаетъ въ области ей чуждыя, въ области опредъленныхъ, разсудочныхъ понятій, для которыхъ въ ней нътъ соотвътственныхъ органовъ. Въдь нельзя, напримъръ, глазомъ распознать запахъ, слухомъ вкусъ и такъ далъе. Такъ и въ сферъ искусствъ.

По самому свойству музыкальнаго языка, музыка остается всегда поэзіею лирическою, если подъ лиризмомъ разумѣть изліянія душевныя во всей ихъ безконечной гаммѣ— отъ лепета улыбающагося сквозь слезы младенца, до скорби Ромео на гробѣ Джульеты; отъ плача дъвочки о потерянной булавкъ—до восторга поэта, посылающаго лобзаніе цълому человъчеству!...

Но лиризмъ, при такомъ обширномъ значеніи, безпрерывно соприкасается то съ эпическимъ элементомъ поэзін, то съ драматизмомъ: ни въ одномъ случав нельзя провести строгую, ръзкую границу между лиризмомъ и драматизмомъ. Какъ самый драматическій сюжеть безъ лирическихъ моментовъ исключаетъ всякую возможность сценической музыки, то-есть оперы, точно такъ и въ области неоперной музыки, тоесть симфонической, лиризма нельзя совершенно отдёлить отъ драматическихъ моментовъ и слъдовательно отъ драматическихъ формъ музыки. Съ другой стороны, и эпическій элементь очень часто входить и въ поэзію лирическую, и въ поэзію драматическую; точно также отражается это и въ поэзіи музыкальной. Симфонія всегда останется лирическимъ произведеніемъ, какъ отраженіе души въ извъстномъ ея настроенін, отраженія болье субъективнаго чувства, чымь объективнаго и по этой «большей» соотвътственности, большей родственности основному свойству музыкальнаго языка, «симфонія» становится свободн'яйшею его формою, формою преимущественно музыкальною (musique pas excellence). Это върно и въ томъ смыслъ, что симфоническая и камерная музыка, какъ музыка чистая, неприкладная, всегда заключаеть въ себъ нъсколько болье чисто-музыкальной связи мыслей, той связи, которая подлежить особымъ, можно сказать, «кристаллическимъ« законамъ самаго искусства звуковъ, основаннаго на весьма простыхъ данныхъ природы. Между-тъмъ сценическая музыка (и вообще прикладная), отдъленная отъ текста, можетъ представиться чъмъ-то менъемузыкальнымъ. Вы сами очень хорошо пояснили это на стр. 242 III тома. Но это нисколько не значить, чтобы симфоническая музыка вовсе исключала (какъ вы полагаете необходимымъ) всякій, болье или менъе опредъленный, смыслъ, программу, подразумъваемое либретто. Настроенность души можеть быть вызвана безконечно-разнообразными предметами, (и вотъ причина разнообразія между девятью бетховенскими симфоніями, такого разнообразія, что каждая симфонія не имъетъ ни малъйшаго сходства съ восемью другими); но симфонія никогда не будеть и не должна быть сама выражениемъ событія, которое ее вызвало,

не будетъ сама ни эпосомъ, ни драмой, ни даже картиной природы. Такъ понималъ симфонію самъ Бетховенъ, подписавшій на афишъ одного концерта, гдѣ давалась его «пасторальная» симфонія (именно наиболѣе осязательно-опредѣленная изъ всѣхъ) «Mehr Schilderung der See'en zustände, als Tonmalerei». Симфонія въ своемъ направленіи, въ своихъ формахъ и всей фактурѣ въ прямой, непосредственной зависимости отъ идей, которыя ее вызвали. Это совершенно подтверждается девятью бетховенскими симфоніями; подтверждается и на гайдновскихъ, и на моцартовскихъ, но только на лучшихъ у каждаго, и вотъ здѣсь именно, т. е. во взглядѣ на значеніе и важность симфоніи, Бетховенъ чрезвычайно рѣзко отдѣляется отъ Гайдна и отъ Моцарта.

Изъ попытокъ Саммартини и другихъ сдълать чисто-инструментальныя пьесы для оркестра самостоятельнымъ родомъ музыки, Гайднъ создаль симфонію, въ видъ большой, великольшной сонаты для оркестра (въ томъ смыслѣ, какъ квартетъ — соната для четырехъ инструментовъ изь семейства скрипокъ). Соната (въ смыслъ большой инструментальной пьесы, въ нъсколькихъ частяхъ связанныхъ между собою одною общею идеею, однимъ характеромъ) въ музыкъ Гайдна непремънно выливалась въ форму одного большаго Аллегро въ двухъ частяхъ, иногда предшествующею интродукцією (Adagio largo или Andante). Послъ перваго Аллегро (болъе или менъе живаго, огненнаго) Andante или (иногда у Гайдна тема съ варіаціями), далье менуеть съ его «тріо», и наконецъ финалъ, большею частію Рондо, болье или Для такихъ оркестрныхъ сонатъ Гайднъ, съ неменње «веселое«. подражаемымъ мастерствомъ и съ неподражаемою «красотою» употребляль въдъло всъ средства искусства, богато разработанныя имъ самимъ и его предшественниками въ камерной и во всъхъ другихъ родахъ музыки. Въ гайдновскихъ симфоніяхъ мелодическая и гармоническая обдълка, контрапунктъ и оркестръ уже тъ-же самые какъ и въ моцартовскихъ и (à peu de chose près) въ бетховенскихъ. Въ гайдновыхъ симфоніяхъ можно отыскать зародыши встхъ последующихъ формъ, даже бетховенскихъ. Моцартъ, котораго главное призваніе была музыка оперная, по который, по всеобъемлющему эклектическому характеру своего генія и по случайностямъ практической жизни, писалъ все и писаль съ чрезвычайнымъ, почти во встхъ родахъ равнымъ успъхомъ, въ симфоніяхъ, какъ въ квартетахъ, не видя нужды, не чувствуя въ потребности перемънить формы уже существующія, ни на шагъ не отступаль отъ гайдновыхъ образцовъ, но внесъ и въ свою симфоническую музыку, безсознательно для самаго себя, нъкоторыя новыя психическія стороны, потому-что, при сходствъ техническаго знанія и

направленія, индивидуальность его таланта сильно отличалась отъ индивидуальности гайдновой. Въ сущности направление поэзіи въ симфоні-Гайдна и въ симфоніяхъ Моцарта почти одно и то-же. Только, какъ еще Гоффианъ замътилъ, иден Гайдна вращаются въ болъе всъмъ доступной сферъ простой, вседневной жизни, въ сферъ чаще всего идиллической, пейзажно-эпической. Гайднъ какъ-будто Пуссенъ въ музыкъ. Слушая его симфоніи съ ихъ безпрерывно-измѣняющимися формами, съ чрезвычайнымъ разнообразіемъ характера каждой симфоніи и кажд'й отдъльной ея части, то очень грустной, то очень веселой, то съ быстрыми смѣнами звуковъ радости и звуковъ печали, и все это въ безконечно-тонкихъ оттънкахъ — невозможно не подозръвать для каждой симфоніи «довольно опредъленной программы». И дъйствительно, біографъ Гайдна (на-примъръ нъкто Bombet, въ Lettres sur Haydn, 1809, и другіе) сохранили намъ названія нъкоторыхъ симфоній, сообщенные самимъ Гайдномъ. На-примъръ: кораблекрушение, — влюбленный учитель (der verliebte Schulmeister), нъкоторые библейские сюжеты и такъ далъе. Гайднъ самъ говорилъ, что онъ ии одной своей симфоніи не писалъ, не имъя въ виду выраженіе какого-нибудь «опредъленнаго» сюжета, который-бы служиль ему прядильной нитью для подробностей разработки симфоніи. А соображая его программы, которыя дошли до насъ (къ сожальнію, біографы не запомнили, къ которымъ именно изъ симфоній эти программы относятся) очень мало въроятія признать которыя-нибудь гайдновы симфоніи «одами». Да и уже одно частое присутствіе въ его симфоніяхъ юмора, комическаго элемента — исключаетъ всякую возможность «оды»; между-тъмъ если пужно доказать фактомъ возможность «комизма» въ однихъ звукахъ, безъ пособія словъ — стоитъ указать на нъкоторые менуэты Гайдна (на-примъръ въ очень извъстной симфоніи D-dur). Эта музыка невольно заставляеть смъяться тъмъ веселымъ добродушнымъ смѣхомъ, котораго тайну такъ хорошо постигли итальянцы въ своихъ комическихъ операхъ. — Гдъ-же тутъ «ода?» Вотъ моцартовы симфоніи дъйствительно похожи на «оды». Моцартовы симфоническія идеи вращаются въ сферт возвышенно-исихологической; юмора и комизма и следовъ нетъ, и совершенно согласно съ вами, никто не можетъ не видъть въ его симфоніяхъ преобладающаго лиризма, возвышающагося иногда до пиндаровского, олимпического восторга Финалъ изумительно-красивой C-dur'ной симфоніи — ръшительный диопрамбъ. Но это-же свойство, эту-же сферу идей можно найдти и въ камерной моцартовой музыкъ (квартетахъ и квинтетахъ). Такъ и въ гайдновыхъ симфоніяхъ можно указать очень много мість, ничіть ни характеромъ мысли, ни фактурою не отличающихся отъ квартетнаго стиля. Вообще

Гайднъ и Моцартъ въ своихъ симфоніяхъ, какъ въ камерной музыкъ, обладая вполнъ очаровательною «красотою» музыкальныхъ формъ, еще предавались наивнымъ забавамъ «игры звуками», утёшались калейдоскопическими измъненіями своихъ «музыкальныхъ» идей. Этимъ объясняется огромное количество симфоній ими написанныхъ (у Гайдна-118, у Моцарта 33). Они смотръли на симфонію какъ на произведеніе. немногимъ чемъ поважнее квартета или сонаты. Не темъ симфонія была для Бетховена. Идеи, которыми вызывалась симфонія въ душт Бетховена, были вообще совстмъ инаго свойства, изъ иной сферы (d'un autre ordre), чёмъ тв, которыя действовали на фантазію Гайдна или Моцарта. Бетховенъ смотрълъ на симфонію гораздо серьозитье, чъмъ его предшественники, сфера поэзіи его была несравненно шире, глубже, всемірнъе, — какъ говорять нынче, «гуманитарнъе» (тогда какъ у Гайдна, отчасти и у Моцарта, сфера поэзіи иногда чисто-итмецкая). Вотъ почему, послѣ первыхъ двухъ симфоній, на которыхъ онъ какъ-будто испытываль свои силы въ симфонической музыкъ, онъ долженъ былъ раздвинуть формы этой музыки шире и шире, чтобъ эти формы могли соотвътствовать его «широкимъ» идеямъ.

Если, какъ мы видъли, въ гайдновскихъ симфоніяхъ есть программы (онъ иначе и не писалъ симфоній); если, по всему въроятію, есть программа и въ моцартовыхъ симфоніяхъ, то, безъ всякаго сомнънія, Бетховенъ каждую симфонію создавалъ не пначе, какъ на заранъе глубокообдуманный «сюжетъ». Большая или меньшая ясность, опредъленность этого подразумъваемаго «либретто» — дъло чисто-случайное. У Гайдна программы были такого рода, что легко опредълялись, объяснялись словами; у Моцарта смыслъ симфоній болъе неопредълителенъ. Смыслъ и значеніе непремънно есть въ каждой инструментальной музыкъ, но иногда, по свойству музыкальнаго языка, можетъ не найти соотвътственнаго выраженія въ языкъ словесномъ, разсудочномъ, такъ-что иногда и самъ комнозиторъ не въ состояніи ясными словами опредълить значеніе или программу своей симфоніи или сонаты, тъмъ менъе могутъ это сдълать — критики.

Въ другихъ-же случаяхъ, «программа» симфоніи можетъ подойти поближе къ разсудочному языку, и тогда очень легко для композитора намекнуть «о чемъ идетъ рѣчь» въ его музыкъ. Такъ Бетховенъ и сдѣлалъ въ своей «героической» симфоніи, еще болѣе — въ «пасторальной»; «девятая» не нуждалась въ ярлычкъ, потому-что вся тяготѣетъ къ своему финалу, а въ финалъ введенъ текстъ.

Бетховенъ, владъя вполнъ искусствомъ гайдно-моцартовскимъ, всею его «красотою», первый внесъ съ искусство звуковъ полное владыче-

ство мысли болье и болье глубокой (начиная съ 3-й симфоніи)болъе и болъе «философской», разумъется, безъ малъйшей примъси «разсудочнаго» элемента, потому-что Бетховенъ былъ геній «музыкальный», что не мъшало ему быть «поэтомъ-мыслителемъ». Бетховенъ первый пересталь въ симфонической музыкъ «играть звуками» для одной этой игры (какъ бываетъ у Гайдна и у Моцарта); пересталъ смотръть на симфонію, какъ на случай писать «музыку для музыки», а принимался за симфонію только тогда, какъ лиризмъ, переполнявшій его, требовалъ «высказаться» въ формахъ высшей инструментальной музыки, требовалъ «полныхъ» силъ искусства, содъйствія «всъхъ» его органовъ. Бетховенъ первый покориль себъ симфоническія «формы» до такой степени, что эти формы стали служить ему только послушнымъ матеріаломъ для воилощенія его мысли, первый придаль симфоніи такую «важность», такую «самостоятельность», такое «глубокое» значеніе, что — родившись симфонистомъ — въ тридцать семь лътъ своей дъятельности создалъ только девять симфоній. — Это очень замізнательное различіе отъ огромнаго количества гайдновыхъ симфоній и весьма большаго моцартовыхъ, и показываеть, что Бетховень не могь писать симфоний-по заказу, какъ ихъ писали и Гайднъ и Моцартъ.

Формы гайдно-моцартовскія остались у Бетховена только въ двухъ первыхъ симфоніяхъ, и то во второй ужъ много чисто-бетховенскаго.

Въ III (героической), принадлежащей уже ко второму періоду бетховенской дъятельности, ко второму стилю, начинаются совствъ новыя, небывалыя формы, которыя и заслужили Бетховену такой приговоръ одного современнаго ему критика... «Г. Лудвигъ фанъ-Бетховенъ «довольно порядочно (ziemlich gut) сочиняетъ сонатки и варіаціи для форте-«піяно, но оркестрная симфонія, какъ видно, не его д'вло, потому-что «наборъ дикихъ аккордовъ еще не составляетъ симфоніи». Это сужденіе довольно похоже на другое, намъ современное, гдъ, именно по случаю «героической» симфоніи, гармоническія смѣлости Бетховена названы безъ перемоніи — «дребеденью». Но такой приговоръ «героической» симфоніи въ «наше время» можеть явиться только какъ «curiosum», какъ замъчательное отклонение отъ «пормальной» критики. Нормальная-же критика давно поставила колоссальную «героическую симфонію» на настоящее ея мъсто въ искусствъ. Въ этой симфоніи видънъ крутой поворотъ, приданный Бетховеномъ его генію; видно совершенно повое направленіе мысли и формы (посль двухъ первыхъ гайдно-моцартовыхъ). Но именно по случаю этой «новизны» замътна нъкоторая незрълость, замътно неустановившееся броженіе «переходнаго» момента. Это особенно замътно въ финалъ симфоніи, черезъ край «переполненномъ» мыслями и оттого нестолько стройномъ, какъ формы предыдущихъ и послъдующихъ симфоній.

Остальныя три симфоніи втораго стиля 4-я (Bdur), 5-я Cmoll) и «пасторальная», давно цёлымъ музыкальнымъ свётомъ признаны за чудеса симфонической музыки, съ которыми никто и не сравниваетъ ни моцартовыхъ, ни гайдновыхъ симфоній. Только 4-я симфонія не пользуется такою всеобщею симпатіею, какъ двъ ся сверстницы, случайно подошедшія подъ популярный вкусъ массы публики (le gros du public). Вы прекрасно въ своей книгъ развили причины «непопулярности» моцартовой музыки, слъдовательно тотчасъ согласитесь, что такого рода непопулярность нисколько не унижаетъ 4-й симфоніи въ достоинствъ передъ ея болье любимыми сверстницами Замътьте кстати, что четвертая бетховенская симфонія написана совершенно въ гайдно-моцартовскихъ рамкахъ, касательно внъшняго распорядка. На этотъ разъ Бетховену не было нужно отступать отъ принятыхъ формъ (весьма логическихъ и органически изящныхъ); онъ и не отступилъ. Первое Аллегро B-dur 4/4 съ предшествующей интродукціей «Adagio», какъ очень часто въ симфоніяхъ Тайдна; большое Adagio въ тонт субдоминанты; потомъ менуэтъ — въ тоникъ, съ тріо, также въ тоникь; финаль 2/4— въ формъ Rondo — однимъ словомъ, тутъ ръшительно все, «какъ слъдуетъ» по гайдно-моцартовскому рецепту, и мыт очень удивительно, отчего вы не поставили и эту «классическую» симфонію наровит съ первою, будто-бы «la plus élégante (?) et la plus pure», потому-что похожа нъсколько на гайдно-моцартовскую музыку?) — Впрочемъ и то сказать, что, несмотря на сходство внъшняго распорядка, сама музыка въ четвертой симфоніи — чисто-бетховенская и уже очень далеко ушла отъ 1-й симфоніи. Въроятно, поэтому вы даже и не упомянули о 4-й симфоніп, также какъ о 7-й и 8-й. точно будто ихъ и на свъть нътъ!

Седьмая (A-dur) и восьмая (F-dur), написанныя въ одно время (1813) имъютъ нъкоторое сходство между собою въ отношеніи общаго, воинственнаго характера (такъ-какъ впроятно были вызваны въ Бетховенъ современными историческими событіями). Объ эти симфоніи, по новизнъ формъ неслыханныхъ, небывалыхъ, совершенно отличныхъ опять отъ произведеній втораго бетховенскаго стиля, должны быть отнгсены къ третьему стилю, стилю такъ-называемыхъ иными «загадочныхъ» сонатъ и квартетовъ, стилю по лъдней Мессы и девятой симфоніи.

По случаю вашихъ упрековъ бетховенской квартетной музыкъ мнъ уже приходилось касаться «границъ» симфоническаго стиля.... Границы эти, какъ мы видъли, и въ твореніяхъ Гайдна и Моцарта не очень ръзко проведены между «собственно-симфоническою» музыкою и музыкою квар-

тетною или «камерною» вообще. Если въ квартетахъ Гайдна почти не отыщется мъстъ, которыя просились-бы въ оркестръ, близко напоминая симфоническій размахъ, — за то, въ симфоніихъ его «чрезвычайно много» мъстъ, ни въ мысли ни въ фактуръ «ничъмъ» не отличающихся отъ «квартетнаго» стиля. Любой изъ его менуэтовъ «квартетныхъ» могъ-бы получить право гражданства въ какой-нибудь его симфоніи, и наоборотъ, любой изъ менуэтовъ симфоническихъ могъ-бы составлять часть квартета безъ всякой другой перемъны, кромъ «оркестровки», распредъленія голосовъ между инструментами. То-же можно сказать о гайдновскихъ первыхъ Аллегро въ симфоніяхъ, иногда совстиъ квартетныхъ, — то-же и объ Анданте, особенно въ темахъ съ варіаціями. Разумъется все это не какъ общій законъ, а какъ «случай», потому-что творецъ симфоніи очень хорошо сознаваль все богатство этой цеисчерпаемой сокровищницы — « оркестра», и самая мысль писать для оркестра должна была вызывать въ Гайднъ бездну мелодическихъ эпизодовъ и гармоническихъ сочетаній, разсчитанныхъ именне на «такіе-то инструменты» и, следовательно, невозможныхъ, для квартета. Модартъ, по свойственной ему разсчитанности, мърности, аккуратности держалъ себя нъсколько строже, чъмъ Гайднъ, въ отношени границъ квартетнаго и симфонического стиля. Это вы ставите ему въ такую важную заслугу, отъ которой будто-бы зависитъ ръшительное его первенство передъ Гайдномъ (какъ и передъ Бетховеномъ).

Но я васъ спрошу: еслибы любое изъ « адажіо » моцартовыхъ, на-примъръ, въ его квинтетахъ, было вамъ неизвъстно и между-тъмъ вы услышали бы такое адажіо въ оркестръ (оркестрованное самимъ Моцартомъ или «точь-въ-точь» какъ онъ самъ-бы оркестровалъ), неужели вы могли-бы рашить, что это адажіо не симфоническое, а «переложено» изъ камерной музыки? Позвольте усомниться. И наоборотъ: вы никогда не слыхали, положимъ, G-moll-ной симфоніи Моцарта, а услышали-бы менуэть изъ нея въ формъ «квинтета», неужели-бы вы тотчасъ догадались, что это менуэтъ «симфоническій», а не квинтетный? Трудно повърить. Значить, и въ модартовыхъ произведеніяхъ есть части, въ которыхъ оба стиля (симфоническій и камерный) сливаются. Конечно, первыя «аллегро» и «финалъ» симфоній Моцарта не слишкомъ похожи на квартетный стиль, и соотвътственныя части квартетовъ и квинтетовъ не похожи на «симфонію», но и тамъ найдутся «мъстечки», частицы, гдв опять оба стиля сливаются. Да, наконець, что за выгода была-бы въ самомъ строгомъ педантическомъ расграничения? Квартетъ все-таки въ своемъ «цъломъ» не будетъ, потому-что не долженъ быть симфоніей; тъмъ менъе симфонія въ ея «цъломъ» можеть быть квартетомъ, хотя между обоими стилями (камернымъ и симфоническимъ) очень много «общаго», потому-что тотъ и другой, какъ вообще «высшая» музыка, основаны на полномъ равновъсіи между мелодическою мыслью и контрапунктною ея обдълкою, на равновъсіи между вдохновеніемъ и наукою. Есть даже мнѣніе, что это равновъсіе «необходимо» для всёхъ родовъ музыки, и для оперы и для романса. Большая или меньшая строгость въ расграниченіи стиля относится только къ личнымъ, индивидуальнымъ качествамъ художника. Искусство ровно ничего не выигрываетъ отъ этого строгаго расграниченія, потому-что въ искусствъ на первомъ мѣстъ — поэзія, красота, а не «школьныя» рамки, формулы и рецепты.

Я говорилъ уже, что искусство чрезвычайно выигрываетъ, если формы нъсколько нисшей сферы (квартета) иногда приближаются къ высшей (симфонической). Со стороны поэтическаго «смысла» произведеній, высшій геніальный художникъ, конечно, очень ясно постигаетъ, что требуетъ особыхъ формъ квартетнаго стиля, всегда близкаго къ искренней беста (conversation intime), что можетъ воплотитьтя не иначе какъ въ видъ симфоніи, то-есть, требуетъ вста силъ и органовъ искусства. Но это различіе въ стилъ, въ выборъ формъ — въ прямой зависимости отъ «мысли» художники, отъ его «идеала», а никогда не отъ педантическихъ прецентовъ теоріи.

Бетховенъ (ce grand explorateur des mystéres de l'ame, -какъ вы сами называете его на 26 стр. III тома), овладъвъ искусствомъ гайдномоцартовскимъ съ первыхъ шаговъ своихъ на симфоническомъ поприщъ, внеся въ область и камерной и симфонической музыки неограниченное владычество «мысли», конечно, менъе Моцарта могъ сообразоваться съ условными формулами «рутины». Мы видъли, что и въ квартетной музыкъ онъ позволялъ себъ иногда принимать размахъ чисто-симфоническій (финаль 9-го квартета, финаль 11-го квартета). И можно-ли упрекать эти восхитительныя произведенія, за то, что въ нихъ черезъчуръ много лиризма, черезъ-чуръ много поэзін увлекательной, уносящей? (que la poésie y déborde). За то съ-тъхъ-поръ, какъ музыка его стала «бетховенскою» музыкою, его «симфоническія» формы никогда ничемъ не напоминаютъ «квартетный» стиль, кроме высшаго условія «совершенства» музыкальнаго (равновъсіе между мелодическою стороною и обработкою). Если Andante и менуэтъ 1-й симфоніи, Larghetto и Scherzo 2 й симфоніи, переложенныя на-примъръ въ «квинтетъ», еще очень близко напомнять характеръ, духъ, фактуру, гайдномоцартовской и симфонической и «камерной» музыки; то уже начиная съ «героической» симфоніи, ни одна-частица бетховенской симфоничес-

кой музыки не напомнить формъ гайдно-моцартовскихъ вообще, тъмъ менъе формы гайдно-моцартовской «камерной» музыки. Начиная съ героической симфоніи можно по нъсколькимъ тактамъ узнать, что это не Гайдиъ и не Модартъ и Бетховенъ, что это не квартетъ или квинтетъ и не симфонія, какъ ее понимали Гайднъ и Моцартъ, а что-то совстмъ особенное, симфонія бетховенская. Въ планъ, распорядкъ своихъ симфоній Бетховенъ сталь допускать большія и большія изміненія отъ выкройки гайдно-моцартовской, подчиняя все своей главной мысли. Такъ въ 5-й симфоніи ему нужно было скерцо слить съ финаломъ и среди финала «напомнить» скерцо, повторивъ его частицу. Такъ въ насторальной симфоніи планъ этого пейзажа требоваль, чтобы скерцо (иляска крестьянъ) было прервано грозой и чтобъ отнюдь эта не вводная, не эпизодическая часть, а, быть можеть, главная, - кризись, катастрофа составляла переходъ отъ средины къ финалу. Такъ-что въ этой симфоніи вышло уже не четыре части, а пять: подобнаго «противузаконія» въ музыкъ гайдно-моцартовской не случалось и не могло случиться, потому-что ихъ исходный пунктъ былъ совершенно другой. Они писали симфонію, чтобъ «написать симфонію», и укладывали въ ея опредъленныя рамочки мысли, раждавшіяся въ ихъ головъ на этотъ случай. Для Бетховена главное дъло была его поэтическая мысль: и формы симфоніи онъ «выгибалъ» согласно требованіямъ этой основной мысли. Гайднъ и Модартъ могли сочинять свои симфоніи, начиная прямо съ перваго аллегро, потомъ принимались за адажіо и такъ далъе. Оттого, доходя до финальнаго рондо, иногда вдохновенія ихъ нъсколько ослабъвало. Вамъ знакомы тьма примъровъ, гдъ въ гайдновыхъ и моцартовыхъ симфоніяхъ (разумъется, не въ двухъ его самыхъ лучшихъ) финалы слабъе прочихъ частей. Это въ ихъ симфоніяхъ случается точно также, какъ въ камерной музыкъ (а касательно камерной вы и сами говорите объ этомъ на страницѣ 212 III тома и въ другихъ мъстахъ).

Въ бетховенскомъ творчествъ, несравненно болье «органическомъ» касательно симфоній, главное вниманіе художника было устремлено на «главную» часть симфоніи, ея финаль. Иногда вся симфонія была задумана для финала (какъ, на-примъръ, это видно очень ясно въ пятой симфоніи). Понимая важность бетховенскихъ финаловъ въ томъ смыслъ, какъ у Шекспира важны два послъдніе акта его драмы, какъ важна вторая половина Вальтеръ—Скоттова романа, въ сравненіи съ первою и такъ далье, можно предыдущія части нъкоторыхъ бетховенскихъ симфоній назвать «приготовленіемъ, введеніемъ» къ финалу, исполинскою «прелюдіею». Что это не парадоксъ (въ отношеніи Бетховена), я вамъ

осязательно докажу по случаю фантазіи съ хоромъ и девятой симфоніи. Мнъ жаль, что я пишу лекцію, не диссертацію обо всъхъ этихъ очень серьозныхъ и очень мало затронутыхъ предметахъ! На каждомъ шагу я вижу необходимость говорить объ основныхъ законахъ изящныхъ искусствъ, законахъ, которые должны составлять (и конечно составятъ со-временемъ) науку, почти такую-же строгую, какъ математика, логика, или еще върнъе такую, какъ будеть также со-временемъ философія органической природы, философія физіологіи (зародившаяся уже въ трудахъ Кювье и Жоффруа Сентъ-Илера); но теперь — откуда черпать доказательства авторитетныя, откуда выводить необходимыя для доказательствъ «аксіомы», какъ «премиссы» силлогизма? Мнв приходится безпрерывно сожальть только, что «философія искусства» еще вовсе не существуеть въ формъ науки, и оттого многое, что можно-бы доказать какъ «дважды, два», теперь будеть принято на «авось», съ улыбкою недовърчивости, какъ болъе или менъе курьозный «парадоксъ!» Та-же помъха и касательно, самой формы изложенія моихъ мыслей объ этихъ предметахъ. Невозможно быть вполнъ яснымъ, понятнымъ въ дълъ эстетической критики безъ строгой послъдовательности. «методы» доказательствъ. Но метода требуетъ именио цълаго курса, а такой «курсъ» въ наше время едва-ли еще возможенъ, не говоря уже о томъ, пришелся-ли-бы онъ по вкусу читателей! Оттого не упрекците меня, при случат, въ «разбросанности» матерій: я заранте отказался отъ всякаго притязанія на профессорскій тонъ и пишу, детъ въ голову, не стъсняя себя строгимъ планомъ.

Изъ всего, что я сказалъ о симфоническомъ стилѣ вообще, изъ всего, въ сущности вамъ болѣе или менѣе знакомаго, вы уже знаете, какъ я буду отвѣчать на ваши упреки бетховенской симфонической музыкъ. Во многомъ, какъ я понимаю симфонію, вы безъ сомнѣнія, уже несогласны со мною — въ «результатахъ», какъ и очень понятно, по свойству расходящихся линій, мы съ вами должны разниться еще несравненно больше.

Разсмотримъ однако ваши упреки Бетховену нъсколько поближе.

Приступая къ разбору симфоній Моцарта (томъ III вашей книги, стр. 233—249), вы прежде стараетесь доказать, что покушенія придать симфонической музыкъ слишкомъ большое значеніе, большой объемъ (une extension exorbitante), то-есть сдълать ее чъмъ-тобо льше, чъмъ была симфонія подъ перомъ Моцарта, клонятся къ нарушенію эстетических законовъ и самостоятельности этого рода музыки (les lois esthétiques et l'indépendance du gerne р. 249). Другими словами, вы хотите доказать, что Бетховенъ, а потомъ и его продол-

жатели (на-примъръ Берліозъ стр. 248) вывели симфонію изъ ея «настоящей» колеи и смѣшали ее съ музыкальной драмой (ont ramené la symphonie au drame chanté, purement et simplement p. 249). He roворя уже о томъ, что поставить Берліоза на одну доску съ Бетхове. номъ въ серьозной критической матерія, конечно очень лестно для Берліоза, но какъ-будто не совсѣмъ «ловко» въ отношенін Бетховена, я сошлюсь на цълый музыкальный свъть, что кромъ чисто-вившняго сходства: употребленія вокальных в средствъ въ соединеній съ инструментальными (въ одной изъ девяти симфоній) никому-бы въ голову не пришло видъть въ симфоніяхъ Бетховена что-то похожее на оперную музыку?? Но въдь на основании этого «вившняго» признака и «Сотвореніе міра» и «Четыре времени года» и вст возможныя ораторіи, написанныя не для церкви, а для концертовъ, пришлось-бы назвать оперною музыкой! Между-темъ именно въ этомъ, въ смешени симфоническаго стиля съ театральнымъ вся сущность вашихъ упрековъ Бетховену!! Кто-бы повърилъ! Но чтобы убъдиться, что это, къ сожальнію точно такъ, разсмотримъ по порядку въ чемъ, по вашему мненію, идеаль симфоніи и чемь вы доказываете, что Бетховень нарушиль законы этого идеала.

Вы начинаете (стр. 233) съ раздъленія всей поэзіи на «субъективную» и «объективную» (не употребляя, впрочемъ этихъ педантическихъ терминовъ, на французскомъ еще болѣе странныхъ чѣмъ по-нѣмецки и по-русски. Но я привожу здѣсь только «сущность», а не собственныя слова вашихъ доказательствъ). Далѣе, вы находите, что музыка чистая, то-есть неприкладная (разумѣя подъ неприкладной всю область музыки камерной и симфонической) отвѣчаетъ поэзіи аналитической, созерцательной, то-есть субъективной или «лирической» (lyrique ou expansive). Нисходя отъ общаго къ частному, вы находите, что «симфонія», какъ высшее выраженіе «лиризма» въ музыкѣ, должна отвѣчать высшему выраженію лиризма въ поэзіи, то-есть одъ (la symphonie est le corrélatif de l'ode).

Тутъ опять небольшая погрѣшность въ силлогизмѣ, опять, какъ и г. Ленцъ замѣтилъ, petitio principis. Поэзія дѣлится на лирическую (субъективную) и на нелирическую (объективную), эпическую, драматическую, такъ—ли? Я ставлю вопросительный знакъ, потому-что вы сами не опредѣлили понятія объективной поэзіи точнѣе, упомянули только: action, description, récit.

Музыка дълится на чистую (musique pure) и на прикладную (musique appliquée?) Опять зопросительный знакъ, потому-что въ вашей «теоріи» для категоріп противуположной музыкъ чистой, неприкладной—нътъ ни

термина, ни опредъленія. Ни въ томъ ни въ другомъ дъленіи (то есть поэзіи и музыки) никто не будеть спорить съ вами. Но вы нисколько не объяснили, на основаніи чего именно должно видъть прямую соотвът. ственность между поэзіей лирической и музыкой чистой, неприкладной, между поэзіей нелирической и музыкой прикладной? Почему, примъръ, музыкъ неприкладной (то-есть безъ текста) не можетъ въ иныхъ случаяхъ отвъчать поэзія эпическая (въ симфоніяхъ Гайднъкоторыхъ Бетховена), въ иныхъ даже драматическая, на и въ (во всъхъ возможныхъ театральныхъ и не театральныхъ увертюрахъ, антрактахъ и такъ далъе)? Почему въ другихъ прикладная музыка (то-есть музыка съ текстомъ) не можетъ быть выраженіемъ чисто лирическихъ изліяній? Возмите на-примъръ всъ «пъсни», Lieder, псалмы, всю огромную область церковной и полуцерковной музыки: развъ это не лиризмъ, не смотря на то, что это музыка прикладная? Да и есть-ли, какъ я уже говорилъ, такая опера въ свъть, въ которой-бы вовсе не было чисто-лирическихъ мъстъ? Не върнъе-ли будетъ при дъленіи музыки на чистую (безъ текста) и прикладную (съ текстомъ) допустить, что каждая изъ этихъ двухъ отраслей музыки можетъ соотвътствовать всемъ возможнымъ родамъ поэзіи, лишьбы поэзія могла быть доступна языку музыкальному, какъ я объ этомъ говориль въ началъ письма? Тогда въ чемъ-же будетъ «прегръщеніе» Бетховена касательно направленія симфоніи? Не въ томъ-ли, что онъ придалъ симфоніи слишкомъ (?) большую самостоятельность? Но (sans anticiper) я продолжаю разбирать ваши «доказательства». Приведенныя вами слова Зульцера (стр. 234), говорять о качествахъ симфоническаго стиля (style brillant et chalereux, какъ-будто всегда въ симфоніи такой стиль) и представляють довольно върную, но немножко устарълую картину «перваго Аллегро» въ иныхъ симфоніяхъ Гайдна. Только замътьте: у Зульцера ръчь идетъ здъсь преимущественно о «первомъ Аллегро» симфоніи, эту ея часть онъ сравниваетъ съ одой, и не всю симфонію въ ея цъломъ. Вотъ слова Зульцера (какъ вы ихъ приводите): описавъ качества жаркаго, блестящаго Аллегро (въ фразахъ, между которыми попадается мудрое замъчаніе, что очень «полезны» въ симфоническомъ стилъ контрасты модуляцій, forte и piano (?) и «crescendo)»! Зульцеръ прибавляетъ: «un tel Allegro est, dans la sphère de l'art musical, ce que l'ode pyndarique dans celle de la poésie. Comme l'ode, la symphonie ébranle et élève l'âme des auditeurs, et elle exige aussi, de la part du musicien, le même esprit, la même imagination élevéc et la même science technique».

Все это высказано довольно поверхностно, чтобъ могло быть принято

за непогрѣшимый авторитетъ, за статью эстетическаго «кодекса». Да и для чего намъ такой «кодексъ», когда у насъ передъ глазами «сбразцы», по которымъ составилась и зульцерова теорія и другія, всевозможныя? А стоитъ только припомнить любую изъ симфоній Гайдна, чтобъ убъдиться, какъ я показалъ, что въ своемъ «цъломъ» ни одна изъ нихъ не похожа на «оду», — я ужъ объ этомъ довольно распространялся. Также и у Моцарта не всъ части симфоній проникнуты пиндаровскимъ пареніемъ, и самъ Зульцеръ не написалъ-бы своей преловутой фразы о пиндаровской одъ, еслибъ на ту минуту, какъ писалъ, имълъ въ виду не «первое аллегро», а какое-нибудь Айданте или менуэтъ.

Сказавъ вскользь, что классическія, то-есть лучшія симфоніи Моцарта не въ примъръ выше гайдновскихъ, относительно геніальности и науки (вскользь это сказать также легко, какъ трудно «доказать»), вы продолжаете: (стр. 234). «Представляются два вопроса 1) могла-ли «симфонія, какъ самостоятельный родъ музыки, въ послъ моцартовскомъ «своемъ развитіи, выйдти изъ границъ той поэтической-области, кото-«рая ей опредълена нами, согласно съ прежними теоретиками?

2) Могъ-ли кто пойдти дальше Моцарта «въ этой отрасли музыки, «то-есть при условіяхъ, чтобъ симфонія оставалась одою (traitée selon «l'esprit de l'ode), или, лучше сказать, въ границахъ чистой музыки, «при употребленіи въ дѣло всѣхъ средствъ исполненія, которыя позво-«ляли-бы ей явиться въ формахъ самыхъ величественныхъ и въ харак-«терѣ самомъ энергическомъ?

Втораго вопроса вы не разсматриваете, отдълываясь не совсъмъ ясной фразой «avoir ainsi posé cette dernière question, c'est d'avoir résolue déjà » то-есть другими словами, «первенство » Моцарта въ симфоніи будто-бы уже и доказывать нечего; но мнъ кажется, не худо было-бы именно на этомъ остановиться, когда ръчь идетъ ни о чемъ другомъ, какъ о преимуществахъ моцартовой симфонической музыки передъ всъми другими симфоніями въ свътъ. Впрочемъ доказательство всего этого, (какъ и очень естественно) вы сливаете съ разръшеніемъ перваго вопроса, на которомъ останавливаетесь подольше, потому-что этотъ вопросъ соприкасается съ теоріями, въ наше время пользующимися авторитетомъ (à des doctrines aujourd'hui, 1843, très-iufluentes).

Тутъ начинается уже изложенный мною въ прошедшемъ письмъ вашъ взглядъ на Бетховена и на мнимый упадокъ его геніальности, именно будто-бы съ-тъхъ-поръ, какъ онъ пересталъ слъдовать по стопамъ Моцарта, и съ истиннаго пути (la voie de la perfection même) сбился въ
сторону и заблудился (!!) (стр. 235). Произведенія его послъдняго
стиля вы тутъ представляете такими жалкими, что объ нихъ и «гово-

рить не стоить», какъ о «грустныхъ развалинахъ великаго человъка». Обо всемъ этомъ я довольно говорилъ въ прошедшемъ письмъ; но знаю, что васъ не переубъдиль. Да и кто и что на свътъ можетъ заставить васъ перемънить этотъ взглядъ на Бетховена, когда послъдніе квартеты его и девятая симфонія—передъ вами, а вы продолжаете видъть въ нихъ какія-то «жалкія развалины»?! Въ чемъ-же однако, по вашему взгляду, Бетховенъ уклонился съ истиннаго пути въ музыкъ симфонической?

Вотъ ваши слова на 236 страницъ:

«Нововведенія великихъ современныхъ художниковъ мало-по-малу «становятся основаніемъ, опорою всего-современнаго вкуса въ искусствъ (la base du gôut contemporain), а этотъ «вкусъ», становится въ свою очередь основаніемъ современныхъ теорій». Это совершенная правда, но въ этомъ, кажется, нътъ большой бъды, если подъ «современными художниками», какъ въ настоящемъ случать, разумтьются такіе геніи, какъ Бетховенъ. Кому-же и двигать искусство впередъ, какъ не такому генію? На чыхъ-же произведеніяхъ основывать всть «теоріи» музыкальныя, какъ не на «его» произведеніяхъ (вмъстть съ «другими» геніальными, по надлежащей оцтикъ)?

Вы продолжаете: «для симфоній пасторальной и героической, для симфоніи съ хорами, для «побъды Веллингтона при Витторіи», надо было изобръсти новую музыкальную «пінтику» (une poétique nouvelle). Эти произведенія уже не могли соотвътствовать одъ, перемъняя все ея направление и выходя изъ ея границъ и размъровъ. И это все совершенная правда и высказано вами какъ нельзя лучше въ подтвержденіе той (въ наше время несомнънной) истины, что въ бетховенской симфонической музыкъ есть «прогрессъ» противъ Гайдна и Моцарта, и что бетховенскія симфоніи «еще меньше» похожи на «оды», чъмъ симфоніи до-бетховенскія. А такъ-какъ болёе или менёе случайное сходство нъкоторыхъ частей моцартовскихъ и гайдновскихъ симфоній съ «одами» вовсе не выражаетъ полнаго «идеала» симфоніи, вовсе не опредъляетъ «границъ» этому роду музыки и слова Зульцера не авторитетъ, когда они противоръчатъ «фактамъ гайдновскихъ симфоній», то до-сихъ-поръ еще никакъ не видно, чтобы прогрессъ, вами самыми признаваемый въ Бетховенъ, клонился ко вреду искусства.

Изъ дальнъйшихъ вашихъ строчекъ яснъе и яснъе видно, какъ враждебно вы смотрите на этотъ прогрессъ; враждебно потому только, что Бетховенъ отступилъ отъ моцартовыхъ образцовъ, crime de lèse Mozart! Остается доказать бездълицу: что это все равно будто, что сгіте de lèse musique?! Припомните, Александръ Дмитріевичъ, «счетъ безъ хозяина».

Вы говорите: «чъмъ-же должна была сдълаться симфонія, выстроенная по новымъ образцамъ? (que devait être la symphonie et à quoi devait elle ressembler). Пусть критики бетховенской школы (les critiques formés à l'école de Beethoven) объясняеть намъ это». И затвиъ вы приводите суждение одного (анонимнаго) критика ивмецкаго, помъщенное въ ниссеновой біографіи Моцарта. Вы избрали это сужденіе отчасти потому, что оно вамъ показалось довольно в'трною формулой «новой» симфонической теоріи, отчасти потому, что когда вы писали эти строчки, ниссеновская книга была у васъ подъ рукой. Можно было-бы выбрать критическій взглядь на «прогрессъ» бетховенскій, и получше выраженный, чемъ выписанный вами, довольно верный, только не совствъ ясный приговоръ. Но ни чей въ музыкальномъ свтт авторитетъ не долженъ былъ для васъ имъть въ этомъ случав сплу «закона», служить основою сужденія, приговора о бетховенской музыкъ. Сами бетховенскія симфоніи передъ вами на-лицо. Изъ нихъ вы должны были выводить доказательства своихъ убъжденій, ужъ если завели рѣчь о Бетховенъ, въ сравненіи съ Моцартомъ. Судя-же по той «поверхностной» критикъ Бетховена, которою вы довольствуетесь въ вашей книгъ, остается предположить, что вы черезъ-чуръ мало знакомы съ чудесами музыки, извъстными всему свъту подъ именемъ «бетховенскихъ симфоній»! Но, къ дълу! Вотъ (вкратцѣ) мнѣніе нѣмецкаго критика, принятое вами за основание суждения (какъ слова Зульцера въ отношении соотвътственности между симфоніей и одой), стр. 236:

«Бетховенъ, взявъ сонату и симфонію съ той точки, на которой Мо-«цартъ ихъ оставилъ, началъ свою музыку съ изліяній лирическихъ... «Къ этому періоду относятся первыя двъ симфоніи, изъ которыхъ D-dur-«ная, хотя въ духъ моцартовскомъ, уже болье развита и общирнъе въ «размърахъ». (До-сихъ-поръ все какъ нельзя върнъе). «За этими симначинается прогрессъ въ искусствъ нослъ-модартовскомъ.» фоніями (И это совстви втрно). «Изъ неопредълениаго модартова лиризма вы-«ступаетъ прежде всего С-moll-ная бетховенская симфонія (надо было «сказать прежде о героической), какъ первая ступень возвышенія надъ «уровнемъ моцартовскимъ. Истинное значеніе, характеръ и качество «каждаго отдъльнаго инструмента болъе и болъе разъяснялись для вели-« каго художника, неутомимо стремившагося по пути прогресса. «какъ нельзя върнъе). Далъе нъмецкій критикъ въ порывъ своего увле-«ченія (очень понятнаго) дробить ту-же мысль такими словами: скоро, «инструменты оркестра перестали быть для Бетховена мертвыми ору-«діями (todte Mittel), приняли отдёльную индивидуальность (une person-«nalité distincte) и оркестръ преобразился въ хоръ одушевленный и пол-

«ный драматизма. Между-тъмъ, и прежнія направленія симфоніи не «были покинуты Бетховеномъ, по всъ соединились для исихологическаго «развитія мысли, выраженной «драматизмомъ оркестра». Вотъ высшан «точка развитія симфоніи въ наше время (der höchste Standpunct)». Въ сущности все это совершенная правда. Я уже упоминалъ въ прошедшемъ письмъ, что въ симфоніяхъ Бетховена можно замътить прогрессъ, кромъ «идеальнаго», и со многихъ чисто-техническихъ сторонъ. Бетховенъ во многомъ иначе смотрълъ на оркестръ, чъмъ его предшественники, въ симфоніяхъ. Въ средствахъ оркестра онъ нашелъ целый родникъ новыхъ, то-есть еще никемъ не затронутыхъ звуковъ, новой ихъ поэзіи, и дъйствительно придаль несравненно больше индивидуальности каждому инструменту, чемъ Гайднъ и Моцартъ (въ симфоніяхъ). Г. Ленцъ очень дъльно зам'вчаеть, что книга, которую можно написать о Бетховенъ со стороны науки, должна отличить въ немъ гармониста, контранунктиста, оркестратора, то-есть нововводителя во всъхъ этихъ отношеніяхъ и въ отношеніи ритма. Теперь рѣчь идетъ объ оркестровкъ, объ индивидуальности инструментовъ у Бетховена. Я припомню вамъ (на выдержку) фразу гобоя, Adagio, родъ речитатива (ad libitum) среди перваго Аллегро С-moll-ной симфоніи; — очаровательнъйшее пъніе кларнета (NB. вовсе не похожее на вокальную кантилену) въ Adagio четвертой симфоніи; стоны фаготовъ съ аккомпаниментомъ рігzicato, въ Скерцо C-moll-ной, или то мъсто въфиналь девятой симфоніи, гдъ оркестръ вдругь преобразился въ колоссальный, будто надзвъздный органъ, въ то время, когда въ текств Шпллера выражается благоговъніе всего человъчества передъ творцомъ (Ihr sturt nieder, Millionen!..) Такія сочетанія оркестрныя, такія формы, еще не были въ распоряжении ни Гайдна, ни Моцарта въ самыхъ лучшихъ изъ ихъ твореній. Это формы поэзін «бетховенской», и надо быть глухимъ, чтобъ не восхищаться этою поэзіей!

Значить, итмецкаго критика въ сущности ни въ чемъ нельзя упрекнуть за эти строчки (кромт небольшихъ фактическихъ неточностей). Всякій прочитавшій эти строчки (отдъльно отъ вашей книги) увидитъ въ нихъ довольно върную картину прогресса бетховенской симфонической музыки въ отношеніи оркестра, и отчасти — въ отношеніи обширнтишаго поля симфоніи, уже не ограничивающейся «моцартовскимъ лиризмомъ.»

Но кому-же придеть въ голову вывести изъ этихъ строчекъ такое ръшительное заключеніе: (стр. 237) «И такъ область моцартовой симфоніи — лиризмъ, область бетховеновой — драматизмъ, въ этомъ и весь прогрессъ Бетховена. Въ-самомъ-дълъ, переступя границы оды,

надо было очутиться въ драмъ. (Passé l'ode, il n'y avait plus, en effet, que le drame) (?) Всъ дальнъйшіе ваши упреки Бетховену выводятся изъ этого основнаго, значить должно нъсколько остановиться на этомъ «основномъ положеніи».

По моему мивнію, оно выведено вами еще болве произвольно, чвив теорія симфоніи — оды, на основаніи словъ Зульцера.

На мой взглядъ, нъмецкій критикъ, говоря о бетховенскомъ прогрессъ, и не думалъ паходить ръшительно-драматическое исправленіе въ бетхо венскихъ симфоніяхъ. Онъ какъ нельзя върнъе видить въ разныхъ частяхъ бетховенской симфоніи — отраженіе разной настроенности души, психическія перемъны (états de l'âme); но это было уже, какъ и вы замътили, въ симфоніяхъ Моцарта и Гайдна; прогрессъ-же Бетховена видитъ (довольно односторонно) больше всего въ оркестръ, и по этому случаю называетъ бетховенскій оркестръ «хоромъ, полнымъ одушевленія и драматизма» — еп matière de métaphore — почти въ такомъ родъ, какъ Бетховена называли «генералиссимусомъ» всего оркестрнаго «воинства». Вы-же приняли (или захотъли принять) эти слова въ смыслъ чисто-буквальномъ, отчего и вышло, что нъмецкій критикъ говоритъ объ Иванъ, а вы объ Яковъ.

Туть особенно ваше «ergo» (donc) падаеть какъ-будто съ облаковъ. Почему за предълами «оды» поэть непремънно встръчаеть «драму» — также не объяснили.

Опроверженія «теоріи» нѣмецкаго критика (хотя это совсѣмъ и не «теорія») занимають у васъ слѣдующія три страницы (238—241) и всѣ направлены на тотъ пунктъ, что каждая музыка безъ текста (стр. 240), если вздумаетъ быть драматическою, безъ пособія по-крайней мѣрѣ пантомимы, декораціи или вообще внѣшняго зрѣлища, будетъ непремѣнно чѣмъ-то неполнымъ, недостаточнымъ, не достигнетъ своей цѣли; потому непремѣнно должна стоять ниже чистой музыки (неприкладной), свободной отъ всякихъ драматическихъ намѣреній, и не можетъ составить самостоятельной, независимой вѣтви музыкальнаго искусства (я, кажется, вѣрно сформулировалъ «результатъ» вашихъ доказательствъ, какъ вы его выводите).

Въ чемъ-же ваши «доказательства» этого основнаго положенія? Вопервыхъ въ томъ, что симфоническая музыка Бетховена только тамъ хороша (?), гдъ онъ держался образца моцартова, то-есть въ первой своей симфоніи (стран 238 и 239). Такъ-ли это? То-ли говорятъ сами бетховенскія симфоніи и общее мнѣніе объ нихъ «современной» музыкальной критики? Обо всемъ этомъ у насъ уже была рѣчь; переубъждать васъ я впрочемъ и не брался — какая въ томъ надобность; когда существують нартитуры бетховенскихъ симфоній, которыя можно изучать и ими наслаждаться?

Второе ваше доказательство въ томъ, что и «драматическія» мѣста бетховенскихъ симфоній — на-примѣръ маршь въ героической симфоніи и буря — въ пасторальной, хотя и «превосходны (admirables, sublimes, magnifiques — стр. 239), но были-бы еще превосходнѣе, если-бъ къ нимъ «придѣлать» текстъ — въ такомъ родѣ, на-примѣръ, какъ Гайднъ придѣлалъ «хоръ» къ музыкѣ «Семь словъ Спасителя на крестѣ», написанной, первоначально, въ видѣ чисто-инструментальной музыки безъ текста. Еще не трогая эстетическаго характера самихъ этихъ двухъ пьесъ (особенно въ связи ихъ съ «цѣлымъ» каждой симфоніи), можно рѣшить чисто а ргіогі, что тутъ повторилась-бы та-же исторія, какъ съ передѣлкою бетховенскихъ пьесъ камерной музыки на оркестръ.

Быть можеть, «частички» указанныхь вами симфоническихь «частей» годились-бы для введенія вокальныхъ партій подъ ту-же музыку; быть можеть, эти частички, отдъльно взятыя съ участіемъ хора и были-бы въ-самомъ-дълъ еще изумительнъе, еще сильнъе дъйствовали-бы на душу; за то другія частички вовсе не годились бы для хора, потомучто каждая пьеса уже совсъмъ «иначе» задумана самимъ художникомъ. -Далье: если вы допускаете возможность прибавки «хора» къ маршу героической симфоніи и къ буръ пасторальной, значить, вы смотрите на эти части каждой симфоніи какъ на нѣчто «эпизодическое» — безъ чего-бы симфонія сама по себ'в могла и обойтись? Хороша была бы тогда «органичность», къ которой Бетховенъ постоянно стремился! Или, если не такъ смотрите — значитъ допускаете возможность придълать хоръ къ цълой героической симфоніи къ цълой пасторальной? Это предположение было-бы гораздо правильные, потому-что и въ-самомъдълъ въ финалахъ объихъ этихъ симфоній слышно и ясно присутствіе воображаемаго хора — потому-что поэтическій взглядъ Бетховена не допускалъ его заключить огромную музыкальную пьесу (какъ симфонія, опера) иначе, какъ «гимномъ», болье или менье торжественнымъ, ликованіемъ болъе или менъе радостнымъ, шумнымъ (ein allgemeiner Jubel).

Это вы найдете въ финалахъ всъхъ безъ исключенія симфоній бетховенскихъ, отъ первой до послёдней. Объ минорныя (C-moll и D-moll,
IX-я) оканчиваютси торжественнымъ мажоромъ. Гимномъ-же оканчиваются
и опера «Фиделіо» — и, разумъется, объ Мессы, — и фантазія съ
хоромъ — и многое множество изъ сонатъ и квартетовъ Бетховена.
Въ немъ, какъ въ природъ и во всъхъ геніальныхъ художникахъ, при

безконечномъ разнообразіи, безконечное единство — постоянная върность самому себъ, своему «идеалу».

Но гдв именно, въ каждой изъ симфоній Бетховена участвуетъ воображаемый хоръ, гдв воображаемый дуэтъ или соло — (какъ напримъръ, въ Adagio пасторальной симфоніи, Scene am Bach), гдв нътъ ни соло, ни хоровъ (въ идев), а инструментальная музыка бушуетъ на просторъ — это можно опредълить неиначе, какъ чрезвычайно-глубокимъ изученіемъ самихъ симфоній, съ постояннымъ вниканіемъ во всъ тонкости бетховенскихъ намъреній.

Такое вниканіе покажеть, что именно въ «бурь» пасторальной симфоніи хоръ быль бы чрезвычайно не у мѣста; испортиль бы всю «поэзію» этой бури, совершенно иначе задуманной, чѣмъ, на-примъръ, гайднова въ «Временахъ года», и въ его отдъльной кантатъ La Tempesta, der Sturm. Идея Бетховена (какъ ее можно прямо вывести изъ самой симфоніи) требовала, чтобы въ этомъ мѣстъ — природа осталась лицомъ къ лицу сама съ собой; люди разбѣжались вскоръ послъ первыхъ ударовъ грома, спрятались по своимъ уголкамъ, и только когда стихла страшная гроза, когда небо снова проясиплось и на зелени, освѣженной ливиемъ, заискрились алмазныя слезки, тогда только съ разныхъ сторонъ раздаются звуки пастушескихъ роговъ — и мало-по-малу приближаются, сходятся пастухи, и благодарственное пѣніе ихъ сливается въ торжественный гимнъ (финалъ симфоніи — Hirtengesang, какъ наднисалъ самъ Бетховенъ).

Не знаю кому, по случаю пасторальной симфоніи, можеть придти мысль «упрекать» Бетховена, что онъ допустиль въ область симфоніи такую «осязательную» поэзію музыкальнаго языка — и упрекнуть на томъ основаніи, что эта поэзія будеть выходить изъ сферы лиризма!!

Не знаю также, не слишкомъ-ли самонадъянно вы сказали на той-же стр. 239: «Похоронный маршъ (героической симфонія) и буря (пасторальной) написаны въ такомъ стиль, что безъ всякой перемъны моглибы получить мъсто въ любой оперъ, гдъ-бы понадобилась буря или похоронный маршъ».

Будто-бы этотъ «маршъ» и «буря» годятся на театральныя доски! Вы утверждаете это на 240 страницъ.

Совершенно на-обороть этой увъренности, въ наше время никто изъ понимающихъ Бетховена въ этомъ съ вами не согласится. Драматическое или лучше сказать эпическое намъреніе въ обоихъ случаяхъ тутъ ясно какъ день, также какъ почти во всей бетховенской музыкъ (enfin le grand mot est laché!). Но будто-бы всякій, ръщительно всякій драматизмъ, всякій живой, осязательный разсказъ, живая передача впечатлъ-

ній требуеть сцены? Этого я нигдѣ не встрѣчаль, кромѣ вашей книги. Только у васъ также мнѣ случилось найдти мнѣніе, что если въ музыкѣ хоръ, и притомъ не на положительно церковный, ритуальный тексть, то будто-бы этому хору настоящее мѣсто опера. По-крайней-мѣрѣ только на такомъ основаніи, вы называете «опернымъ» хоромъ вокальную музыку фортепьянной фантазіи Бетховена, то-есть на томъ основаніи, что эта музыка — хоръ!

Но припомните сколько есть на свътъ вокальной музыки — d'un genre mixte, которая ничуть не церковная, но и нисколько не театральная. Почему-жъ въ этой средней сферъ не можетъ быть мъста и хорамъ, какъ всему прочему?

Главное дѣло все въ томъ, какъ сама вещь задуманна (conçue) художникомъ. Одинъ и тотъ-же предметъ можетъ быть задуманъ для театра и не для театра. Если-бъ Бетховену, въ его оцерѣ, пришлось написатъ «бурю», онъ ее навѣрно совершенно иначе-бы задумалъ и исполнилъ, чѣмъ въ своей пасторальной симфоніи. Такъ и съ похороннымъ маршемъ. Есть у него, на-примѣръ, marcia funebre въ одной изъ фортепьянныхъ сонатъ (As-dur, ор. 26), который въ цѣломъ складѣ своемъ рѣшительно ничѣмъ не напоминаетъ маршъ героической симфоніи. А мысль та-же «marcia sulla morte d'un eroe».

Такъ и во всемъ прочемъ. Драматизмъ драматизму рознь. Театральному драматизму, театральнымъ формамъ музыки, безъ сомнънія, нътъ мъста въ симфоніи: эти формы «обезобразили-бы» стиль, но это не значить, чтобъ всякій драматизмъ непремѣнно выливался въ формы «театральныя» и, слёдовательно, чтобъ всякій драматизмъ былъ ръшительно исключенъ изъ симфонической музыки. Для истиннаго музыканта, вполнъ владъющаго всъми средствами своего искусства, доступны тысячи формъ драматизма, нимало не напоминающихъ сцены театра, не требующихъ подмоги ни пантомимы, ни декорацій. Музыкальная поэзія въ полной своей свободъ (въ симфоніи) не должна исключать драматизма, какъ не исключаеть лиризма и эпическаго элемента. Да и кто поръшилъ, что драматизмъ не имъетъ права гражданства въ симфоніи? Примъры Моцарта, скажете вы. Но можно доказать фактически, что и въ моцартовыхъ симфоніяхъ есть мъста «похожія» на драматическія намъренія. Если, наконецъ, рамка его симфоній дъйствительно итсколько потвенве даже гайдновскихъ, не только что бетховенскихъ рамокъ, то этимъ доказывается только то одно, — что Моцартъ не имълъ особеннаго призванія «къ симфоніямъ», а писалъ ихъ, потомучто могъ писать все, наравит съ лучшими (NB современными ему) мастерами.

Мы видъли, что Гайднъ не исключалъ драматизма изъ симфоніи, хотя въ его симфоніяхъ и преобладаетъ болѣе-спокойный лирико эпическій, очень часто идиллическій характеръ.

Въ бетховенскихъ симфоніяхъ, полный циклъ поэзіи— и лиризмъ и эпическій элементъ и драматизмъ. Намъ-же лучше.

Законы-же симфоническаго рода, границы, условія совершенства этой отрасли музыки, откуда-же выводить, какъ не изъ твореній «величайшаго въ свътъ симфониста»? Ему, какъ говорится, и книги въ руки!

Обратимся снова къ вашимъ «нападкамъ» на великаго симфониста. Доказавъ, какъ вы полагаете, существенный порокъ (le défaut inévitable) всякой симфонической музыки, стремящейся къ драматизму (qui veut aller au drame), доказавъ этотъ «порокъ» — такими произведеніями, какъ маршъ героической симфоніи и буря пасторальной (надобно желать побольше такихъ «прегръшеній»!), вы обращаетесь къ опроверженію теоріи какого-то, на этотъ разъ — французскаго критика.

Бъдный ратоборецъ новой теоріи (le champion français) подвергся на стр. 241 вашимъ сарказмамъ, только за то, что осмълился сказать свою (и многихъ другихъ) симпатію къ симфоніямъ съ опредфленнымъ смысломъ, симфоніямъ съ программой въ сравненіи съ симфоніей неопредъленно-лирической (à la Mozart). Въ сущности и на этихъ страницахъ вы подтверждаете свою мысль, что драматическія намѣренія въ музыкъ, чтобы сдълаться понятными (nettementcompr éhensibles), нуждаются «непремънно» въ пособіи текста, сценическаго дъйствія, декораціи. Я уже говориль, такъ-ли это; здъсь-же приведу примъръ увер-Эта музыка въ высшей степени дратюры Бетховена «Коріоланъ». матическая, но нисколько не требуетъ подмоги театральнаго дъйствія, сцены и декораціи, чтобъ дъйствовать на слушателей произвольно и притомъ именно такъ, какъ того хотълъ Бетховенъ. Быть можетъ, «названіе» увертюры, то-есть имя «Коріоланъ», ясно опредъляющее значение каждаго ея такта — у est pour quelque chose. Но тутъ уже, возникаетъ вопросъ не о музыкъ «со стороны ея слушателей». Можетъ случиться (и очень часто случается), что самыя ясныя драматическія намъренія симфониста (или музыканта вообще) будутъ поняты и перетолкованы вкривь и вкось — si l'auteur n'a eu garde de mettre tous les points sur les «i». Но это, безъ всякаго сомивнія, вина слушателей, вина ихъ недостаточной начинанности музыкальной, ихъ недостаточнаго поэтическаго смысла, а никакъ не вина автора. Когда это пониманье на-выворотъ (примъровъ тьма тьмущая) бываетъ и по случаю «оперной музыки, и при пособіи сценическаго дъйствія и текста, и декорацій, то можно-ли требовать, чтобъ симфоническія намфренія были ясны для всёхъ, и слъдуетъ-ли, основаніи «непониманья» со стороны публики, на стъснять область инструментальной, симфонической музыки? Полное наслаждение изящными произведениями во всъхъ искусствахъ доступно для весьма немногихъ. Музыка, быть можеть, больше другихъ искусствъ требуетъ «спеціальнаго» подготовленія къ воспринятію всёхъ ея сокро-Простолюдинъ мало хорошаго найдетъ въ самой очаровательной картинъ, если сюжетъ ему непонятенъ или совершенно ему. «чужой». А сколько такихъ «простолюдиновъ» въ отношеніи «высшей» музыки?» Въдь не повторять же мнъ того, что вы сами сказали именно объ этомъ предметь на стр. 148 и 149 II тома вашей книги. Въ цъломъ своемъ сочинении вы очень хорошо доказали, почему моцартова музыка требуетъ всегда избранной, музыкально-воспитанной аудиторіи. Того-же, и еще съ большимъ правомъ, требуетъ бетховенова симфоническая музыка. Чтобъ ею наслаждаться, надобно «выучиться слушать», а кто не учившись или не доучившись придетъ въ концертъ и начнетъ «осуждать» бетховеновы симфоніи за ихъ «темноту и безолаберность», тому можно сказать очень учтиво: «Monsieur s'est trompé de porte!». Въдь есть разная музыка и разные концерты. Есть Бетховенъ и Моцартъ, есть Гунгль, есть и хоръ московскихъ цыганъ. Тамъ все гораздо «понятнъе», чъмъ въ Бетховенъ.

О «концертахъ» пришлась рѣчь очень кстати, потому-что и вы, на разбираемыхъ мною страницахъ, касаетесь концертовъ такимъ-обрасимфонія, по вашему мнінію, предназначается для того, чтобъ открывать концерть, какъ увертюра открываетъ оперу. Въ этомъ вы видите «необходимое условіе» симфонической музыки, которая, какъ всякое произведение искусства, кромъ своей художественной цъли, должна клониться къ какому-нибудь спеціальному употребленію (usage particulier?), и, на основаніи такой сентенціи, вы упрекаете Бетховена, что онъ придалъ своимъ симфоніямъ размѣры черезъ-чуръ громадные, которые, въ публичномъ концертъ, не оставляютъ «надлежащаго» времени для «солистовъ» съ ихъ пьесами!! (ne laissait pas aux solistes le temps de se produire. Т. III, стр. 242 и 243). Позвольте мив прямо обратиться къ вашему «основному положенію» въ этомъ случав. Какая, на-примъръ, спеціальная цъль оперы, драмы? Для какого употребленія онъ назначаются? Для того, чтобъ быть исполняемыми въ театральныхъ Но въдь театры устроиваются и спектакли въ нихъ даются для того, чтобъ публика могла слушать и смотрѣть оперы и драмы. Такое доказательство называется, сколько я помню, circulus in probando, но другаго «употребленія» для оперъ и драмъ трудно отыскать, кромъ развъ финансовой пользы для актеровъ, авторовъ, музыкантовъ и т. д.

Тутъ является опять маленькое сомнънье: въдь если-бъ не писалось оперъ и драмъ — и вет эти господз. оказались-бы лишними, «даромъ бременящими землю». Право, ужъ не знаю, какую-бы практическую «пользу» прінскать для «Донъ-Жуана», «Севильскаго Цирюльника», для игры Плесси и Рашель! А гётевъ «Фаустъ», котораго даже и на сценъ давать нельзя, для чего онъ написант? Какая польза отъ стиховъ Байрона, Пушкина, Лермонтова? Не знаю также, для чего столько картинъ и статуй на бъломъ свътъ! Неужели для того, чтобы ими наполнить музеи? Но мит до-сихъ-поръ все казалось, что музеи-то нарочно строятся для картинъ и статуй? Какъ-же это все? Такъ и съ концертами. Я до-сихъ-поръ думалъ, что концерты, на-примъръ устроиваемые А. О. Львовымъ въ залъ Придворной Пъвческой Капели именно для того назначаются, чтобы избранная публика могла вдоволь насладиться бетховенскими и нъкоторыми другими геніальными симфоническими произведеніями въ возможно-лучшемъ ихъ исполненіи. Я находиль, что, сообразно этой цъли, въ программу такихъ концертовъ входятъ «вокальныя» пьесы (не менте строго выбранныя), для необходимаго разнообразія только, то-есть, что ядромъ концерта остается именно одна изъ бетховенскихъ симфоній, и что «солисты» съ ихъ дребеденью очень логически вовсе не допускаются въ составъ этихъ превосходныхъ копцертовъ. По вашей-же теоріи все это не такъ, какъ следуеть. Вамъ угодно, чтобъ симфонія никакъ не выходила длиннъе моцартовской мърки, чтобъ успъла окончиться во-время и не слишкомъ утомила-бы внимание публики, которое должно быть прибережено въ цёлости для вещей болѣе-важныхъ, для какого-нибудь концерта на флейтъ или un air varié на cornet à pistons. Бетховенъ самъ тоже быль нъсколько другаго мнтнія, чтмъ вы. Онъ никакъ не хотълъ предполагать, что его симфонія обязана — какъ остроумно замътилъ г. Ленцъ — «посторониться» для какого нибудь солиста «съ его большими упражненіями на неосъдланныхъ лошадяхъ». Въ простотъ сердечной Бетховенъ полагалъ, что можно будетъ иногда созывать оркестръ и устроивать концерты нарочно для его симфоній, и что въ такомъ концертъ всъ возможные «солисты» будутъ разыгрывать болъе или менъе жалкую роль.

Еслибъ онъ держался настоящаго взгляда на симфонію (то-есть, вашего), то, конечно, не сдѣлалъ-бы такой грубой «ошибки въ разсчетѣ»: написать симфонію въ 1900 тактовъ (героическая), тогда какъ въ самой большой изъ моцартовскихъ только 934!! (Т. III, стр. 243). Какъ-же это можно, въ-самомъ-дѣлѣ! Да этого мало: подъ конецъ жизни онъ вздумалъ сотворить такого Левіавана симфоническаго (выраженіе г. Ленца), въ которомъ улягутся чуть не четыре моцартовскія симфоніи,

въ томъ числъ и С-dur-ная съ фугой! Это ужъ просто ни на что не похоже! На это и суда нътъ!! За то и вы еще «ожесточеннъе», чъмъ во всъхъ предыдущихъ нападеніяхъ, задъваете Бетховена со стороны этой 9-й Симфоніи, которая и огромна и страшна и безобразна, какъ чудовище музыкальное (une oeuvre demesurée, стр. 244, — monstrum horrendum!) и гдъ, какъ-будто въ насмъшку надъ всъми теоріями и прецептами, въ финалъ введена вокальвая музыка (quelle horreur!), цълый огромный хоръ, съ выходками солистовъ, да еще на слова Шиллера, безпощадно «искрошенныя» подъ музыку!! «Quelle pitié et quelle misère !» восклицаете вы въ своемъ негодованіи, на стр. 246 III т. Не спасло Бетховена отъ вашихъ нападеній и то обстоятельство, что онъ выбраль тексть именно «оды», слёдовательно, въ сущности подошель «на этотъ разъ» подъ собственную вашу теорію! Не помогло и это, потому-что, въ-самомъ-дълъ, обвиненій ужъ слишкомъ много накопилось на его «капризной» головъ. Выдумка — ввести «хоръ» въ чисто-инструментальную пьесу, у Бетховена встръчается еще гораздо прежде девятой симфоніи, а именно въ фантазіи для фортецьяно съ хоромъ. нечно, не пропустили и этой фантазіи»!

Вотъ какъ вы выражаетесь на 243 стр. III тома: «Строго держась «ложной теоріи (сопѕе́quent au faux principe), которая присвоиваетъ выс«шей инструментальной музыкъ направленіе драматическое (les tendances «du drame), Бетховенъ постепенно расширилъ примъненія этой теоріи. «Онъ вздумалъ задать себъ вопросъ (il se demanda un jour): зачъмъ «непремънно исключать изъ оркестра лучшій изъ всъхъ органовъ музы«кальныхъ — человъческій голосъ? И вотъ этотъ вопросъ или идея «(фантазія) произвела на свътъ фантазію концертную для фортепьяно, «съ аккомпаниментомъ хора».

Прежде всего считаю долгомъ замѣтить, что въ орогинальномъ заглавіи фантазіи вовсе не сказано «съ аккомпаниментомъ хора» (mit Begleitung), что дало-бы совершенно превратное, ложное понятіе о пьесѣ, а Бетховенъ довольно любилъ логику и строгость въ словахъ, какъ въ музыкѣ. Послѣ многихъ сарказмовъ (стр. 243 и 244) касательно курьознаго «извращенія» всѣхъ законныхъ порядковъ въ музыкѣ (хоръ, служащій «аккомпаниментомъ» пьянисту!), вы сами приходите, однако, къ такому заключенію: что, не смотря на эту «дикую фантазію», сама музыка въ этой пьесѣ — восхитительна. Вы только прибавляете (стр. 244): «какъ только вступаетъ хоръ въ этой фантазіи — все наше вни-маніе обращается къ этому хору и хоръ не аккомпанируетъ, а напро-ктивъ, владычествуетъ въ этой музыкѣ; фортепьянные-же пассажи тутъ «больше ничего, какъ блестящій аккомпаниментъ». — Что и требова-

лось доказать, скажу я по примъру математиковъ. Вы, какъ нельзя лучше, схватили и передали характеръ этой пьесы. Идея Бетховена была именно: чтобъ хоръ владычествоваль въ этой музыкъ; вся она задумана и написана для этого хора. Припомните весь планъ этой фантазіи: сначала фортепьяно одно — большая прелюдія безь оркестра, потомъ вступаетъ оркестръ и послъ своей, оркестрной прелюдіи, перемъщанной съ речитативными «соло» пьяниста, приводитъ музыку къ очаровательной темѣ пьесы (C-dur 2/4). Затѣмъ идутъ развитія этой темы для оркестра и фортеньяно, alternando и вмъстъ. Рядъ этихъ длинныхъ, въ высшей степени разнохарактерныхъ варьяцій (на одну и ту-же тему, безъ малъйшаго измъненія ея мелодіи), заключается рядомъ таинственныхъ модуляцій, которыя приводять снова къ бурнымъ аккордамъ первоначальной фортеньянной прелюдіи, а прелюдія приводить тему вторымъ разомъ въ ея примитивной простотъ; но на этотъ разъ тему исполняетъ не оркестръ, и не фортепьяно, а хоръ. Недлинное развитіе этого хора съ блестящимъ заключеніемъ, въ которсмъ оркестръ и фортецьяно только прибавляють красоты къ великоленію вокальныхъ партій, составляеть финаль фантазіи, то-есть, самую важную ея часть, по системъ Бетховена, о которой мы недавно говорили. Очень ясно, кажется, что во всей музыкъ этой «фантазіи» соблюдено «нарастаніе» занимательности. всегда встръчаемое въ строго-органическихъ, проникнутыхъ мыслію произведеніяхъ Бетховена. Его цель была всегда — какъ превосходно замътилъ г. Ленцъ — торжество мысли (le triomphe de l'idée). Такъ и въ этой восхитительной «фантазіи» органическіе законы музыкальной поэзін соблюдены: иначе поэзія перестала-бы быть поэзіею, музыка -музыкою, а до другихъ, «условныхъ» законовъ Бетховену не было ровно никакого дела. Такъ, на-примеръ, онъ нисколько не заботился, былъли до него примъръ такого употребленія хора, или не былъ. Извращенія-же музыкальныхъ законовъ тутъ ровно никакого и нътъ. Никто не принуждаль вась считать, что «хорь» въ этой пьесь «аккомпанируетъ» принисту!! Этого не было вовсе въ идет Бетховена, пттъ ни въ самой музыкъ, ни даже въ ея заглавіи (Fantasie mit Chor, а не mit Begleitung eines Chors). Есть тысячи тысячь примъровъ, гдъ вступленіе хора или вокальныхъ партій вообще (какъ самыхъ занимательныхъ для слушателя) приготовляется болье или менье длинною прелюдіею (Vorspiel) оркестра. На этомъ-же основана потребность увертюръ, или по-крайней-мъръ интродукцій (инструментальныхъ) въ операхъ и ораторіяхъ. Бетховенъ придаль каждому своему произведенію самостоятельность цёлаго, замкнутаго въ себъ, цълаго органическаго, распространиль требованія обще-эстетическія болье-обширнымь ихъ примъненіемь.

Если вы убъдитесь (большимъ вниканіемъ въ планъ фантазіи), что идея хора — мелодія его — есть основной, красугольный камень всего этого зданія, то, конечно, должны будете согласиться, что всю музыку фантазін до вступленія хора можно считать приготовленіемъ къ нему (въ такомъ смыслъ, какъ увертюра приготовляетъ оперу). Такой «интродукціи» въ хору Бетховенъ придаль только болье-длинный, чемъ обыкновенно бываетъ съ интродукціями, и придаль форму (до него еще небывалую) «фортепьяннаго концертнаго соло съ оркестромъ». На этотъ разъ ему кстати казались «звуки» фортепьяно: онъ и употребилъ ихъ для воилощенія своей мысли. Гдъ-же туть «нельность» мысли, о которой вы распространяетесь на 243 и 244 страницахъ? Гдъ-же тутъ опера или кантата на-изворотъ (l'opéra ou la cantate à rebours)? Гдъ-же тутъ двъ вещи въ одной — сперва фантазія для фортецьянъ съ оркестромъ, а потомъ оперный (!) хоръ съ аккомпаниментомъ оркестра и фортеньяно? Вы прибавляете: on ne sait plus à quelle unité ramener l'ensemble de l'oeuvre, ni quel nom lui donner. Но въ иланъ фантазіи я уже указаль самое строгое единство мысли. Оно и во всёхъ мальшихъ подробностяхъ. Оперный стиль, какъ я говорилъ, нельзя-же видъть во всемъ, что написано для хора. Остается одно изъ вашихъ возраженій: имя фортепьянной фантазіи съ хоромъ звучить какъ-то странно — не подходитъ ни подъ одну изъ рубрикъ, установленныхъ музыкальными Лагарпами! Но Бетховенъ давно пріучилъ насъ не оченьто заботиться о «париковскихъ» требованіяхъ, которыя, въ строгомъ своемъ педантизмъ, прямехонько приведутъ насъ къ давно-отпътымъ временамъ французскаго исевдо-классицизма. Теперь трудно върится, что было на свътъ время, когда просвъщенные «цънители и судыи» величали созданія Шекспира «варварскими», потому-что они не подходятъ подъ мърку расиновыхъ трагедій и нарушаютъ (плохо-понятыя) Аристотелемъ правила о пресловутыхъ трехъ единствахъ. Было на свътъ время, когда того только считали поэтомъ или «пінтой», кто написалъ непремънно эническую или дидактическую (!?) поэму пъсень въ двадцать иять, когда требовалось, чтобъ прежде всего «идиллія» была идилліей, «ода» одой, «элегія» элегіей. А теперь иной поэтъ начнетъ одой, а кончить элегіей; начнеть драматизмомъ, а кончить лирикой, иной вовсе и не пишетъ стихами - и странно! никто на это и не нападаеть! Лишь была-бы красота формы и поэзія мысли. Въ наше время даже какъ нарочно — въ апогет искусства стоятъ произведенія, которыя не укладываются въ рамочки и рубрики всъхъ возможныхъ «пінтикъ ». Гётевъ «Фаустъ», ни комедія, ни трагедія, ни драма, ни поэма, Богъ знаетъ что такое! Моцартовъ «Донъ-Жуанъ», dramma

giocoso (!), ин опера серія, ни опера буффа; Zauberflöte называется просто Grosse oper (даже безъ прибавки «romantische»); Пушкина «Борисъ Годуновъ», «Каменный гость», какіе-то сборники отдъльныхъ сценъ à la Шекспиръ! Все это ръшительно, что называется, изъ «пазовъ» вышло!

Туда-же примыкаеть и бетховеновъ «Левіаванъ», симфонія съ вокальнымъ финаломъ на шиллерову оду къ радости (An die Freude).

Симфонія — ораторія или ораторія — симфонія. Вы уже знаете изъ прошедшаго письма моего, какъ я смотрю на 9-ю симфонію; знаете, что я считаю ее, быть можетъ, самымъ полнъйшимъ выраженіемъ геніальности Бетховена и высшимъ проявленіемъ той поэзіи, къ которой онъ стремился во всю свою жизнь. Изъ этого вы видите уже, что я не могу быть согласенъ ни съ одной строчкой того, что вы говорите по случаю этого колоссальнаго произведенія. Вы, въ вашей книгк, сблизили эту симфонію съ фантазіей, о которой только-что шла ръчь; солизили телько въ томъ отношении, что въ объихъ пьесахъ введено употребление хора, и введено по какому-то, будто-бы, капризу» Бетховена. Но оба эти произведенія имъютъ между собою и болье-глубокую связь, не виъшнюю, а внутреннюю, зависящую отъ идей ихъ вызвавшихъ. Для върнаго сужденія объ этихъ произведеніяхъ, надобно стать на совершенно-другую точку, не смотръть на симфоническую музыку Бетховена сквозь призму фанатического энтузіазма къ моцартовыхъ формамъ. Не мъряйте Бетховена на моцартовъ аршинъ, не натягивайте на него платья, изъ котораго опъ «выросъ», и вы увидите, что нътъ ръшительно никакой причины не допускать «вокальной» музыки въ симфоническую область, какъ ее понималь Бетховенъ. Въ сферъ поэтическаго творчества очень можетъ встрътиться необходимость въ формахъ, еще «не бывшихъ» въ употребленія, но какъ нельзя лучше идущихъ къ дълу, къ выраженію «идеи» художника. Для чего-же онъ долженъ стъснять себя, въ этомъ отношеніи, школьными марками? Вотъ, если вамъ угодно, авторитетъ Шиллера по случаю именно этого «стъсненія». Вотъ какъ онъ выражается объ этомъ предметь. «Я убъждень, что въ каждомъ произведеній искусства должно давать отчеть только себъ, то-есть своему собственному понятію красоты, не подчиняясь никакому постороннему требованію. Къ тому-же, я твердо увъренъ, что такимъ образомъ художникъ удовлетворить всемъ требованіямъ, потому-что каждое понятіе о красотъ должно гармонировать съ общею истиною. Поэтъ, который цълію своею взяль одно изящное и свято слъдуеть за нимъ, достигнетъ наконецъ всъхъ прочихъ условій, на которыя онъ какъ-будто не обращаетъ вниманія» (изъ переписки Шиллера съ Кёрнеромъ). Эти

дорогія строчки какъ-будто именно прямо къ Бетховену относятся. Мы говорили уже достаточно о бетховеновомъ «идеалъ» симфоніи Вы эчень ошибаетесь, какъ я старался показать, когда признаете, что Бетховенъ старался «смъшать» симфоническій стиль съ опернымъ: никогда ни въ чемъ не видно у него этого стремленія. Но онъ придалъ симфоніи точно такое-же «самостоятельное» значеніе, какое, съ другой стороны искусства, имъетъ въ немъ — музыкальная драма. И развъ могло искусство что-нибудь потерять оттого, что въ немъ явилось одною самообластью больше? Симфонія только подъ перомъ Бетхоотоятельною вена сдълалась особою областью музыкальной поэзіи, въ которой господствующимъ элементомъ остался «лиризмъ», но безъ исключенія элементовъ эпическаго и драматическаго. На пользу симфонической музыки, этого «особаго рода», особой формы музыкальной поэзіи, но непохожей на оперу, должны, по бетховенскому идеалу, также какъ и для оперы, служить всв средства музыкальнаго искусства, всв его органы: почему-жъ долженъ быть исключенъ «лучшій изъ этихъ органовъ, человъческій голосъ?» Вокальная музыка введена Бетховеномъ въ симфонію «вовсе не съ драматической стороны», а именно для выраженія лиризма, porté à sa suprême puissance, такого сильнаго, пламеннаго лиризма, которому было уже мало всъхъ безсловесныхъ орудій оркестра. Мы видели, что почти во всехъ финалахъ большихъ инструментальныхъ пьесъ, лиризмъ Бетховена требовалъ «воображаемаго» хора (припомните хоть финаль пасторальной, съ заглавіемъ «Hirtengesang»). «Лиризмъ» поднялся еще выше на одну ступень, и потребоваль уже не воображаемаго, а «реальнаго» хора. Бетховенъ, также какъ Шиллеръ, хорошо постигалъ, что художникъ не долженъ себя стъснять никакими условіями «внъ» условій мысли и красоты. Вы сами говорите на 246 страницъ: «поэту нужна была полная его свобода, чтобъ написать оду «къ радости»; значитъ и музыканту, чтобъ въ сво. емъ искусствъ создать нъчто равное этой одъ (fournir l'équivalent du chef-d'oeuvre poétique) необходима была полная свобода» (въ распоряженіи встми формами, встми средствами своего искусства, прибавлю я),опять «что и требовалось доказать». Точно этою полною «свободою» и воспользовался Бетховенъ, оттого и произвелъ созданіе безсмертное, и, безъ сомнънія, равное шиллеровой одъ.

Здъсь вовсе не мъсто разбирать идею, планъ и всъ красоты «девятой» симфоніи (когда-нибудь мнъ придется завести объ этомъ болье длинную ръчь).

Здъсь-же я не могу не указать вамъ на поразительное «сходство илана» между этою симфонією и фортецьянною фантазією съ хоромъ. Фантазія заключаеть ту-же мысль въ зародышь (en germe), служить какъ будто предвкусіемъ (avant-goût) симфоніи, гдѣ почти тѣмъ-же мыслямъ (не въ смысль «мотива» конечно) придано развитіе колоссальное, съ тою силою, тѣмъ могуществомъ генія, которыхъ можно ожидать отъ «посльдней» бетховенской симфоніи. Но, повторяю, я не стану исчислять красоты этого «чуда искусства», въща симфонической музыки, до-сихъ-поръ явившейся на земль. Объ этихъ красотахъ можно написать цълую книгу, ръшительно безполезную для тъхъ, кто «не знаетъ» самой симфоніи, а, къ сожальнію, какъ мало еще людей, ее «знающихъ»!

Вы очень дъльно на стр. 245 говорите объ условіяхъ «текста» для музыки, который, дъйствительно, по большейчасти долженъ заключать въ себъ только «канву поэтическую», очеркъ того, что должно быть развито композиторомъ. Но могутъ быть и другіе случаи, и все, что вы результатомъ выводите въ упрекъ Бетховену, къ нему не относится: повърка этому сама девятая симфонія. Бетховенъ взялъ нъкоторыя строфы шиллеровой оды, какъ полное, результатное выраженіе словами, тъхъ мыслей, которыя, быть можетъ; всю жизнь толпились въ поэтической головъ великаго симфониста; родственность всего направленія бетховенова лиризма съ шиллеровымъ очень ясна для всёхъ, кому хорошо знакомы произведенія того и другаго. (Въ современной критикъ давно принято убъжденіе, что Шиллеръ былъ преимущественно «лирикомъ», даже въ драмахъ своихъ). Эта «родственность лиризма», родственность прирожденная .- приковала внимание Бетховена именно къ тексту этой оды. Еще въ финалъ оперы Фиделіо (апотеозъ женской супружеской любви) являются нъсколько стиховъ изъ этой самой «оды». Текстъ ея какъ нельзя лучше отвъчалъ смыслу той «развязки», которая была необходима Бетховену для созданной имъ колоссальной симфоніи, огромной «исторической» картины.

Для чего-жъ ему было прінскивать другой тексть съ точно такимъже содержаніемъ? Наложить руку на шиллерову поэзію Бетховенъ не боялся, потому-что послѣ всего, что написалъ прежде девятой симфоніи, имѣлъ нѣкоторое «право» нѣсколько довѣрять своей музыкальной способности. Онъ чувствовалъ, что мысль Шиллера, въ музыкѣ Бетховена найдетъ достойное себя воплощеніе, произведетъ поэзію, «другую», потому-что она будетъ въ сферѣ другаго искусства: но поэзію равносильную (équivalente).

Вы говорите на 247 страницъ (III тома) о заблужденіи (!) Бетховена касательно собственныхъ творческихъ силъ, то-есть, что ему, дряхлому, больному, страдальцу, ипохондрику, мизантропу (?!) не слъдовало и приниматься за выраженіе «оды къ радости»,—«всъ струпы ра-

дости, счастія давно уже перестали звучать въ душъ его». Еслибъ у васъ ръчь шла не о девятой симфоніи, а положимъ, о его послъднихъ квартетахъ въ опровержение индивидуального вашего взгляда, выраженнаго такъ ръшительно; мнъ стоило-бы указать именно девятую симфонію, то-есть, финаль ея, гдв восхитительнейшею музыкою выражено «ликованіе» цълаго человъчества; гдъ музыкантъ-мизантропъ (?!) въ дряхлъющемъ (?) геніи своемъ нашелъ торжественные звуки для шиллерова порыва: Brüder! diesen Kuss der ganzen Welt!-гдъ все проникнуто тою святою, радостною «любовью» къ человъчеству, которая вхохновила и Шиллера! Но и теперь, не смотря на кругъ въ доказательствъ, я ничъмъ конечно, не могу доказать «вамъ»; правы-ли вы или нътъ въ отношеніи «красоты» самой музыки, заблуждался-ли Бетховенъ насчетъ своихъ силъ или нътъ-ничъмъ не могу доказать другимъ, кромъ «самой партитуры», о которой ръчь идетъ! Только сама эта симфонія, въ ея хорошемъ исполнении, можетъ дать настоящее понятие о всей побъдоносной красотъ музыкальныхъ формъ 3-го бетховенскаго стиля, формъ, которыя въ этой симфоніи и второй (D-dur-ной) Мессъ нашли свое «полнъйшее» выраженія. Доказательство туть одно: изучайте и слушайте! Для тъхъ-же, кто незнакомъ съ красотами этихъ безсмертныхъ произведеній (чрезвычайно ръдко исполняемыхъ даже въ Германіи, по необыкновенной многосложности условій хорошаго исполненія для такихъ вещей), для тъхъ можно только косвенно доказать, что вы невърно смотрите на эту симфонію, во-первыхъ потому-что, при сужденіи объ ней повторяете мысль о старости, дряхлости Бетховена, объ упадкъ его генія (au plus fort de sa décadence morale et physique)! А мы уже подробно бесъдовали о совершенной «невозможности» такого упадка. въ колоссальномъ геніи, исполинъ симфонической музыки: во-вторыхъ потому-что на той-же 247 страницѣ вы сами, также какъ по случаю «фантазін съ хоромъ», совершенно извращаете всю основную мысль Бетховена въ этой симфоніи. Вы говорите: Voyez quelle singulière et triste confidence (?) Beethoven nous a faite en notes à ce sujet, (то-есть по случаю его безсилія (!) выразить шиллеровъ текстъ!). Прежде чёмъ начать «хоръ», онъ повториль одинъ за другимъ мотивы предыдущихъ частей симфоніи, и тутъ-же ихъ отбрасываеть. Ни одинъ изъ мотивовъ не годится для выраженія «радости», что и сущая правда и такимъ-образомъ симфонія остается совершенно безъ связи съ финаломъ (absolument étrangère à la pensée du finale) (томъ III, стр. 247). Въ-самомъ-дълъ «признаніе» художника въ своей немощи, выраженное «отбрасываніемъ» то одного, то другаго мотива, прінскиваніемъ, то-есть самою сокровенною черновою работою, передъ лицомъ публики (!) въ

одномъ изъ самыхъ полныхъ, самыхъ обдуманныхъ, самыхъ громадныхъ своихъ произведеній, было бы не только страннымъ капризомъ, но «нелъпостью» (absurdité), доказательствомъ «помъщательства» художинка. Приномните однако, что очень смълыя мысли всъхъ геніальныхъ людей, большинствомъ публики, неприготовленнымъ еще къ этимъ идеямъ всегда казались «помъшательствомъ»: припоминте Галилея, Коперника, Колумба: Это вовсе не въ томъ смыслъ, чтобъ Бетховенъ въ девятой симфоніи открыль «музыкальную» Америку: изобрътенія, открытія въискусствъ для художника-поэта и для эстетической критики имъютъ слишкомъ небольшой въсъ; миъ хотклось только показать, какъ обыкновенно встръчается людьми каждая, самая простая истина, но высказанная смъло, геніально. Сколько должно пройдти времени, пока эта истина вступить въ свои настоящія права! Такъ и съ последними произведеніями Бетховена. Такъ и съ фицаломъ его послъдней симфоніи. Она вся тяготъеть къ своему финалу, а вы находите, что между финаломъ и предыдущими частями нътъ никакой связи! Именно для осязательнаго уясненія этой связи, Бетховень въ финаль повторяеть отрывки изъ предыдущихъ частей, а вы видите въ этомъ une triste et singulière confidence, признаніе въ «безсиліп», въ «немощи»!! Для яснъйшаго воплощенія своей с мфонической мысли, Бетховенъ избираетъ «текстъ» Шиллера, а вы упрекаете Бетковена за капризное нововведеніе «хора» въ симфонію и смѣшеніе ея съ оперой (!!) Для выраженія шиллерова и своего лиризма, Бетховенъ создаетъ тему въ высшей степени простую, безыскуственную, мелодію какъ-будто родную цълому человъчеству, «пъсню» уже не народную, а всенародную (nicht volksmässig sondern völkermässig), и на этой простой мелодіи, которая разрастается мало-по-малу до самыхъ великолъпныхъ размъровъ, создаетъ высшія чудеса музыкальной поэзіи, а вы видите въ этой мелодіи, une cantilène languissante qui se repète d'une manière interminable et où l'auditeur, profondément attristé (!!) ne sauroit reconnaire que l'image de l'épuisement et de la vieillesse!!!

Конечно, у всякаго свой вкусъ, а степень красоты и поэзіи музыкальной никакъ не доказываются, пока не изобрѣтемъ особаго рода «вѣсы», о которыхъ я уже говорилъ. Но тѣ ваши сужденія, гдѣ вы обвиняете Бетховена очень рѣзко (какъ я показалъ) въ прегрѣшеніяхъ противъ общей логики, противъ обще-человѣческаго здраваго смысла, выставляете его «больнымъ полусумасшедшимъ старикомъ»—эти сужденія обѣщаютъ вотъ какой исходъ всего дѣла: какъ только станетъ яснымъ для всѣхъ, что Бетховенъ никогда не могъ «дряхлѣть» въ полномъ разгарѣ своего генія, никогда и не думалъ быть помѣшаннымъ, тогда разомъ распадутся всё ваши упреки, и весьма многіе пожедають вникнуть, «да такъ ли полно, да нётъ-ли туть прямаго, яснаго поэтическаго смысла, который ускользнуль отъ гг. порицателей Бетховена?» Вёдь, слава Богу, есть на бёломъ свёть очень много людей, которые никакъ не повёрять, чтобъ зеній могь быть въ прямомъ разладё съ здравымъ смысломъ, а напротивъ убёждены, что геніальность вмёщаеть въ себѣ прежде всего прочаго здравый смыслъ въ самой высшей точкъ своего развитія (le bon sens à la suprême puissance).

Мить жаль одно: по случаю девятой симфоніи, я не могу въ опроверженіе вашего о ней митнія привести чей-нибудь особенно-сильный авторитеть, и знаю напередь, что голось мой (и многихь другихъ хорошо знакомыхъ съ третьимъ стилемъ бетховенскимъ) въ сравненіи съ большинствомъ музыкальной публики будетъ «гласомъ вопіющаго въ пустынть». Но я повторю въ двадцатый разъ: большая или меньшая симпатія публики къ художественному произведенію вовсе не можетъ и не должна быть основою критики, а сужденія «ценителей и судей» въ отношеніи произведеній третьяго стиля бетховенскаго пока еще на той точкъ, на которой было во время Гоффмана сужденіе большинства критиковъ въ отношеніи С. moll-ной симфоніи и пасторальной, въ наше время «безпрекословно» признаваемымъ за чудеса искусства.

Мнъ осталось привести еще нъсколько вашихъ сужденій, которыя могутъ дать совершенно ложное понятіе о бетховенскихъ намъреніяхъ и о всемъ его направленіи тъмъ, кому не слишкомъ знакомы сами симфоніи бетховенскія и, особливо, девятая.

На страницъ 248 III тома вы говорите: «Если въ симфоніи введены речитативъ и хоръ, почему-же не ввести въ нее точно также арію, дуэтъ, morceaux d'ensemble; почему не дать ей вмъсто простаго «эпитета» (une simple adjectif pour programme) названіе какой-пибудь извъстной театральной пьесы и протянуть ее въ нъсколько актовъ? Все это дальнъйшія послъдствія, необходимые выводы (conséquences naturelles et irréfragables) теоріи, освященdéductions ной примъромъ (?) · Бетховена. » Затъмъ вы находите, что Берліозъ съ своею «драматическою симфоніею» Ромео и Джульета какъразъ подошелъ подъ эти «а priori» выведенные вами результаты и потомъ прибавляете: вотъ и Бетховенъ «опереженъ» въ свою очередь и даже еще больше, чемъ онъ опередилъ Моцарта». Позвольте мит замътить, что во-первыхъ тутъ является съ вашей стороны мысль о какой-то «перегонкъ» между художниками (какая-то course au clocher), мысль «унизительная» даже въ отношении Берліоза, не только въ отношеніи Бетховена. То-есть, и туть какъ во многихъ другихъ мъстахъ

вашей книги, очень ясно видно желаніе выставить Бетховена съ пъсколько смѣшной стороны. Хорошо-ли это въ отношеніи музыкальной критики вообще и нужно-ли это было для серьозной оцънки Моцарта? Во-вторыхъ: il y a là deux choses au lieu d'une (ваши слова на 244 страницъ). Если Берліозъ съ своею симфоніей «Romeo et Juliette» какъразъ подошелъ подъ выведенные вами «логическіе» результаты, то следуеть-ли изъ этого, чтобы результаты эти были выведены правильно изъ бетховеновой дъятельности? Я не знаю высказалъ-ли гдъ-нибудь Берліозъ, что онъ свои нововведенія основываеть на прим'єр'в девятой симфоніи Бетховена; но знаю, что драматическая симфонія Берліоза ни въ чемъ ин мальйшаго сходства съ бетховенскимъ направленіемъ не имъетъ. Сходство опять только внъшнее: слово «симфонія» и употребленіе вокальныхъ партій. Въ бетховенскомъ симфоническомъ направленіи нътъ ни одной черты общей съ музыкальною сценическою драмой: въ берліозовой симфоніи, быть можеть, есть много общаго съ опернымъ направленіемъ, быть можеть, нѣтъ-это нисколько къ дѣлу не относится. Подражатели очень любять придавать себъ значение «прододжа телей» — это правда; но въдь ръчь пдетъ о Бетховенъ, зачъмъ-же ему навязывать «теоріп», о которыхъ онъ и не думаль? Я старался уже показать, какъ далеко постоянно лирическое направленіе бетховенской симфонической поэзіи отъ направленія опернаго. Не Бетховену, а вамъ было угодно видъть въ употребленін вокальных в партій въ симфоніи смъшение симфонии съ оперой. Изъ этого весьма невърнаго взгляда на все направление бетховенскихъ симфоній, вы, конечно очень логически, вывели свои дальнъйшіе результаты, но что-же общаго имъютъ они съ Бетховеномъ? За что-жъ его упрекать въ чужихъ прегръщеніяхъ? Вашъ исходный пунктъ, повторяю: «если хоръ речитативъ — такъ ужъ тотчасъ и опериал музыка». Почему-же это? Сколько есть натсвътъ хоровъ, речитативовъ и арій и morceaux d'ensemble въ музыкъ вовсе не театральной! (Возьмите любую мессу или кантату Баха, мессу Керубини, любую ораторію и такъ далъе). Не забудьте, что самый «текстъ», избранный Бетховеномъ для девятой симфоніи, чистолирическій. Дівло другое, еслибъ вы замітили нівкоторое смішеніе симфонического стиля, какъ его понималъ Бетховенъ, со стилемъ торнымъ», то это было-бы гораздо върнъе. Но и тутъ весь вопросъ приведется къ неопредълительности «названій», une question de mots, non de choses. Названіе «ораторіи» предполагаетъ «обыкновенно» жетъ религіозный, по-крайней-мъръ «библейскій», музыкальную пьесу большаго объема, въ которой соединяются эпическій элементь и лирическій. Но и туть съ одной стороны очень возможны сюжеты, въ которыхъ элементъ чисто-драматическій долженъ имѣть мѣсто еще больше, чѣмъ эпико-лирическій (на примѣръ сюжетъ Саула и Давида, сюжетъ Самсона, и тому подобное); съ другой стороны могутъ быть и уже существуютъ ораторіи на сюжеты совершенно нецеремонные, небиблейскіе, на-примѣръ Времена года.

Названіе «ораторіи» и границы ораторнаго стиля, значить, должны быть очень распространены. Въ такомъ смыслѣ къ области ораторіи будеть относиться вся музыка, требующая соединенія всѣхъ силъ музыкальныхъ, вокальныхъ и инструментальныхъ, и между-тѣмъ, по преобладанію въ ней направленія лирико повъстьовательнаго или чисто-лирическаго, совершенно отличная отъ музыки «сценической», оперной, гдѣ преобладаеть прямо драматизмъ и допущеніемъ другихъ элементовъ поззіи въ видѣ исключенія.

И такъ искусство звуковъ въ полномъ своемъ торжествъ является съ одной стороны въ «оперѣ» съ подчиненіемъ музыки весьма многимъ больше или меньше стремительнымъ условіямъ (какъ вы сами это прекрасно показали на стр. 203—205 II тома), съ другой въ ораторіи (не въ прежнемъ «твсномъ», а въ самомъ общирнопъ смыслъ этого слова), гдв нътъ болъе никакого стъсненія для музыканта. Бетховенъ, какъ симфонистъ по преимуществу, предпочиталъ эту область музыки болье родственную его генію, эту область, гдь было больше простора безграничной силъ его «лиризма». Въ такомъ смыслъ почти во всей его музыкъ можно найти направление «ораторное», то-есть, преобланіе лиризма, и очень естественно, что онъ чистую «симфонію» считаль за одну изъ «вътвей» этого ораторно-симфоническаго направленія, и подъ конецъ своей жизни при большемъ и большемъ расширении своей геформы «симфоніи» почти слиль съ «ораторією» (финаль девятой симфоніи), а во второй мессъ (чистъйшей «ораторіи») придаль чрезвычайную «симфоническую» самостоятельность оркестру. Какъ я уже столько разъ говорилъ, Бетховенъ больше и больше заботился объ очищении «своего идеала» отъ всъхъ школьныхъ наростовъ.

Сдълавъ разборъ главныхъ четырехъ симфоній Моцарта (четырехъ наъ тридцати трехъ) Ddur, Esdur, Gmoll и Cdur (съ фугой), остановившись съ особенною любовью на двухъ послъднихъ (онъ, конечно, заслуживали этого энтузіазма), но ничъмъ не доказавъ ихъ «безпримърнаго совершенства» передъ гайдновскими (съ которыми вы могли и должны были ихъ сравнивать, по не сравнили отъ чрезмърной нетерпимости, intolérance), вы замъчаете (стр. 265): С-dur-ная фуга chefd'oeuvre Моцарта въ симфоническомъ стилъ и пес plus ultra самаго стиля музыкальной оды (sic). Послъ этой симфоніи, Моцартъ не писалъ

больше симфоній, предоставивъ своимъ наслідникамъ въ искусстві звуковъ славу довести симфонію до степени драмы, и обозначить свои
симфоническія произведенія «ярлычками». Когда живописецъ подписалъ
подъ своею картиною: «это дерево, а это дворецъ», иттъ возможностиошибиться въ его художественныхъ намфреніяхъ. Но відь не можетъ
же все придти въ голову одному человіку. По-крайней-мірть Моцартъ,
превзойденный въ наше время, можетъ утішиться въ своей могилі,
что если онъ не выдумаль симфоній драматическихъ, героическихъ,
патетическихъ, эротическихъ, фантастическихъ, фантасмагорическихъ,
и пасторальныхъ и тріумфальныхъ и такъ даліве, за то ни одинъ изъ
умершихъ, живущихъ или иміющихъ родиться авторовъ этихъ симфоній
съ ярлычками не написали и, вітроятно, не напишутъ пьесу безъ ярлычка, просто фугу симфоніи іп С. Suum сиіque.»

О! еслибъ вы держались этого юстиніанова правила и другаго (Neminen laede), мив бы не пришлось утомлять васъ и себя моими безконечными возраженіями противъ каждой вашей строчки о Бетховенъ. Кабъ, на примъръ, въ только-что выписанныхъ мною не видъть явнаго умысла «смъшать» Бетховена съ толною его французскихъ, болъе или менъе каррикатурныхъ подражателей? Какъ, на примъръ, не видъть «насмъшки» въ этой выходкъ противъ ярлычковъ «двухъ» изъ девяти симфойій Бетховена? Если вашъ индивидуальный вкусъ не позволяеть вамъ согласно съ нами чувствовать больше симпатіи къ бетховенскимъ симфоніямъ, чъмъ къ моцартовскимъ, то должны-ли были вы въ серьозномъ критическомъ сочиненіи подсмъиваться надъ однимъ изъ величайшихъ геніевъ, и подсмъиваться потому-что онъ не похожъ на Моцарта, и не нодходитъ нодъ «вами составленную» теорію?

Въ одномъ мъстъ, какъ я уже упоминалъ, вы обвиняете Бетховена «прямо» въ такихъ чудовищныхъ диссонансахъ, которые уже пичего общаго съ музыкой не имъютъ (стр. 269). Но вы папрасно остановились на иятой симфоніи для примъра такихъ анти музыкальныхъ гармоническихъ смълостей. Въ дальнъйшихъ симфоніяхъ былъ Бетховенъ на нихъ еще гораздо щедръе: въ финалъ седьмой симфоніи (A dur) есть, на-примъръ, мъсто, гдъ въ продолженіе «безконечнаго» числа тактовъ вся тема финала (родъ марша, раз redoublé) идетъ на двухъ нотахъ басовъ (е и dis)! По какому генералъ-басу вы подберете названія по всъмъ аккордамъ, изъ которыхъ соткана вся эта гармоническая галиматья? Какими законами вы ее оправдаете, если будете въ микроскопъ смотръть на каждый отдъльный аккордъ? Ръшительно никакими, потому что до Бетховена этому не было примъровъ. А между-тъмъ дъло само по себъ чрезвычайно просто; педаль гармоническая (basse en pé-

dale, orgelpunct) допускается всёми на свётё гармонистами, даже и выдумана-то париками. Педаль на «доминантё» дёло самое обыкновенное:
рёдкая пьеса обходится безъ нея. Бетховенъ только придалъ доминантъ
сильнёйшій акцентъ упоромъ, то на нее, то на сосёдній полутонъ (dis),
превративъ такимъ-образомъ эту педаль въ исполинскій басовый триллеръ. Все какъ нельзя болёе законно въ смыслё законовъ не школьныхъ, а органическихъ. Такъ и со всёми другими случами вашихъ
incongruités, énormités harmoniques, которыхъ въ Бетховенъ бездна, потому-что онъ любилъ энергію диссонансовъ и любилъ чрезвычайно расширять примёненіе музыкальныхъ органическихъ законовъ.

Вамъ, конечно, очень хорошо извъстно, что гоняться за отдъльнымъ мимолетнымъ аккордомъ не слъдуетъ въ искуствъ, котораго все владычество въ протяжени времени, слъдовательно въ послъдовательномъ сцъплени гармоническихъ сочетаний, а не въ ихъ «отдъльномъ» значени (ассерtion isolée), иногда ръшительно лишенномъ всякаго смысла, какъ не можетъ быть понятенъ, на-примъръ, «раккурсъ», отдъльно выхваченный изъ огромной исторической картины. Въ другомъ мъстъ мнъ придется когда нибудь очень много говорить объ этихъ мнимыхъ незаконностяхъ, пеправильностяхъ гармоніи въ бетховенскихъ произведеніяхъ. Оттого здъсь я только намекнулъ на мой взглядъ въ этомъ случаъ.

Въ заключение своей главы о симфоніяхъ Моцарта, вы говорите о причинахъ, на которыхъ, по вашему мивнію, основывается общее предпочтеніе, въ наше время отдаваемое бетховенскимъ симфоніямъ передъ моцартовыми. Изъ того, что я говорилъ о бетховенскихъ симфоніяхъ, вы видите, въ чемъ я вижу поводъ этого очень натуральнаго предпочтенія: въ богатствъ фантазіи бетховенской, въ еще большей и притомъ новой поэзін, новыхъ музыкальныхъ формахъ, процикнутыхъ несравненно болъе глубокою мыслыю при красотъ, по-крайней-мъръ равной красотъ гайдновой и моцартовой. По вашему-же мивию Бетховень этою «всеобщею симпатіею » нашего времени-чему? - разсчетамъ на матеріальный, акустическій эффектъ чрезъ преувеличенности оркестровки (!!) 266-270 III тома). Я избъгаю, нарочно, чисто-техническихъ подробностей, а то мнъ-бы чрезвычайно-легко было убъдить васъ указаніемъ такого и такого мъста партитуръ, что Бетховенъ столько-же экономенъ въ средствахъ оркестра какъ и Моцартъ, и Гайднъ; что счетъ вашъ на 268 страницъ не совсъмъ въренъ и что Моцартъ, когда ему нужно было (напр. въ Entführurg), пускалъ въ дело все самые шумные инструменты (instr. de tapage). Здъсь-же я скажу только, что трудновато упрекать въ стремлении къ оглушительному шуму (?! стр. 368) того композитора, который употребляль одни изъ самыхъ звучныхъ,

самыхъ любимыхъ въ наше время инструментовъ—тромбонъ съ крайнею бережливостью; на-примъръ, допустивъ его только въ финалахъ трехъ изъ своихъ девяти симфоній, изъ седьмой и осьмой исключиль тромбоны вовсе, несмотря на воинственный духъ и эпергическій характеръ этихъ своихъ созданій. Гдѣ-же туть «стремленія къ преувеличенности»? Ваши нападки на это стремленія чрезвычайно дъльны и какъ пельзя лучше относятся къ очень многимъ послѣ-моцартовскимъ компонистамъ, но съ Бетховеномъ-то не имъютъ ничего общаго (n,ont rien a demêler). Исполинская сила, колоссальное могущество бетговенскаго оркестра, будто-бы все равно, что преувеличенность, и потому только, что въ моцартовомъ оркестръ нътъ такой-же исполинской силы?!

Въ самомъ концъ главы, желая окончательно доказать первенство моцартовыхъ симфоній передъ бетховенскими, вы сов'туете для большей правильности суда надъ тъми и другими (pour les juger sans illusion стр. 270 III тома), переложить и тъ и другія для однихъ смычковыхъ инструментовъ въ видъ секстетовъ (!!) Странный способъ суда! Еслибъ и въ-самомъ-дълъ при такомъ «искаженіи» (что-то въ родъ разсъченія трупа) перевъсъ остался на сторонъ Моцарта, то это доказало-бы только одно: что моцартова симфоническая музыка несравненио ближе къ камерному стилю, нежели бетховенская, несравненно мен'ве деспотически требуетъ оркестра! А я въдь уже много говорилъ о томъ, что бетховенова симфоническая музыка именно потому-то и превосходиве гайдномодартовской, что никогда ничъмъ не напоминаетъ стиля «квартетнаго». Мысль Бетховена если задумана для оркестра, то никогда ничёмъ другимъ не можетъ быть передана во всей полнотъ, во всей красоть, въ настоящемъ своемъ видь, какъ только оркестромъ. А что касается основы мелодической и гармонической, то въ этомъ отно шеніи почти невозможно и сравнивать моцартовскія симфоніи съ бетховенскими, задуманными всегда вследствіе «мысли», которой владычество въ музыкъ гайдно-моцартовской далеко не такъ сильно, и уступаетъ интересамъ чисто музыкальнымъ. Въдь никому, на-примъръ, не придетъ въ голову сравнивать портретъ, хотя бы Ван-Дейка, пейзажъ хотя-бы Пуссена или Рюиздаля съ историческою картиною, сравнивать не въ отношеніи техники (кисти и т. п.), а въ отношеніи сочиненія!!

На силу-то я привелъ свои возраженія къ давно-желаемому концу. Прежде всего прошу извиненія въ многорѣчивости: предметъ противъ моего ожиданія разросся подъ перомъ. Еще въ одномъ прошу всей вашей снисходительности: очень часто я не съумѣлъ выразить того, какъ я смотрю на предметъ, остался при одномъ покушеніи! Пусть за меня ходатайствуетъ въ этомъ случать одна изъ первъйшихъ знаменито-

стей литературныхъ нашего времени: Ce qu'il y a de plus difficile au monde, ce que l'on peut appeler le triomphe et le couronnement de la volonté, c'est de dire ce qu'on veut dire et de faire ce qu'on veut faire.

. . . Quand un livre (un article) si futile qu'il soit, ne prouve pas clairement, uniquement, sans contestation et sans réplique, ce qu'il veut prouver, c'est la faute du livre (de l'article), mais non pas toujours celle de l'auteur. Sa main sans expérience et sans mesure a trompé sa pensée.... *.

Не припишите также иногда, быть можеть черезь-чуръ жаркій тонъ моихъ возраженій ничему другому кромѣ пеопытпости. Вы знаете, что у меня не было и нѣтъ другой цѣли, кромѣ высказанія правды въ этомъ дѣлѣ, какъ я ее понимаю.

Вамъ хотълось доказать, что и симфоніи Моцарта въ апогев искусства, какъ лучшія изъ его оперъ, для подтвержденія той вашей теоремы, что Моцартъ (будто-бы) первъе встхъ во встхъ родахъ музыки. Тутъ (въ отношеніи т. е. симфоній) помтхой оказался Бетховенъ. Вы не могли не видтть прогресса въ его симфонической музыкъ, но старались убтдить себя и другихъ, что этотъ прогрессъ незаконный, что это уклоненіе искусства въ сторону. Вотъ причина вашей «несправедливости» къ Бетховену, которая довела васъ наконецъ до употребленія въ дъло «пасмъшекъ» надъ заблужденіями (!!) Бетховена.

Еслибъ вы не смотръли на Бетховена сквозь призму «исключительнаго» фанатизма къ вашему герою, вы не могли-бы не согласиться съ современной музыкальной критикой, которая давно отдала «Бетховену» пальму первенства въ симфонической музыкъ.

Дъло въ томъ, что у васъ на музыкальномъ горизонтъ «nunc et in saecula» сіяетъ одно солнце—Моцартъ; всъ прочіе великіе музыкальные геніи только тяготъютъ къ этому единственному солнцу.

Мы богаче васъ: въ нашемъ музыкальномъ небъ сіяютъ нъсколько здъздъ первой величины, изъ которыхъ каждая становится для насъ ослъпительнымъ солнцемъ, когда мы поближе подходимъ къ ея сіянію, вступаемъ въ сферу ея лучей.

MERCE S CHOTES BY BEALTHON FOR A TOR SHOW E BANK

А. Спровъ.

^{*} G. Sand. Lettres d'un voyageur.

АНГЛІЙСКІЙ ТЕАТРЪ ДО ШЕКСПИРА.

A Malestan (Perform Africa e a como de la com La como de la como d

AND THE LEVEL OF THE PROPERTY OF THE PARTY O

(Статья Филарета Шаля).

all the contribution of the construction of th

ANTENNA PRINTED THE RESERVE OF THE SERVE OF

Кольерова «Исторія стараго англійскаго театра». — Предшественняки Шекспира. — Шекспиръ ничего не изобръталь. — Ложная теорія изобрътательности.

Ничто не даетъ такого върнаго и до сухости точнаго понятія объ англійскомъ театръ предъ-шекспировской эпохи, какъ три тома Пэйна Колльера, подъ заглавіемъ: «Исторія англійской сцены» (History of the English stage).

Въ этихъ трехъ томахъ представляется мнѣ цѣлый антикварій: длинный поджарый человѣкъ, съ очками на носу, съ морщинами на лбу, безволосыми висками, жеманный, разнюхивающій рукопись, вкушающій наслажденія въ старомъ пергаменѣ; это скорѣе хронологическое число, нежели человѣкъ, болѣе цифра, нежели живое существо: докторъ Драйдестъ Вальтеръ—Скотта. Такихъ есть по одному экземпляру въ каждомъ сколько-нибудь значительномъ европейскомъ городѣ.

Вообразите, что въ этихъ трехъ книгахъ не встрътишь слова, которое заставило-бы подумать, ни одного цвътка красноръчія, ни малъйшаго отступленія. Ужасный и цочтенный антикварій!

Что за свертокъ заплъсневълой бумаги валяется въ сундукъ? Антикварій нагибается, разверываетъ бумагу, ощупываетъ ее, обнюхиваетъ и разспрашиваетъ. Бумага разсыпается въ лоскутья; онъ поднимаетъ эти лоскутья, пригоняетъ одинъ къ другому, склепваетъ, приходитъ отъ нихъ въ умиленіе; если недостаетъ какого—нибудь лоскутка — онъ

плачеть. Можеть быть, это счеть прачки или записная книга управителя; по вёдь прачка жила въ 1440 году и управитель былъ современикомъ Геприху VIII! Хорошо, говоритъ антикварій, и, вооружившись очками, считаетъ и пересчитываетъ бёлье какого-нибудь обывателя улицы Триднидль; узнаетъ вещи разнаго рода, на-примъръ, что за фунтъ мыла платили тогда три пенса, и что на дамскіе воротнички, въ 1530, требовалось восемь аршинъ матеріи. И вотъ вся жатва послѣ трудовъ! Обрадованный антикварій снова принимается за изслѣдованія; находитъ лоскутокъ нисьма у мелочнаго лавочника, свадебный контрактъ въ корешкѣ книги, купчую крѣпость заклеенную въ переплетѣ; здѣсь открываетъ испорченное собственное имя, тамъ—поправку герба: зеленый цвѣтъ вмѣсто краснаго; далѣе росписку въ полученіи денегъ, духовное завѣщаніе, дорожный меморандумъ, автографъ знаменитаго человѣка: еслибъ вы знали, сколько наслажденій для антикварія! Они равняются его труду и вознаграждають его сторицею.

Такъ написана книга Кольера, составленная изъ матеріаловъ, которыхъ ничтожество изумило-бы васъ, изъ выброшенныхъ бумагъ, изъ тряпокъ и лоскутьевъ, которые вы и я кинули-бы подъ столъ, въ корзину. Но удивительнъе всего то, что изъ этихъ клочковъ, подобранныхъ съ безпримърнымъ терпъніемъ, вышла, не исторія драматическаго искусства въ Англіи — я разумъю исторію философическую — но складъ архивовъ, изъ котораго льется свътъ на колыбель театра и его успъхи въ Великобританіи.

Еслибъ, на-примъръ, этотъ клочокъ бумаги была росписка въ получени «трехъ шиллинговъ, выданныхъ впередъ Вилльяму Шекспиру, автору труппы театра Globe, за возобновление девяти старинныхъ пьесъ репертуара», — скажите, развъ эта подпись не возбудила-бы вашего любопытства? Кольеръ понялъ это любопытство: онъ велълъ выръзать на деревъ fac simile каждаго автографа; онъ знаетъ классъ своихъ читателей, знаетъ до какой степени доходитъ ихъ страсть къ древнему и что страсть эту надо оживлять осязательнымъ образомъ.

И такъ, отъ страницы до страницы, васъ останавливають, по-видимому, пустяки, но всё они имъютъ смыслъ и значеніе. Въ какомъ
ноложеніи былъ театра до Генриха III? Вотъ фактура продавца шелковыхъ матерій, поставившаго столько-то кусковъ матеріи въ 1470
году; эта матерія была назначена на костюмы пьесы, игранной
особенною труппой, состоявшею при дворъ. Вотъ названія ролей, имена
актеровъ, описаніе ихъ одежды, годовое ихъ жалованье и распредъленіе
этого жалованья; вы переноситесь въ эту эпоху по милости купеческой
фактуры; вы ступаете прямо за кулисы; антикварій прибавляеть къ этому

евои примъчанія, ростся въ другихъ документахъ и кончастъ тъмъ, что, ири помощи нъсколькихъ ничтожныхъ записокъ, возстановляеть весь театръ первыхъ годовъ XVI въка, когда скакунъ по канату, танцоръ, проводникъ медвъдя, музыканты, играющій на віоль, фокусникъ, менестрель и поэтъ были служителями музъ.

Указанія на Шекспира многочисленны: изъ нихъ видишь, какъ простодушно этотъ необыкновенный человѣкъ возвысился до сознанія своего генія. У него нѣтъ ни малѣйшаго притязанія на крутой переворотъ искусства. Онъ нишетъ драму, чтобы писать что-нибудь. Онъ изучалъ людей, рисовалъ ихъ съ геніальною вѣрностію, пользовался грубыми орудіями современной драмы, и не хотѣлъ ничего выдумывать или опрокидывать.

Изученіе литературы приводить къ результату, которому многіе удивятся: именно, что геній не изобрътаеть. Кольерь, опираясь на свои ученыя доказательства, подтвердить вамь, что Шекспирь (этоть грубый таланть, пьяный великань, какъ называли его въ XVIII въкъ) есть ничто другое, какъ только геніальный мастеръ употреблять все въ дъло. Подобно Мольеру и Корнеллю, онъ, не задумываясь, бралъ своихъ дъйствующихъ лицъ вездъ — въ романъ, сказкъ, драмъ, балладъ, дрянной комедіи, риомованной хроникъ или хроникъ безъ риомъ. Поклонники Шекспира уважаютъ въ немъ только тъ достоинства, которыхъ въ немъ нътъ: вотъ, говорятъ они, творецъ Лира, творецъ Гамлета, творецъ Отелло: изъ всего этого онъ не создалъ ничего.

Во времена истощенія, безплодія, претензій — всѣ бѣгуть за изобрюменіемъ. «Изобрѣтай и ты будешь жить!» восклицаетъ Лемьеръ,
не изобрѣвшій ничего, кромѣ Календаря, написаннаго Овидіемъ при
Августѣ, или поэмы о экивописи, написанной на латинскомъ языкѣ
поэтомъ Дюфренуа, при Людовикѣ XIV. «Изобрѣтеніе», говорятъ вамъ
со всѣхъ сторонъ, «вотъ достоинство, вотъ геній!» Дантъ, Мильтонъ,
Шекспиръ, Бэйкнъ, Мольеръ, Корнелль, Тассъ, Аріостъ, Сервантесъ,
изъ древнихъ — Эсхиллъ, Сафоклъ, Гомеръ, кажется, великія имена?
А кто осмѣлится сказать, что это не изобрюматели? Кто изъ писателей
подниметъ голову выше этихъ людей, признанныхъ голосомъ столѣтій за
властелиновъ мысли, за предводителей науки, которую освѣщаютъ они,
идя по высотамъ?

Что-же создали они? Начнемъ съ Данта. Въ его время, простонародное повърье имъло общую форму, эпическую формулу, такую-же тривіальную, какъ теперь водевиль. Всъ пользовались этою формою. Народъ зналъ только ее: до такой степени она износилась. Альберикъ Монте-Кассинскій разсказаль въ стихахъ его видъніе, разсказалъ грубо, тяжело, безъ таланта. Вся основа Божсественной комедіи буквально заключается въ твореніи Альберика. Дантъ только потратился геніемъ, въ грубомъ камиъ отыскалъ золото.

Такъ дъйствовали и другіе; Эсхиллъ и Софоклъ заключаются въ Гомеръ, который, въ свою очередь, передълывалъ древнъйшія пъсни. Капитальное произведеніе Сервантеса есть ни что иное, какъ пародія, слъдовательно—подражаніе. Мольеръ обязанъ лучшими своими сценами, не только Плавту и итальянцамъ, но и Бержераку.

Что почитаете вы въ Шекспиръ? Короля Лира? Но Шекспиръ заимствовалъ Короля Лира изъ старинной трагедіи, напечатанной въ 1594 и игранной на многихъ театрахъ. Весь сюжетъ находится въ старинной драмѣ; но какое богатство развитія, сколько неожиданностей, какое разнообразіе точекъ зрѣнія, сколько глубокаго изученія въ твореніи поэта-подражателя! Не только Голинсгидъ, Стовъ, Джиральди-Чинтіо, Бенделли, Саксъ-грамматикъ доставляли сюжеты этому скромному великому человѣку; но онъ передълывалъ дрянныя устарѣлыя драмы, молодилъ ихъ своимъ жаромъ и оживлялъ своимъ могучимъ прикосновеніемъ.

Король Іоаннъ есть только передълка старинной пьесы, называемой «Несчастный король Іоаннъ». Геприхъ IV и Геприхъ V основаны на другой драмъ, извъстной подъ заглавіемъ «Знаменитыя побъды Генриха V». Въ этомъ старинномъ очеркъ заключается все движеніе шекспировой драмы. Откуда родился Фальстафъ? Изъ мозгу Шекспира, изъ наблюденія природы и воспоминаній юности. То-же замъчаніе о Геприхъ IV и Ричардъ III. «Споръ двухъ славныхъ домовъ, іоркскаго и ланкастерскаго» и «Истинная трагедія о Ричардъ, герцогъ іоркскомъ» доставили грубый матеріалъ.

Тотъ-же Шекспирт находить въ «Діанѣ Монтемаіоръ» своихъ Двухъ венеціанскихъ дворянъ; у итальянскихъ разскащиковъ— Ромео и Джюльетту и Отелло; въ одной шотландской балладѣ — Макбета; въ «Пекароне» — Венеціанскаго купца; въ одномъ современномъ романѣ прелестную пастораль, Какъ вамъ угодно; въ датскихъ хроникахъ — Гамлета.

Что же остается Шекспиру? Его геній.

Геній приводить въ порядокъ и подражаеть, изучаеть и углубляется, но никогда не изобрътаеть.

Нътъ ничего легче, какъ вообразить, то-есть вспомнить веселую или умиляющую басню; это всякій день дълаетъ кормилица, чтобы позабавить своего ребенка. Геній состоить въ томъ, чтобы яснъе

понять, лучше проникнуть, освътить то, что каждый знаетъ поверхностно, или понимаетъ въ половину. Одна изъ отличительныхъ чертъ Шекспира — совершенное безиристастіе къ сюжету, который онъ обрисовываетъ. Онъ не обращаетъ на него вниманія: превосходный работникъ умъетъ изъ всего извлечь пользу. Онъ беретъ на удачу камень, кусокъ дерева, обломокъ граниту, глыбу мрамора.

Изобрътеніе живетъ въ художникъ, а не въ употребляемыхъ имъ матеріялахъ. Великіе люди приняли ихъ такими, каковы они были, а потомъ уже переплавили ихъ, преобразовали, обезсмертили. Изъ тумбы сдълали кумиръ; изъ древеснаго пня — статую, какъ тотъ испанскій скульпторъ, взятый въ плънъ арабами, который, за неимъніемъ мрамора, вытащилъ изъ очага полъно и сдълалъ изъ него статую.

Если-бы такъ-называемое изобрътеніе не было только воображаемымъ достоинствомъ, то грубые авторы итальянскихъ разсказовъ одержали-бы верхъ надъ Мольеромъ; неизвъстные писатели хроникъ, раздъленныхъ на дъйствія, затмили-бы Шекспира.

При упадкъ литературы считаютъ изобрътателями тъхъ, которые, увлекаясь жаромъ крови и какимъ то порывомъ слова, переставляютъ слова и образы и думаютъ, что этимъ подвигаютъ мысли: Клавдіанъ въ Римъ, Марини и Ачиллини въ новъйшей Италіи, Гонгора въ Испаніи. Люди эти провозглашаютъ себя основателями слова. Монтень, Шекспиръ и Мольеръ не приписывали себъ другой заслуги кромъ той, что изучали природу, человъка и свътъ. Дъло генія оплодотворять ихъ.

parte d'Al Fraince de la marche de la Charle de Ligita des est est expresentation de la formant des e Bet archée et étale d'Est de la grande en est arminé de la parte de la grande de la company de la grande de la Lieu archée de la gradia de la grande de la company de la grande de la grande de la grande de la grande de la c

related to the entire community of the H. It is not done to be expected to the expectation of the expectatio

Эпоха благопріятная драматическому генію. — Матеріялы для театра въ Англіп въ царствованіе Елисаветы — Авторы и актеры современные Шекспиру. — Джонъ Узбстеръ.

Въ ту минуту, какъ мы пишемъ эти страницы, въ половинъ XIX въка, эра драматическаго генія, кажется, прошла; значить, пора вести лътописи театра.

Борьба страстей съ характеромъ, и нашей судьбы съ нашими желаніями — уже не представляетъ новости; это старая исторія, тысячу

разъ пересказанная, избитая сказка съ вылинявшимъ интересомъ. Какоебы не придумали вы положеніе—оно уже извъстно; какое-бы душевное
ощущеніе не старались вы пробудить—оно потеряло свою чарующую силу.
Неумолимая память, безпощадная эрудиція отравили наши удовольствія.
Не осталось ни одной непрочитанной страницы въ книгъ, которую
одинъ старинный англійскій писатель, привыкшій къ метафорамъ, на
звалъ «книгою сердца, съ пламенными и перемъщанными листами».
Талантъ и геній открыли себъ другія дороги. Все было высказано на
сценъ; напрасно, чтобы пособить своей нищетъ, она превращалась въ
курсы морали, въ галлереи костюмовъ: поочередно рабыня, то философскихъ теорій, то музыкальныхъ фантазій и воспоминаній антикварія,
она не могла возвратить свое могущество.

Вообразите, вмѣсто эпохи, въ которую мы живемъ, совершенно другой вѣкъ и народъ. Политическихъ преній и промышленныхъ открытій немного. Драматическое искусство въ колыбели, средніе вѣка едва прошли. Въ народѣ — простодушіе, энергія, невѣжество и богатство; между знатью — великолѣпіе и роскошь. Всѣ умы алчутъ наслажденій, всѣ души растворяются для звуковъ музы; педантизмъ господствуетъ въ литературѣ; тысячи поэтическихъ слѣдовъ среднихъ вѣковъ сохранились въ обычаяхъ; театръ матеріально не полный, смѣшные костюмы, грубыя декораціи достаточны для націи, болѣе падкой на душевныя ощущенія, нежели прихотливой въ выборѣ удовольствій.

Такова была Англія въ 1650 году. Прибавьте къ этому, столь благонріятному приготовленію драматической почвы, національную гордость, уединенность правовъ, духъ предпріимчивый, всегда отличавшій Великобританію, ея цвѣтущее положеніе при Елисаветъ. Для удовлетворенія кипучей дѣятельности умовъ необходимы были только война и торговля—извнѣ, и театръ — внутри государства. Тогда Дракъ совершилъ кругосвѣтное путешествіе; мужественный Сидней, умирая на полѣ битвы, подавалъ лежавшему возлѣ него раненному солдату каску съ освѣжительной водою.

Сколько увлеченія и оригинальности! Это были нравы неопредъленные, плодовитые, полные молодости, противоположностей, суровости и утонченности; все испытывали, всего пробовали. Не было ничего опредъленнаго; подражали и удивлялись съ безотчетною наивностью романсамъ каталопскимъ и аррагонскимъ, пасторолямъ Санназара, кончеттамъ Петрарки, Ронсара и Дюбарта, испанской паванты и французскому кадрилю. Воспоминанія о католицизмъ, едва подавленномъ, духъ реформы, платонизмъ итальянскихъ академій, коммерческія спекуляціи, —

все это разомъ занимало умы, сливалось въ тогдашнихъ правахъ и составляло самую странную и самую живописную смъсь.

Вотъ тутъ и надо изучать Шекспира, чтобы понять его въ цъломъ, и драматическіе писатели его времени и страны, стоящіе ниже великаго человъка, представляютъ драгоцънные матеріалы для этого изученія. Шекспиръ отдъляется отъ нихъ только въ одномъ пунктъ: онъ философъ. Онъ всегда возвышается отъ ограниченной односторонности до живописи цёлаго человёчества. Макбеть, Гамлеть, Отелло - высокіе типы: это честолюбіе и угрызенія совъсти, любовь и фанатизмъ, грустная мечтательность и ея смертельная неизвъстность. Вопреки Марлову, Чепмену, Райли, Миддльтону, Уэбстеру, Деккеру, Форду, Пилю, Чирли, Гейвуду, писавшимъ во время Шекспира или нъсколькими годами прежде или послъ него, - необразованное драматическое покольніе, гигантское, изумительное разнообразіемъ концепцій п смелостью таланта, поколеніе поэтовь, столь-же мало известныхь въ Европъ, сколько достойныхъ ея удивленія и изученія — никогда не имъло притязаній на эту всеобщность живописи, которою отличается ихъ безсмертный соперникъ. Оставаясь исключительно національными, они воспроизводять только нравы XVI стольтія — Лондонъ, съ его движеніемъ и хаосомъ. Читайте этихъ поэтовъ, чтобы сдълаться лондонскими горожанами 1590 года.

Демократія, аристократія, торговля сходились лицомъ къ лицу и не боролись. Каждый изъ этихъ элементовъ велъ свою жизнь, уважалъ свои границы и свои наслажденія. Богатые купцы господствевали въ Тэмпль-Баръ въ Чернингъ-Кроссъ. Байкиъ открылъ путь анализу; преданія поэтически суевърныя были во всей силъ. Не сомиврались, что аметистъ лечитъ отъ подагры, и что рубиновый порошокъ зарождаетъ въ сердцъ любовь. У каждаго сословія была своя одежда, даже дъйствительность домашней и частной жизни превращалась въ одушевленную сцену. Доктора физики, или врачи, не нокидали своего чернаго платья, золотыхъ галуновъ и бархатной шапочки, четырехъ-угольной и приплющенной. Прислугу легко было узнать по голубой жакеткъ, торговцевъ по коричневому суконному платью и войлочной шлянъ или бумажному колнаку; управителя — по золотой венеціанской цени, блестящей на черномъ шелковомъ камзоле, и молодаго джентльмена — по пышнымъ панталонамъ, по огромному трехт-этажному вородничку и мягкимъ сапогамъ, изъ которыхъ, какъ изъ корзинки цвътовъ, разсыпались кружева. Все было живописно и разнообразно: это была поэзія для глазъ. Въ одной пьесъ находится длинная перечень ювелирныхъ вещей, цъпей и браслетовъ, которые носили въ то время женщины: списокъ этотъ, право, заставилъбы покрасиъть нынъшнюю роскошь. И эти англичанки, въ золотъ и брилльянтахъ на шеъ и на рукахъ, платившія большія деньги итальянскому учителю за уроки на virginals (родъ шпинета) или guitern (гитара или мандолипа) городскія щеголихи стекались въ театръ, на которомъ было дозволено все и каждая вещь называлась своимъ именемъ.

Грубый былъ этотъ театръ. Занавъсъ, раскрывавшійся по серединъ, отдъляль актеровъ отъ слушателей. Билетъ, вывъшенный надъ сценою, возвъщалъ, что вы находитесь въ Римъ, въ Копенгагенъ или на Митиленъ; билеты перемънялись при каждомъ путешествіи дъйствующихъ лицъ, а это случалось частенько. Касательно перемъны декорацій зрители были не взыскательны: опи дополняли воображеніемъ пропуски машиниста. Въ самыхъ богатыхъ театрахъ, нъсколько занавъсовъ въ глубинъ сцены, закрывавшихъ грубо расписанный холстъ, распахивались въ ту минуту, какъ сцена перемънялась. Надо было много ръшимости, чтобы видъть, на пространствъ нъсколькихъ квадратныхъ футовъ, справа — Африку и слъва — Европу; чтобы толиу изъ четырехъ человъкъ, проходящихъ по сценъ, принять за армію, и видъть океанъ на томъ-же клочкъ, который, спустя минуту, превращался въ лъсъ. Филипъ Сидней, изумлявшійся великольнію итальянскихъ спектаклей, не находиль насмъшекъ, достойныхъ англійскаго варварства.

Шекспиръ, котораго столько упрекаютъ въ грубости, былъ самый скромный писатель своего времени. Довольно взглянуть на заглавіе тогдашнихъ пьесъ, чтобы узнать, какимъ тономъ онъ писались и для какой цъли. Грубость, цинизмъ, рыночное наръчіе — все, отъ чего возмущается нашъ вкусъ и что отгалкиваетъ наши нравы — ни мало не оскорбляло широко-плечей праветвенности горожанъ 1600 года. Но за то этой толиъ людей даровитыхъ, старавшихся угождать грубому народонаселенію, людей съ различными заслугами, беззаботно и съ невъроятною смълостію изображавшихъ правы своего времени, людямъ этимъ нельзя сдълать упрека въ недостаткъ того, чъмъ удивляютъ образцовыя произведенія — въ педостаткъ наблюдательности, яркой живописи правовъ, прямоты и върности взгляда, эпергіи, вкуса, увлекательности, красноръчія, изобрътательности, легкости, поэтическаго жара.

Нѣсколько чертъ тогдашнихъ нравовъ будутъ достаточны, чтобы извинить этихъ поэтовъ. На-примъръ, для доказательства величайшей любви къ прекраеному полу, джентльмены того времени пили вино съ сърой и искажали себъ руки въ честь своихъ возлюбленныхъ. Тълесныя упражненія пользовались большимъ почетомъ. Кромѣ бокса, досихъ-поръ очень уважаемаго, упражнялись въ стръльбъ изъ лука, воль-

тижированіи, борьбъ, скачкъ, жедецомъ, во Франціи какъ и въ Англіи. Въ каждомъ богатомъ домѣ быль свой забавникъ, въ остроконечномъ колиакъ, одътый въ желтый и зеленый цвътъ, и получавшій въ награду за свои эпиграммы кружку вина, отъ времени до времени новое платье, деньги въ большіе праздники, и удары палкою всякій разъ, какъ начиналъ слишкомъ вольничать въ своихъ сатирахъ. Пуританизмъ и тартюфство еще не наводнили Англіи; пиры и празднества чередовались съ занятіями торговлей и политическими хлопотами. Въ первый день мая, Генриха VIII, одътый фантастическимъ пастушкомъ, праздноваль въ лъсу возвращение лъта, съ доброю своею супругою, Екатериной. Одинъ старинный писатель остроумно разсказываетъ объ этомъ сельскомъ маскарадъ: совершенно пастораль Ватто. Елисавета любила, подобно отцу своему, играть роль пастушковъ; но, болъе проникнутая классическою ученостью, она одъвалась дріадой; придворные превращались въ фагновъ и сильвановъ. Ралей прогуливался съ посошкомъ, Бэйкнъ привътствоваль королеву греческими стихами, и пажи, закутанные въ ленты для большаго сходства съ теокритовыми пастушками) кружились въ Аркадіи Кенильворта.

Дитя этихъ нравовъ, которые описывать было-бы долго и изъ ко торыхъ мы выбрали только живъйшіе контрасты, театръ того времени (а мы исключаемъ пьесы Шекспира изъ рамки нашихъ изслъдованій) скрываетъ въ себъ, подъ грубыми формами, живой источникъ поэзіи и всъ иден, волновавшія массу гражданъ. Какая была эпоха для театра, когда онъ разомъ былъ водевилемъ, оперой, единственнымъ журналомъ и единственнымъ народнымъ романомъ! Здъсь городской писецъ изучалъ исторію Англіи и древнюю исторію драматизованную по Корнелію Непоту и Плутарху; здъсь, горожане почернали свъдънія объ иностранныхъ земляхъ и древнихъ народахъ. Едва замолкъ вопль варооломеевской ночи—и Марловъ переложилъ его въ трагедію!

Сколько радости для любопытныхъ, грубыхъ и наивныхъ умовъ видъть, какъ человъчество движется во всъхъ своихъ положеніяхъ и во всъхъ видахъ! Съ какою жадностію схватывали метаморфозы человъческаго характера; какъ жадно смотръли на эти живые очерки, полные смысла, соли и поразительные истиною! Плохо пришлось-бы критихъ, если-бы она вздумала возмутить эти замысловатыя удовольствія: ее не стали-бы слушать. Съ 1570 по 1629 въ Лондонъ построено болъе семнадцати новыхъ театровъ: Globe, Школа, Лебедь, Надежда, Красный левъ, Занавъсъ, Театръ, Партерръ, Фениксъ, и прочее и прочее. Кромъ этихъ труппъ, назначенныхъ для публики, въ каждомъ знатномъ домъ были свои ак-

теры, своя особая труппа. Виндзорскій кумушки были представлены въ первый разъ, въ 1602, труппою великаго каммергера; Ромео и Дэкюльетта, въ 1596, труппою лорда Гудзона. Коллегіи, университеты, школы правовъдънія, медицины и фармаціи также имъли своихъ поэтовъ, свои залы для представленія, свою труппу комическую и трагическую. Всъ сочиняли и играли. Педантизмъ былъ предоставленъ книгамъ; потокъ новыхъ идей, трагическаго жара, насмъшки устремился къ драмъ.

Конечно, нельзя смотръть на этихъ многочисленныхъ писателей, какъ на образцы для слъдованія. Между ними вы не насчитаете геніальныхъ людей, появляющихся, подобно свътиламъ, на пути образованности. Талантъ ихъ не только дробится и проявляется неправильными порывами; произведеніямъ ихъ не только недостаетъ искусства, но они едва сознаютъ всю свою силу. Умы симпатическіе, невольные истолкователи идей, бывшихъ въ ходу въ ихъ эпоху, они черпали на-удачу и безъ разбора изъ того-же источника, откуда черпалъ Шекспиръ. Въ этихъ произведеніяхъ, не столь безнравственныхъ въ сущности, какъ многія изящныя произведенія, которыми хвалятся образованные театры, есть сила, но что-то неполное. Вкусъ и чувство возмущаются: авторъ ничего не переодъваетъ, не смягчаетъ тоновъ, не подкрашиваетъ.

Послѣ того, какъ Генрихъ V, закрылъ монастыри, въ гражданскую жизнь перешли люди, привыкшіе къ аскетическому краснорѣчію. Библія сдѣлалась книгою домашнею, общеупотребительною, всеобщею и ежедневною. Англійскій идіомъ получилъ ея отпечатокъ и до-сихъ-поръ хранитъ его; проза, поэзія, драма, все — до политическихъ преній — обогатилось сильными чертами еврейскаго воображенія. Мильтонъ почеринулъ въ немъ нѣсколько красокъ для Потеряннаго Рая; Бёркъ— прекраснѣйшія фразы для своего парламентскаго краснорѣчія.

Любители театра, къ которымъ говорили на понятномъ имъ языкъ, радовались этимъ новымъ наслажденіямъ, и не противупоставляли утонченностей вкуса писателямъ. Сентенціи критики были очень неправильны. Когда предлагали публикъ образцовое твореніе Шекспира — публика забавлялась имъ безотчетно, и съ тъмъ-же терпъніемъ, съ какимъ слушала тяжелые и надутые переводы древнихъ классиковъ, поставленные на сцену Чепменомъ или Бенъ-Джонсономъ. Оттого величайшіе педанты слыли тогда за великановъ драмы. Правда, произведенія ихъ игрались ръже, но все-таки ихъ очень уважали. Чепменъ шелъ во главъ этой фаланги; непосредственно за нимъ слъдовалъ суровый и неутомимый Бенъ-Джонсонъ; далъе, Бомонъ, Флетчеръ и Мессингеръ. Шекспиръ, по словамъ Уэбстера, занималъ шестое или седьмое мъсто;

Марловъ умеръ съ заслуженною репутаціей, съ которою остерегались сравнивать слабую и только-что рождавшуюся славу автора Отелло. Таково сужденіе современниковъ! Въ ту-же эпоху, Сервантесъ жилъ въ неизвъстности, Тассъ просилъ милостыни возлѣ чертоговъ, гдѣ блисталъ Ронсаръ, и Монтень слылъ за жалкаго гасконца, грубаго компилятора, недостойнаго вниманія образованныхъ умовъ.

Джонъ Уэбстеръ, одинъ изъ этихъ писателей и притомъ самыхъ неправильныхъ, занималъ между ними непослъднее мъсто. Біографія его не длинна. Онъ былъ приходскимъ писцомъ, и жилъ между 1590 и 1630 годами. Вотъ и все. Энергія и глубокость, которыми запечатльль онъ двъ свои трагедіи—Викторія Коромбона и Герцогиня Мальфи — обнаруживаютъ умъ ъдкій, желчный. Муза его — Горгона. Современники упрекали Уэбстера въ жесткости характера, медленности созданія и въ мизантропіи, которая примъшивалась ко всъмъ его чувствамъ и диктовала его созданія. Если судить о человъкъ по тому, что отъ него осталось, то упреки эти были довольно основательны.

Итальянскіе нравы, сверкающіе цивилизаціей и поэзіей, привлекали вниманіе Англіи; весь дворъ писалъ сонеты въ родъ петрарковыхъ; Шекспиръ раскрашивалъ Ромео и Джюльетту, Веронскихъ дворянь и Отелло блескомъ неба Авзоніи. Джонъ Узбстеръ, какъ протестантъ, видълъ въ этой странъ — только Италію Борджіевъ. Не ищите въ его трагедіяхъ ничего нъжнаго, граціознаго: это пустыня, охваченная ядовитою атмосферой; только оригинальная сила языка дълаетъ ихъ сносными въ чтеніи. Поэзія Узбстера отрывистая, пересыпанная сентенціями. Писателю этому недоставало искусства. Трагедія его «Викторія Коромбона» не иное что, какъ анекдотъ, раздробленный на сцены, драматическій разсказъ, сверкающій страстью и поэзіей. Вст недостатки, щедро взваленные, на плечи Шекспиру, скопились въ драмахъ Узбстера: это подмалевки, исполненные силы, произведенія неполныя, необузданныя, въ которыхъ кипитъ могучая оплодотворяющая сила.

Нельзя надивиться безконечнымъ чудесамъ человъческаго разума, способнаго къ множеству различныхъ видоизмъненій, исполненнаго свойствъ самыхъ противуположныхъ, но гораздо труднъйшихъ для оцънки, нежели совершающіяся передъ нашими глазами видоизмъненія матеріи и физическаго міра. У одного поэта — возвышенность, у другаго — обширность, у третьяго — глубина. Здъсь, Шекспиръ рожденный для того, чтобы понимать все человъчество, во всей его высотъ и во всемъ уничиженіи; тамъ — Кальдеронъ, которому неизвъстно все, что переступаетъ границы испанской національности и христіанскаго

генія; далѣе, Расинъ, аналитикъ ощущеній сердца, въ этой области ничто отъ него не ускользаетъ. Геніи, находящіе въ самихъ себѣ симпатію ко всему человѣчеству, знаютъ все и ничѣмъ не пренебрегаютъ; гаризонтъ міра нравственнаго и вещественнаго ясенъ передъ ихъ глазами. Это прекраснѣйшіе представители разума.

Есть умы, которыхъ сила заключена въ тъснъйшемъ кругъ. Они не могутъ дъйствовать во всъхъ направленіяхъ и сознавать всъ иден. Такіе исключительные, даже неполные умы наделены своею силой, вив которой все въ нихъ слабо. У Кальдерона, котораго лирическая поэзія прекрасна и прозрачна, какъ лътняя ночь подъ чистымъ небомъ, у Кальдерона, котораго драматическая изобрътательность илодовита до роскоши, какъ почва Аравіи, — нътъ двухъ мыслей или двухъ глубокихъ картинъ. Отнимите у него величіе идеальное, жаръ въры, волшебство звуковъ и красокъ, переселенное въ языкъ, - у него не останется ничего. Не будемъ презирать этихъ геніевъ частностей, которые, въ большомъ концертъ, берутъ на себя, если можно такъ выразиться, только одну партію. Характеръ ихъ не столь обширный, часто бываетъ сильнъе, чище отъ всякой примъси. Въ этой выразительной индивидуальности, они безъ сомнънія, стоятъ выше, нежели искусственные таланты, плоды долговременнаго угожденія всёмъ вліяніямъ, выработанные результаны долгаго изученія, плоды подражанія, часто очень неловкаго, и сліянія почти всегда неудачнаго заученныхъ качествъ. Кто не видитъ, что этотъ тяжелый трудъ никогда не достигаетъ своей цъли, что искусственность всегда обнаруживается подъ изяществомъ формы? Они подобны людямъ, по-видимому образованнымъ, какіе часто встръчаются, и которымъ съ перваго взгляда мы не отказалибы ни въ умъ, ни въ благородствъ, ни въ тонкомъ вкусъ; но, вглядываясь пристальнъе, убъждаешься, что все это очарование заключается въ какихъ-нибудь витшнихъ привычкахъ, въ прелести итсколькихъ фразъ, заученныхъ наизусть.

Когда умъ энергическій предается своимъ наклонностямъ и фантазіямъ, произведенія его сохраняютъ дикій ароматъ, предпочитаемый произведеніямъ безхарактернымъ, результатамъ школьнаго изученія. Во всѣхъ его твореніяхъ — одинъ цвѣтъ, одинъ характеръ; все въ нихъ отзывается его личностью; отблескъ его мыслинаивенъ до крайности. Онъ не пользуется ни одною изъ выгодъ, доставляемыхъ искусствомъ, ни однимъ изъ обыкновенныхъ нашихъ средствъ, чтобы скрыть пустоту мысли подъ роскошью словъ и ничтожность дѣйствія подъ великольніемъ сцены; не употребляетъ ни одного изъ нашихъ литературныхъ и драматическихъ рецептовъ. Услужливый эпитетъ,

къ которому, въ случав нужды, прибъгаютъ риторы, не знакомъ такимъ писателямъ. Перифраза, ученая цитата, блестящій и удобный для сшивки лоскутъ, подражаніе древнему автору,—все, чему научаетъ насъ школьная литература — для нихъ запечатанное письмо. Эти писатели почерпаютъ силу въ самихъ себъ; они извлекаютъ изъ этого живаго ключа смъсь элементовъ драгоцънныхъ и матеріаловъ тривіальныхъ, которымъ ученая обработка придала-бы наружную цъну и облегчила—бы ихъ обращеніе въ публикъ, не увеличивъ ихъ достоинства.

Отличительная черта генія Уэбстера — глубина. Ніть у него ни обширности, ни возвышенности. Онъ раскапываетъ свой сюжеть съ неутомимою осторожностію, и что находить въ немъ — складываетъ на-земь, безъ разбору, золото и камни, алмазы и глину. Въ этомъ мрачномъ талантъ нътъ ничего утъшительнаго и идеальнаго, филантро-Онъ пическаго или безпристрастнаго. не парить въ высшихъ областяхъ, и не видитъ, какъ Софоклъ у грековъ, какъ Кальдеронъ между новъйшими поэтами, — человъчества, подчиненнаго закону Провиденія. Никогда, подобно автору Гамлета, онъ не средоточіе человъческихъ судебъ, чтобы становится ВЪ спрашивать у нихъ отчета въ нашихъ горестяхъ и удовольствіяхъ. Сила Уэб стера является только въ одномъ направленій; у него есть проницательность — проницательность мизантропа; онъ знаетъ дурную сторону человъчества; углубляется въ причины и послъдствія взоръ его падаетъ въ эту пещеру и теряется въ ней, печальная поэзія его, рожденная отъ взгляда, столь-же теснаго, какъ глубокаго, можеть быть, не имъеть подобной себъ въ исторіи литературы.

III.

TOWN THE PARTY HAS THE PARTY OF THE PARTY OF

Бенжаменъ Джонсонъ. — Онъ представляеть въ своихъ пьесахъ эрудицію и таланть, какъ Узбстеръ въ своихъ — протестантизмъ, а Шекспиръ — геній и вдохновеніе. — Характеръ джонсонова театра.

Между англійскими драматическими писателями XVI въка, самый знаменитый есть тотъ, который наименъе приближается геніемъ къ Шекспиру, именно — Бенъ-Джонсонъ.

Шекспиръ любитъ людей и смъется надъ ними; Бенъ-Джонсонъ

изучаеть ихъ въ микроскопъ. Шекспиръ не забываетъ ничего — ни страстей, ни пороковъ, ни добродътелей, ни величія смъшаннаго со слабостію, ни глупостей, соединенныхъ съ благородными порывами души; Бенъ-Джонсонъ наблюдаетъ только разнообразіе характеровъ, капризы, привычки. Шекспирова перспектива очаровательна; воздухъ струится сквозь его созданія; они не только живутъ, но даже прозрачны. Онъ пейзажистъ: лъса, деревья, ръки, море, города, дворцы, хижины появляются и становятся въ надлежащемъ разстояніи, то окрашенные зоирнымъ свътомъ, то погруженные въ мрачную ночь. Бенъ-Джонсонъ не довершенный живеписецъ, не художникъ-прорицатель. Скульпторъ среднихъ въковъ, онъ знаетъ только истину, ищетъ и воспроизводитъ только ее одну.

До Бенъ-Джонсона еще не бывало примъра, чтобы въ такомъ высокомъ талантъ было такое совершенное отсутствіе поэзіи; онъ не только не знаетъ, но даже отвергаетъ идеалъ. Бенъ-Джонсонъ — Гольбейнъ драмы: геній прозы.

Не думайте, что онъ никогда не писалъ хорошихъ стиховъ: была-бы клевета. Вы не найдете у Мольера тирадъ, болъе-замъчательныхъ здравымъ смысломъ и сатирою, не найдете у Матюрена Ренье портретовъ, връзывающихся въ памяти сильнъе, чъмъ нъкоторые отрывки англійскаго поэта. Онъ успъль въ суровомъ посланіи, какъ Буало, и въ эротической и вакхической пъснъ — какъ Адамъ и Шольё. Во многихъ мъстахъ быстрый потокъ сильныхъ и пламенныхъ ученостью, воспоминаніемъ о древнихъ, **ЪДКОЮ** сатирой и смълымъ комизмомъ. Но у Бенъ-Джонсона нътъ движеній, призывающихъ душу къ ея источнику, нътъ выраженія симпатическихъ страстей, развитія характеровъ, подъ'вліяніемъ преобразующей ихъ любви; нътъ развязки, которая-бы очищала ихъ, ни честолюбія, которое приводило-бы ихъ въ восторгъ. Словомъ, какъ говорятъ, дверь идеала не отворялась, передъ Бенъ-Джонсономъ. Онъ подбираетъ свои сокровища на земль, онъ принадлежить земль. Даже въ то время, какъ онъ поднимается — ему недостаетъ крыльевъ.

Зачъмъ-же требовать отъ него нъжности, пламени, глубокаго разумънія страстей, которыя всегда были ему чужды? Художникъ безъфантазіи, наблюдатель смъшнаго, важный, внимательно взвъшивающій пороки и слабости современниковъ, пусть онъ даетъ комедію такою, какъ ее понимаетъ.

Комедія эта есть коллекція оригиналовъ въ родъ Ла-Брюйера. Англійская комическая обтушовка XVI стольтія въ тонкости и живости

уступаетъ обтушовкъ француза, современника Людовику XIV; энергическая наивность, съ какою изученъ каждый характеръ, свидътельствуетъ о проницательности наблюдателя. Только сильная голова могла открыть столько видоизмъненій нашей породы, разобрать столько человъческихъ іероглифовъ. Бенъ-Джонсонъ схватываетъ человъка, переворачиваетъ его со всъхъ сторонъ; влагаетъ ему въ уста приличную ръчь, даетъ надлежащую одежду, окрашиваетъ его свойственнымъ ему оттънкомъ, разбираетъ его во всъхъ мелочахъ, и оставляетъ только въ ту минуту, какъ драма кончилась и падаетъ занавъсъ. Если какое-нибудь изъ ничтожествъ, поставленныхъ въ обществъ, какъ нули между единицами, какое-нибудь изъ незначительныхъ существъ, которыя навлекаютъ только презръніе и исчезаютъ въ забвеніи, отличается своею особенностію, — Бенъ-Джонсонъ тотчасъ подмъчаетъ это лицо, считаетъ его достояніемъ своего театра; какъ-бы ни было оно нелъпо, онъ бросаетъ его въ число своихъ актеровъ, и мастерски пользуется каждою страпностью.

Припомнимъ, что комедія Бенъ-Джонсона изображаетъ дъйствитедьность. Онъ не въритъ въ свое искусство очерчивать дъйствующихъ лицъ, и, суровый какъ сатира Менипея, выражаетъ въ имени порокъ лица, выводимаго на сцену.

Имена дъйствующихъ лицъ въ пьесахъ Бенъ-Джонсона опредъляютъ ихъ личность, какъ билетики въ кабинетъ натуралиста обозначаютъ малахитъ и голышъ. Переводчикъ долженъ сохранить эту характеристическую черту; правда, что утонченный вкусъ нъсколько страдаетъ въ ней, но безъ этой черты не останется Бенъ-Джонсона. Еслибъ англійскому переводчику встрътились имена дъйствующихъ лицъ французской сцены низшаго разбора — Жобаръ, Буассекъ, Помаденъ — имена сдълавшіяся классическими и составляющія почти весь комизмъ пьесъ, въ которыхъ они выведены — не долженъ-ли былъ-бы переводчикъ пріискать грубые синонимы для этихъ грубыхъ прозвищъ?

Но не одинъ этотъ талантъ, уважаемый въ Бенъ-Джонсонъ знатоками, спасаетъ его отъ забвенія. Шедвель (Shadwell), неудачный подражатель его, жившій при Карлъ II, и не выхваченный изъ литературной Леты даже эпиграммами Драйдена, Шедвель такъ-же хорошо, какъ Бенъ-Джонсонъ, умълъ придавать выпуклость странностямъ человъческихъ характеровъ, но ему не удалось оживить ихъ: умъ его былъ холодный, наблюдательности его недоставало живости и твердости.

Кром'в этихъ существенныхъ достоинствъ, у Бенъ-Джонсона есть еще достоинство относительное: это полезный писатель. Для того, кто желаетъ узнать шестнадцатый въкъ Англіи и начало семнадцатаго,

лучше всего внимательно читать комедіи этого писателя съ комментаріями Джиффорда.

Умь Джиффорда сочувствоваль Бень-Джонсону; такой-же суровый и неумолимый, онъ также боролся съ неудачами, и замъчанія его никогда не отличались олагосклонностью. Переводчикъ Ювенала, постигшій классическую литературу, къ которой не быль предназначень отъ рожденія, но стремился мужественно, преодолівая трудности; въ учености не уступавшій Джонсону и подобно ему недовольный свътомъ, Джиффордъ провелъ часть своей жизни въ чтеніи драматурга шестнадцатаго въка, въ изъяснении темныхъ его мъстъ, въ пересмотръ текста и отысканіи смысла его загадочныхъ намековъ. Джиффордово изданіе — образцовое произведение: но онъ не удовольствовался этимъ уважениемъ. Нравъ и привычка любимаго его писателя была предметомъ частыхъ нападокъ; Джонсона представляли человъкомъ грубымъ, запальчивымъ, неспособнымъ для нъжныхъ чувствъ, потонувшимъ въ букинахъ и наслажденіяхъ Бахуса. Конечно, всв эти упреки преувеличены, какъ обыкновенно бываеть съ упреками громкимъ знаменитостямъ; но талантъ Джонсона не показываетъ, чтобы онъ предпочтительно предавался ивжимъ ощущеніямъ, или былъ снисходителенъ къ человъческимъ порокамъ. Джиффордъ оправдывалъ все; можно сказать, что, извиняя своего автора, онъ хвалить самого себя; онь разбираеть прежнихъ критиковъ, и ля доказательства, что Джонсонъ не быль вспыльчивъ, самъ вдается въ сарказмы, не лишенные, впрочемъ, краспоръчія. Вальтеръ Скоттъ, удивлившійся столько-же, какъ и редакторъ Quarterly Review, превосходству Бенъ-Джонсона, лучше оцънилъ его жизнь, рактеръ, достоинства и недостатки.

Наука занимала дни и ночи Джонсона; онъ воздълывалъ тяжелую почву своей драмы, приготовивъ напередъ, какъ необходимое удобреніе, груду греческихъ и латинскихъ воспоминаній. Забытый отрывокъ изъ Либанія служитъ текстомъ Эпикену; весь характеръ Мороза заимствованъ у того-же греческаго софиста; Ювеналъ доставилъ шутки мистриссъ Оттеръ. Одинъ малонзвъстный латинскій поэтъ оставиль нашему писателю хорошенькую итсенку. Наконецъ весь сокъ овидіева Искусства любить находится въ разговорахъ молодыхъ людей. Присоедините къ такому внимательному приготовленію обработку драмы и представленія. Джонсонъ прогуливался по лондонскимъ улицамъ собственно для того, чтобы собирать то, что онъ называлъ характерами; въ сообществъ соотечественниковъ онъ находиль, не удовольствіе, но работу. Разумъется, у такого писателя не могло быть легкости, граціи, гибкости; современники жаловались на его молчаливый нравъ, и болъе удивлялись ему, нежели любили его, — какъ и слъдовало.

Умъ этотъ сильный, мужественный и грубый, вовсе не имълъ иъжности и проницательной чувствительности Шекспира. Единственныя оставшіяся отъ шестнадцатаго въка, воспоминанія объ авторъ Ромео и Ажнольетты, свидътельствуетъ о мягкости его пріемовъ, о сладостномъзвукъ его голоса, объ его любви и грусти. Джонсона, напротивъ, представляютъ въ длинномъ кучерскомъ сюртукъ, съ морщиноватымъ лбомъ, пожелтъвшимъ и поникшимъ отъ работы.

Семь томовъ въ восьмую долю листа были плодомъ этой работы. У Бенъ-Джонсона не бывало недостатка пи въ плодовитости, ни въ энергіп. В юхновеніе его поддерживалось долго, и было скорѣе сильное, нежели высокое. Смотря на портретъ Джонсона — на эти нахмуренныя брови, блестящіе и неподвижные глаза, квадратный лобъ, сморщившійся между бровями, какъ-бы для того, чтобъ не потерять изъ виду ни одного ученаго завоеванія; смотря на это костлявое лицо, на взоръ, который тяготѣетъ и опирается, не пропицая пространства — легко можно замѣтить въ немъ силу сосредоточенную, потребность индивилуальности, пренебреженіе къ идеальному, изученіе характера во всѣхъ подробностяхъ, словомъ, всѣ особенныя достоинства Бенъ-Джонсона.

Онъ рисуетъ человъка, какъ изображалъ его Гольбейнъ: съ морщинами, шероховатостями и бородавками. Это не Шекспиръ; и если до насъ не дошло ни гравюры, ни бюста, ни рисунка, ни картины, которые-бы вполнъ удовлетворительно представляли внъшнюю оболочку очаровательнаго Шекспира, то не дошло, въроятно, потому-что тонкость, нъжность чертъ и ихъ неуловимые оттънки ускользали отъ искусства, которое пыталось ихъ поймать.

al like temposity the "Plant Report of a second property of the second s

enterpolities for more present through the property appropriate appropriately serviced and the

many man Breating, I am Prince . Make in a ser entire to the effect of the entire than

- who is the first the state of the state of

victoric one character

THE PARTY OF THE PARTY OF THE PARTY OF

КАРЛЪ ПАВЛОВИЧЪ БРЮЛОВЪ.

the principal of the second of the second

(Некролого).

Тяжелъ нынъшній годъ для русскаго искусства! Три горькія утраты въ тиченіе четырехъ съ небольшимъ мѣсяцевъ! Давно-ли скончался Жуковскій, ветеранъ русской литературы, сладостный пѣвецъ, къ которому такъ идутъ стихи Пушкина:

Его стиховъ плънительная сладость Пройдетъ въковъ завистливую даль, И, внемля имъ, вздохнетъ о славъ младость, Утъшится безмолвная печаль, И ръзвая задумается радость.

За Жуковскимъ послъдовалъ другой ветеранъ нашей литературы, М. Н. Загоскинъ, изобрътатель русскаго историческаго романа, писатель народный, оказавшій большія услуги русскому слову, въ особенности ръчи разговорной.

Не успъли мы еще оплакать этихъ горькихъ утратъ, какъ въсть о новой утратъ поразила насъ, растравила свъжія, незакрывшіяся раны нашего сердца. Умеръ Карлъ Навловичъ Брюловъ, глава русской школы живописи, творецъ «Послъдняго дня Помпеи» и цълаго ряда безсмертныхъ произведеній!

Жуковскій, Загоскинь и Брюловъ!.. Нѣмѣеть языкъ отъ избытка горести, рука отказывается писать о нашемъ прискорбіи.

Карлъ Павловичъ Брюловъ давно уже страдалъ бользнію въ сердцъ, чъмъ-то въ родъ аневризма; эта бользнь оторвала его отъ работъ, которыя были ему поручены въ Исакіевскомъ соборъ, и заставила удалиться изъ отечества. Онъ отправился въ 1849 году за границу, былъ въ Брюсселъ, провелъ нъкоторое время въ Испаніи, наконецъ прибылъ на островъ Мадеру, благодатный климать котораго сулиль ему изцъленіе. Дъйствительно, во время пребыванія своего на этомъ островъ, Карлъ Павловичъ началъ поправляться и чувствовалъ облегчение отъ своего недуга; но онъ не остался тамъ, а перевхалъ въ 1850 году въ Италію, въ Римъ. Была-ли эта повздка следствіемъ предписанія медиковъ или личнаго желанія художника — не знаемъ; очень можетъ быть, что по одному изъ ТЪХЪ необъяснипредчувствій, безотчетно овладъвающихъ человѣкомъ передъ смертію, художникъ пожелалъ еще разъ взглянуть на чудеса искусства, которыя онъ такъ любилъ, которыя были ему родными. Брюлову стало хуже, потомъ опять лучше, благодари водамъ мъстечка Монціани, которыми онъ пользовался въ прошедшемъ году. Нынъшнимъ лътомъ, не задолго до своей кончины, онъ опять отправился въ мъстечко Манціани, отстоящее отъ Рима только на тридцать миль, но ему не суждено было найти тамъ изцъленіе—его ждала смерть!

Карлъ Павловичъ Брюловъ скончался 11-го (23-го) іюня, отъ аневризма.

Въ день смерти ему было хорошо: онъ цълое утро провелъ на но гахъ, гулялъ, объдаль съ аппетитомъ; но вдругъ, вскоръ послъ объда, почувствовалъ сильный припадокъ удушья, и три часа спустя его не стало на свътъ.

Брюловъ лежалъ на диванъ и слушалъ чтеніе одного молодаго человъка, при немъ находившагося; почувствавъ удушье, онъ вскочилъ и
потребовалъ, чтобъ ему пустили кровь. Припадокъ возобновился гораздо
сильнъе, Брюловъ снова упалъ на диванъ и лежалъ почти безъ памяти
отъ боли и удушья. Доктора нигдъ не могли найти, а пришелъ вмъсто него цирюльникъ, который поставилъ больному піявки. Когда, часъ
спустя, явился наконецъ докторъ, то не оставалось уже никакой надежды на спасеніе.

Смерть Брюлова была истиннымъ ударомъ, не только для русскихъ, находящихся теперь въ Римъ, но и для иностранныхъ художниковъ, отдававшихъ полную справедливость его великому дарованію. Когда, по распоряженію русской миссіи, переносили бренные останки его въ Римъ, на кладбище иностранцевъ, для погребенія по обрядамъ протестантской церкви, къ которой покойникъ принадлежалъ, толпа художниковъ встрътила его гробъ далеко за городомъ и на рукахъ несла его до самой капеллы. Товарищъ покойнаго, извъстный художникъ нашъ и профессоръ Академіи Художествъ, Ө. А. Бруни, также присутствовалъ при погребеніи.

Говорять, что въ послъднее время Брюловь, не смотря на упадавшее здоровье, неутомимо работаль, какъ скоро позволяли ему силы. Видъвшіе его послъднія произведенія увъряють, что вст они отмъчены печатью геніальности; вст показывають, что художникъ могь-бы еще сдълать многое для своего искусства. Говорять также, что Брюловъ тосковаль въ послъднее время по Россіи и съ наслажденіемъ мечталь о времени, когда снова увидить нашъ холодный съверъ. Говорять, наконецъ, что онъ сказаль однажды окружавшимъ его друзьямъ: «многое еще вижу я впереди; я не сдълаль и половины того, что могь и должень сдълать». Не знаемъ, справедливо-ли, что художникъ такъ выразился но смерть разоблачаетъ много тайнъ, открываетъ много, чего не замъчалъ озабоченный жизнію глазъ человъка.

По дошедшимъ въ Петербургъ извъстіямъ, Брюловъ оставилъ въ своей мастерской слъдующія картины:

- 1) Эскизъ «Снятіе со креста»;
- 2) Не доконченный портретъ г. Абазы;
- 3) Начатая картина, представляющая Бахуса съ вакханкою;
- 4) Картина, представляющая затмъніе солнца, въ видъ поцълуя солнца съ луною;
 - 5) Недоконченная картина «Дъвушка, сидящая въ лъсу».
 - 6) Начатая женская голова;
 - 7) Начатый портретъ князя Мещерскаго;
 - 8) Маленькій эскизъ съ портрета А. Н. Демидова.

Брюловъ былъ художникъ великій, имя его запишется въ исторін искусства рядомъ съ знаменитъйшими именами; онъ внесъ въ свое искусство много новаго, былъ главою цълой школы, и потому теперь не время еще произносить сужденіе о его произведеніяхъ. Они требуютъ глубокаго изученія, на которое потребно много времени, тъмъ болъе, что произведенія его, число которыхъ очень велико, не собраны, а разсъяны и отчасти неизвъстны большинству. Мы откладываемъ, вслъдствіе этого, оцънку художественной дъятельности Брюлова до болъе удобнаго времени и заключимъ короткій некрологъ нашъ словами «Отечественныхъ Записокъ».

«На этоть разь, — говорять Отечественныя Записки въ заключение извъстія о смерти Брюлова—мы позволяемъ себъ только выразить желаніе, которое, безъ сомнѣнія, найдетъ полное сочувствіе въ публикъ, желаніе видѣть произведенія Брюлова, собранными въ залахъ Академіи. Такая выставка, конечно, не дастъ полнаго понятія о художникъ, потому-что многія его произведенія находятся въ церквахъ, многія за границею и внѣ Петербурга; но оно будетъ самымъ блистательнымъ дополненіемъ къ тѣмъ великимъ произведеніямъ Брюлова, которыя ежедневно открыты на удивленіе всякому. Изъ произведеній Брюлова, которыя безъ затрудненій могли-бы явиться на выставку *, въ Петербургъ, не считая образовъ, болѣе ста, не только не извъстны публикъ (какъ, на-примѣръ, большая часть превосходныхъ альбомныхъ рисунковъ), но даже неизвъстны людямъ, бывшимъ къ нему близкими».

which is respond to a send to distingue of a sense of the sense of the

^{*} Здёсь говорится, разумёнтся, о временной выставкё.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССІИ.

en de la completa de la completa de la composition de la completa de la completa de la completa de la completa La completa de la completa de la composition de la completa de la completa de la completa de la completa de la La completa de la completa del completa de la completa de la completa del completa de la completa del la completa de la completa del la completa de la completa de la completa del la completa de

Reserved resus mores

BURL HA HUMBICPRICE

the transmitted of the state of the same o

Теартъ и музыка на Нижегородской ярмаркъ 1852 года — Погода и ея тявлініе на нижегородскую мъстность. — Мартыновъ. — Доморовскій. — Сестры Дулькенъ. — Концертино. — Артисты лътомъ и осенью. — Плохія новости. — Театръ въ Ярославлъ. — Его новый составъ. — Театръ въ Костромъ: артисты, декораціи, костюмы и оркестръ. — Вышневолоцкій театръ. — Временная труппа и ея дъйствователи.

Въ настоящее время, когда мы пишемъ эти строки, жизнь провинпіальныхъ артистовъ подчиняется неизбъжнымъ перемънамъ, повторяющимся каждогодно... Она принимаетъ теперь другую физіономію, другую обстановку. Осень для провинціальнаго актера — время осъдлости
и конецъ лътняго кочевья и странствованій. Едва только послъдняя ярмарка
спуститъ свой флагъ, какъ бумажный лъсъ, картонное небо, стеклянная
луна, глазетовое солнце, каленкоръ, блестящій галунами и деревянные
мечи взваливаются на фуру; тутъ-же помъщаются закуски и запивки,
походная библіотека въ числъ десяти тетрадей и примадонна... Все это
тощіе пегасы тащутъ въ какой-нибудь городъ—зимній пріютъ артистовъ.
Здъсь, до поста, смолкаютъ всъ интриги, и небольшая труппа, часто
раздъленная лътомъ на двъ партіи, дружно принимается за свое дъло,
вспоминая минувшіе, ярмачные подвиги и встръчи съ артистами столичными.

Авто миновалось. Полтава и Елизаветградъ въроятно также видъли нынъ своихъ временныхъ посътителей, а между-тъмъ наши театральныя новости, на этотъ разъ, ограничиваются только Нижнимъ-Новгородомъ, Тулой, Ярославлемъ, Костромой и Вышнимъ-Волочкомъ.

Что есть, тъмъ и спъшимъ подълиться съ нашими читателями.

I.

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА НА НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКЪ 1852 ГОДА.

(Письмо къ издателю Пантеона).

Одна изъ глупъйшихъ поговорокъ, если не самая глупая, на какомъ бы то ни было языкъ, это французская: parler de la pluie et du beau temps, обозначающая разговоръ пустой, лишенный всякаго интереса. Что же, напротивъ того, можетъ быть интереснъе погоды? Погода обусловливаетъ все. Отъ нея зависятъ: народное продовольствіе, благосостояніе или финансовая гибель частныхъ людей, общественныя увеселенія подъ открытымъ небомъ и даже подъ кровлею. Раздъляя, при извъстныхъ обстоятельствахъ, весь человъческій родъ на экинажныхъ и безэкипажныхъ, погода благопріятствуетъ или вредитъ театральнымъ и концертнымъ сборамъ. Но кто исчислить вст случаи, гдъ играетъ главную роль погода, этотъ обильный источникъ людскихъ страданій, у насъ въ Россіи, и живъйшихъ радостей? Для чего-же двадцати-пяти-градусная стужа, неумолкающій сокрушительный вътеръ, слякоть, гололедица, вьюги и прочія антрибуты нашего климата, если не для того, чтобъ мы понимали солнце, и признательнъе цънили ръдкія нынъшнее лъто, природы? Во все атмосфера страдала какъ-бы лихорадкой; то ее въ жаръ, то въ ознобъ бросало: но пароксизмы холода съ частыми дождями, были у насъ продолжительнъе жаркихъ припадковъ. Въ первыхъ числахъ августа, на-примъръ, термометръ показывалъ свыше 30 градусовъ, а сегодня 16 числа, мужички мои, заствая свои поля, кутаются въ шубу и все-таки частенько промокають до костей. За то, на душъ у нихъ тепло; потому-что, вопреки всъмъ причудамъ климата, урожай былъ прекрасный, а половина прошлогодней благодати красуется еще на поль, въ копнахъ и скирдахъ.

Эти экономическія и метеорологическія свёдёнія составляють необходимое введеніе къ нашему предмету, то-есть къ изящнымъ увеселеніямъ, которыми наслаждались посётители Нижегородской ярмарки, въ настоящій 1852 годъ. Безь урожая, у насъ, поміщиковъ, ніть денегъ, а безъ денегь, житье на ярмаркі самое плохое. Въ этомъ отношеніи Нижній-Новгородъ мало отличается отъ прочихъ городовъ земнаго шара. Погода-же имбеть здісь на торговлю, равно какъ и на общественныя увеселенія, вліяніе сильнійшее, чімъ гдівнибудь. Ночью, въ ненастное время, пробіздъ съ верхней части города на ярмарку пу-

гаетъ многихъ. На улицахъ, около Похвалинскаго-спуска, темно; спускъ довольно крутъ и безконечно длиненъ, такъ-же, какъ и мостъ, на которомъ случаются иногда вовсе неожиданныя приключенія. Достигнувъ наконецъ площади, гдъ сосредоточиваются всь ярморочныя забавы, театръ и балаганы съ разными фокусниками профессорами-какъ они теперь называются-вамъ предстоить, въ продолжительную засуху — пыль, какой нётъ нигде, и которою мы можемъ гордиться, по всей справедливости: пыль классическая и даже романтическая. Въ двухъ шагахъ, не видать фонарей, и только русскіе кучера, безспорио первые возницы въ мірѣ, могутъ избѣгнуть почти непзовжныхъ карамболажей, руководствуясь не зрвніемъ, тутъ уже совершенно безполезнымъ, а слухомъ, которымъ угадываютъ они, по стуку колесъ, линію тоды встртчающихся съ ними экипажей. Никогда, сколько мив извъстно, не случалось несчастія отъ лошадей, съ однимъ изъ тъхъ безчисленныхъ зъвакъ, которые, во всякій часъ, наполняютъ площадь, смотрять неподвижно на балаганныя вывъски, ръдко соблазняются ими до того, чтобъ заплатить гривенникъ за входъ ко внутреннимъ диковинамъ, всегда уступающимъ вывъскъ, и не обращаютъ ни малъйшаго вниманія на приближеніе дышла кареты или коляски, заложенныхъ четверкою въ рядъ. Я позабыль вамъ сказать, что спектакли на ярмаркъ начинаются въ половинъ десятаго, и кончаются въ часъ или два по-полуночи. Послъ этого, неудивительно, если наше губернское общество, привыкшее къ регулярной, провинціальной жизни, мало посъщаеть театръ во время ярмарки, хотя, какъ вамъ извъстно, вграютъ здъсь каждый годъ, отъ іюля до сентября, лучшіе петербургскіе и московскіе актеры.

Нынъшній сезонъ, театральный и музыкальный, былъ изъ числа самыхъ блестящихъ. Было на что посмотръть и стоило кое-что послушать. Начнемъ съ вашего Мартынова, гостя у насъ не ръдкаго, но всегда пріятнаго. Трудно сказать что-нибудь повое о Мартыновъ. Кто его не знаетъ, кого онъ не морилъ со смъху? Скажу однако нъсколько словъ, обращенныхъ къ нему лично, чтобъ поблагодарить его еще разъ, имени нижегородской публики, за удовольствіе, которое онъ доставиль доставляль намъ своимъ талантомъ. Мартыновъ и прежде игръ — настоящій Протей. внъшней y - Hero, роль, то другой человъкъ. Не однимъ нарикомъ и фракомъ, одной искусно подмалеванною маскою, опредъляеть онъ индивидуальность действующаго лица, онъ создаеть характерь тамъ, гдв его вовсе нътъ въ пьесъ. Почти каждой роли своей Мартыновъ придаетъ общую,

типическую физіономію физіономію, столь-же глубоко обдуманную, столь-же гармонически согласованную во всёхъ своихъ подробностяхъ, какъ и мастерски выдержанную — съ первой сцены до послёденей. Возмемъ, для примъра, хоть Наумыча, въ Женю кавалерисма. Изволите видъть: тутъ и лицо, и руки, и ноги, и туловище, и голосъ, все глупо, все смъшно до крайности и все подгуляло. Особенно интересепъ, для насъ землевладъльцевъ, былъ Мартыновъ въ роли Точки. (Полюбовное размежеваніе). «Это онъ! это онъ!» могли-бы мы запъть хоромъ на мотивъ Лочери втораго полка, и поклониться Мартынову, какъ первобразу несчетнаго множества нашихъ знакомыхъ, въ этомъ родъ.

Нътъ худа безъ добра, гласитъ пословица, которая была-бы справедлива и на-оборотъ. Огромный талантъ петербургскаго комика имълъ, отчасти, если не ошибаюсь, довольно печальное вліяніе на произведенія нашихъ драматурговъ и результать не слишкомъ выгодный для самого артиста. Многіе изъ господъ сочинителей комедій и водевилей, приняли, кажется, за аксіому, что изтъ такой пьесы, въ которой Мартыновъ не могъ-бы выручить автора, и вслъдствіе этого убъжденія, начали писать вещи, доходящія до последнихъ пределовъ ничтожности и пошлости, гдъ актеръ, не находя уже никакой точки опоры, со стороны автора, вдается въ каррикатуру, дълается фарсеромъ, по необходимости, чтобъ твлько быть или казаться чёмъ-нибудь. Такихъ ролей, къ сожельнію, у Мартынова много, и даже слишкомъ много. Весьма замъчательно — что самое сильное впечатлъніе производилъ онъ здъсь, не въ водевилъ и не въ комедіи, а въ драмѣ Кащей, написанной безъ всякаго знанія сцены, но представляющей энергическій характеръ и эффектную развязку. Не какъ у васъ въ Петербургъ, но здъсь, въ послъдней просто ужасаль зрителей, поднималь на насъ волосы дыбомъ. Если сообразить серьозность комизма и удивительную многосторонность Мартынова, то нельзя не предполагать, что въ немъ скрывается и могъ-бы развиться актеръ, равно превосходный въ комедіи и драмъ, каковы были Гаррикъ и Ифландъ, а у насъ, лътъ за тридцать, на нъмецкомъ театръ, даровитый Гебгардъ, бывшій на своемъ мъстъ и въ трагедіяхъ Шиллера и въ фарсахъ Коцебу.

Возл'в Мартынова, являлся, въ первый разъ, на ярмарочной сценъ, другой отличный комикъ, г-нъ Домбровскій, но комикъ спеціальный, замкнутый въ предълы малороссійской народности. Природа щедро надълила его. Домбровскій отличается фигурой столь эксцептриче-

скою, одаренъ физіономіей до того оригинальной и забавной, что одно его появление на сценъ приводитъ уже публику въ самое расположение духа. Заговорить — и всъ потрясаются гомерическимъ смъхомъ, чему, правда, много способствуетъ малороссійскій діалекть, который, для нась русскихь, уже самъ по себъ, источникъ комизма, отзываясь, въ нашихъ ушахъ, какъ-бы ломаннымъ языкомъ, къ тому же чрезвычайно наивнымъ. Незнаю, можноли играть лучше Домбровскаго, когда онъ представляетъ малоросса или польского жида. За то, простодушная веселость, отличное состояніе нищеварительныхъ органовъ, малороссійскій духъ и малороссій скіе жарты такъ ярко отпечатаны на всёхъ округленностяхъ сферической его особы, что не допускають уже никакой театральной гримировкъ, и проглядываютъ вездъ одинаково. Значитъ , талантъ Доморовскаго теряеть болье или менье въ роляхъ, вытекающихъ изъ русской народности и требующихъ чистаго произношенія русскаго языка. Неза висимо отъ превосходнаго сценическаго дарованія, Домбровскій сдълалсябы вездъ, у насъ въ Россіи, любимцемъ публики, какъ величайшій мастеръ по части малороссійскихъ и жидовскихъ пъсенъ. Рабнаго ему, по этой части, я не слыхаль никогда и нигдъ. Онъ не музыкантъ; голосъ у него не оперный; поеть онъ лишь простонародныя мелодіи, но какъ онъ ихъ поетъ! Съ какимъ врожденнымъ музыкальнымъ вкусомъ и прелестнымъ букетомъ родной почвы; съ какими прибавутками. звукоподражаніями и прищелкиваніемъ; съ какими уморительными фіоритурами, исполняемыми языкомъ, при содъйствіи еще уморительнъйшей пляски; — этого, какъ музыкантъ, я разобрать не въ состояни. Не берусь также описывать восторгь слушателей, то-есть не восторгь, а настоящій пароксизмъ, которому всв подвергались отъ куплетовъ и прыжковъ Доморовскаго. Онъ былъ прежде антрепенеромъ провинціальной странствующей труппы, и недавно перешель на московскій театрь.

Въ числъ пріъзжихъ актеровъ быль у насъ и оперный пъвець, г-нъ Лазаревъ—изъ Москвы. Мы слышали его въ Аскольдовой Могиль, гдъ онъ пъль, не говорю йгралъ, роль Неизвъстнаго. Голосъ его, высокій баритонь, имъетъ большую силу и звучность, при твердой интонаціи. Безъ голоса нътъ пъвца: это истина, въ которой г-нъ Лазаревъ самъ, кажется, совершенно увъренъ и другихъ въ томъ-же старается увърить, но иногда черезъ-чуръ оглушительными доказательствами. Есть другая музыкальная аксіома: что пъвца не составляеть одинъ голосъ. Надъюсь, и эту истину пойметъ и выразитъ когда-нибудь г-нъ Лазаревъ, съ такимъ-же убъжденіемъ, какъ и первую. Тога, въ другой разъ, мы послушаемъ его съ полнымъ удовольствіемъ.

Концертовъ, въ залѣ главнаго ярмарочнаго дома, было нѣсколько. Я не могъ быть на всѣхъ, потому-что уѣхалъ изъ Нижняго 14-го августа, послѣ двухъ первыхъ концертовъ сестеръ Дулькенъ. Я ихъ не пропустилъ, разумѣется.

Наступаетъ или наступила уже печальная эпоха для виртуозовъ. По мъръ того, какъ великіе пъвцы становятся ръже и исчезають, искусные исполнители на инструментахъ размножаются. Размножились они до такой степени, что, можетъ быть, недалеко время, когда ихъ вовсе не будеть. И теперь, для большей части изъ нихъ, игра едва-ли стоитъ евъчъ. Пьянисты потдаютъ другъ друга, добывая насущный хлъбъ уроками, и почти равняясь числомъ съ своими учениками и ученицами. Что-же касается до виртуозовъ на инструментахъ пъвучихъ, требую щихъ болъе природнаго дарованія, чъмъ фортецьяно, и сильнъе привлекающихъ слушателей, то они почти всв, какъ Въчный жидъ, осуждены на безостановочное странствование по городамъ стараго и новаго свъта, гдъ ихъ объдъ и квартира обезпечены единственно концертными соорами, самыми невърными изъ всъхъ возможныхъ сооровъ. Ко всъмъ, неудобствамъ скитальческой жизни виртуозовъ, присоединилось недавно явленіе изумительное и для нихъ убійственное. Явленіе это называется Вильмой Нерудой, также и Изабеллой Дулькенъ. Спрашиваю: стоитъли родиться съ огромнымъ талантомъ, работать въ продолжение многихъ-лътъ, по восьми часовъ въ день; принести молодость въ жертву современной скрипичной механикъ, почти необоримой; сдълаться, наконецъ, Вьетаномъ или Контскимъ, для того, чтобы пятнадцатильтній ребенокъ, дъвочка, сказала вамъ: я играю на скрипкъ не хуже васъ, -- сказала и доказала-бы это передъ всемъ светомъ! Какъ старый журналистъ, я долго не върилъ тому, что писали журналы про Вильгельмину Неруду, и даже не скоро повърилъ своимъ ушамъ, когда, прошлой зимою, услышаль ее, по милости графа М. Ю. В.

Совершенный репdant къ непостижимой Нерудъ представился мнъ лицъ Изабеллы Дулькенъ, первой и до-сихъ-поръ единственной виртуозкъ на новомъ духовомъ инструментъ, который называетъ она концертино, и о которомъ стоитъ поговорить. До XVI стольтія, скрипка, грубое подобіе античной лиры, называлась герес, не имъла болье трехъ струнъ, не бралась въ руки учеными музыкантами, и скрипъла лишь недъ осиновымъ смычкомъ уличныхъ фигляровъ. Тотно такъ, инструментъ И. Дулькенъ въ сущности ни что иное, какъ наша простонародная армонія, составляющая одну изъ неизбъжныхъ принадлежностей Нижегородской ярмарки. Звуки ен раздаются повсюду—и на улицахъ, и въ частныхъ домахъ, и въ трактирныхъ заведеніяхъ. По-

чти всъ городские обыватели на ней играютъ, и даже ръдко кто изъ молодыхъ крестьянъ и дворовыхъ людей не запасется этою забавою на ярмаркъ, за четвертакъ или двугривенный; такъ-что армонія нынъ процвътаетъ у насъ и по деревнямъ, и почти совсъмъ вытъснила балалайку. Лътъ десять тому назадъ, какой-то англійскій механикъ началь заниматься усовершенствованіемь этого бъднаго, гнусливаго инструментика и все еще продолжаетъ улучшать его. Но, и въ настоящемъ своемъ видъ, концертино изобрътение уже прекрасное, инструменть внелив самобытный, которому если не ошибаюсь, предстоитъ блестящая будущность. Уступая, въ извъстныхъ отношеніяхъ, инструментамъ наиболъе употребительнымъ между дилетантами, концертино соединяеть въ механическомъ своемъ устройствъ отдъльныя преимущества изкоторыхъ изъ нихъ. Передъ фортепьяно, на-примъръ, онъ имъетъ ту огромную выгоду, что поетъ, какъ скрипка, а передъ скрипкою ту, что всегда можетъ акомпанировать самъ себъ, какъ фортепьяно. Если-же сравнить его съ духовыми инструментами, трактуемыми посредствомъ амбушюра, мы найдемъ, во-первыхъ, что всъ они играютъ только мелодично, производять лишь одинъ голосъ, а концертино играеть, когда нужно или угодно, полными акордами. Тоническій его объемъ (diapason), простираясь на три октавы съ половиною, отъ скрипичнаго баска д, до с, надъ десятой линіей, далеко оставляеть за собою флейту, не имъющую и трехъ октавъ. Кларнетъ сладкозвученъ, но стъсненъ въ своихъ модулаціяхъ тонами, для него недоступными. Концертино играетъ во всъхъ тонахъ безъ исключенія и затрудненія, доназательствомъ чему служить хромптическая гамма, которую И. Дулькенъ исполнила мастерски по всему пространству инструмента. Тутъ прокатились всъ сорокъ нотъ концертиннаго діапазона, круглыя какъ перлы, быстрыя, какъ вихрь, безъ малъйшаго недочета. Словомъ, концертино миніатюрный органъ, но съ темъ преимуществомъ, что скорые темпы, быстрые нассажи и вообще свътская музыка не годятся для большаго церковнаго органа, но идутъ къ малому, какъ нельзя лучше. Въ нижнихъ и среднихъ нотахъ, звукъ инструмента органный, напоминая изсколько притомъ стеклянную гармонику. Верхнія ноты отличаются необыкновенной чистотою и замътно сильнъе скрипичныхъ, мотя общая звучность концертино (timbre) на имъетъ того высокаго изящества, той бархатной густоты, которыя свойственны скрипкамъ работы знаменитыхъ итальянскихъ мастеровъ. Форма концертино щеголеватая и уютная, а стоячая позитура и тълодвиженія, требуемыя для приведенія его въ дъйствіе, едва-ли не превосходять граціозностію пріемы встать прочихъ инструментовъ, за исключеніемъ, можетъ

быть, одной арфы: обстоятельство очень важное, которое послужить, болье всего, къ возведенію концертино на степень моднаго музыкальнаго орудія, и къ широкому его распространенію между дамами. Весьма почтенная, хотя еще молодая, матушка сестеръ Дулькенъ говорила мнѣ, что въ Англіи новое изобрътеніе это уже въ большомъ ходу, и что на концертинахъ исполняютъ тамъ скриничные квартеты. Стало быть, есть подобные инструменты и другихъ размѣровъ, соотвътствующіе альту и віолончелю.

Теперь представьте себъ или вспомните, если вы уже видъли, эфирное существо, маленькую пери, съ личикомъ похожимъ на мечту поэта, выходящую или вылетающую изъ боковой двери на эстраду концертной залы. Около шен черная ленточка, на которой висить какойто блестящій талисмань; на губахъ полудітская и полудівственная очаровательная улыбка. Но вотъ пальчики пробъжали по золотымъ колкамъ, и изъ сферы восточныхъ сновидъній мы переносимся въ европейскую область высшей музыкальной цивилизаціи; слышимъ fra росо; слышимъ Grâce, и многое тому подобное, слишкомъ уже знакомое. Но мы слушаемъ какъ-будто съ возобновленнымъ чувствомъ, съ живостію первоначального внечатленія. Свечинь и Контскій напевали намъ еще не такъ давно эти мелодіи, и мы ими восхищались; но то были артисты, созрѣвшіе лѣтами и еще болѣе талантомъ, и держали они въ рукахъ, какъ заполоненнаго волшебника, могущественнъйшій изъ инструментовъскринку. Они были удивительны, но все-таки понятны. Ръшительно-же непостижимо казалось мнъ, какъ маленькая пери, П. Дулькенъ, могла заключить душу Рубини въ маленькій свой ящикъ. Слушаемъ дальеи бравурность вполит соотвътствуетъ цънію. Играя по большей части, скрипичныя пьесы, она исполняла пассажи и фіоритуры, украшала ферматы, съ тъмъ-же алмазнымъ блескомъ, съ той-же молніеобразной быстротой, съ тъмъ-же совершенствомъ чистоты и вкуса, какъ могли только исполнить сами сочинители этихъ пьесъ. Арію изъ Роберта Grâce И. Дулькенъ сыграла даже эффектите Контскаго, потому-что переложеніе аріи для концертино, неизв'єстнымъ мнѣ маэстро Регонди, было несравненно лучше сприничной композиціи, и еще потому-что къ Grâce прибавлена была, очень кстати, въ видъ allegro, сицилійская пъсня изъ той-же оперы. Слъдуетъ зямътить еще одно: еслибъ, числъ слушателей И. Дулькенъ, нашелся одинъ глухой, и тотъ-бы не даромъ заплатилъ свои два рубля серебромъ за входъ въ ея концерты. Онъ могъ-бы проследить на вдохновенномъ личикъ молодой артистки, всъ чувства, выражаемыя ея игрою-отъ невиннаго блаженства дитяти, ея собственнаго настоящаго блаженства, до болъзненной экспрессіи страстей, невъдомыхъ ея возрасту, но уже соприкосновенныхъ поэтической ея душъ, въ образахъ музыкальнаго творчества.

Въ концертахъ сестеръ Дулькенъ, нельзя было узнать покупающей и продающей нашей ярмарочной публики. Нижній-Новгородъ какъ будто весь подвинулся къ югу, на двадцать градусовъ. Поднимали гвалтъ такой, что можно было слышать на противоположномъ берегу Оки, я думаю. У кого пухли руки отъ хлопанья, или кто уставаль кричать браво, тотъ доколачиваль свой восторгь палкой, стуломъ, чемъ попало. Что-бы это значило? Ужели шестнадцати-лътняя Дулькенъ превысила талантомъ Серве, Шуберта, Свъчина, Контскаго и многихъ другихъ виртуозовъ, бывшихъ у насъ? Этого конечно нельзя сказать; но можно замътить, что не у всъхъ слушателей есть уши, между-тъмъ какъ у ръдкаго зрителя нътъ глазъ. Если позволите, я перепишу здъсь буквально разговоръ, ярко отражающій характеръ мъстности, и предметомъ котораго была очаровательная И. Дулькенъ. Въ антрактъ перваго ея концерта, одинъ татарскій мурза въ золотой ермолкъ, въ богатомъ штофномъ халатъ и съ весьма почтенной наружностію, узнавъ, въроятно, любитель музыки, подошелъ ко мнъ и спросилъ очень серьозно: «А какъ вы думаете, сударь, сколько-бы дали въ Царьградъ за эту дъвушку, еслибъ ее купить вмъстъ съ забавой?» — Да я такъ думаю, почтеннъйшій, можно дать за нее все, что есть въ карманъ.—« Такъ; но въдь знаете, у инаго купца много въ карманъ денегъ наберется, до ста тысячъ целковыхъ и по больше.»—Чтожъ! дадите сто тысячъ пелковыхъ и все-таки дешево купите. Татаринъ покачалъ головой и отошелъ, не сказавъ болъе ни слова.

Старшая сестра, Софія Дулькень, была также принята публикою весьма благосклонно. Она пьянистка съ большимъ талантомъ, и какъ мнѣ говорили, выдержала блистательно совмѣстничество г-на Дюбюка, извѣстнаго московскаго пьяниста, который также давалъ концертъ на ярмаркѣ; но я его не слышалъ. Вотъ все, что я могу сказать про старшую сестру. Концертино пѣлъ; фортепьяно шумѣло, а я, признаться, грѣшный человѣкъ, слушая Софью, ждалъ только очереди Изабеллы.

А. Улыбышевъ.

Село Лукино, 30 августа 1852 г. propriedurante en transporta de la mantagna de la del compositor de la com

and a problem of the contract of the agent H is a substantial problem of the contract of th

วงหาก คุณ เมษายน ๆ สุดคุณจักรมีผลงเลย เดิม เหตุ เกาะ คุณ และ เมษายน เลย เป็นเป็น สามารถ สามารถ สามารถ เมษายน นายนการสำนาน (การ เมษายน เมษายน เมษายน เมษายน และ เพียงเกิดเมษายน (การ เมษายน เมษายน เป็น ความ เป็น เป็น

театры въ тулъ и ярославлъ.

Новости Тульскаго театра, о которомъ мы говорили въ мат мтсяцт, въ настоящее время ограничиваются печальнымъ извъстіемъ. Дерекція, эта върная надежда въ успъшномъ ходъ сценическихъ удовольствій всякаго города, только-что составившаяся здъсь — не достигла своей цъли, и результатъ ея дъйствій не оправдался удачею. «У семи нянекъ дитя безъ глазу», говоритъ нашъ почтенный кореспондентъ *, а у насъ, продолжаетъ онъ, едва-ли не придется по одному директору на каждаго артиста». ... Нельзя не согласиться, что это очень много!

Ярославскій театръ съ Великаго поста перешель въ управленіе содержателя Владимірскаго театра, г. *Лаврова*, который, два года тому назадъ, игралъ на здъшней сценъ въ драмахъ и водевиляхъ, пріобретя вниманіе публики удачнымъ исполненіемъ своихъ ролей, аккуратною обстановкою пьесъ и самымъ ихъ выборомъ.

Съ перемъною содержателя, измънилась, разумъется, итруппа. Изъ прежнихъ сюжетовъ въ ея составъ остались только гг. Соколоеъ, Бъщенцевъ, Лисенковъ и г-жи Орлова и Соколова 2, о которыхъ было уже говорено въ пятой книжкъ нашего журнала.

Лучшими исполнителями изъ труппы г. Лаврова можно назвать его самого и г-жу Өедорову. Главное амплуа ихъ въ драмахъ. Въ минувшій весенній сезонъ они очень удачно исполнили роли въ драмѣ «Отецъ и дочь» первый сира Уильяма, а послѣдняя — Агнесы. Кромѣ того, г. Лавровымъ сыграны были роли Жоржа Морица въ драмѣ «Клара Добервиль» и Готье—въ «Запискахъ демона». Г-жа Өедорова, играя въ комедіяхъ и водевиляхъ, весьма много доставила удовольствія здѣшней публикъ, причемъ ея отчетливая игра достигла-бы еще большаго совершенства, если-бъ эта актриса обладала болѣе сильнымъ голосомъ.

^{*} Г. Органовъ.

Г. Красовскій, весьма однообразный фарсеръ — являлся постоянно въ комедіяхъ и водевиляхъ. Публика очень сухо принимала его, помня прекрасное исполненіе тѣхъ-же самыхъ ролей г. Максимовымъ. Весьма не многое удалось г. Красовскому — и это немногое ограничивается только ролями: Пузыревскаго въ «Квартирахъ на бугоркахъ», и Прикупки въ «Герояхъ преферанса.»

Гг. Копыловъ и Чернышевъ—актеры средней руки. Первый изъ нихъ— водевильный любовникъ, но любовникъ довольно холодный; второй брался за многое, являясь передъ публикой то племянникомъ, то дядюшьой, то бариномъ, то дворецкимъ, то иногда простачкомъ, оставясь постоянно въренъ только послъдней ролъ.

Г. Челикинъ—вновь ангажированный артистъ Императорскихъ Московскихъ театровъ, какъ объщала афишка, участвовалъ только въ двухъ или трехъ представленіяхъ; а потому оцѣнить его талантъ, при такомъ маломъ знакомствъ, было-бы весьма трудно, если-бы старожилы города не узнали въ г. Челикинъ, явившагося на этотъ разъ въ роли Гарпагона въ комедіи Мольера — «Скупой», Челищева, игравшаго на Ярославской сценъ въ 1849 и 1850 годахъ. Сколько мы знаемъ, г. Челищевъ обладаетъ посредственнымъ талантомъ и непріятною дикцією.

Г-жи Лаврова, Соколова, Бетхеръ и Линская иногда замъняютъ слугъ, иногда декорацію.

Вотъ весь составъ Ярославской труппы, которую-бы г. Лаврову не мъшало пополнить лучшими персонажами, въ возмездіе за вниманіе публики, для которой сценическія наслажденія составляють видимую потребность.

distribution of the constraint of the contract of the contract

Andrew Mary Partament of the Lower Manager of the Anti-Selection of the Company o

костромской театръ.

Костромской театръ шлетъ намъ свои новости, начиная ихъ также съ Великаго поста. Въ это время прибыла въ Кострому труппа г. Соловьева. До открытія театра, она дала нъсколько увеселительныхъ представленій, состоявшихъ изъ живыхъ картинъ, пънія и декламаціи. Костюмы въ живыхъ картинахъ отличались новизною, блескомъ

и вкусомъ; самая обстановка этихъ картинъ была довольно удовлетворительна. Въ декламаціи отличался г. Барсовъ, въ ивніи г-жа Алинская—Докучаева и г-нъ Докучаевъ Въ составъ этой труппы костромская публика не встрътила ни одного знакомаго персонажа—все новыя лица; однако, не смотря на это, они скоро ознакомились съ публикой и умъли возбудить въ ней довъріе и участіе. Вообще все, что они досихъ-поръ сыграли, исполнялось живо, бойко, съ удивительнымъ ансамблемъ, лучше котораго для провинціальной сцены и желать нельзя. Особенныхъ талантовъ здъсь нътъ, которые-бы рельефно выдались впередъ, за-то каждый человъкъ въ труппъ всегда и во всемъ на своемъ мъстъ.

Только самый чувствительный недостатокъ замъчается здъсь въ актрисахъ на роли молоденькихъ дъвицъ, первыхъ любовницъ, наивныхъ дъвушекъ и субретокъ. Между всъми, имъющимися въ настоящее время на лицо, нътъ ни одной молодой дъвушки, хотя этотъ недостатокъ не такъ чувствителенъ, по живой и старательной игръ г-жи Алинской-Докучаевой. Средства труппы весьма удовлетворительны. Костюмы новые, щегольскіе и сообразные съ характеромъ пьесъ, отсутствіе которыхъ такъ ярко бросалось въ глаза у прежней труппы, гдъ и современники Лудовика XIV неръдко являлись предъ изумленною публикой въ черномъ фракъ послъдняго покроя. Роли раздаются каждому по способпостямъ: этотъ порядокъ и умное распредъленіе ролей принадлежитъ смътливости, сосбраженію и знанію своего дъла режиссера, отъ котораго неръдко — если не всегда — зависитъ успъхъ или не успъхъ пьесы.

Водевили на здъшней сценъ идутъ согласно, живо и кругло; роли всъ играютъ развязно, безъ всякой утрировки. Чего-же болъе? На драмы, оперетки, комедіи можно смотрѣть, не опасаясь, что ихъ изуродують, хотя для нихъ средства провинціальнаго театра недостаточны . Спена мала, и одного этого уже довольно, чтобы всв попытки для постановки трагедій или оперъ сдълать напрасными. Это лицевая сторона Костромскаго театра; посмотримъ теперь его изнаку. Актеръ, пгравшій большею частью въ водевиляхъ, фарсахъ и комедіяхъ, можетъ-ли быть хорошимъ трагикомъ? Сомнъваюсь: такая многосторонность таланта чрезвычайно редка. Представьте себе, что Мартыновъ вдругъ является предъ вами въ трагической позъ Гамлета, а Каратыгинъ 1-й въ роли Андрея Степаныча Буки — кавовы будуть оба, каковъ будеть эффектъ? Почему-же требують отъ провинціальнаго актера, чтобы онъ умълъ васъ и трогать, и черезъ полчаса заставлялъ смѣяться? Вотъ, по моему мивнію, главная причина всвук неудачь, когда двло доходить до трагедій. Одинъ или двое играютъ хорошо — условно хорошо, но за-то остальные, своими жестами, своей водевильной манерой напоминають; что они

не въ своей сферъ, не на своемъ мъстъ, и, того и гляди, отпустятъ какую-нибудь шутку. Огъ этого самаго нъкоторые артисты невольно

Н съ въ комедін пугають, а въ трагедія смъщать...

Оркестръ, подъ управленіемъ г. Маіорова, играетъ удовлетворительно; но къ песчастію, онъ не полонъ. Въ антрактахъ бъдность его репертуара ощущительна: все однъ и тъ-же польки да вальсы, давнымъ-давно всъмъ надоъвшія. Самъ г. Маіоровъ играетъ отчетливо, бойко, съ душой, слъдовательно можно ожидать, что и оркестръ, подъ управленіемъ такого дирижера, будетъ со временемъ хорошъ.

Изъ артистовъ первое мѣсто изъ всей труппы безспорно принадлежитъ г-жѣ Алинской-Докучаевой, которую природа одарила пріятнымъ, звучнымъ и довольно сильнымъ голосомъ, хотя, увы! далеко уже не свѣжимъ. Игра ея развязна, ловка и обдумана. Каждая роль ей по силамъ и каждую роль она исполняетъ отчетливо и вѣрно. Въ водевиляхъ она премило поетъ свои куплеты. Особенно хороша она была въ драмѣ-водевилѣ: «Добрый геній», гдъ ее неоднократно вызывали, и въ Маріи «Дочь втораго полка» и проч. Однимъ словомъ, г-жа Алинская-Докучаева многимъ и много доставила удовольствія.

- Г. Докучаевъ, мужъ этой артистки, обладаетъ пріятнымъ, мягкимъ теноромъ. Манера его благородна и развязна. Онъ и жена его составляютъ лучшее украшеніе Ярославской сцены и нѣтъ ничего удивительнаго, что они скоро сдѣлались любимцами здѣшней тублики. Лучшія роли г-на Докучаева—Минусъ въ «Герояхъ преферанса», Иванъ въ «Барской спѣси и Анютиныхъ глазкахъ», Торопка въ «Аскольдовой могилъ.»
- Г. Барсовъ. Органъ у него прекрасный, выговоръ чистый, дикція хорошая, манеры пріятны, и вмѣстѣ съ-тѣмъ онъ еще отличный декламаторъ. Легко, по этимъ даннымъ, догадаться, что онъ первый трагикъ Костромской сцены. За неимѣніемъ средствъ къ частой постановкѣ драмъ и трагедій, г. Барсовъ весьма рѣдко является на сценѣ, но и въ эти немногія свиданія съ публикой онъ оставилъ въ ней много пріятныхъ воспоминаній, исполнивъ роли: Гамлета и Ляпунова (въ «Смерти Ля-пунова»).

Кстати должно замътить, что эти трагедіи шли безъ особенныхъ нельпостей и промаховъ со стороны другихъ артистовъ, хотя - изъ за патетической важности ихъ иногда и выглядывали подъ-часъ водевиль-ные порывы.

Г. Разсказовъ хорошій актерь и танцоръ, играетъ съ одушевленіемъ; въ немъ замътны талантъ и стараніе. Онъ еще очень молодъ, хорошо воспитанъ, занимается усердно, и при иззъстныхъ у овіяхъ можетъ со временемъ сдълаться любимцемъ нублики и артистомъ, не-

Г. Садовскій, брать извъстнаго московскаго артиста, владъеть неподдъльнымъ юморомъ, невольно увлекающимъ зрителя. Замъчательно хорошъ онъ былъ въ «Купцахъ на Нижегородской ярмаркъ», гдъ исполниль роль петербургскаго апраксинскаго купца такъ хорошо, что только одинъ и подзержалъ эту пустую пьесу. Въ его игръ нътъ ни кривлянья, ни гримасничанья, ни фарсовъ, придуманныхъ единственно для потъхи райка. Гораздо слабъе онъ былъ въ роли дворецкаго («Дочь втораго полка»). Очень хорошъ г. Садовскій еще въ «Дебютъ Троепольской», въ «Новичкахъ въ любви» и проч.

Въ числѣ другихъ актеровъ есть весьма хорошіе исполнители, какъ напримъръ г. Бъляевъ, игра котораго доказываетъ, что онъ давно подвизается на этомъ поприщѣ; опытность и сценическая рутина пріобрътаются только долголѣтними трудами. Г. Монинъ, создавшій изъ самыхъ пустыхъ ролей Козырковича въ «Герояхъ преферанса», и пьянаго сообщика магнетизера въ пьесѣ: «Слѣпой курицѣ все пшеница», замѣчательные, полные жизни типы. Но мы оставимъ ихъ до другаго раза, когда они, какъ слухи носятся, пріѣдутъ въ будущую зиму снова гостить въ Кострому. Въ настоящее время Костпомской театръ закрытъ. Г. Соловьевъ уѣхалъ въ Рыбинскъ и другіе города до зимняго сезона... Но осень ... провинціальные артисты перебираются на свое попелище.

IV.

Emperity Reference and the state of the

вышневолоцкій театръ.

Здѣсь постояннаго театра никогда не было и нѣтъ. Но въ первыхъ числахъ прошлаго іюня на нѣсколько времени прибыло сюда общество актеровъ, подъ управленіемъ г. Иванова, и 8-го іюня начались спектакли.

Мы не будемъ соблюдать послъдовательности въ ходъ спектаклей, но укажемъ только на тъ, которые оказались особенно замъчательными.

11-го іюня, въ числѣ нѣсколькихъ пьесъ, составлявшихъ спектакль, водевиль: «Коломенскій нахлѣбникъ и моншеръ», по прекрасному исполнію, вызвалъ общее участіе зрителей. Роль моншера — Мигушкина,

играль г. Димитрісво, и, сказать правду, играль мастерски! Ни одного фальшиваго движенія, ни одной фальшивой позы, ни одного фарса, ни утрировки — словомъ, ничего подобнаго нельзя было подмътить въ его игръ. Видно было, что г. Димитріевъ знаетъ коломенскаго моншера очень хорошо. Видно было, ОТР чивъ эту роль, опоэтизировалъ ее такъ мило, что помнилъ намъ Гоголевскаго Хлестакова. Такая благородная, ная и добросовъстная игра г. Дитмитріева доставила ему справедливое вниманіе здішней публики, которая даже желала видіть г. Димитріева, въ роли Хлестакова. Актеръ этотъ владъетъ всъмъ, что требуется отъ актера образованнаго, тонко понимающаго всѣ условія сценическаго искусства, и игра его въ подобныхъ роляхъ такъ хороша, что едва-ли можно желать и требовать лучшаго.

Роль товарища Мигушкина—неловкаго, влюбчиваго молодаго человъка, играль г. Павловъ. О немъ можно сказать, что онъ старается понять свои роли и старается играть, какъ можно ближе къ натуръ; а это не малыя заслуги. Онъ много объщаетъ въ будущемъ, если ему только угодно будетъ попристальнъе взглядываться въ жизнь и въ свои роли.

За-тъмъ роли пенсіонера-музыканта, ищущаго нахлѣбника, его жены и дочери исполнены были такъ-себъ, посредственно. Старика-музыканта игралъ г. Максимовъ, жену его г-жа Максимова, дочь г-жа Лебедева. Непропала роль двоюродной сестры скромно-влюбчиваго молодаго человъка. Роль эту исполняла г-жа Милославская очень граціозно и благородно.

Теперь перейдемъ къ другой пьесъ — «Отставной актеръ Лисичкинъ » Роль Лисичкина погибла въ лицъ г. Максимова, влюбленнаго въ фарсы и натянутости. Роль Акакія Акакіевича Ушицы исполнялъ г. Рыбисико, съ приличнымъ комизмомъ и довольно върно: ему много вредить отсутствіе изящества, благородства и легкости въ игръ, при изобиліи провинціальной удали.

Роль дочери отставнаго актера играла г-жа Максимова и вполнъ доказала, что ей еще рано брать амплуа матерей, какъ это было въ предыдущей пьесъ. Она играла живо, горячо, увлекательно, и въ особенности, когда дъло дошло до необходимости, во что-бы то ни стало, отдълаться отъ Ушицы, — явившись на сценъ цыганской – Любашей — она была безполобна! Видъть и слышать ее было истинное наслаждение! Сцена эта прошла превосходно, быстро и дружно ... Рыбченко былъ также очень хорошъ.

Затъмъ пріважею труппою артистовъ была исполнена оперетта «Кетли». Роль Кетли, этого милаго ребенка, такъ простодушно, такъ

дътски влюбленнаго и поющаго такія милыя, такія грустныя швейцарскія мелодіи, трогающія до слезъ, играла г-жа Милославская. Она, кажется, родилась для этой роли. Жаль, что въ то-же время роль отца досталась г. Рыбченко. Онъ актеръ не безъ таланта, по онъ вовсе не симпатиченъ. Онъ не могъ понять, что значитъ любовь отца, стараго солдата, къ его "милому дитяти! Своею холодностью онъ много вредилъ игръ г-жи Милославской. Было видно, что г-жа Милославская совершенно вошла въ свою роль, вспомнила свое золотое дътство, но холодная игра г. Рыбченко много разъ разрушала очарованіе г-жи Милославской. Однако тъмъ неменьше талантливая гостья заставила зрителей вспомнить много-много такого, что и у старика вызываетъ горячую слезу!

Г. Слысавскій въ роли Рутли быль очень наивенъ, при чемъ удовлетворительная игра г-жи Максимовой, исполнявшей лицо матери Рутли, много помогала общему эффекту пьесы.

Роль Вернера, офицера—предметъ любви Кетли — игралъ г. Димитріевъ, который какъ-будто стыдился поглубже войти въ роль и обнаружить побольше чувства. Эта роль не изъ пошлыхъ. Тутъ, сколько мы понимаемъ. двъ стороны сердца. Первая — разочарование юноши въ любви свътскихъ красавицъ, и вторая, возвращение ума и сердца молодаго человъка къ простотъ жизни, близкой къ матери природъ и очарование вновь милымъ ребенкомъ Кетли, наивность и кроткая любовь которой изцъляють уязвленное самолюбіе Вернера и дають душт его тихое счастіе любви скромной, безъ претензій. Г. Димитріевъ первый мотивъ роли выполнилъ фальшиво. Онъ выполнилъ разочарованнаго совершенно въ провинціальномъ тонъ: кричалъ, билъ себя въ грудь; однимъ словомъ, сталъ на ходули. Предаться любви Кетли также безотчетно, какъ любитъ его Кетли — онъ также не могъ. У него не хватило ни симпатіи, ни теплоты душевной. Были мъста, гдъ казалось, что онъ входиль въ свою роль, готовый обнаружить чувство неподдельное; но опять досадные фарсы и аффектація сбивили его съ толку; и онъ опять болье походилъ на Мигушкина, коломенскаго моншера, а не на мечтателя, ръшившагося промънять свътскія цъни на любовь простодушной жены.

Этими-же артистами, на Вышневолоцкой сценъ представлена была старая, но миленькая цьеса: «Симонъ-Сиротинка».

Роль Симона досталась г. Слысавскому, который виолив оправдаль это предпочтение. Были мъста, въ которыхъ онъ выразилъ много энергіп и теплоты душевной. Были мъста, въ которыхъ онъ извлекъ непритворныя слезы у зрителей! А это выше всъхъ апплодисмановъ!

Роль Маши Паскаль исполняла г-жа Афанасьева, и, къ сожалъ-

нію, такъ ненатурально и фальшиво-чувствительно, что разчувствовала только зъвоту зрителей, а между-тъмъ неискусная игра ея, по тъсной связи своей съ ролью г. Слысавскаго, вредила ему въ той-же мъръ, какъ г. Рыбченко вредилъ г-жъ Милославской въ роли Кетли.

Богатаго фермера игралъ г. Максимовъ, и игралъ удовлетворительно. Роль его дочери исполняла г-жа Милославская съ тъмъ-же чувствомъ наивности, граціи, милой простоты и свѣжести, какъ и въ роли Кетли. но на этотъ разъ въ г. Максимовъ судьба послала ей истиннаго отца, отца любящаго, кроткаго, заботливаго и отъ души желающаго счастія милому своему ребенку. И какъ Симонъ-Сиротинка, Слысавскій, былъ достоинъ любви дочери фермера! Но опять г. Димитріевъ съ своею бъщеною, растренанною страстью! Въ этой роли г. Димитріевъ былъ не больше, какъ провинціальный актеръ, ремесленникъ, исполнившій свое дѣло по заказу, при помощи рукъ и языка, но безъ участія души. Вообще роли, илохо исполненныя въ литературномъ отношении, не даются г. Димитріеву: онъ умъсть сочувствовать роли, но пересоздать ее это не его дъло. Ктому-же быть универсальнымъ геніемъ насильно нельзя, и браться за все невозможно ... Последнее обстоятельство есть слъдствіе самоувъренности, а самоувъренность самый коварный детецъ и плохой другъ въ жизни артиста...

Затъмъ еще спектакль 4 іюля, который быль составленъ изъ слъдующихъ пьесъ: «Жена или Карты», «Москаль-Чарывникъ», и «Улица Луны, или Возвращеніе изъ Африки».

Въ первой пьесъ роль Арматова игралъ г. Димитріевъ и опять прекрасно, граціозно, благородно, естественно, не позволяя себъ ни одного фарса; такъ, что, прослушавши всю пьесу, общій голосъ высказаль свою благодарность г. Димитріеву. Подобныя роли его призваніе.

Роль Арматовой исполнила г-жа Милославская и, по обыкновенію, просто и натурально.

Роль Закромова взяль на себя г. Максимовь, и выполниль ее такъ хорошо и добросовъстно, что лучшаго исполненія желать трудно.

Роль Ягодкина, воспитанника Закромова, игралъ г. Павловъ: нельзя сказать, чтобы удовлетворительно, тъмъ болъе, что въ этой роли г. Сабуровъ въ 1849 году на здъшнемъ театръ былъ очень милъ и сравненіе г. Сабурова съ Павловымъ не служитъ къ выгодъ послъдняго.

Въ Москалъ-Чарывникъ, отличились г. Максимовъ и г-жа Максимова въроляхъ Чупрупа и Тетяны. Г. Максимовъ своею игрою, пляскою и пъніемъ напомнилъ пьянаго Гоголевскаго Калиника — этотъ върный типъ Украинскаго крестьянина-казака.

Наконецъ въ «Улицъ Луны» зрителей много интересовала игра гг. Димитріевъ и Рыбченко. Первый доставилъ много удовольствія комическимъ разсказомъ, полнымъ пріятной наивности о жизни своей у Абдэль-Кадера и своею пъснею: Плачъ араба надъ конемъ; г. Рыбченко, въ свою очередь, смъщилъ своею истинно-комическою трусостью.

Изъ актрисъ мы вовсе неупомянули о г-жахъ Лебедевой и Линской. Г-жа Лебедева вся въ будущемъ. О г-жъ Линской сказать печего. До-сихъ-поръ она являлась въ роляхъ далеко незначительныхъ проходила передъ зрителями, какъ тънь и какъ тънь осталась незамъченною *.

Вотъ всъ новости, какія въ настоящее время мы имѣемъ объ усиъхахъ сценъ провинціальныхъ. Нѣтъ пикакого сомнѣнія, что зима принесетъ ихъ болѣе. Особенно въ зимнее время театры южной Россіи постоянно щеголяютъ дѣятельностью. Ждемъ этихъ интересныхъ свѣдѣній, чтобы немедленно сообщить ихъ нашимъ читателямъ.

to appreciation and coming trecompactors and the configuration of the

colored than some a district our manufactures of the colored to th

da e 1962, decembra son de la veregoroù e ar on de desaktuante delet du deble de la competencia. La la cara la dadresa de la caracteria de la caracteria de la caracteria de la competencia de la competencia d

onia grafie i meneralente, e orașele enorment onoș donate conțos dello onială grafie energială su cure de orașele orașele orașele onice analestă consultăți durență matri de vice a cara concele nicione composite a composite con a popul

generation only being acceptable continues and

applying a second of the manufacture of the second of the

anely my analyzonas is allowed the reserve of active adoptional and the

to region can describige or organism and organism of contractions, configurate and the contraction of the co

- month of the contract of

NAME OF THE PROPERTY OF THE OWN OF THE PROPERTY OF

^{*)} Сообщено И. Филаретовымъ.

ОБОЗРЪНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

entre de la company de la comp

enconnectangles in any page, as protection, a guarante potencial a sengal !

Sawaria oldina

and the second of the second course is a second to a second the second of the second o

eren antaronomia eren bararrega, eren hal en per deputationere de describir er des describir. Carina error de la comprese de la carina de compre de contra de la carina comprese de la carina de carina de c

письмо изъ парижа 1 августа. 1 августа.

И сегодня: инее письмо долженъ я начать съ погоды. Что прикажете дълать? Говорять, что нътъ ничего старъе, какъ разговоръ о погодъ, а все-таки говорять о ней и будутъ говорить до-тъхъ-поръ, пока будетъ хорошая и дурная погода, говорящіе и пишущіе люди. Погода играетъ такую важную роль въ нашей жизни, такъ тъсно связана со всъми нашими дъйствіями, что обойти ее очень трудно, почти невозможно. Въ прошедшемъ письмъ я говорилъ вамъ о погодъ, потому-что въ Парижъ жары доходили до невъроятной степени, жгли, пекли парижскій людъ, отправили многъхъ на тотъ свътъ, распространили страхъ и ужасъ по всъмъ улицамъ и закоулкамъ его; въ нынъшній разъ я принужденъ говорить о погодъ, потому-что жары продолжаются, гонятъ парижанъ вонъ изъ Парижа, не пускаютъ ихъ въ театръ, а директоры театровъ и актеры горько на н хъ плачутся. Какъ не сказать мнъ нъсколько словъ о погодъ, мнъ пишущему вамъ о театрахъ?

Лъто всегда было невыгоднымъ временемъ для парижскихъ театровъ, но теперь, когда число загородныхъ гуляній увеличилось, а жельзныя дороги даютъ возможность дешево и быстро переноситься за нъсколько миль отъ Парижа, на чистый воздухъ, въ рощи, на живописный берегъ ръки, бъдные театры страждутъ больше прежняго. Теперь каждый парижанинъ болье или менье знакомъ съ сельской жизнью, и даже вашъ покорнъйшій слуга тъсно связанный съ театрами любовью къ нимъ и обязанностью, не разъ улеталъ на крыльяхъ пара далеко отъ стънъ Лутеціи и пропустилъ не одно первое представленіе. Впрочемъ вы, въроятно, и сами замътили изъ послъдняго моего письма, въ которомъ я разсказалъ вамъ о представленіи одной новой пьесы, а именно

трагедіи г. Понсара «Улисъ». Хорошо еще, что іюнь мъсяцъ быль небогатъ театральными новостями и что между этими новостями, за исключеніемъ «Улисса», не было ничего замъчательнаго.

Парижъ сдълался страшнымъ любителамъ природы и удержать его на мъстъ нътъ никакой возможности: поъздка за городъ сдълалась для него непремънной потребностью. Много также вредятъ театрамъ такъ-называемыя поющія кофейни—cafés chantants—число которыхъ возрасло до невъроятія. Наконецъ Ипподромъ и Національныя Арены, дающія представленія подъ открытымъ небомъ, довершаютъ пораженіе театровъ.

Люди политическіе и свътскіе живуть теперь на водахь, а литераторы и журналисты бъгуть изъ Парижа, не заботясь о томъ, что будеть съ театрами, актерами и директорами. Для наполненія и поддержанія театровъ остаются купцы — люди занятые, ихъ прикащики — занятые не менъе хозяевъ, люди дъловые и люди трудящіеся, которымъ некогда или нельзя думать о театръ.

Въ первыя двъ недъли іюля мъсяца, парижскіе театры понесли около трехъ сотъ тысячь франковъ убытку, а теперь эта сумма болье нежели удвоилась. Цифра огромная, которую не легко будетъ вознаградить! Впрочемъ вямъ до всего этого нътъ дъла, вамъ надо новостей во что-бы то ни стало: извольте, будутъ новости, но такъ-какъ я началъ съ погоды, то буду продолжать новостями нетеатральными, до театровъ-же добраться еще успъю.

Благодаря жельзнымъ дорогамъ, Парижъ ъздитъ теперь любоваться моремъ, какъ ъздили прежде въ Сенъ-Клу. Въ прошедшемъ году, любители увеселительныхъ поиздокъ ъздили въ Лондонъ, на всемірную выставку; но такъ-какъ это путешествіе стоило не менѣе трехъ сотъ франковъ, а располагать такой суммой можетъ не всякій, то нашлись предпріимчивые люди, которые устроили увеселительныя поъздки къ морю. Стали ъздить къ морю. Скоро однакожъ и это показалось неудобнымъ. Прожить два дня въ вагонъ! Фи! какъ это можно! Прежде живали и долѣе въ болѣе неудобныхъ экипажахъ, но нашъ комфортабельный въкъ сталъ очень прихотливъ. «Не хочу ъздить за веселіемъ такъ далеко», сказалъ Парижъ. «Слушаю-съ», отвѣчала всегда готовая къ его услугамъ спекуляція—и открыла замокъ Піерръфонъ (Pierrefonds).

Каждое воскресенье Парижъ, отправляется въ восемь часовъ утра въ Піерръфонъ, отстоящій на двадцать шесть миль, которыя онъ провзжаетъ частію въ вагонѣ, частію въ коляскѣ. Дорогою онъ гуляетъ въ прекрасномъ Компіенскомъ-лѣсу, осматриваетъ чудеса его, потомъ пріѣзжаетъ къ горделивымъ развалинамъ живописно расположеннаго замка, а въ десять часовъ всегда онъ уже оцять дома, на пристани съверной желъзной дороги.

Учредители этихъ увеселительныхъ повздокъ позаботились о всвхъ возможныхъ для путешественника удобствахъ. Вы можете прекрасно позавтракать за полтора франка у Морліера, подъ вывъскою колокола», или, если желаете, подъ тѣнью прохладныхъ боскетовъ замка. госпожи де-Помпадуръ. Потомъ, когда вы осмотрите Піерръфонъ, его подземелья, часовню во вкуст возрожденія, его разрушенныя римскія ствны, его пробитыя пушками и до-сихъ-поръ не заложенныя бреши; когда вы достаточно налюбуетесь его удивительной архитектурой, кучами каменныхъ ядеръ, глубокими рвами, прелестными видами съ высоты его воздушныхъ галлерей, то можете отправиться къ Гошару, мъстному Карему, который накормить вась превосходнымь объдомь за пятьдесять су! Поъздка въ Піерръфонъ стоитъ гораздо дешевле дня, проведеннаго въ Парижъ, гдъ безпрестанно встръчаются неожиданныя издержки. играющія такую важную роль въ бюджеть каждаго человька. Отправляясь въ Піерръфонъ, вы заранъе знаете, что издержите: желъзная дорога, экипажъ, завтракъ, объдъ, плата проводникамъ и проч. и проч. все это стоитъ ни какъ не болте десяти франковъ! Какъ-же прикажете отказаться отъ удовольствія пріятно провести цільій день на чистомъ воздухъ и осмотръть при этомъ одинъ изъ знаменитъйшихъ замковъ Франціи, почитаемый знатоками образцомъ военной архитектуры феодальныхъ временъ?..

Я показаль вамь только небольшую частичку парижскихъ лѣтнихъ удовольствій, но вы можете судить по ней о другихъ. Все у насъ дешево и удобно. Какъ-же не страдать бѣднымъ театрамъ? Но за то зимою театры берутъ свое и вполнѣ вознаграждаютъ себя за лѣто. И теперь есть новости, но важнѣйшія отложены до зимы. Говорятъ, что г. Понсаръ, авторъ «Улисса», написалъ новую комедію, но мы не увидимъ ее ранѣе зимы; «Африканка» Мейербера также отложена до зимы.

Кстати о Мейерберъ.

Онъ теперь въ Спа, гдъ собралось въ настоящее время много разныхъ знаменитостей, и недавно былъ въ Парижъ, чтобъ посовътоваться на счетъ своего очень разстроеннаго, какъ говорятъ, здоровья. Г. Рокпланъ, директоръ Большой Оперы, не преминулъ, разумъется, сдълать нъсколько докучливыхъ посъщеній знаменитому маэстро; г. Рокплану не спится отъ «Африканки». Впрочемъ безпокойство директора Оперы какъ нельзя болъе понятно; вы сами знаете, какъ медленно работаетъ творецъ »Роберта» и «Гугенотовъ»: между «Гугенотами» и

burners of the agreest distance of the most

«Пророкомъ» быль тринадцатильтній промежутокъ. Не смотря на просьбы Рокплана, Мейсрберъ все еще не ръшается отдать на сцену свою «Африканку» и хочеть сперва лично испытать всехъ артистовъ, которые должны въ ней участвовать. Говорятъ однако, что онъ ръшился отдать главную роль госпожъ Тедеско, а не г-жъ Вагнеръ, какъ говорили прежде.

Въ Парижъ строютъ новый циркъ для конныхъ представленій; онъ будетъ называться Зимнимъ Циркомъ, Cirque d'hiver, потому-что въ немъ и зимою будутъ представленія. Вотъ нъкоторыя интересныя подробности объ этомъ театръ, напечатанныя недавно въ одномъ изъ парижскихъ журналовъ.

Новый циркъ строится на бульваръ des Filles du Calvaire; онъ будеть имъть видъ полигона, но такъ-какъ его размъры гораздо больше размъровъ лътняго цирка, то онъ будетъ вмъщать въ себъ тысячью человъкъ болъе, нежели лътній циркъ. Зданіе это, воздвигаемое г. Гильторфомъ, главнымъ городскимъ архитекторомъ Парижа, будетъ, какъ говорять, великольно. Мы не можемь еще сообщить архитектурныхъ подробностей о немъ, но знаемъ, что пятеро скульпторовъ, въ томъ числъ гг. Гильомъ и Лекенъ, ученики Прадье, дълаютъ барельефы для цирка, фигуры которыхъ вдвое больше фигуръ Панатенеест авинскаго Пароенона. Внутренность цирка будетъ напоминать устройствомъ своимъ древніе амфитеатры. Зала покроется огромною крышею безъ всякой поддержки, въ подражание веларіуму (velarium) или польтич, которымъ покрывались древніе амфитеатры, для огражденія зрителей отъ солнца и дождя. Ствны-залы будуть украшены живописью, работы г. Барріа, одного изъ увънчанныхъ академіей художниковъ Французской Школы въ Римъ, и г. Госса, который писалъ превосходныя конныя группы въ старомъ циркъ. Разсказывають также о мраморныхъ колоннахъ, о великольній главной люстры, вокругь которой будуть висьть двадцать меньшихъ люстръ, и о многихъ другихъ чудесахъ, не виданныхъ до-сихъпоръ ни въ одномъ театръ, не исключая и древнихъ.

Нынъшній годъ быль вообще счастливь для Парижа въ архитектурномъ отношеніи, и такъ-какъ я заговориль о постройкахъ, то позвольте разсказать вамъ кстати объ окончаніи Луврскаго дворца.

25 іюля, въ девять часовъ утра, происходила запладка того зданія, которое докончить собою Лувръ и соединить его съ Тюильри. Жандармы и пѣшая республиканская гвардія собрались еще въ восемь часовъ утра на Пале-рояльской плошади, а оттуда отправились на площадь Карруселя и размѣстились вдоль изгородей, окружающихъ мѣсто новыхъ

построекъ. Ровно въ девять часовъ прибыль государственный министръ Казабіанка, въ сопровожденіи генеральнаго секретаря Бланша и г. Огюста Шевалье, директора дворцовъ и мануфактуръ; они въ вошли особую ограду, состоявшую изъ трехъ бесъдокъ, изящно украшенныхъ и расположенныхъ противъ Пале-Рояля, параллельно съ улицею Риволи. Тамъ было много гражданскихъ и военныхъ сановниковъ, въ числъ которыхъ я замътилъ префекта Сенскаго Департамента г. Берже, префекта полиціи г. Піетри, генеральнаго секретаря министерства публичныхъ работъ г. Булажа, генераловъ Маньяна, Пико и Корнемюза, тюильрійскаго губернатора генерала Водре, князя Мюрата, многихъ сенаторовъ и членовъ Государственнаго Совъта. Г. Висконти, авторъ плановъ воздвигаемаго зданія, архитекторъ Пале-Рояля Шаброль, членъ Института Леклеркъ и архитекторъ, Лувра Дюбанъ, были также въ числъ приглашенныхъ.

Камень, который долженъ былъ служить первой основой зданія, былъ убранъ цвътами; въ немъ было сдълано углубленіе для металлическаго сундучка съ различными монетами, на которыхъ вычеканено изображеніе президента, и съ слъдующей надписью:

«Тысяча восемь соть пятьдесять втораго года, двадцать пятаго іюля, при президенть французской республики Людовикь-Наполеонь, первый камень зданія, долженствующаго служить окончаніемь Лувра и связью его съ Тюильри, быль заложень графомь Ксаверіемь де-Казабіанка, государственнымь министромь.

Висконти, архитекторъ.»

Рядомъ съ этою простою надписью, сундучекъ заключалъ планы обоихъ зданій, на которыхъ обозначено, посредствомъ оттънковъ, теперешнее состояніе зданій и будущій ихъ видъ.

Положивъ первый пластъ цемента, графъ Казабіанка произнесъ прекрасную рѣчь, въ которой изложилъ исторію зданія, приводимаго ныпѣ къ окончанію. Затѣмъ онъ вложилъ въ углубленіе камня сундучекъ съ монетами и медалью, отчеканенною г. Какѐ, подъ руководствомъ директора музеевъ, графа Ньеверкерка. Медаль украшена слѣдующею надписью:

Окончаніе Лувра и Тюильри заложеніе перваго камня 25 іюля 1852 года.

Затъмъ было совершено богослужение, а въ десять часовъ графъ Казабіанка утхалъ, поздравивъ г. Висконти и пожелавъ успъха какъ ему, такъ и его помощникамъ и работникамъ. Прежде нежели перейду къ театрамъ, я сообщу вамъ одну важную литературно-театральную новость: недавно вышли изъ речати два сочиненія г. Гизо «Шекспиръ и его въкъ» и «Корнель и его въкъ». Первое изъ этихъ сочиненій было уже напечатано въ видъ предисловія къ полному собранію сочиненій Шекспира, изданному въ Парижъ въ 1821 году.

Теперь нъсколько словъ о двухъ довольно интересныхъ тяжбахъ, а потомъ уже приступлю и къ театральнымъ новостямъ.

Въ прошедшемъ апрълъ мъсяцъ на театръ Одеона было представленіе въ пользу Сары Феликсъ, въ которомъ принимала участіе сестра ея, знаменитая Рашель. Г. Фатъ, кредиторъ Сары Феликсъ, задержалъ сборъ этого представленія, простиравшійся до четырехъ тысячь франковъ. Сара Феликсъ протестовала, говоря, что сборъ принадлежитъ не ей, а сдному бъдному семейству, которое воспользовалось ея именемъ, но кредиторъ ничего не слушалъ и продолжалъ требовать выдачу сбора посредствомъ полиціи; тогда Сара Феликсъ ръшилась перенесть дъло въ судъ и подала жалобу на г. Фата и директора Одеона, г. Альтароша. Судъ ръшилъ дъло въ ея пользу, на томъ основаніи, что бенефисы не упомянуты въ ея контрактъ съ театромъ и не должны идти на уплату долговъ подобно жалованью.

Другой процессъ возбудилъ очень важный вопросъ о художественной собственности, а именно вопросъ о томъ, имъютъ-ли виртуозы право исполнять въ своихъ концертахъ отрывки изъ оперъ и другихъ музыкальныхъ произведеній безъ разръшенія авторовъ.

Извъстный віолончелисть Оффенбахъ давалъ недавно концерть, въ которомь быль исполнень отрывокъ изъ «Севильскаго цирюльника» со словами г. Кастиль-Блаза. Г. Кастиль-Блазъ, членъ «Общества литераторовъ и композиторовъ» и потому агентъ этого общества; г. Гейнрихсъ потребовалъ г. Оффенбаха въ судъ исправительной полиціи, жалуясь, что г. Оффенбахъ воспользовался трудомъ г. Кастиль-Блаза; не имъя на то никакого права. Г. Мари, адвокатъ республики, объявилъ, что права авторовъ и композиторовъ не могутъ простираться на концерты, даваемые въ свою пользу музыкантами, но судъ не согласился съ этимъ мнѣніемъ и приговориль г. Оффенбаха заплатить 25 франковъ штрафу, судебные расходы и сверхъ-того 25 франковъ «Обществу литераторовъ и композиторовъ» за проторы и убытки.

Теперь о театрахъ.

Комическая Опера храбрѣе прочихъ оперныхъ театровъ Парижа;

она не боится соперничества лѣтнихъ удовольствій и продолжаетъ, не смотря на тридцати—градусный жаръ, ставить новыя пьесы. Трудности не останавливаютъ директора Комической-Оперы, къ которому можно какъ нельзя лучше примѣнить извѣстныя слова Фигаро: трудность успъха только увеличиваетъ необходимость предпринять. Онъ поставилъ трехъ-актную оперу, слова гг. Локруа и Деннери, музыка г. Эме Мальяра, имѣвшую большой и вполнѣ заслуженный успѣхъ.

Г. Эме Мальяръ новичекъ въ своемъ дълъ: первая его опера «Гастибельза,» была представлена въ первый разъ еще въ 1847 году. Съ-тъхъ-поръ, не смотря на успъхъ перваго произведенія, г. Мальяръ написалъ одну только одно-актную оперу «Мельница подъ липами,» такъчто послъдняя опера—третье его произведеніе. Увертюра основана на мотивахъ, которые встръчаются впослъдствій въ самой оперъ; начало ея не очень удачно, въ особенности фразы кларнетовъ и віолончелей, гармонически сливающіяся съ акомпаниментомъ оркестра. Но за то въ аллегро недостаетъ связи, хотя въ немъ есть превосходный мотивъ іп
ба, исполненный первыми скрипками.

Интродукція блистательна. Въ первомъ дъйствіи особенно замъчательно тріо, принадлежащее къ лучшимъ мъстамъ партитуры, и финалъ, въ которомъ особенно хороша партія оркестра. Второй актъ начинается очень миленькимъ вальсомъ; въ немъ есть прекрасный романсъ для сопрано съ акомпаниментомъ флейты и очень удачный дуэтъ во вкусъ италіянской музыки. Въ концъ втораго акта довольно хороши хоры, но въ оркестръ слишкомъ много шуму—и это портитъ все дъло. Третій актъ начинается небольшимъ хоромъ въ si-bemol, который поется за кулисами; затъмъ заслуживаетъ вниманія арія для сопрано, аллегро которой очень драматично. Но лучшее мъсто, не только въ этомъ актъ, но и во всей оперъ, — пъсня стараго матроса, въ которой онъ вмъшиваетъ въ разсказъ выраженія морской команды; публика заставила повторить эту пъсню.

- Г. Эме Мальяръ человъкъ съ весьма замъчательнымъ дарованіемъ, который, по направленію своему, принадлежитъ къ такъ-называемой французской школъ, т.-е. ко школъ Боэльдьё, Обера, Герольда и т. д. Очень жаль, что г. Мальяръ такъ мало пишетъ.
- Г. Амеде Ашаръ, остроумный фельетонистъ газеты Assemblée Nationale и авторъ нъсколькихъ романовъ, вздумалъ попытать счастіе на сценъ и началъ свое поприще очень удачно; онъ написалъ, въ послъднее время, три небольшія пьески и всъ три пьески имъли успъхъ. Фельетонисту легче, нежели кому-нибудь другому, сдълаться водевилистомъ. Онъ

чаще другихъ наталкивается на комическія сцены, на маленькіе романы и готовыя комедіи, которыя стоитъ только уложить въ условныя формы. Особенно Парижъ, городъ уличной жизни по преимуществу, богатъ подобными романами и комедіями. Вы сидите, на примъръ, на балконъ или у окна и смотрите (потому-что въдь надо же куда-нибудь смотръть) въ окно противуположнаго дома; улица очень узка, какъ многія изъ парижскихъ улицъ, слъдовательно вамъ не трудно разглядъть, даже если вы близоруки, очень миленькую дъвушку, вышивающую въ пяльцахъ; вы нечаянно кашлянули, она подняла глаза, взоры ваши встрътились — вотъ и предисловіе романа. Точно такое обстоятельство случилось съ г. Эрнестомъ, который влюбился въ дъвицу Селесту.

Эрнестъ живетъ напротивъ своей возлюбленной; онъ давно уже устроилъ симпатическій телеграфъ и убъдился въ сочувствіи къ нему Селесты. Вслъдствіе этого убъжденія Эрнестъ ръшился просить руки своей возлюбленной, но ея тетка, госпожа Парадисъ, ръшительно отказала ему, потому-что намърена отдать дочь за г. Понтъ-о-Биша, хозяина дома, у котораго двадцать тысячь франковъ годоваго дохода, какъ нельзя лучше подходящія, по мнънію госпожи Парадисъ, къ приданому ея дочери. Надо вамъ скатать, что Эрнестъ артистъ, живописецъ и живетъ трудомъ своимъ.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, Эрнестъ изобрълъ способъ говорить съ Селестой болъе удобнымъ образомъ и поспъшилъ извъстить ее объ этомъ. А поговорить было необходимо, чтобы условиться, какъ вы просить согласіе госпожи Парадисъ. Но въ ту самую минуту, когда онъ началъ уже объяснять изобрътенный имъ способъ, тетка приказала своей племянницъ возвратиться съ балкона въ комнату и заперла дверь. Художникъ привязываетъ къ своему окну шелковую лъстницу и спускается на балконъ Селесты, которая отказывается однако-же впустить его въ комнату, не смотря на то, что дождь льетъ какъ изъ ведра.

Г. Понтъ-о-Бишъ видитъ влюбленнаго на балконъ, спѣшитъ отдернуть лѣстницу и бѣжитъ потомъ за полиціей. Это обстоятельство трогаетъ Селесту. Она появляется на сосѣднемъ балконъ, вооруженная зонтикомъ. Но госпожа Парадисъ, боясь въроятно сквознаго вѣтра, запираетъ и эту дверь, такъ-что наши влюбленные попадаются въ весьма непріятную западню.

Эрнестъ отыскиваетъ доску, перекладываетъ ее съ одного балкона на другой и перебирается къ Селестъ; потомъ спускается, по близьстоящему фонарю, на улицу, къ величайшей досадъ господина Понтъ-о-Биша.

Эрнеста призывають для объясненія, но онъ такъ ловко вывертывается что уводять подъ аресть не его, а несчастнаго домохозяина.

Госпожа Парадисъ все еще не хочетъ отдать художнику свою племянницу, но онъ говоритъ ей на ухо нъсколько словъ, которыя уничтожаютъ всъ препятствія.

Эта забавная пьеса называется «Черезъ окно» и дается на театръ Драматической Гимназіи.

Ровно недълю спустя, давали на томъ-же театръ другую пьесу того-же автора, водевиль въ двухъ дъйствіяхъ «Услуга за услугу».

Дъйствіе происходить въ Парижь, въ предмъсть св. Іакова. Г. Дюбрёль, служившій нъкогда въ полиціи, честный и добрый человъкъ, живеть тихо и скромно и со страстью отыскиваетъ таинственные случаи, чтобы разгадывать ихъ и дълать добро. У Дюбрёля есть шестнадцатильтняя дочь, наивная и милая дъвушка, страстно любящая цвъты. Однажды Элиза сдълалась молчаливой и задумчивой: она замътила одного молодаго англичанина, прекраснаго собой, съ изящными манерами, но блъднаго, съ печатью глубокой грусти на лицъ, проводившаго дни въ постоянномъ одиночествъ. Симпатическая душа дъвушки почувствовала невольное влеченіе къ задумчивому юношъ.

Эдвардъ также замътилъ и полюбилъ Элизу, и каждый день повъряетъ чувства свои къ ней своему альбому. Альбомъ попадается въруки г. Дюбрёля, который, по страсти своей къ таинственности, очень радъ любви Эдварда, самъ съ нимъ знакомится, приглашаетъ къ себъвъ домъ и предлагаетъ ему руку своей дочери.

Эдвардъ, не смотря на любовь свою, отказывается. Онъ никогда не зналъ своихъ родителей. Одинъ ирландецъ, по имени Патрикъ О'Нейль, выплачиваетъ ему ежегодно двадцать четыре тысячи франковъ пенсіи, но никакъ не соглашается открыть ему тайну его рожденія. Эдвардъ отказывается жениться на Элизъ, потому-что не можетъ дать ей имени.

- Разъ, говоритъ онъ: когда я былъ еще въ школѣ, одинъ изъ моихъ товарищей спросилъ, какъ меня зовутъ. «Эдвардъ», отвъчалъ я.
- Эдвардъ! А дальше?...
- Этотъ вопросъ разбилъ мое сердце и я поклялся не подвергать любимыхъ мною людей тому страданію, которое я тогда чувствовалъ.

Г. Дюбрёль, сердечно полюбившій молодаго англичанина, употребляеть въ дъло всю свою декламацію, весь старый навыкъ свой, чтобъ заставить Натрика О'Нейля открыть тайиу; но ирландецъ молчаливъ, какъ могила. Къ-счастію, у г. Дюбрёля есть сестра, госпожа де-Шарміё, двадцати-лътняя вдовушка, живая, веселая, прихотливая, и страшно мучащая Патрика О'Нейля, влюбленнаго въ нее по уши; она объявляютъ ирландцу, что отдастъ ему свою руку, но съ условіемъ, что откроетъ тайну Эдвардова рожденія.

Напрасно О'Нейль вручаетъ госножѣ де-Шарміё метрическое свидѣтельство Эдварда: это свидѣтельство не подвигаетъ дѣла, потомучто въ немъ сказано, что Эдвардъ рожденъ отъ неизвѣстныхъ родителей. Патрикъ знаетъ, правда, что отецъ Эдварда былъ коммодоръ, но на это нѣтъ никакихъ подлинныхъ доказательствъ.

— Найдите Эвдарду семью и имя, говоритъ г-жа Шарміе Патрику: тогда я выйду за васъ за-мужъ: услуга за услугу!

Патрикъ О'Нейль усыновляетъ Эдварда, даетъ ему свое имя и такимъ-образомъ улаживаетъ дъло.

Третью пьеску г. Амеде Ашара, «Дуэль моего дядюшки», даютъ на театръ Водевиля.

На той-же самой сценъ давали еще одну новую и очень миленькую пьеску гг. Леона Гильяра и Армана Дюрантена; она называется «Сельскія радости» и заимствована изъ книги Жюль-Жанена Поэтому я не стану разсказывать содержаніе водевиля и попрошу васъ пожаловать за мной въ театръ Разнообразія, который угостилъ недавно Парижъ еще не виданнымъ у насъ зрълищемъ.

Вы, можетъ быть, слыхали уже венгерскихъ музыкантахъ, которые надълали столько шуму въ Лондонъ; ихъ давно уже ждали въ Парижъ, но директоръ лондонскаго театра не хотълъ отпускать ихъ. Г. Корнье, директоръ театра Разнообразія, нъсколько разъ писалъ въ Лондонъ, но письма его оставались безъ отвъта; наконецъ онъ ръшился послать своего секретаря, г. Савиньи, которому удалось, послъ долгихъ споровъ и переговоровъ, привезти венгерцевъ въ Парижъ.

Общее любопытство было въ высочайшей степени возбуждено разсказами объ успѣхахъ венгерскихъ артистовъ, которые, впрочемъ, вполнѣ оправдали предшествовавшую имъ извѣстностъ.

Когда подняли занавъсъ, публика увидъла четырнадцать венгерцевъ, одътыхъ въ живописные костюмы своей родины. Передъ ними не было ни пюпитровъ, ни нотъ; даже можно было подумать, что они играютъ безъ капельмейстера, потому-что капельмейстеръ ихъ, г. Калосди, занимаетъ въ оркестръ роль первой скрипки и играетъ съ такимъ-же усердіемъ, какъ и всъ прочіе.

Налѣво отъ публики помѣщались струнные инструменты, скрипки и альты, числомъ шесть; направо инструменты духовые, а середину

между ними занимали віолончелисть лѣвша и контробасисть, съ чрезвычайно-серьозной, невозмутимой физіономіей.

Концертъ начался увертюрою для большаго оркестра, сочиненія г. Допплера. Съ первыхъ нотъ публика начала переглядываться, какъбы спрашивая, нътъ—ли обмана, потому-что казалось невозможнымъ, чтобы четырнадцать инструментовъ могли произвесть столько-же звука, какъ оркестръ Мюзара на балъ въ Большой, Оперъ. Впрочемъ, еслибъ эти господа не имъли, кромъ полноты звуковъ, никакихъ другихъ достоинствъ, то скоро-бы, разумъется, надоъли публикъ; они-же, напротивъ того, овладъваютъ всъмъ ея вниманіемъ и не даютъ ему отдохнуть ни на минуту, удивляютъ върностью, чистотою, силою и математическою точностью, съ которыми исполняютъ увертюру изъ «Волшебнаго стрълка«, каватину изъ «Набуко» и «Венгерскую фантазію». Не смотря на то, что они играютъ на память и почти безъ капельмейстера, исполненіе ихъ отличается необыкновеннымъ согласіемъ.

Публика была въ невъроятномъ восторгъ и рукоплескала каждой пьесъ.

Кромъ этой капитальной новости, театръ Разнообразія угостиль своихъ обычныхъ посътителей двумя новыми пьесами. Первая изънихъ называется «Человъкъ пятидесяти лътъ», и принадлежитъ перу г. Гастона де-Монто.

Эдуардъ и Эммелина уже полтора года какъ женаты. Она эвваетъ, на балахъ Мабиля.

а онъ скучаетъ. Все показываетъ, что медовой мъсяцъ кончился.

Эммелина начинаетъ искать разсъянія въ чтеніи романовъ, а Эдуардъ. на балахъ Мабиля.

Въ это время прівзжаетъ г. Дюфло, старинный другъ Эдуардова семейства, человъкъ пятидесяти лътъ—объщанный афишею. Опытный взглядъ его скоро открываетъ ему тайну отношеній Эдуарда съ Эммелиною, и, такъ-какъ оба они прекрасные молодые люди, которымъ было-бы очень легко быть счастливыми, то онъ ръшается вмъшаться въ дъло и поправить его. Зная, что ревность лучше всего воскрещаетъ угасающую любовь, онъ принимается ухаживать за Эммелиной, воркуетъ голубкомъ, дарить ей цвъты, предупреждаетъ всъ ея желанія. Сердце Эммелины готово сдаться, а хитрый Дюфло увъдомляетъ о томъ Эдуарда.

Эдуардъ перестаетъ скучать, и возвращается къ женъ; жена еще охотнъе отказывается отъ съдовласаго селадона, находя очень справедливо, что черноволосый мужъ ея гораздо красивъе.

Эта игривая пьеска имъла большой усиъхъ.

«Баловень», водевиль въ одномъ дъйствіи, сочиненія Жака Араго, понравился гораздо менть.

Нъкто г. Бертуа имъетъ двухъ дочерей, рожденныхъ отъ разныхъ матерей; старшую, то-есть рожденную отъ перваго брака, зовутъ Леліей, младшую Розой. Госпожа Бертуа, въ началъ замужества своего, очень любила Лелію, но когда у нея родилась своя дочь, опа стала для Леліи настоящей мачихой. На Розу перенесла она всю любовь свою, съ Леліей стала холодна и несправедлива.

Лелія любила одного молодаго человіка, г. Леона, но такъ-какъ г. Леонъ очень выгодная партія, то госножа Бертуа хлопочеть, изо всіхъ силъ, чтобъ онъ женился на Розі. Бідной падчериці пришлось— бы очень плохо, если-бъ не вступился за нее баловень всего дома, вертушка Роза, которая любитъ сестру и хочетъ составить ея счастіе. Она не забываетъ впрочемъ и себя, и, стараясь о Леліи, думаетъ и о своемъ счастіи. Дъло кончается тімъ, что обі выходять за-мужъ. Лелія за Леона, а Роза за какого то г. Эрнеста, который впрочемъ на сценъ не появляется.

На Пале-рояльскомъ театръ было также двъ новыя пьесы; первая изъ нихъ называется «Іоркъ, собачья кличка».

Кто приведетъ къ Лисфельду собачку изъ породы болонокъ, кличка ей Іоркъ, тотъ получитъ приличное награжденіе. Лисфельдъ имѣетъ полное основаніе думать, что собачка не отыщется, потому-что онъ поручиль другу своему, Грюнсбергу, запрятать собачку въ такое мѣсто, гдѣ ее не могли бы найти. Я было позабылъ сказать вамъ, что дѣйствіе происходитъ въ Швейцаріи, на берегу Энгіенскаго озера.

Жена Лисфельда, не зная ненависти мужа своего къ Іорку, надъется, что онъ еще отыщется, и, вообразите, Іоркъ дъйствительно возвращается домой съ помощію молодаго человъка, по имени Гектора Дольбрёна, который проситъ въ награду руку мамзель Оломны, дочери Лисфельда.

Отецъ соглашается на просьбу Гектора, хотя онъ и спасъ его домашняго врага. Гекторъ—сынъ одного храбраго полковника старой гвардіи, къ которому Лисфельдъ питаетъ глубочайшее уваженіе.

Молодой человъкъ какъ нельзя болъе счастливъ, но счастіе его длится не долго. Онъ имълъ неосторожность не навести предварительно надлежащихъ справокъ и потому попался въ самый непріятный просакъ. Сблизившись съ семействомъ Лисфельда, Гекторъ узнаетъ, что влюбленъ не въ дочь, а въ жену его, которая гораздо моложе дочери своего мужа, рожденной отъ перваго брака. Чтобъ выпутаться изъ этихъ затруднительныхъ обстоятельствъ, Гекторъ распускаетъ слухи, что Іоркъ укусилъ его.

Лисфельдъ страшно боится бъшеныхъ собакъ и водобоязни, вслъдствіе чего тотчасъ-же отказываетъ Гектору, боясь, чтобъ будущій зять не перекусаль весь домъ, и отдаетъ руку дочери другу своему Грюнбергу.

Но Іоркъ оказывается не овшенымъ, потому-что выпиваетъ съ большимъ апетитомъ и удовольствіемъ цвлую чашку воды; тогда Лисфельдъ, видя неосновательность своихъ опасеній и желая загладить несправедливость свою къ Гектору, даритъ ему Іорка, съ условіемъ однако-же, чтобы оно почаще приводилъ его къ прежней хозяйкъ.

Не помню, писаль-ли я вамь, что въ Парижъ въ большой модъ теперь борьба атлетовъ; она происходить обыкновенно въ залъ Монтескьё и постоянно привлекаетъ многочисленную публику. большіе охотники до сильныхъ ощущеній, и потому нътъ ничего удивительнаго, что имъ нравится такое зрълище. Что касается до вашего покорнъйшаго слуги, то онъ вовсе не любитель головоломнаго и боколомнаго искусства и былъ въ залъ Монтескьё одинъ только разъ, по обязанности, о не по охотъ. Герой этой залы, побъдитель всъхъ своихъ противниковъ, называется Арпеномъ (Arpin) и страшнымъ савояромъ, потому-что онъ родомъ изъ Савои. Вы догадываетесь, что Арпенъ не могъ избъжать руки нашихъ водевилистовъ; дъйствительно, братья Коньяръ и Шолеръ сдълали его героемъ водевиля, который называется «Страшный Савояръ» и дается на сценъ Поле-рояльскаго театра. Когда я прочелъ объявление объ этой пьесъ, то боялся, что г. Дормель, директоръ Поле-рояльскаго театра, выведеть на сцену самого Арпена, но, къ счастію, этого не случилось: его роль играетъ Грассо, который быль уморителень въ костюмъ ствернаго Алкида.

Вотъ и всъ наши настоящія новости; извините: чѣмъ богаты тѣмъ и рады.

Виновать; чуть было не забыль одной, очень важной: говорять, что Левассорь сходить со сцены и удалится жить въ провинціи — своими доходами, de ses rentes. Вы знаете, что Левассорь актерь далеко не первокласнный, но великій мастерь на комическія пъсенки, куплеты и т. п. Онъ нажиль себъ ими двадцать тысячь франковъ годоваго дохода.

А. Бонавентура.

письмо изъ лондона. 15/27 іюля 1852 г.

Софія Крувелли очень больна; по послѣднимъ извѣстіямъ, она находится теперь въ Вестфаліи и живетъ у сестры, окруженная семьей, которая очень безпокоптся за ея истощенное усиленными трудами здоровье. Лондонскій Театръ Королевы лишился въ этой молодой, но уже знаменитой пъвицъ, одной изъ главныхъ своихъ поддержекъ.

Тропическія жары и выборы въ Парламенть отвлекали въ теченіе ныньшняго мъсяца публику отъ театровъ и сборы вездъ значительно понизились.

Послъ отъъзда Софіи Крувелли, на Театръ Королевы осталась одна только примадонна, г-жа Лагранжъ; можете представить сколько ей приходится пъть. Мы должны отдать ей справедливость; она исполняеть свое дѣло съ большимъ рвеніемъ и талантомъ. Въ «Пуританахъ» она была безподобна; Лаблашъ, Гордони и Боссини достойно ей содъйствовали. Боссини пъвецъ совершенно неизвъстный, голосъ его утомленъ, но не лишенъ пріятности. Въ «Маріи ди-Роганъ,» госпожа Лагранжъ исполнила роль Герцогини съ замъчательнымъ совершенствомъ. По окончаніи пьесы ее вызвали вмъстъ съ г. Кальцолари, который очень хорошо исполнилъ роль князя Шоле. Госпожа Ида Бертранъ (контральтъ) имъла заслуженный успъхъ въ роли Гонди.

Госпожа Вагнеръ продолжаетъ безмолвствовать. Надъялись-было, что Женни Линдъ, возвратившаяся изъ Америки съ огромнымъ состояніемъ и молодымъ мужемъ, согласится играть на Театръ Королевы и вознаградитъ тъмъ г. Ломлея за потерю госпожи Вагнеръ; но шведскій соловей ръшительно отказался пъть, не смотря на самыя блистательныя предложенія. Говорятъ, что госпожа Зантагъ дастъ въ Лондонъ нъсколько представленій, передъ отътздомъ своимъ въ Америку, гдъ ее ждутъ успъхи Женни Линдъ и доллеры американскихъ дилеттантовъ.

Балетъ Госселена «Зели», продолжаетъ дълать сборы и дается почти каждый вечеръ. Госпожа Аллегрини, Роза и Матильда Эсперъ, въ особенности-же госпожа Розати, наша prima ballerina, постоянно возбуждаютъ самыя восторженныя рукоплесканія. Изъ танцовщиковъ мы должны упомянуть о Дюранъ; онъ не только хорошо танцуетъ, но замъчателенъ какъ отличный мимикъ. Онъ много содъйствовалъ успъху этого прекраснаго балета, который долго еще останется на репертуаръ, какъ образецъ оригинальности и изящнаго вкуса.

На Ковентъ-гарденскомъ театръ возобновили мейрберова «Пророка», въ которомъ неподражаемо хороша г-жа Джулія Гризи. Она имъла недавно огромный успъхъ въ роли Десдемоны. Вообще «Отелло» идетъ на Ковентъ-гарденскомъ Театръ превосходно, благодаря участію въ немъ первоклассныхъ артистовъ; роль Отелло играетъ г. Тамберликъ, роль Яго — Ронкони. Г-жа Гризи поетъ арію втораго акта «Сhe Jmania» и съ такимъ совершенствомъ, какого не достигала до-сихъ-поръ, по нашему

мпѣнію, ни одна драматическая пѣвица; восторгъ ею возбуждаемый нельзя описать.

Представленія французской трунны на Сенть-Джемскомъ театръ должны на-дняхъ прекратиться. Директоръ этого театра, г. Митчель, заслужиль любовь и благодарность лондонской публики своимъ старательнымъ и искуснымъ управленіемъ: онъ выписываетъ изъ Парижа лучшихъ артистовъ и постоянно давалъ занимательныя и правившіяся публикъ пьесы. Въ послъднее время гостили у насъ Левассоръ и Лафонъ.

Представленія нъмецкой труппы также прекратились. Шлегелевскій переводь Гамлета возбудилъ здъсь величайшее любопытство, тъмъ болье, что роль Гамлета игралъ Эмиль Девріентъ, пріобръвшій себъ этой ролью знаменитость въ Европъ. Англичане остались какъ нельзя болъе довольны его игрою. Эмиль Девріентъ далъ Гамлета въ свой бенефись; театръ былъ совершенно полонъ. Королева, принцъ Альбертъ, герцогиня кентская и комберландская присутствовали при представленіи. Бенефиціанта встрътили восторженными рукоплесканіями, вызывали нъсколько разъ, даже въ серединъ дъйствія, засыпали цвътами и лавровыми вънками; ио окончаніи спектакля его поздравляли многіе извъстные литераторы и артисты, въ числъ которыхъ находились между прочимъ Юнгъ, Чарльзъ Кембль, Чарльзъ Конъ, и мн. др. Королева пожаловала ему богатый брилльянтовый перстень. Представленія нѣмецкой труппы кончились «Фаустомъ», въ которомъ имълъ большой успъхъ г. Кюнъ. Чтобы дать вамъ понятіе объ успъхъ нъмецкой труппы въ Лондонъ, мы приведемъ здъсь слова лондонскаго корреспондента одной бельгійской газеты.

«Г. Эмиль Девріентъ имълъ въ Лондонт огромный успъхъ. Я сказалъ — успъхъ, еще върнъе было-бы сказать, что онъ довель лондонскую публику до фанатизма. Королева Викторія удостоила постщать вст представленія знаменитаго артиста — соотечественника ея супруга, осчастливила его продолжительной аудіенціей, послт которой, пожаловала собственноручно подписанный ею дипломъ на-званіе почетнаго члена Каррикъ Клуба, называемаго также обществомъ великихъ артистовъ. Это ръдкая, выходящая изъ ряду почесть. Высокое покровительство королевы, доставило нъмецкой труппъ сочувствіе высшей лондонской публики, такъ-что Сентъ-Джемскій театръ, на которомъ она играла, былъ постоянно полонъ. Г. Митчель, импрессаріо этого театра, желая отблагодарить нъмецкихъ артистовъ, задалъ имъ блистательный праздникъ и объдъ въ Ричмондъ. Лондонскіе актеры сочли также долгомъ отблагодарить Эмиля Девріента, сыгравшаго передъ ними

одну изъ любимъйшихъ драмъ Шекспира, и являлись передъ нимъ, съ этою цълію въ лучшихъ своихъ роляхъ».

О второстепенных лондонских театрах не стоило-бы говорить, еслибъ я не считалъ долгомъ упомянуть здѣсь объ одномъ повомъ легкомъ и дешевомъ способъ писать пьесы, который съ нѣкотораго времени на этихъ театрахъ употребляется. На Гей-Маркетскомъ театръ давали недавно небольшую пьеску Уэбстера; я пошелъ смотрѣть ее и, къ величайшему моему удивленію, узналъ въ ней извѣстную французскую пьесу гг. Піерона и Лаферьера: Livre III, chapitre I. (Книга III, глава I). Вся разница между французской и англійской пьесой состоитъ въ томъ, что въ англійской дѣйствіе происходило не въ 1851 а въ 1852 году, не въ замкѣ Мальи, а въ Ричмондъ; что Октавъ Дюбуръ называется Парри Демонъ, Эдмондъ де-Малье Чарльзомъ Муромъ, а жена его Марія — Лисилью. Пьеса переведена построчно, и переводчикъ не потрудился даже прибавить коть какія—нибудь мѣстныя англійскія подробности. Удивительно!

Изъ Соединенныхъ Штатовъ пишутъ, что общее вниманіе тамошней публики обращено на новую драму, продиктованную знаменитою Лолой Монтезъ одному американскому литератору. Мы заимствовали это извъстіе изъ нью-іоркскаго журнала Herald, очень уважаемаго въ Америкъ. Драма это дается на Бродвейскомъ театръ; въ ней выведены всъ подвиги и жизнь знаменитой авантюристки. Роль Лолы Монтезъ играетъ сама Лола Монтезъ, и играетъ прекрасно; восторгъ публики доходитъ до крайнихъ предъловъ. Я не стану разсказывать вамъ содержаніе самой драмы, но замъчу, основываясь на разсказахъ о ней нью-іоркскаго журнала, что никогда еще, ни на одномъ театръ, не появлялось такой пьесы, гдъ авторъ вывелъ на сцену самого себя, разумъется, героемъ, самъ себя играетъ, выставляя въ черномъ свътъ всъхъ своихъ противниковъ, изъ которыхъ многіе еще живы, другіе умерли недавно. Невъроятно!

BERG COROLL CORRECT CONTROLL COLL COLL STRUCK CORP WILL

and pinton problems and the contract of the co

. том от тем выполнять выстать выполнять выстать выполнять выполнить выстать выполнить выполнить выполнить выполнить выполнить выполнить

смъсь.

reference to the fill the state of the property of the state of the st

estando est, chimeno e tratación a contratación de la contratación de la contratación de la contratación de la La tratación de la contratación de la contratación

DPAABE.

(НЕКРОЛОГЪ.)

Статья Луи Корменена.

Одинъ изъ знаменитъйшихъ представителей современнаго искусства, Прадье, умеръ, пораженный въ силъ возраста и въ полной зрълости своего таланта. Онь достигь той поры жизни, когда всякій замічательный художникъ, онираясь на полное славы прошедшее, имфетъ право заключиться въ самомъ себъ и отдохнуть, но, преслъдуемый неутомимой потребностью творить, Прадье могь еще долгое время продолжать свою дъятельность. Геній счастливый, плодовитый, расточительный, неистощимый въ своей производительности и всегда способный къ блестящему и внезапному вдохновенію, онъ имѣлъ рѣдкую способность немногихъ избранныхъ натуръ, которыя не только не позволяють времени ослабить или уменьшить ихъ дъятельность, а крыпнуть и молодыють съ годами. Иногда мы встръчаемъ въ лъсахъ въковые дубы, прямые и величественные подъ жесткой корою; стольтія, скопившіяся надъ ихъ маститыми вершинами, не могли ни пригнуть ихъ вътвей къ земль, ни склонить ихъ стана: они всегда покрыты весенней зеленью. Такъ и для Прадье, самой прекрасной и живой эпохой таланта были последніе годы жизни.

По одной изъ странностей, свойственныхъ случаю, Прадье родилсявъ 1790 году, въ Женевъ, городъ мрачной скуки — странная колыбель для поклонника языческаго міра. Воображенію грезится видъть его рождающимся, подобно Тиндариду, на берегахъ какого-нибудь

освъщаемаго въ первые часы жизни Евротаса среди олеандровъ, блескомъ лазурнаго неба; убаюкиваемаго на рукахъ улыбающихся нимов, въ вругу миоологическихъ очарованій той Греціи, земли которой и климать были усыновлены его геніемь. По воспитанію и направленію искусства никто не быль женевцемъ менте Прадье. Если-бы мы върили во вліяніе климата на судьбу отдільнаго человіка, приміръ Прадье могъ-бы опровергнуть наше в врование. Впрочемъ онъ принадлежить къ семейству французскому, удалившемуся въ Швейцарію послѣ уничтоженія нантскаго-эдикта: его таланть столь ясный и французскій, достаточно обличаеть его происхождение. Его готовили къ ремеслу гравера, такъ-же какъ и старшаго его брата, которому мы обязаны прекрасной гравюрой съ картины г. Энгра «Tu Marcellus eris»; но Прадье былъ увлеченъ непобъдимымъ призваніемъ къ скульптуръ и вступилъ въ мастерскую Лемота. Случай, по-видимому пустой, но интересный для біографа и который Прадье любиль разсказывать, ознаменоваль первыя годы его ученія, въ то время, когда Лемотъ начиналь барельефы во дворъ Лувра. Императоръ Наполеонъ, въ одинъ изъ промежутковъ между побъдами, пришель осмотръть работы; Лемотъ, окруженный учениками, представилъ императору молоденькаго мальчика съ бълокурыми выющимися волосами и умной физіономіей; это былъ Прадье. Императоръ провель рукой по головъ юноши, и, потредавъ его ласково по щекъ, сказаль: «это хорошая голова, которая пойдеть далеко». Всемь известно, какимъ блистательнымъ образомъ осуществилось предсказаніе импе-

Прадье является въ первый разъ въ 1812 году. Онъ состязался на большую римскую награду и получиль-бы ее, если-бы не вышелъ изъ условій, предписанныхъ конкурентамъ. Во всякомъ случав, его произведеніе выказало талантъ, до того свежій и ранній, что, по просьбв Лемота, онъ получилъ пансіонъ изъ суммъ министерства внутреннихъ дель и въ то-же время былъ освобожденъ отъ конскрипціи: милость необыкновенная, если вспомнимъ годъ, въ который она была дана. Прадъе показалъ себя достойнымъ этого, ибо въ следующемъ году (1813) онъ получилъ первую большую награду за барельефъ Оилоктеть на островь Лемпось. Время не было въ-особенности благопріятно для художествъ; великія событія отвлекали отъ нихъ вниманіе общества.

Прадье отправился въ Римъ, гдѣ пробылъ пять лѣтъ. Въ Римѣ, безъ сомнѣнія, онъ мечталъ объ Афинахъ: суровый римскій геній не былъ ему сроденъ, и онъ былъ чужимъ среди вѣчнаго города. Чтобы понять Римъ, нужна созерцательная душа Пуссеия, геній въ то-же время безыскусственный и трудолюбивый, проникнутый строгимъ изученіемъ древности.

Римское ваяніе угловато, сильно, полно мысли; оно носить отпечатокъ мощной тяжести и массивой полноты, какъ прилично народу ликторовъ, трибуновъ и авгуровъ. Оно имѣетъ какой-то воинственный характеръ, и въ немъ никогда благородство не смягчается раціей, не развеселяется улыбкой; лбы низки, глаза неподвижны, лики суровы, связки прочны, скопированы съ типа Геркулеса и атлетовъ. Са-

Смись.

мыя женщины, окаментлыя въ неподвижности молчаливой позы, сохраняють строгія положенія тела весталокъ и матронь. Въ бюстахъ, статуяхт, въ украніеніяхъ памятниковъ, въ барельефахъ гробницъ, видінь пародь вонновь, вовлеченный въ пепрерывныя войны, и семью женщинъ, уединившихся въ глубину дома, вокругъ священнаго алтаря или въ таинственной съни домашнихъ ларовъ. Прадъе не могъ сочувствовать римскому міру. Смотря по направленію занятій и настроенію ума, обывновенное д'яйствіе пребываніе въ Римъ, или утверждаеть или ослабляеть въру. Прадье язычникъ, въ Римъ вдыхаль цвътъ древности; въ Ватиканъ онъ жилъ въ средъ греческаго иснусства, въ кругу боговъ и богинь, восхиттиельныхъ и легкихъ созданій мраморнаго Олимпа. Созерцая ихъ, онъ могъ развить и облагородить врожденное въ немъ чувство изящества. Педантическія изслідованія его не занимали: онъ изучаль не по Винкельману, но глазами. Прадье посвятиль себя служенію формы и почитанію гармоническихъ линій и пластической красоты, которыхъ върнымъ и постояннымъ поклонникомъ онъ остался всю жизнь. Современникъ Перикла, предъ его изумленными глазами Венера сбросила льняной нокровъ, который скрываль весь блескъ ея тыла. Безъ усилій, по инстинкту увлеченный непобедимымъ призваніемъ, онъ сделался ученикомъ-продолжителемъ, и, прибавимъ мы, часто счастливымъ соперникомъ Праксителя и Фидіаса.

Прадье употребиль свое время съ пользою присланныя имъ произведенія обратили вниманіе: барельефъ «Аристей оплакивающій своихъ пчель », нын' въ женевскомъ музе ; «Центавръ и Вакханка » бронзовая группа; бюстъ Ш. Боннэ, сынъ Ніобеи произенный стрелою (въ Люксамбургѣ). На выставкѣ 1819 года онъ получилъ золотую медаль. Отъ 1821 до 1823, онъ во второй разъ быль въ Римѣ Въ 1822, Прадье сдъланъ кавалеромъ Почетнаго Легіона. Ему были повърены важныя работы: городъ Парижъ заказалъ ему «Св. Петра» для церкви Св. Сульпиція, «Мученіе Св. Андрея и Св. Августина для церкви Св. Рока. Людовикъ XVIII заказалъ ему бюстъ короля, барельефы: герцогъ Ангулемскій отпускающій посланныхъ отъ кадиккихъ кортесовъ, для тріумфальныхъ каруссельскихъ вороть, и для церкви Св. Людовика въ Версали «Герцогъ Беррійскій въ исполненіи религіи». Правительство купило у Прадье, для помъщенія въ Люксамбургскомъ дворцѣ, двѣ восхительныхъ статуи, «Венеру «и » Исихею », изваянную имъ изъ колонны древняго мрамора найденнаго въ Веяхъ. Академія Художествъ, въ засѣданіи 23 іюня 1827, избрала его своимъ членомъ, на вакансію, открывшую ся по смерти Лемота, учителя Прадье; въ следующемъ году, онъ по лучиль офицерскій кресть Почетнаго Легіона.

Въ это время романтическое движеніе, предуготовленное Жерико, Евгеніемъ Делакруа и друг., и умственный перевороть, произведенный Викторомъ Гюго, увлекли умы къ среднимъ вѣкамъ и со всею силою нововведенія противудѣйствовали классицизму и псевдо-класической школѣ Давида. Скульптура устремилась вслѣдъ; это искусство, бѣлое по преимуществу, казалось, приняло въ свою очередь краску и проникго

въ жизнь. Одинъ изъ юныхъ смъльчиковъ тогдащняго времени, Августъ Прео, вздумалъ продолжать Микель-Анджело и Пюжэ. Онъ силилея вдохнуть въ неодушевленную массу новьйшія стремленія, одушевить ея холодъ и сообщить быструю необузданность и энергическое движение отвагой и нетеривніемъ, которыхъ быль полонь его умъ. Воззваніе къ войнь, изданное Пюже, замерло безъ отголоска. Средніе въкабыли осмотрѣны, перерыты, разобраны по частямъ. Искусство облачилось въ священническія ризы и заключилось въ церквахъ, какъ въ убъжищъ мира и въчнаго блаженства. Оно въ волненіи пробъгало зданія соборовъ, удивлялось могучему и наивному воображенію въ барельефахъ, преклонялось предъ алтарями, увѣнчанными грубо выръзанными изображеніями; оно подияло витязей, лежавшихъ наихъ гробницахъ, епископовъ, простертыхъ на церковныхъ плитахъ, феодальныхъ бароновъ, стоявшихъ въ полномъ вооружении, со сложенными руками, съ върнымъ мечемъ у бока; оно взещло по лъстницъ башни и влюбилось безумной любовью въ маскароны, гивры, или безобразныя маски, каменный зв ринецъ, который реветъ, скрежещетъ и хохочеть вокругь мирнаго изголовья церкви. Сделавшись феодальнымъ и монастырскимъ, искусство не пошло до возрожденія и откреклось отъ Жана Гужона и Жермена Пилона, какъ возстановителей язычества, изящнаго умнаго и изысканнаго. Прадье остался всторонъ и упорствоваль въ поклоненіи язычеству избъгая примъси XVI въка. Мы считаемъ долгомъ указать на эту неизмѣнную привязанность къ древности привязанность, которая выражалась направленіемъ и вдохновеніемъ его таланта. Охотно пренебрегая мыслію, Прадье довольствовался быть удивительнымъ работникомъ, орудіемъ неимов врной плодовитести и быстроты. Производить и всегда производить было для него закономъ. Обаяніе древней скульптуры не заставляло его однако-жъ пренебрегать натурой, къ красотамъ которой высказываль просвъщенное удивленіе. «Копируйте природу, но съ выборомъ », говаривалъ онъ ученикамъ, которые спрашивали его совътовъ и допытывались тайны его искусства. Одаренный огромной способностью къ труду и большой силой воли, онъ имълъпривычку вставать рано и чертить фигуры, которыя думаль воспроизвести. вноследствін; число этихъ эскизовъ, рисунковъ его статуй, чрезвычайно велико. Прійдя въ мастерскую, онъ приказываль первому попавшемуся ученику исполнить модель рисунка. Когда статуя была сделана, Прадье изменяль ее, прибавляль, переделываль, заставляль ее терпъть всъ измъненія своей прихоти или своего духа, и почти все гда окончательная форма ни въ чемъ не походила на первоначальный эскизъ. Была-бы статуя хороша и онъ довольствовался этимъ; другіе давали ей имя, которое она должна была носить; ръдко онъ оканчивалъ самъ свои произведенія: это происходило оттого, что Прадье, прежде всего, не нужно этого забывать, быль плодовить безъ усилій, и хотя онъ много видёлъ, много сравнивалъ, много копировалъ съ древностей, но вдохновение замъняло для него изучение. Таковы счастливо одаренныя натуры: для нихъ работа не есть трудъ, но какъ-бы развлеченіе и отдыхъ.

Сміьсь.

Для него марморъ пріобрѣталь гибкость тѣла; онъ принималь подъ его пальцами щероховатость, прозрачность, игру свѣта и матъ кожи. Больше чѣмъ кто-либо, онъ полчинилъ себѣ марморъ. Микель-Анджело разсказываеть, что глыбы мармора дрожали при его приближеніи: предъ Прадье, мнѣ кажется, глыбы должны были улыбаться. Онъ въсамомъ-дѣлѣ никогда не допускалъ безобразія въ область искусства, всякое безобразіе было ему отвратительно, какъ диссонансъ красоты, этой дщери Іоніи, заблудившейся въ нашемъ туманномъ климатѣ. Прямое родство привязывало его къ Андрею Шенье, другому греку элегіи, который сообщилъ французской поэзіи благоуханіе меда гиметскихъ пчель. Это сходство двухъ геніевъ, похожихъ и вмѣстѣ различныхъ, довольно часто встрѣчается въ исторіи искусства. Андрей Шенье и Прадье у подошвы священнаго Геликона, который только они одни посѣтили.

Никто такъ не понялъ, какъ Прадье, цѣломудрія наготы, никто не облачиль человѣческаго тѣла въ подобный идеалъ красоты. Женщина облагороживается и холоднымъ величіемъ держитъ васъ на почтительномъ разстояніи, котораго не можетъ преступить самый дерзкій глазъ; Леда можетъ дрожать, когда придетъ лебедь, но она знаетъ, что подъ бѣлыми перьями птицы скрывается Юпитеръ, который пришелъ ее навѣстить. Ни Одалиса, ни Фринея ни Легкая поэзія, ни Кассандра ни Нилея, ни Сафо не измѣняютъ этому тонкому чувству. Греція навѣрно не отказалась—бы признать своими эти легкіе образы, и чтобы дать имъ вырисоваться въ изящныхъ силуэтахъ, голубое небо Аттики служило-бы имъ натуральнымъ фономъ.

Прадье уважалъ марморъ, какъ негибнущее вещество, созданное для прославленія героевъ. Никогда его рѣзецъ не осквернилъ мармора нечистымъ прикосновеніемъ.

Микель-Анджело имѣлъ претензію быть продолжителемъ античнаго: Прадье могъ назваться продолжителемъ Венеры мелійской, Клеоменъ гордился-бы овоимъ потомствомъ. Онъ былъ изъ кориноянъ. Съ юно-шескимъ жаромъ, ничѣмъ не утомляемымъ, Прадье производилъ непрестанно и оставался невозмутимымъ на проломѣ каждой выставки. Всѣ помнятъ тотъ уголокъ музея, куда онъ приносилъ свою годичную дань, темный уголокъ, который почитатели Прадье превратили въ небольшой храмъ. Мы не имѣемъ намѣреніе описывать здѣсь статуи, живыя въ памяти всѣхъ, и предпочитаемъ указать ходъ искусства и стремленія Прадье. Иногда онъ имѣлъ привычку окрашивать свои статуи и и украшать золотомъ платье гречанки изъ своего рода кокетства, утонченности, въ которыхъ его упрекали несправедливо.

Внѣ выставокъ и музеевъ, рядъ произведеній Прадье чрезвычайно великъ. Онъ обогатилъ ими монументы, площади, церкви и фонтаныпарижскія собранія въ провинціи и большое число кабинетовъ любителей. Произведенія его увидятъ въ хронологическомъ порядкѣ въ каталогѣ, въ которомъ мы ихъ соединили и который будетъ служить читателю говорящей исторіей.

Талантъ Прадье, деликатный и нѣжный, умѣлъ до того подчиниться требованіямъ монументальной скульптуры, онъ имѣлъ такое глубокое знаніе своего искусства, до того былъ свыченъ съ практивой его, рѣвецъ его былъ такъ разнообразенъ, такъ всеобъемлющъ и до того гибокъ, что онъ по своей волѣ обработывалъ глину, бронзу, камень и марморъ. Сюжетъ языческой или религіозный аллегоріи, бюсты, групны, барельефы, фигуры, — онъ испробовалъ все и во всемъ услѣлъ. Тамъ, гдѣ онъ былъ слабъ по идеѣ, которою, по нашему мнѣнію, онъ слишкомъ пренебрегалъ, тамъ онъ поддерживалъ себя искусствомъ и чудной красотою. Обладатель формы, быть можетъ, онъ слишкомъ привязался къ ней и пренебрегалъ высшимъ стремленіемъ искусства. Его статуи не думаютъ—это правда, по онѣ заставляютъ мечтать: имъ удивляешься, видишь въ нихъ осуществленныя мечты, какъ мимолетныя видѣнія, пойманныя и остановленныя для наслажденія глазъ.

Никогда очаровывающая грація и какая-то неуловимая прелесть жизненнаго дыханія его не покидають, даже тогда, когда онъ увеличиваеть разм'єры, д'єлаеть-ли онь для Мольерова фонтана музу комическую и музу серьозную, ставить-ли въ положеніе спокойный силы Лиль и Страсбургъ на площади Согласія, или в'єтпаеть подъ тріумфальными воротами четыре славы въ осьмнадцать футовъ, уносимыя движеніемъ криль, разсыпающія пальмы и трубящія въ трубы. Для могилы императора онъ изваяль дв'єнадцать колоссальныхъ поб'єдъ; въ Ним'є онъ создаль фонтанъ, достойный красоваться на площади Милета. Его бронзы Минерва, Анакреонъ и Мудрость, если-бы были найдены въ Помпеть, были-бы приняты за произведенія эпохи высшаго процв'єтанія литейнаго искусства.

Ни одинъ талантъ не усвоивалъ себѣ болѣе избраннаго сюжета и не передавалъ его съ болѣе просвѣщенной вѣрностью, болѣе вѣрнымъ и тонкимъ вкусомъ.

Мы считаемъ долгомъ, для узнанія послѣдовательности его произведеній и уразумѣнія его жизни, какъ художника, представить полный каталогъ его произведеній.

РЕЛИГІОЗНЫЯ ФИГУРЫ.

Святая Дъва, марморная статуя для Авиньонскаго собора, 1838 г. Піста, изъ пиринейскаго мармора, 1847 г., въ Тулонъ. Святой Петръ, церковь Св. Сульпиція. Св. Андрей, мученикъ, церковь Св. Рока.

группы и фигуры.

Группа Центавръ и Вакханка 1819 г., Нимфа изъ мармора 1819 г., нынъ въ руанскомъ музеъ. Сынъ Нюбеи 1822 г., въ люксамбургскомъ

Смись.

музећ. Психея, статуя изъ мармору 1824 г., тамъ-же. Прометей, статуя изъ итальянскаго мармора 1827 г., въ Тюильрійскомъ саду. Венера, статуя изъ пиринейскаго мармора. Три граціи, марморная группа. Цинариссъ и его олень, ст. изъ мрамора. Молодая охотница, ст. изъ мармора. Сатиръ и Вакханка, марморная группа. Венера и Амуръ, марморная групна. Одалиска, ст. изъ мармора. Каассандра, ст. изъ мармора. Страсбургъ и Лилль, колоссальныя, каменныя статуи. Двѣ музы комедіи, ст. изъ мармора. Фринея, ст. изъ мармора. Легкая поэзія, ст. изъ мармора. Группа: Центавръ и Вакханка, выставки 1819 г. Нимфа изъ мармора, 1819 г., теперь вь Руанскомъ музев. Сынъ Ніобеи, 1820, въ Люксанбургскомъ музев. Психея, марморная статуя, 1824 г., тамъ-же. Прометей, ст. изъ итальянскаго мармора, 1827 г., въ Тюильрійскомъ саду. Венера, ст. изъ пиринейскаго мармора, копей санъ-беатскихъ, 1827, въ Орлеанскомъ музећ. Три граціи, группа изъ мармора, 1831 г., въ Версальскомъ замкъ, въ Венериной залъ, на открытой половинъ. Ципарисъ и его олень, марморная группа, 1833 г. Молодая охотница, марморная ст., 1833 г. Сатиръ и Вакханка, 1834 г., въ собраніи Демидова. Венера и Амуръ, группа изъмармора, 1836 г. Это, безъ сомивнія, Венера, утвишающая Амура, которую видвли воспроизведенной изъ мастики на последней мануфактурной выставке. Одалиска, марморная ст., 1841 г., въ Ліонскомъ музев. Кассандра, марморная ст. 1843 г., въ Авиньонскомъ музев. Страсбургъ и Лилль, колоссальныя статуи изъ камня для площади Согласія въ Парижъ. Двъ музы комедіи, ст. изъ мармора, для мольерова фонтана въ Парижъ. Фринея, марморная ст., 1845, въ собраніи г. Бенжамена Делессера. Легкая поэзія, марморная ст. 1846 г., въ нимскомъ музев. Анакреонъ и Амуръ, небольшая бронзовая группа, 1846 г., Мудрость отбивающая стрълы Амура, небольшая оронзовая группа, 1846 г. Амазонка верхомъ и два генія укрощающіе тигровъ, въ циркъ Елисейскихъ полей. Ниссія, статуя изъ греческаго мармора, 1848 г., въ моннельескомъ музев. Сафо, ст. въ половину человвческаго роста изъ броизы, 1850-1851 г. Хлога, даскаемая Зефиромъ, ст. изъ карфелого, 1840 г. Туалетъ Аталанты, марморная статуя, 1850-1851 г., въ люксанбургскомъ музев. Медея, небольшая бронзовая ст., 1850 — 1851 г. Пандора, небольшая бронзовая ст., принадлежащая Е. В. королевъ англійской, 1850—1851 г. Геба, дающая пить орлу Юпитера, бронзовая ст. Леда, статуйка изъ слоновой кости, золота и серебра, принятая на лондонскую выставку. Фигуры нимскаго фонтана. Промышленность, каменная статуя въ сидячемъ положеніи, у Биржи, со стороны улицы Notre dame Des-Victoires. Сафо, марморная статуя, 1852 г. Двънадцать повъдъ, колоссальныя фигуры изъ мармора для гробницы императора. Пандора, эскизъ. Умирающий солдатъ, то-же. Полифемъ, модель изъ гипса. Улиссъ, упосящий тъло Ахиллеса, гипсовая модель. Гомеръ, модель изъ гипса. Амуръ и Исихея, сидящая группа; она уже исполнена изъ бронзы, но въ маломъ видъ.

contenues to the second contenues of the second sec

next on her amounts have been

историческія фигуры.

Фидіасъ, марморная ст., въ Тюильрійскомъ саду. Коннетабль де-Монморанси, ст. изъ гипсу, въ версальскомъ музећ. Гастонъ де-Герцогъ орлеанскій, братъ Людоника XIII, марморная ст., въ версальскомъ музев на лъстницъ принцевъ. Луи-Жозефъ, герцогъ гандом скій, гипсовая статуя, въ версальскомъ музев. Жанъ-Жакъ Руссо, бронзовая ст для города Женевы. Герцогъ беррійскій умирающій въ исполненіи религіи, группа въ версальской церкви Св. Людовика; Шарль д'Орманъ, графъ де-Божоло, умершій въ Мальть въ 1808 г. въ версальскомъ музећ, повтореніе наподится на гробницѣ этого принца въ церкви Св. Іоанна на Мальтъ. Е. К. В. Монсиньоръ герцогъ Орлеанскій, сидячая марморная ст., пьедесталь работы Гарно, архитектора, 1846 г. Караъ-Фердинандъ-Люи-Филиппъ-Эммануэль д'Орлеанъ герцогъ Пентьеврской, лежачая ст. изъ мармора, для часовни въ Дрё, 1847 г. Франсуа-Кородинъ д'Ордеанъ (М-ше Монпансье), лежачая ст. изъ мармора для часовни въ Дрё, 1847. Маршалъ Сультъ, почетная ст. изъ мармора, въ версальскомъ музев. Адмиралъ Дюперре, статуя изъ гипса, въ Версальскомъ музеумъ. Шарль-Марія-Денисъ, герцогъ Дамремонтскій, генераль-лейтенанть, марморная ст., 1839 г., въ версальскомъ музев. Г. Жоффрул, членъ Института, марморная ст. для Безансона, 1846 г. Г. а'Арсе, членъ Института, маленькая ст. изъ гипса, 837 г. Г. В. .. бронзова статуэтка, 837 г. Г. де-Бемгеймъ, марморная статуэтка, 1848 г. Докторъ І. Клока, статуатка изъ гипса.

БЮСТЫ И ПОРТРЕТЫ.

Коннетабль Морморанси, марморный бюсть, въ Версали. Шарль Вонне, мармойный бюсть, 1822 г., безъ всякаго сомнинія, для Женевы. Людовикъ XVIII увъчанный лаврами, бюсть изь пароскаго мармора, сдълань въ Римъ въ 1824 г., вь версальскомъ музеъ. Карлъ, бюстъ изъ пиринейскаго мрамора, изъ копей С. Беатскахъ, 1827. Люи-Филлипъ, бронзовый бюсть, 1833 г. Онъ-же, марморный бюсть, 1845 г. Кювье, бюстъ изъ французскаго мармора, 1833 г., безъ сомнвнія, для ботанического сада. Баронъ Жераръ, марморный бюстъ заказанъ правительствомъ 1833 г. Сисмонди, бронзовый бюсть, 1843 г. Г. Ераръ, марморный бюсть 1843 г. Г. Палье, мраморный бюсть, 1846 г. Г. де-Сальванди, марморный бюсть, 1847 г. Г. Леверрье, марморный бюсть, 184 г. Бюсть доктора Флоберта, для Отель де-Дьё въ Руанв, марморъ. Бюстъ г-жи С. Г., принадлежащій г. Густаву, пароской марморъ. Каминъ Дусе, готовый бюсть. Статуя г-жи Ф ... эскизъ изъ мармору. Статуэтка г-жи Ноэми Констанъ. Медальонъ г-жи Маркальонъ. Медальонъ г-жи Массаръ. Г. Кавэ, марморный бюстъ. В. Спонтини, марморный бюстъ. Императоръ бразильскій, марморный бюсть. Лемоть, члень Института; марморный бюсть. Г. Оберь, члень Института, марморный бюсть, 1847 г. Г. Барбье, марморный бюсть, 1850—1851 г. Г. Максимъ Дю Какъ, бронзовый бюсть 1850—1851 г. Г. Поль Жильерь, марморный бюсть. Бюсть для г. Женевье, позолоченный гипсъ исполненный Прадье и его учениками гг. Лекенъ и Гольомъ 1852 г.; это бюсть самого Прадье, колоссальныхъ размъровь. Г. Ромье, гипсовый бюсть, оконченный въ послъдніе дни жизни Прадье. Г. Фёшеръ, медальонъ изъ малахита, для вазы поднесенной госпиталями. Императоръ Наполеонъ, камей принадлежащій принцессь Матильдъ.

БАРЕЛЬЕФЫ.

Филоктеть на о-въ Лемносъ, желающій произить Улисса своими стрълами, барельефъ на награду, нынъ въ женевскомъ музеъ. Аристей, плачущій по своимъ пчеламъ, барельефъ посланный изъ Рима, нынь въ Женевь. Герцогь Ангулемской, отпускающій пословь кадикскихъ кортесовъ, барельефъ для карусельскихъ тріумфальныхъ воротъ. Четыре славы въ осемнадцать футовъ вышины для, тріумфальныхъ вороть Звизды. Къ этимъ указаніямъ можемъ прибавить какъ рѣдкость, портреть M-lle А. В.... выставленный Прадье на выставку 1836 г., и различныя картины на выставк 1837 г., - раненная нимфа и нимфа въ купальнъ. Но что составить славу и скажеть оригинальность Прадье, это тысячи статуэтокъ съ такимъ редкимъ и женскимъ выраженіемъ, которыя рождались подъ его пальцами въ минуты вдохновенія. Говорять: женщины Гаварни; можно сказать, -женщины Прадье. Уважая красоту формъ, онъ умълъ внести античный типъ въ настоящую жизнь и освободить новъйшія времена отъ классическихъ оковъ. Не смотря на безобразіе нашего костюма, онъ открыль женщину, высказаль вамь ел позы, ел грацію, ел ласки, гармонію членовь, гибкость торса, волнообразныя движенія бедръ, изгибы шеи, разнообразіе положеній, граціозную небрежность движеній, гордость и даже жеманство. Умьть остаться классикомъ и человъкомъ новаго времени, быть съродни Периклу и принадлежать къ XIX стольтію, слить въ одинь единый типъ красоты различные элементы, переродить наготу, изъ Парижа сдѣдать Абины, - таковъ былъ подвигъ Прадье. Онъ не оставилъ теоріи, онъ не имълъ на это ни времени, ни жизни; онъ оставилъ лучше, чъмъ теорією-свои произведенія. Многочи ленные ученики образовались на его глазахъ, изъ нихъ мы укажемъ на Лекена, Ферра, Гальома, Малье, Гононъ. Для нихъ онъ былъ другомъ, часто отцемъ; кошелекъ его никогда не быль закрыть для нихъ, никогда онъ не отказываль имъ въ своей помощи. Мастерская его всегда была открыта и каждый могь ее осматривать; онъ не затворялся изъ ревности. Потеря Прадье велика, потому-что онъ унесъ въ могилу часть тайнъ своего искусства и свой чудный разецъ. Когда распространилась новость о его смерти, этотъ ударъ 10 Смпьсь.

до того неожиданный и ужасный, поразиль всёхь. Всякій чувствоваль, что еще одна звёзда скатилась съ артистическаго неба. Набожная толна проводила его въ послёднее жилище; въ ней были не только его друзья, но и его соперники. Наука, литература и искусство тёснились вокругь знаменитой могилы, ибо въ скупую землю погребли послёдняго изъ грековъ, Филопомена скульптуры.

The state of the second control of the second

одна изъ нимфъ гипподрома.

Free of the second seco

РАЗСКАЗЪ АДОЛЬФА ШТАРА.

y a finit partie i sus via la la partir a si marriaga de la sel de la sacia de la secona de la come de la come La companya de la co

And the state of t

The first of the state of the s

Весело пылаль огонь въ каминъ, трещаль, металь искрами, точно посмъпвался надъ непогодою, которая стучала въ окна подкровельной комнаты сильными брызгами дождя. «Огонь камина!» Ужъ само слово звучить какъ-то тенло и пріютно. Хорошенькая Антоанета, единственная дочь нашего мосьё Нипле-Леруа, знала, что говорила, когда на мои похвалы нёмецкимъ печамъ отвёчала только: mais c'est si triste! Въсамомъ-дъль, каминъ веселый актеръ, а печь просто унылый статисть въ комнатной компаніи. За печкой, на лежанкъ можно спать; но жить, бесвдовать, дружески болтать можно только у пылающаго камина. Печка проза, каминъ поэвія. Сидѣть у печки съ любимою женщиной — ужась! Но сидъть у камина, у ногъ ея, или рядомъ съ нею; глядъть на пламень, созерцать эти вспышки и блестки, эти вальсы искръ, и помѣшишивать огонь и подбавлять ему новой пищи, и радоваться тихой пъсив самоножирающаго огня, любоваться отблесками свъта, которые онъ мечеть на милое лицо, - если это не поэзія, то другой нѣть на свъть.

И они оба сидъли у камина, — красавчикъ Франсод и моленькая, хорошенькая Амели, съ темными кудрями и съ блестящими черными глазками, которые сверкали въ-запуски съ огнемъ, пылавшимъ у ея ногъ. Они не ходили въ тотъ день танцовать въ Closeries du lilas, да и давно уже не ходили. Денегъ не было у нихъ на воскресныя удовольствія, Canco. 11

и Франсоа сидълъ на-верху, по уши въ занятіяхъ къ предстоящему экзамену: Она была спротка, безъ родныхъ, безъ крова: Франсоа пріютиль ее въ своемъ тесномъ углу, состоявшемъ изъ двухъ коморокъ подъ чердакомъ; она работою рукъ содержала маленькое хозяйство этого уголка. Оба любили другь друга чистьйшей, непорочной любовью: они мечтали о томъ, чтобъ увънчать эту любовь бракомъ-и вожделънный чась этоть должень быль скоро наступить. Франсой быль быдень, а она не им гла цичего, кромъ своихъ работящихъ рукъ, которыми вышивала и шила самыя тонкія шемизетки и воротнички, на магазинъ боатаго мосьё Перналена, въ улицъ Вивьенъ. Этимъ крошечнымъ доходомъ ужъ давно принуждены они были жить двое. Отецъ Франсоа потеряль свое скромное мъсто въ провинціальномъ городъ. Съ той поры, бѣдное жалованье Франсоа вовсе прекратилось. Отецъ писалъ ему: «Любезный сынъ, я въ крайности; не могу больше посылать тебь ничего, хотя знаю, что тебь остается еще съ полгода учиться въ Парижъ Мать твоя въ отчаяніи, но слезъ не заложишь, какъ наше серебро, которое, вотъ ужъ два мъсяца, гостить въ ссудной казнъ Когда ты воротишься домой челов комъ, то, можетъ быть, дашь другой оборотъ дыамь, особливо когда женишься. Воспитанница скуной старухитетки была-бы тебѣ хорошая партія. А до-тѣхъ-поръ, промышляй, какъ знаешь, чтобъ вывернуться изъ тисковъ ».

Легко было это сказать, да мудрено сдѣлать. Пріятели Франсоа, конечно, были добрые товарищи. Но къ-несчастью, они имѣли еще меньше наличности, чѣмъ онъ самъ. Правда, въ Парижѣ молодому человѣку прожить недорого стоитъ, а все-таки стоитъ. Родные, къ которымъ писалъ-было Франсоа, не выручили его изъ бѣды. Старая богатая тетка, къ которой онъ наконецъ прибѣгнулъ, даже написала ему, что ей очень извѣстно, какъ ея пъемянничекъ ведетъ расточительную жизнь, объ этомъ увѣдомилъ ее маленькій Беноа, племянникъ. караулившій наслѣдство, — и прибавляла, чтобъ онъ впередъ не осмѣливался докучать ей своими просительными письмами.

Нисьмо тетушки обощлось племяннику въ тридцать сантимовъ за почтовую пересылку, подому-что тетушка терпѣть не могла франкировку своихъ инсемъ. Теперь, письмо это, смятое, валялось на полу тѣсной подкровельной комнатки, у камина которой сидѣли Франсоа съ Амели. Франсоа угрюмо смотрѣлъ на вспыхивающее пламя, въ которое Амели только-что подбросила дровъ. — Что-жъ ты думаешь теперь дѣлать, Франсоа?» спросила Амели.

- Не знаю! отозвался молодой человъкъ мрачно. —Кажется, пойду въ солдаты!»
 - Ты, въ солдаты! Полно, Франсоа!
- Да чёмъ-же все это кончится, Амели? Мнф остается еще по-крайней-мфрф пять мфсяцевъ до экзамена, а у меня ни полушки денегъ, и если бы последнюю треть я не жилъ у тебя, въ твоей мансардф, мнф было-бы некуда голову приклонить».
- Позволь-же сказать, другъ мой, бывало это съ людьми не хуже тебя, а не шли они въ солдаты. Да и развѣ тебѣ дурно у меня?

прибавила она съ плутовскимъ взглядомъ, который придалъ хорошенькому личику такое привлекательное выраженіе, что даже грустный Франсоа не утерпѣлъ, наклонилъ къ себѣ ея головку и поцѣловалъ ее въ лобъ. Но вслѣдъ за тѣмъ, устремя долгій взглядъ ва ея почти лихорадочно раскраснѣвшіяся щеки, онъ продолжалъ съ тоскою:—Ты для меня убиваешь себя, Амели. Работаешь день и ночь: глаза твои портятся отъ ночнаго шитья, чтобы меня поддерживать. И хотя у насъ только одинъ хлѣбъ съ водою — ты не вынесешь этой жизни, и я тоже! Я не потерплю долѣе, чтобъ ты губила себя. Ты молода и хороша, желала-бы пожить, какъ другія, а со мною видишь только голодъ да нужду!

- А любовь твоя, Франсой? сказала Амели, нѣжно ласкаясь къ нему. Развѣ ты не считаешь этого за счастье? И развѣ я не знаю, что ты одинъ изъ самыхъ дѣльныхъ людей, какъ говорятъ сами твои товарищи, и притомъ самый прилежный и самый честный, какъ я сама вижу каждый день? О, повѣрь! ты самое лучшее, самое дорогое сокровище твоей бѣдной Амели. Утѣшься, настанутъ и для насъ лучшіе дни.
- Амели, милая моя, сказаль молодой человѣкъ:—выслушай меня: я хочу сказать тебь, что у меня на душъ».
 - Говори, пожалуй, только что-нибудь умное, слышишь!
- Даже слишкомъ умно, возразилъ молодой человъкъ угрюмо, между тъмъ, какъ дъвушка расчесывала уютными пальчиками его темныя кудри. Ты говоришь, для насъ еще настанутъ лучшіе дни?...
 - Разумъется! говорю и утверждаю!
- А знаешь-ли что, если даже мнѣ удастся прожить здѣсь и окончить мой экзаменъ, что намъ все-таки, вѣроятно, надо будетъ разстаться? примолвилъ онъ, заикаясь.

Потокъ слезъ хлынулъ изъ глазъ дъвушки. Но скоро она оправилась, отерла лицо бълымъ передникомъ, и вскричала: — Ахъ, что я за
дура! плачу о томъ, что еще далеко! Пять мѣсяцевъ — да это въчность, и вѣчность моя. Послѣ, дома, я знаю, тамъ тебя принудятъ жениться на другой, на богатой женщинѣ, чтобы сдѣлать карьеру. Чтожъ!
если отъ этого зависитъ твое счастіе — я о своемъ не подумаю... Но
пока у меня все еще есть надежда: ты мой! сказала она, снова улыбаясь весело. И она вскочила, повернулась на каблукѣ, и запѣла
Dans un grenier qu'on est bien à vingt ans!

Вскочиль и Франсоа.—Ты доброе дитя, сказаль онь: лучше всёхъ чонорныхъ провинціалокъ, Будь я презрёнь, если не люблю тебя больше всёхъ въ мірѣ. Однако, пора за работу. Теперь, комната нагрѣлась довольно: можно сёсть писать!»

— Постой, Франсоа! такого уговора небыло, прервала его Амели. Если ты забыль, что сегодня твои имянины, такъ я помию. Нынче вечеромъ не работають. У насъ свой праздникъ, продолжала она, выкладывая на столъ, предъ глазами удивленнаго, изъ своей рабочей корзины, бутылку вина, лимонъ съ сахаромъ и прочими снадобьями для пунша, и въ заключеніе, еще небольшую, тщательно завернутую кол-

Смњеь.

басу. Иусть не даромъ нишутъ, что мы въ Нарижѣ роскошничаемъ, какъ настоящіе сибариты.

- Помилуй, Амели, что за мотовство!
- Не дурачься, Франсоа, и не порти мнѣ веселья. Сегодня я сдала въ магазинъ свою работу. Мосьё Перналенъ былъ сегодня въ духѣ; кривоногій мосьё Перналенъ, потому-что я сказала ему, что онъ чудо какъ хорошъ въ своемъ мундирѣ. Я сказала только такъ, чтобы сказать что-нибудь, ты понимаешь, но онъ такъ глупъ повѣрилъ!

И опять, они оба сидъли у камина, и опять пылаль огонь и трещали искры. Но красный свъть пламени озаряль пару веселыхъ человъческихъ лицъ, которыя позабыли всякое горе, и помнили только, что они молоды и любять другь друга. Письменный столь стояль въ потемкахъ, и ни одинъ лучъ лампы не падалъ на кожаные переплеты квартантовъ и на толстыя учебныя тетради, лежавшія на столь. И гладильная доска спокойно стояла у стѣны, и тонкіе пальчики отдыхали отъ неугомонной работы иглою и утюгомъ. Столикъ для шитья придвинутъ быль въ камину и на немъ стояли стаканъ и чайная чашка: последняя служила вместе и для питья и для черпанья. А у огня стояль черный котелокь, въ которомъ Амели въ другое время варила сунъ, котелокъ, налитый горячимъ пуншемъ: онъ разливалъ прекрасный запахъ по комнать. Даже картузикъ табаку не былъ забытъ. Амели давно примътила, что бережливый Франсоа не куритъ ни одной сигары, и потому, увънчала праздникъ этимъ подаркомъ. Но изъ всъхъ сигареть, которыя она надълала ему искусной рукою, закуриль онъ сегодня одну только, да и ту скоро положиль прочь. Свъжее личико дъвушки, угощавшей его, плъняло его больше, нежели даже давно. невиданный табакъ.

Такъ жизнь ихъ длилась еще нѣсколько времени. Амели, въ тотъ вечеръ, сказала неправду. Расходы на имянины Франсой покрыла она не подаркомъ мосьё Нерналена, а избыткомъ работы многихъ и многихъ ночныхъ часовъ. Маленькое хозяйство ея приходило все больше въ упадокъ. Заведеніе для залоговъ, Mont de piété, улицѣ въ de Paradis, давно хранило карманные часы, Франсой и два золотыя кольца Амели. Больше нечего было заложить. А кромѣ того, случилось въ одинь прекрасный день, что мосьё Перналенъ отказалъ въ работѣ трудолюбивой Амели. Бывали вы въ гипподромѣ близъ Тріумфальныхъ воротъ? прервалъ разскащикъ свою исторію, обращаясь къ намъ.

Мы отвъчали утвердительно.

— Ну, такъ, върно, —продолжалъ онъ, вы когда-нибудь видъли тамъ великолъпное шествіе «Весенней колесницы» (char du printems), когда богиня весны, окруженная дюжиною геніевъ и нимфъ, совершаетъ путешествіе вкругъ ристалища. Для такихъ геніевъ и нимфъ, которые, въ легкомъ трико, стоятъ одной ногою на невидимой точкъ опоры, или въ летучемъ положеніи висятъ надъ колесницею, привязанные къ гибкимъ жельзнымъ жердямъ, — антрпренёръ нуждался въ самыхъ пригожихъ дъвушкахъ, потому-что именно красота и молодость составляютъ главныя приманки такихъ зрълищъ. Амели должна была

14 Смись

радоваться, что мосьё Поатвень ангажироваль ее на представленія своего гипподрома. Единственной заботою ея было, чтобы Франсоа́ ничего не зналь объ этомъ. Но Парижь великь, и тогда, какъ Франсоа́ воображаль ее вечеромь сидящею въ какомъ-пибудь магазинъ за шитьемъ, она, за пару франковъ, летала по гипподрому, въ видъ генія.

Такъ подопіла пора экзамена; съ нею, явилась новая крайность, новое затрудненіе. Франсой нужны были деньги на нѣкоторыя книги. Вся сумма была очень не велика. Но для Амели она была тяжела. Правда, Амели тайкомъ, со времени своего ангажемента въ гипподромѣ,—обстоятельства, неизмѣнно остававшагося секретомъ для Франсой — скопила небольшое число франковыхъ монетъ для этого страшнаго и вмѣстѣ желаннаго событія. Но этой суммы было недостаточно. Для полноты ея не хватало цѣлаго наполеондора. Утромъ, наканунѣ послѣдняго срока, Амеліи, сіяющая радостью, вошла въ комнату Франсой и положила ему на рабочій столъ желанный золотой. Радостно изумленный, молодой человѣкъ любопытствовалъ узнатъ, откуда она взяла деньги. Всѣ его просьбы остались тщетны.

— Это моя тайна, другъмой, — говорила она со смѣхомъ, хлопая отъ радости въ ладоши: моя тайна, до утра послѣ экзамена, — тогда все тебѣ скажу. Съ тѣмъ вмѣстѣ, она разсказала, что ей посчастиливлось найти опять работу въ новооткрытомъ магазинѣ и что Франсоа сегодня долженъ ожидать ее позже обыкновеннаго, потому—что одинъ важный заказъ, можетъ-быть, задержитъ ее въ магазинѣ поздно за вечеръ. Она приготовила ему скромный обѣдъ и простилась съ нимъ, торопясь въ магазинъ. Показалось-ли ему такъ, или точно голосъ я дрожалъ и на глазахъ навернулись слезы, когда она вскричала ему аdieu! и простясь, еще съ порога послала поцѣлуй рукой? Ему сдавалось, что онъ никогда еще не видывалъ ея до того растроганною.

Быль чудесный весенній вечерь. Солице клонилось къ западу Франсой цёлый день просидёль за своими книгами, когда одинь пріятель, который должень быль вмёстё съ нимъ держать экзамень, вошель къ нему въ комнату и предложиль сходить прогуляться въ Елисейскія-Поля. Франсой согласился. Они отправились на площадь Согласія. Вечернее солице свётило надъ тріумфальными воротами и золотило своимъ волшебнымъ блескомъ прекраснёйщую панораму въ свётё, которая открывается взору зрителя съ моста Согласія. Мостъ и площадь были наводнены зрителями, во множестве, необычайномъ даже для Парижа. Многочисленныя группы, не сводя глазъ, смотрёли въ сторону Тріумфальныхъ Воротъ, и штуки двё большихъ зрительныхъ трубъ, на подвижныхъ пожкахъ, обращены были потому-же направленію, хотя доселё никто изъ толпившейся публики не оказывалъ желанія пользоваться этими трубами.

- Что здёсь такое?—спросиль товарищь Франсоа у одного инвалида, который, въ качестве хозяина одной изъ трубъ, стояль подлё нея.
- А вы не знаете? О, есть что поглядёть. Сегодня большое представленіе въ гипподром'є, и въ заключеніе, мадамъ Поатвенъ полетить въ воздушномъ шаръ.

Ну, это ужъ не рѣдкость: бывало часто и прежде!— замѣтилъ тотъ.

— Извините! Это вещь совершенно новая. Мадамъ Поатвенъ цолетить въ видъ богини весны, лежа въ лодкъ, и съ нею двъ молодыя дамы, геніи, которыя по объ стороны лодки будутъ держаться на воздухъ. Сейчасъ начнется полеть. Не угодно-ли посмотръть въ мою трубу? За два су, она къ вашимъ услугамъ!»

Въ самую ту минуту, громкій кликъ изумленія раздался въ собравшейся толив. Изъ-за деревьевъ Елисейскихъ полей поднялся къ верху огромный шаръ. И въ-самомъ-дѣлѣ! въ утлой корзинѣ, лежала, небрежно развалясь, богиня весны, а два генія, съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ, парили, наклонясь къ лежачей фигурѣ, по обѣ стороны гондолы, на воздухѣ, безъ всякой видимой опоры. Зрѣлище было дѣйствительно оледеняющее.

Невольно взглянуль Франсой въ поставленный телескопъ, которому тотчасъ даль потребное направленіе. Но спустя еще мигь, молодой челов'ькъ, какъ молніею пораженный, съ громкимъ воплемъ, упаль на руки пріятеля, стояшаго позади, и между-т'ємъ уже другіе любопытные т'єснились на его м'єсто къ телескопу.

Что ты, что съ тобою, Франсоа? — говорилъ пріятель. Ты бліз-

денъ, какъ смерть, губы твои дрожатъ!

 — Это невозможно, нѣтъ, этого быть не можетъ! лепеталъ Франсоа, не отвѣчая на вопросъ.

- Да что такое невозможно? опять спрашиваль пріятель.
- Она, у которой кружится голова, когда она просто посмотритъ наулицу изъ окна своей комнаты! Невозможно! бормоталъ Франсоа про-себя. Потомъ, обернувшись къ товарищу, сказалъ вслухъ: Пустяки, это ошибка. Мнъ показалось.
- Да что такое? скажи; Бога ради!
- Ничего, Арманъ, сказалъ Франсоа: извини, что я тебя испугалъ!
- Извиняю, только съ условіемъ, чобъ ты пошелъ со мною въ кафе выпить стаканъ вина. Бѣдный малый! Кажется, заучился къ завтраму, перемѣнился такъ, что страхъ. Вы-же съ твоей Амели жили илохо. А она добрая дѣвушка, не такъ-ли? Мы всѣ знаемъ, что она для тебя дѣлала. Это любовь безкорыстная! продолжалъ онъ, наливая въ задней комнатѣ кофейни пріятелю стаканъ холоднаго шабли

Франсоа пиль молча. Пріятелю не удалось развеселить его. Подопіли еще трое знакомыхъ. Они также глядёли на полеть шара, и съ негодованіемь толковали о такомъ пожертвованій молодости и красоты бёдныхъ дёвушекъ, въ пользу прибыли спекулянтовъ.

— Я быль въ гипподромѣ сказаль одинъ изъ вновъ пришедшихъ: бѣдняжки дрожали какъ осиновый листъ; только что въ лицѣ не могли перемѣниться, потому-что были сильно нарумянены. Однако, мнѣ по-казалось, будто съ одной изъ нихъ сдѣлалось дурно, когда шаръ взлетѣлъ. Она страшно повѣсила голову на бокъ, бѣдняжка!

Франсой всталь и распростился съ пріятелями. Тѣ остались. Не изъяснимое безпокойство гнало его домой. Амели тамъ еще небыло. Но это не могло его удивлять. Вѣдь она сама сказывала, что воротится , 16 Смъсь.

очень поздно, и объясняла причину. Онъ охотно пошелъ-бы за нею, но не помнилъ, чтобъ она назвала ему магазинъ, въ которомъ работала. Давно минула полночь, когда онъ кинулся на постель, но не могъ сомкнуть глазъ. Припоминалъ онъ счастливое прошлое, свое первое знакомство съ Амели, взаимное признаніе въ любви; припоминалъ, сколько чувства и преданности оказывала она ему, — она, простая дѣвушка, сирота, безъ отца и безъ матери. И онъ далъ себъ торжественную клятву жениться на ней, хотя-бы тяжелымъ трудомъ надо было доставать пропитаніе ей и своему семейству. — Съ такими мыслями задремалъ онъ наконецъ, и поутру проснулся съ подкрѣпленными силами.

Амели не приходила. Вмѣсто ея, поутру, когда онъ шелъ на экзаменъ, жена привратника объявила ему, что мамзель Амели велѣла сказать, что не будетъ домой до вечера. Цѣлую ночь у нихъ въ магазинѣ работали; а впрочемъ, она весела, потому-что кофе у мадамъ прекрасный, и желаетъ счастія мосьё Франсоа. Старуха умолчала, что это порученіе Амели дала ей еще наканунѣ, при уходѣ.

 Экзаменъ кончился: Франсоа выдержалъ его съ отличіемъ. Поздравленный товарищами, онъ спѣшилъ домой съ радостной вѣстью къ

подругъ. У дверей попалась ему привратница.

Воротилась Амели: » спросилъ онъ въ попыхахъ.

— Нътъ еще, мосьё Франсоа, отвъчала стараха: и едва-ли она и сегодня воротится домой, прибавила она, запинаясь.

— Отчего? что такое случилось?

— Бѣдное дитя! Только не пугайтесь, мосьё Франсоа! Вѣдь она хотѣла хорошаго. Добрая, очень добрая дѣвушка ваша Амели!

— Да гдъжъ она? вскричалъ внъ себя молодой человъкъ, схвативъ

старуху за руку такъ крѣпко, что она громко вскрикнула.

"Она въ больницѣ Hôtel Dieu! Приходилъ сторожъ сказать это! Она летала съ шаромъ, чтобы заработать деньги. Бѣдняжка! вѣдь она

была такая добренькая, мосьё Франсоа!

Но Франсоа давно уже не слышаль старуху. Онъ бъжаль по тъснымъ улицамъ Латинскаго квартала въ Hötel-Dieu. Черезъ нъсколько минутъ, онъ стояль у смертнаго одра Амели. Телескопъ на мосту Согласія не обмануль его. Амели ръшилась пуститься въ страшное воздухоплаваніе, на мъсто другой; внезапно забольвшей молодой дъвушки, чтобы достать для Франсоа нужныя деньги. Но испутъ и страхъ при самомъ началь полета привели ее въ безпамятство. Можетъ быть, пособіе было-бы еще возможно, еслибъ воздухоплаватель немедленно спустился назадъ на землю. Но это повредило-бы его славъ. Когда спустя нъсколько часовъ, гондола опустилась, Амели замертво отвезли въ больницу Hôtel-Dieu. Врачъ не ручался, переживетъ-ли она ночь:

Франсоа сидъль у постели умирающей. Была полночь, когда она открыла глаза. Улыбка на ея блёдномъ лицѣ показала Франсоа, что она узнала его. Губы ея шевелились. Трепетный Франсоа наклонился къ ней, чтобы разслышать ея лепетъ. «Прости, Франсоа, лепетала она: ты женишься будешь въ довольствѣ — но не забудь меня!» Это были ея послёднія слова. Еще нъсколько минутъ, и швейки не стало.

АРТИСТЪ ВЪ СВОЕМЪ РОДЪ.

are remaining of the manufacture of the second

Слава въ Нарижѣ достается дешево. Всякій эксцентрическій поступокъ, каждая забавная шалость передаютъ имя виновинка ихъ гласности. Такъ одинъ весельчакъ прославился тѣмъ, что доставилъ иѣсколько безсонныхъ ночей парижскимъ привратникамъ. Эдуардъ Урліакъ провель лучшее время своей жизни въ томъ, чтобы безпокоить домашнихъ сторожей, которые такъ сильно безпокоятъ жильцовъ. Это составляло для него забаву и наслажденіе. Вотъ разсказъ объ одномъ изъ его подвиговъ.

Въ 1846 г. Эдуардъ Урліакъ выходилъ изъ Луврской галлереи, въ ненастное время; на дорогѣ его застигъ проливной дождь. Онъ укрылся въ первомъ попавшемся домѣ. Но здѣсь мы выводимъ на сцену его самого.

Въ это время привратникъ дома чинилъ одну изъ необходимѣйшихъ частей своей одежды, а жена его сцимала пѣну съ горшка.

Эдуарт Урліакт. Здравствуйте, любезный другь. (Швейцарт молча кланяется). Мић кажется, что вы наслаждаетесь прекраснымъ здоровьемъ... Ахъ! что это у васъ тамъ на стѣнѣ? кажется, Аустерлицкое сраженіе ... Да, да, вотъ и великій человѣкъ! Хорошо, очень схожъ. Не служили—ли вы въ его время? Что вы дали за картинку? Я очень люблю маленькіе эстампы. Это всегда немножко украшаетъ комнаты. Надобнобы клѣтку отставить немного подальше, а то пачкаются картинки. Это ваши чижички?

Привратникт. Мон.

Урліакт. Исъ, псъ, псишъ! псишъ! Эти маленькія птички очень красивы. Исъ, псишъ! не дерутся—ли осъ иногда между собою? Онъ тутъ всъ вмъстъ, какъ разбойники, безъ различія пола и возраста. Это все равно мнъ хотълось-бы имъть одного или двухъ; но у меня довольно сыро, опъ-бы всъ передохли.

Здись привратникъ и его жена переглядываются съ смущенным ви-

Привратникт (своей женть вт полголоса). Что онъ это за штуки вывидываетъ?

Жена. Можетъ быть воръ?

Иривратиикт. Хуже! онъ похожъ на галерника.

Жена. Такъ что-жъ ты молчишь? Хорошъ мужчина...

Привратникт, сурово. — Вамъ нужно кого?

Урліакт. Нѣтъ.

Привратникт. — Такъ вы-бы лучше шли домой.

Урліакт. Слуга покорный! Я уже говориль, что у меня стіны такъ сыры, что можно просто чахотку схватить; а потомь, что у меня за поль. Воть здісь поль настлань досками, ну это еще не дурно. Я вамь говорю откровенно. У меня поль настлань чорть знаеть какъ, и что мні это стоило! Да, у меня быль красивый бразильскій попугай,—сокровищ. Онь, бывало, сиживаль у меня на конці пальца, и зналь всі

стихи Казимира Делавиня. Но, изволь-ка у меня погулять въ квартиръ: вотъ онъ получилъ ревматизмъ и издохъ. (Онъ утираетъ слезу).

Привратикъ (въ изумленіи). Развъ вы знаете кого-нибудь здъсь?

Урліакт. Я? ність, я здісь никого не знаю. (Вт это время возвращается изт школы сынт привратника). Ахъ! это вашь сынокъ? Здравствуй, душечка? У вась ність больше дістей? всего одинь? И хорошо! Надо быть умненькимъ, мой милый, послушнымъ, не огорчать ни папеньку, ни маменьку, которые очень добры и любять тебя. Ну, чемуто ты научился въ школі, —посмотримъ: кто такой быль Фарамонъ?

Жена привратника. Извините: что вы такое у него спрашиваете? Урліакт. Не бойтесь, онъ въ состояній ръщить этотъ вопросъ.

Привратникъ. Какой угодно вамъ нумеръ? Вотъ здёсь двадцать второй.

Урліакт. А, такъ здісь двадцать второй нумеръ...

Привратиикт. Что вамъ угодно?

Урліакт. Такъ я отправлюсь сюда, если это васъ безпокоитъ...

Жена. Мы васъ не отпустимъ.

Ур накт. Благодарю! я и самъ неохотно съ вами разстанусь

Привратникт. Что-же вамъ угодно?

Урліакт (огорченный). Видите-ли, я съ вами ласковъ и въжливъ, а вы такъ напротивъ. Знайте, что я не имъю нужды ни въ комъ; я ничего не требую; я не къ вамъ буду адресоваться, если когда-нибудъмнъ придется зайти сюда. Я всегда готовъ протянуть руку, а вы грубы до безконечности. Я не ожидалъ этого отъ васъ: у васъ видъ человъка храбраго, благороднаго, точно такъ-же, какъ у вашей жены.

Жеча. Что-же вы наконецъ хотите отъ насъ?

Урліакт. Я! я увидёль у вась на двери надпись: «Говорите съ привратникомъ «(parlez au portier) и зашель къ вамъ, чтобы поболтать минутку, во время дождя. Воть все. (Оба супруга кричать: «Держите! держите!)»

(Урліакт быжить со всыхт ногт).

the marries at one and orly a warrance to

TO TAKOE BEN INBOCTS?

(СТАТЬЯ АЛЬФОНСА КАРРА).

Въ одинъ изъ последнихъ вечеровъ, проведя несколько часовъ—не знаю зачемъ и какъ—въ соседнемъ городе, я возвращался около полуночи домой, признаваясь самому себе, что въ продолжение всего вечера говорили много, но ничего не сказали: что я напрасно изменилъ своимъ привычкамъ; что я ужасно скучалъ, и обещаясь впредь обдуманные покидать свое уединение. Я растворилъ садовую калитку и, проидя подъ высокими деревьями, былъ охваченъ нежнымъ ароматомъ жимолости. Месяцъ озарялъ нежнымъ и грустнымъ светомъ некоторыя ча-

сти сада. Я погуляль нѣсколько времени; потомъ вошель въ бѣдный старый домикъ, богато убранный зеленью и цвѣтами. Мнѣ не спалось и пришла въ голову мысль, которую я тотчасъ-же привелъ въ исполненіе: я написаль въ умѣ пригласительное письмо слѣдующаго содержанія.

«Г. А. К. просить вась сдёлать ему несказанную честь, пожаловавъ къ нему побеседовать на несколько часовъ сегодня вечеромъ».

И я разослалъ эти письма:

Г. Франсуа Рабле, приходскому священнику, въ Мёдонъ:

Г. Мишелю де-Монтаню;

Г-жь маркизь де-Ламберъ;

Лорду Честерфильду;

Г. Люку де-Клапье, маркизу Вовнаргу;

Г. Баезу Паскалю;

Г. герцогу де-ла-Рошфуко;

Г. Жанъ-Жаку Руссо, женевскому гражданину;

Г-жѣ Дюкрѐ де-Сентъ-Обенъ, маркизѣ де Сильри, графинѣ де-Жанлисъ;

Георгу Вильэрсу, герцогу Букингэму;

Александру Попе; под применения применения применения

Іоганну-Вольфгангу Гёте;

Г. Шарлю Дюкло;

Г. Жозефу Жуберу;

Юлію Цесарю,

и многимъ другимъ, потому-что я хотълъ дать большой вечеръ, и не безъпричины выбралъ лица, эти между, множествомъ моихъ друзей. Мнъ хотълось, чтобы разговоръ шелъ о спеціальномъ предметъ, и я созвалъ людей, которые въ особенности могли разъяснить этотъ вопросъ.

Въ часъ по полуночи, я сидълъ въ своей гостиной; окна были отворены въ садъ, освъщенный луною, напоенный благоуханіемъ жимолости и глицинъ, окружающихъ мой домъ. Кромъ любимаго птицами маленькаго ручейка, бъгущаго змъйкой подъ травою и впадающаго въ море, на которомъ водяныя лиліи разстилаютъ широкіе листья — не было слышно ни какого другого шума.

Всѣ приглашенные явились аккуратно, кромѣ Іоганна Вольфганга. Гёте, котораго я безразсудно одолжилъ назадъ тому съ недѣлю.

Они явились ни въ каретѣ, какъ богачи, ни пѣшкомъ какъ бѣдные, ни на дракопахъ, какъ сказочные геніи, ни на метлахъ, какъ вѣдьмы. Я принесь ихъ въ рукахъ, и разставилъ на столѣ, передъ окномъ. Намъ было свѣтло при двухъ свѣчахъ. И я подумалъ, что каждый можетъ принимать у ссбя, въ халатѣ, когда ему вздумается, величайшіе умы всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ; что они приходятъ, не заставляя упрашивать себя; остаются, сколько хочешь, уходятъ, когда ты усталъ, не сердятся, и возвращаются опять.

Не надо платить имъ визитами за визить; для пріема имъ не надо ни роскошныхъ гостиныхъ, ни отборныхъ ужиновъ, ни мороженаго, ни шербета, ни пунша-гласе. Столикъ и свъчка — вотъ всъ расходы и всъ необходимыя приготовленія.

И они всегда приходять въ хорошемъ расположении духа, всегда живы, никогда не бывають ни вялы, ни пасмурны; говорите о чемъ хотите, и не докучають вамъ посъщеніемъ, если вы хотите остаться одинъ.

Вмѣсто такого избраннаго, прекраснаго общества, всегда готоваго къ услугамъ, почти всѣмъ намъ нравится созывать какъ можно больше людей и въ томъ числѣ много глупыхъ, ничточныхъ, злыхъ, которыхъ нало упрашивать, которымъ надо съ точностью отдавать ихъ визиты; для которыхъ надо придумывать болѣе или менѣе разорительную роскошь, что впрочемъ не мѣшаетъ самымъ благосклоннымъ изъ этихъ людей только сойти съ лѣстницы, чтобы тутъ-же приняться осуждать тѣхъ, которые приняли ихъ съ радушіемъ.

Если-же случайно въ этой толпѣ окажется пѣсколько человѣкъ благосмыслящихъ и съ добрымъ сердцемъ, — имъ едва удѣляютъ вниманіе, и они сами также должны раздѣлиться.

Впрочемъ, у великихъ людей бывають при жизни свои дурные дни, свои дни безплодія, дурнаго расположенія духа, заботъ, печали, унынія, которыя усердно доставляеть имъ вѣчная интрига мелькихъ умовъ.

Вотъ и собрались мои гости; никто не спорить о мѣстѣ, не обнаруживаетъ неудовольствія, каждый говорить въ свою очередь. Но послушайте ... Посреди молчанія раздаются три полныя, дрожащія воты: это соловей запѣваетъ свой ночной гимнъ; никто не завидуетъ соловью, какъ позавидовали-бы въ гостиной виртуозу, овладѣвшему вниманіемъ.

Ничто не мѣшаетъ мнѣ поставить на этотъ столъ кружку пива и положить трубку, — одинъ стаканъ и одну трубку на всѣхъ.

Соловей затихаеть; слышень только пріятно-однообразной шумъ ручья. Мив не нужно спрашивать моихъ безсмертныхъ друзей о здоровьи. Я первый смвло начинаю говорить:

«Любезные друзья, я созваль вась сегодня вечеромь, не изъ смутнаго желанія поговорить съ вами, не изъ потребности, которую изрѣдка чувствую, отдохнуть отъ пустой болтовни иныхъ живыхъ, но чтобы попросить васъ разъяснить пунктъ, который тревожить меня. Вотъ уже нѣсколько времени меня странно поражаетъ развитіе невѣжливости во французскомъ обществѣ. Мнѣ кажется, что французы, отчасти обязанные прекраснымъ положеніемъ въ свѣтѣ, своему утонченному обращенію, опять сдѣлаются дикарями: они уже огрубѣли. Меня поражаетъ ущербъ, какой наноситъ всѣмъ отношеніямъ это отсутствіе вѣжливости; учтивость—вещь гораздо серьознѣе, нежели вообще думаютъ о ней, и мнѣ хотѣлось—бы узнать ваше мнѣніе объ этомъ предметѣ.»

Ла-Брюйеръ — По моему мнѣнію, вѣжливость заключается въ томъ, чтобы, за наши слова и поступки, другіе были довольны и нами и сами собою ... Учтивость не всегда внушается добротою, правдивостью, расположеніемъ, признательностью; но по-крайней-мѣрѣ носитъ ихъ

Смпсь. 21

признаки, и показываетъ человѣка такимъ наружно, какимъ ему-бы слѣдовало быть внутренно ... Конечно, учтивое обхожденіе придаетъ еще большую цѣну заслугамъ, дѣлаетъ ихъ пріятными, и надо имѣть очень высокія качества, чтобы удержаться безъ него. »

Ла-Рошфуко. — Перестаньте! «Мы учтивы изъ желанія, чтобы намъ платили темъ-же и считали-бы насъ благовоспитанными.»

Лордъ Честерфильдъ —Какъ? Неужели до этого дошли французы? А я еще писалъ: «Сколько недостатковъ часто прикрываетъ веселая и развязная въжливость французовъ! У многихъ изъ нихъ нътъ здраваго смысла, еще болъе между ними такихъ, которые не знаютъ самыхъ обыкновенныхъ вещей, но, вообще, они такъ хорошо прикрываютъ эти недостатки своими манерами, что недостатки эти цочти всегда проходятъ пезамъченными. Я нъсколько разъ говорилъ, и дъйствительно думаю, что французъ, соединившій съ добрыми свойзтвами луши, образованіемъ и здравымъ смысломъ свойственныя его странъ пріемыи учтивость — доститъ совершенства. Безъ въжливости всъ ваши прекрасныя качества, таланты, не послужатъ ни къ чему. Въжливость есть результатъ большаго запаса здраваго смысла, и извъстной порціи врожденной доброты и маленькаго пожертвованія собою изъ любви къ другому, имъющее въ виду получить въ отплату такуюже снисходительность.»

Жанъ-Жакъ Руссо. «Все это притворство! Учтивость ваша скорве похожа на порокъ, нежели на добродътель; если у васъ дурное сердце, вамъ остается только одно средство быть полезнымъ для другихъ: показать это сердце, чтобы они могли васъ остерегаться.»

Маркиза де-Ламберъ. «Учтивость есть одна изъ величайшихъ связей общества, потому-что она наиболье способствуетъ поддержанию мира; она приготовляетъ къ милосердию и похожа на смирение. Учтивость есть искусство пріятно соглашать то, что мы должны другимъ, съ тьмъ, что мы должны самимъ себь. »

Жозефъ Жуберъ. «Учтивость прикрываетъ шероховатости нашего характера, такъ, чтобы онъ не кололи другихъ.»

«Учтивость есть то-же для доброты, что слова для мысли »

Монтень. «Я быль довольно щтательно воспитань въ дѣтствѣ и жиль въ такомъ хорошемъ обществѣ, что не могу не знать законовъ нашей французской любезности. Я охотно слѣдую имъ, но не такъ слѣпо, чтобы они стѣсняли мою жизнь. Я часто видѣлъ, что люди дѣлались невѣжливыми отъ излишка вѣжливости, и нестерпимыми отъ своей любезности. Впрочемъ, наука о томъ, какъ должно вести себя въ обществѣ — наука очень полезная. Она — полобно граціи и красотѣ — примиряетъ съ первыми преградами общества.»

Юлій Цеслев. «Могу сказать съ увѣренностью, что, въ войнахъ своихъ, сколько-нибуль затруднительныхъ, я быль обязанъ большею частію успѣха второстепеннымъ добродѣтелямъ — leviores virtutes — каковы учтивость, снисходительность и желаніе нравиться людямъ.»

Г-жа Жандисъ. «Вѣжливость не пустая вещь; она, во всѣ вѣка, способствовала славѣ народовъ, доводившихъ ее до совершенства.

Анникая учтивость, по прошествій множества стольтій, еще кажется намъ славнымъ титуломъ, и аттицизмъ останется навсегда лестнымъ напитетомъ въ похвальномъ словь.»

Дюкло. «Учтивость есть выраженіе подражанія общественнымь добродьтелямь: общественныя добродьтели суть ть, которыя дылають нась полезными и пріятными для тыхь, съ кымь намь должно жить. Человыкь, соединившій въ себь всь ихъ вполнь, быль-бы учтивымь въ высшей степени.»

Шлифоръ. «Перечитывая записки вѣка Людовика XIV, находишь, даже въ низшемъ обществѣ того времени, что-то такое, чего недостаетъ лучшему нынѣшнему французскому обществу.»

Плскаль. «Люди ненавидять одинь другаго; для общественнаго употребленія и для возможности самого общества надо было выдумать какой-нибудь родъ милосердія: онъ-то называется учтивостью.»

Вольтеръ. «Учтивость есть то-же для ума, что прелесть для лица: нъжное изображение сердечной доброты.»

Г*** (написавшій не знаю гдѣ и когда Руководство къ въжливости. Эта книжонка, не знаю какъ, очутилась на столѣ между прочими):

"Примъры въжливости: господинъ является со шляной въ рукъ, и подходя къ особъ, кланяется ей граціозно и съ почтеніемъ. Какъ только онъ замѣчаеть, что ему хотять предложить стуль, онъ спѣпшть самъ взять этотъ стуль, ставить его возлѣ дверей, у входа, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ особы, и садится не прежде, какъ она уже сѣла..."

Рабле. «Любезный другь, я рёшительно не понимаю этой безтолковщины; по-моему, это языкъ антиподовъ; тутъ какъ разъ сломишъ себъ ногу.»

Г.*** продолжаеть: «И держить шляпу на кольняхь, въ приличиой повъ. Положить въ сторону шляпу и трость, прежле, нежели предложить слъдать это особа, было-бы неприличіемь; не мъщаеть также заставить упрашивать себя, и уступить только при второмъ или третьемъ приглашеніи. Шляпа ставится внизу консоля. Многіе порядочные люди ставять ее просто на поль, но впрочемь, этого не должна терпьть хозяйка...»

Я. — Ну, скажите-ко намъ что-нибудь, маркизъ де-Вовнаргъ.

Вовнартъ — «Люди, отъ природы враги одни другимъ, придумали приличія, чтобы оправдывать свои безпрерывныя войны. Если-бы дюди не льстили одни другимъ, то не было-бы общества.»

Попе. — «Добродьтель людей грубыхъ и необразованныхъ есть драгоцънный камень, который, въ дурной оправъ, теряетъ часть своего блеска.»

Дидро,— «У меня быль знакомый, который зналь все, исключая одной вещи — поздороваться и поклониться. Человькъ этотъ жиль въ бъдности и пренебреженіи.»

Букингэмъ. — «Если я достигь до вершины почестей, — въ такихъ вещахъ мы признаемся только послѣ смерти — «то достигъ этого не столько своими заслугами, какъ вѣжливымъ и пріятнымъ обхожденіемъ. »

Г*** — «Длолжно не рѣзать но ломать хлѣбъ. Когда вы скушаете яйцо, сваренное въ смятку, то должны разбить скорлуцу. Вы...» Я взялъ Г*** и бросиль подъ столъ.

Соловей опять запѣлъ, и потомъ все снова замолкло. Вечеръ кончился; не было ни шума экипажей, ни суматохи при разборѣ шляпъ и шинелей. Мои гости, въ домикахъ изъ сафьяну и пергамену, удалились въ уголъ. Я припоминалъ двѣ половины своего вечера, и былъ очень доволенъ послѣднею половиною.

Въ-самомъ-дълъ, если мертвые составляютъ пріятное и поучительное общество для пустынника или философа, то во многихъ другихъ важнъйшихъ положеніяхъ они могли-бы принести огромную пользу.

Монтескьё, Руссо и историки дають прекрасные совѣты, потому-что эти люди не вводятся вѣ обманъ и не увлекаются своими страстями, честолюбіемъ, личными выгодами. Размышленія мои начали увлекать меня далеко; мысль моя помутилась и дѣлалась похожею на грезы, такъ-что я вскорѣ заснулъ. Я проснулся при пѣсняхъ травника, какъ заснулъ при звукахъ соловья, и, отправясь съ утреннимъ визитомъ въ свой садъ, взглянуть, не жаждетъ-ли какое-нибудь растеніе и не распустился-ли какой новый цвѣтокъ при первыхъ лучахъ дня,— я размышлялъ о вчерашнемъ разговорѣ. Я справился о томъ, что хотѣлъ знать; впечатлѣнія не обманули меня; учтивость не ребячество, не пустая вещь.

Послѣ законовъ для безопасности, надо было придумать вѣжливость для пріятности жизни. Учтивость дѣлится на двѣ части: одна изъ нихъ заключается вся въ нѣсколькихъ словахъ: «Не дѣлай другому того, чего не желаешь себѣ. — Дѣлай другому то, чего себѣ хочешь. Спрашивай у разсудка, чего должно избѣгать, у сердца — что слѣдуетъ дѣлать.

Другая часть не такъ важна. Люди праздные и воспитанные, особенно люди, признавшіе исключительно себя хорошимъ обществомъ, захотѣли узнавать другъ друга по нѣкоторымъ знакамъ, выдумали извѣстные пріемы, извѣстное нарѣчіе. Въ крайности, можно и не знать этихъ вещей, однакожъ знать ихъ гораздо выгоднѣе. Конечно, можно и обиться объ закладъ, что иныя вещи, принятыя всѣми, сами по себѣ — глупы; но пренебрегать нѣкоторыми утвердившимися обычаями, значило-бы открыто объявить, что я умнѣе другихъ, то-есть безполезно вооружить противъ себя нерасположеніе. Если странно подчиняться рѣшительно всѣмъ обычаямъ, то смѣшно не покоряться ни одному.

Но есть обычаи, противъ которыхъ не мъщаетъ возставать. Такъ заведено — что-бы ни говорили — не всегда безпрекословный отвътъ. Въ пустыхъ вещахъ, лучше подчиняться обычаю, нежели обдумывать ихъ, оспаривать, опровергать; но въ вещахъ важныхъ должно удерживать за собою право разбора и не сдаваться, часто не допускающему возраженія въ мірѣ, приговору: такъ заведено.

Спросите у дикаря, для чего онъ встъ своихъ непріятелей, и онъ ответить вамъ: «таковъ у насъ обычай.»

Безъ учтивости, люди сходились-бы только для драки. Значитъ, надо или быть учтивымъ, или жить одному.

Насъ трое за столомъ, — двое мужчинъ и дама. Подаютъ цыпленка; разумвется, намъ всемъ троимъ хочется събсть крыло. Безъ учтивости, человъкъ, разръзывающій цыпленка, началъ-бы съ того, что положиль-бы себь на тарелку одно изъ двухъ крыльевъ; второй мужчина взяль-бы другое. Прійди третій гость — и завязалась-бы ссора.

Но, благодаря въжливости, мы подаемъ одно крыло женщинъ; каждый изъ насъ уменьшилъ вполовину свою надежду на второе крыло, но онъ вознаграждается за это сомнительное пожертвование тщеславною мыслію — прослыть за человіка образованнаго и воспитаннаго. Я предлагаю вамъ второе крыло; вы настаиваете, чтобъ я оставилъ его себъ. Если я послушаюсь, то единственно изъ угожденія вамъ; вы понесли маленькое лишеніе, но вы не унижены, и им'вете надо мной преимущество, заставляющее васъ простить мит маленькое лишеніе, которому я причиною. Притомъ, вѣдь не я взялъ крыло, вы сами дали его, и я вамъ предлагалъ его.

Сказанное о крыльяхъ цыпленка примъняется ко всъмъ сношеніямъ между людьми. THE RESERVE OF THE PROPERTY OF

agents districtly the second property of the second and the first the second of the first topical the second of the second o AND A SECOND SECURITY OF THE PROPERTY OF THE P

2 to 744 to the 175 to 15 feet 2, a residence out the figure case places and places

where a mild is a factor of a control of any configuration of the months in the control of a control of ing the faction of the company of th armed on the extension from the control of the property of the communication of the communication of the control of the contro

with a promining and a compact many description with the contract of the contr THE PARTY OF THE PROPERTY OF T on artificial travelly to the property for the property of the respectively. The commentaries of the commenta

and our the discrete weathers the four stars of the selection will be the property

artinique est en paper de l'acquation quinte autre d'estification de l'acquaire de la comme de l'acquaire de l Esperie l'estification de la comme d'estification de l'acquaire de l'acquaire de l'acquaire de l'acquaire de l

SHIPPING THE SHIP OF THE PROPERTY OF THE PROPERTY AND ASSESSED TO SHIPPING THE PROPERTY OF THE

the first the contract of the CONTRACTOR OF THE PROPERTY OF

and Admin Suffering to the State of the Stat

and the state of t

Market All Contraction of Contraction and the Contraction of the Contr MEANA MARKETTE CHATTE COME . THE SERVICE AND SHARE MARKETERS OF

The state of the s

The state of the s

er i tropia de la compagnita de la compagnitación d

SOUTH THE PROPERTY OF THE PROP

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

PROPERTY OF THE PROPERTY OF

the same of the first that the same of the same and the same

— Въ журналѣ La France musicale напечатано письмо изъ Флоренціи, въ которомъ говорится о Россини. Знаменитый маэстро наслаждается совершеннымъ здоровьемъ и постоянно веселъ.

enterial estados entras en En las compositos entras e

Вотъ, между прочимъ, что недавно съ нимъ случилось.

Турецкій султанъ, который, какъ извѣстно, страстно любитъ музыку, нѣсколько разъ уже, въ-продолженіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, предлагалъ Россини баснословныя суммы піастровъ и сверхъ того еще какія-то награды, чтобъ онъ написалъ оперу. Такъ-какъ Россини не отвѣчалъ, то султанъ послалъ къ нему нарочнаго, съ приказаніемъ не отставать отъ Россини до-тѣхъ-поръ, пока не получитъ отъ него какойнибудь пьесы для константинопольскаго театра.

Россини приняль посланнаго очень любезно и, выслушавь о причинь прівзда, попросиль его подождать, а самь удалился въ свой рабочій кабинеть. Черезь чась онъ воротился и подаль посланному рукопись.

- Потрудитесь передать это его величеству султану, сказаль онъ.
- А цвна?
- Я счастливъ, что могу сдълать угодное вашему государю.

Зная, что султанъ любитъ военную музыку, Россини написалъ для него превосходный маршъ.

— Изъ Вѣны пишутъ, что императоръ австрійскій пожаловаль примадоннѣ нашей петербургской итальянской оперы, г-жѣ Медори, титулъ
придворной пѣвицы. Иностранные журналы вообще очень много говорятъ объ этой пѣвицѣ, а брюссельскіе просятъ не забывать, что она
въ Брюсселѣ начала свое поприще. Мы, съ своей стороны, напомнимъ,
что Петербургъ первый оцѣнилъ ея талантъ. Въ Вѣнѣ она имѣла большой усиѣхъ, теперь-же находится въ Брюсселѣ, откуда пріѣдетъ къ
намъ. На будущій лѣтній сезонъ, г-жа Медори ангажирована уже въ
Лондонъ.

Со времени установленія въ Петербургѣ постоянной Итальянской Оперы, двѣ пѣвицы обязаны ему своею извѣстностью: Альбони и Медари.

— Въ одномъ изъ последнихъ концертовъ новаго лондонскаго Филармоническаго Общества New Philharmonic Society, былъ исполненъ, подъ управленіемъ г. Гектора Берліоза, второй актъ Спонтиніевой «Весталки». Наканунё этого концерта, г-жа Спонтини прислала Бреліозу

26

капельмейстерскую палочку, служившую нѣкогда ея мужу, при слѣдующемъ письмѣ:

«М. Г. Мы прівхали, чтобы присутствовать при завтрашнемъ кон-«цертв. Нозвольте предложить вамъ капельмейстерскій жезль, который «употребляль мой мужъ, при исполненіи сочиненій Глука, Моцарта и «своихъ. Я не могу передать его въ болье достойныя и искусныя руки.... «Руководя исполненіемъ «Весталки», вы еще живье вспомните, благо-«даря этому жезлу, нашего дорогаго Спонтини, который такъ любилъ «васъ, такъ удивлялся вашимъ произведеніямъ!... Богу не угодно было, «чтобъ онъ слышаль последнее возобновленіе въ Берлинь его «Олим-«піи» и «Весталку» подъ вашимъ управленіемъ!... До свиданія.... «Примите и пр.

Вдова, К. Спонтини».

- Генрихъ Вьетанъ, бывшій первый солистъ нашей Оперы, находится теперь въ Парижѣ. Онъ игралъ, передъ отъѣздомъ своимъ изъ Лондона, въ концертѣ Филармоническаго Общества, и возбудилъ самый живой восторгъ въ своихъ слушателяхъ.
- Швеція подарила, въ послѣднее время, музыкальному міру, двухъ отличныхъ пѣвиць: Женни Линдъ и Генріетту Ниссенъ; недавно появилась въ Германіи еще одна шведская пѣвица, о голосѣ и искусствѣ которой отзываются съ величайшей похвалой. Это дѣвица Вестертандъ. Она родомъ изъ Стокгольма, а теперь живетъ въ Берлинѣ и учится нѣмецкому языку, чтобы имѣть возможность играть на германскихъ сценахъ.
- Парижскій муниципальный совъть приняль недавно рѣшеніе, о преобразованіи музыкальных хоровъ парижской національной гвардіи. Хотя число хоровъ будеть сокращено до пяти, но содержаніе ихъ будеть стоить 18,000 франковъ дороже, нежели прежде, когда парижская національная гвардія состояла изъ двѣнадцати легіоновъ и имѣла, слѣдовательно, двѣнадцать хоровъ музыки.
- На Вънскомъ Театръ, у Каринтійскихъ воротъ, дано въ-теченіе трехъ мъсяцевъ четырнадцать оперъ и четыре балета; болье другихъ понравились слъдующія:

Донъ Паскуале (восемь представленій), Лукреція Борджія (пять представленій), Эрнани (девять представленій), Риголетто (семь представленій), Лучіа (пять представленій), Донъ-Жуанъ (восемь представленій) и Луиза Миллеръ (четыре представленія). Любимѣйшими артистами были: гг-жи Медори, Маррай, Демерикъ, Альбертини и гг. Фроскини, Граціани, Ферри, Дебассини (ангажированный на нынѣшній зимній сезонъ въ Петербургѣ), Сколзее и Митровичъ.

— Знаменитая трагическая актриса Жоржъ, была недавно на аудиенціи у црезидента французской республики; она находится въ очень затруднительномъ положеніи, почти въ нищетѣ, и просила у президента вспоможенія. Президентъ приказалъ выдавать ей 1200 франковъ ежегодной пенсіи.

Modeling toppid and there a salt squit har a because of

personal recommendation of the contract of the

нетербургскій въстникъ.

and many the remainstance of the control of the con

T.

ЛИТЕРАТУРА.

Пріятныя минуты для критика. — Pour la bonne bouche. — Мысль и улыбка Сына Отечества. Антикритика. — Стихи Г. Истомина. — Писатель Кривичь. — Остальныя статьи майской книги Сына Отечества. — Нынтінняя любовь. — Забавы въ городкт. — Деревенская кумушка. — Фельетоны Современника. — Новый поэть и его сужденія о Пантеонт. — Послітяніє нумера Библіотеки для Чтенія. — Михако и Пина. Грузинская идиллія. — Поэзія Библіотеки для Чтенія. — Критика ея. — Митако и Пина. Срузинская идиллія. — Поэзія Библіотеки для Чтенія. — Критика ея. — Митако и Сиуковскомъ. — Метафоры критика и слогь г. Кудрявцева. — Подгородный подписчикь и его мития. — Свадьба Викторины въ двухъ переводахъ. — Смерть Брюлова и Загоскина. — Бідность біографическихъ свідіній. — Надежда Димитріевна Хвощинская и ея стихотворенія. — Мысль и чувство. — Цитаты. — Описанія природы. — В. Крестовскій и его пов'єсти. — Сельскій учитель и Еще годъ. — Поэзія и проза.

Въ нынъшнемъ мѣсяцѣ намъ предстоитъ большое удовольствіе говорить о двухъ замѣчательныхъ явленіяхъ въ нашей литературѣ.

Но въ то-же время предстоитъ и непріятная обязанность отвѣчать нѣсколько словъ нѣкоторымъ изъ нашихъ журналовъ и разбирать ихъ въ то время, когда намъ хотѣлось-бы говорить только о явленіяхъ, съ которыхъ мы думали начать нашу статью. Но этого требуетъ необходимость и наша обязанность.

Когда дътямъ даютъ лакомства, они обыкновенно начинаютъ теть то, что не такъ имъ нравится, а самое вкусное оставляютъ къ концу. Поговорка о сладкомъ кусочкъ, оставляемомъ на закуску, pour la bonne bouche, составлена, въроятно, объ очень молодыхъ людяхъ. Начнемъ съ пятой книги Сына Отечества. Мы все таки остаемся при прежней нашей мысли, что не можемъ постигнуть всей тонкости различія между Мыслью и Улыбкой этого журнала, и скажемъ только нѣсколько словъ въ отвѣтъ на двѣнадцать страницъ Сына Отечества, посвященныхъ нашему Вѣстнику.

Не смотря на эту пространную антикритику, старъйшій изъ нашихъ журналовъ отвъчаетъ однако-же далеко не на всъ замьчанія Въстника и опровергаетъ въ немъ прежде всего слъдующія обвиненія:

Мы говорили, что прошлогодній зеленый цвѣтъ обертки Сынъ Отечества перемѣнилъ на желтый. Нѣтъ! восклицаетъ этотъ журналъ. Прошлогодній цвѣтъ былъ съро-голубой. «Виноваты», дѣйствительно мы ошиблись, но, кажется, не совсѣмъ правъ и Сынъ Отечества. Обертка на немъ была, собственно говоря, и не сѣро-голубая, а какого-то неопредѣленнаго цвѣта.

Прочія возраженія Сына Отечества относятся къ опечаткамъ Пантеона. Такихъ опечатокъ «Мысль и Улыбка» насчитываетъ восемь. Далѣе опровергается то, что мы сказали о промежуткахъ въ разсказѣ г. Фурмана и измѣряется ширина одного промежутка съ математическою точностію: промежутокъ этотъ шириною ровно въ четыре строки. Не имѣя при себѣ математическихъ инструментовъ, не можемъ повѣрить измѣреній но охотно вѣримъ на-слово.

Далъе спрашивается: отчего извъстно Въстнику, что «Мысль и Улыбка» принадлежать самому издателю? Развъ подъ ними была когда-нибудь подпись? Но именно потому, что подъ ними не было никакой подписи, мы приписали статейки эти издателю. Все, что не подписывается въ журналъ ни полной фамиліей автора, ни псевдонимомъ или начальными буквами—принадлежитъ самой редакціи; такъ, по-крайней-мъръ, принято во всъхъ другихъ журналахъ (разумъется, кромъ переводныхъ статей). Если-же самъ издатель отказывается отъ «Мысли и Улыбки», то мы съ удовольствіемъ принимаемъ его объясненіе.

Не можемъ сказать также, чтобъ «Мысль и Улыбка« удачно защищали «Деньщика» г. Кукольника. На нѣсколько изысканныхъ стиховъ, которые мы нашли въ этой драмѣ, критикъ Сына Отечества отвѣчаетъ тѣмъ, что пріиски-

ваеть нѣкоторыя выраженія въ Цантеонѣ. Что-же этимь доказывается? Развѣ языкъ «Деньщика» сдѣлался отъ этого проще?

Объ остальныхъ статьяхъ майской книги Сына Отечества мы также скажемъ нъсколько словъ: книга начинается Отдъломъ Русской Исторіи. (Должно зам'єтить, что отдель этотъ не часто появляется въ Сынъ Отечества.) Заъсь помъщена статья, которая очень удобно могла-бы помъститься и въ Статья эта называется «Историческія замічанія о Смъси. За нею следуетъ внутренняя и внешняя городъ Томскъ». политика, занявшая 134 страницы, то-есть, почти треть книги. Русская Словесность начинается стиховореніями. «Святославъ въ Доростолъ», г. Истомина-родъ баллады, написанной довольно гладкими стихами, хотя мъстами встръчаются очень непоэтическіе обороты, въ родъ: «вражья рать не умаляется - ростеть». «И стчи тъ жарки, кровавы» и проч. Знаменитое обращение Святослава къ воинамъ нередъ битвою, сохраненное для насъ исторіею и такъ прекрасно характеризующее личность этого героя, передано г. Истоминымъ слъдующими виршами:

> «Не будеть такъ! Костьми здёсь ляжемь, Умремь, коль умирать преда; Безсилья греку не покажемь, Умремь! вёдь мертвымь нёть стыда! Готовтесь съ завтрашней зарею Къ послёднему, быть можеть, бою... Наст одольють — не бъда!»

По нашему мивнію, не слідовало-бы такъ переиначивать слова, освященныя преданіемъ и исторією.

Следующе за темъ стишки г. Н. А. «Ночь» — не дурны но «Пустынная обитель» — слабее.

Повъсть «Ямщики», принадлежащая перу неизвъстнаго писателя, г. В. Кривича, написана не совсъмъ по-русски. Вотъ какъ, на-примъръ, объясняется ямщикъ:

- Ахъ, какъ здѣсь хорошо, говорилъ Антонъ, садясь на траву и смотря на Авдю: право, если-бы ты была цвѣтокъ и росла на этомъ полѣ, я-бы никогда его не оставилъ.
- Я не хочу сдълаться цвъткомъ, отвъчаетъ Авдя. Что изъ того,

что всѣ будутъ тобой любоваться; мнѣ всегда стыдно бываетъ, когда на меня всѣ смотрятъ, а на цвѣтокъ будутъ смотрѣть не долго — тотчасъ и сорвутъ (изумительная логика въ поселянкѣ!).

Авторъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ объ удовольетвіи ѣздить на тройкѣ:

«Если путникъ любитъ мечтать, то, что за чудныя мечты полетять къ нему, закружатся надъ нимъ и раскинутся въ живыя, очаровательныя картины! Если онъ меланхоликъ и любитъ тихую, нъжную грусть, то здѣсь при уныломъ блескѣ луны, онъ насытить душу этой грустью; если онъ миится от измъны своей возлюбленной, то здѣсь подъ свътлымъ покровомъ ночи, при краснорѣчивомъ безмолвіи природы, отойдеть желиь от сердца, и онъ найдеть мирное утѣшеніе».

Чрезвычайно трогательно и краснорѣчиво!

Въ отдѣлѣ «Наукъ и Художествъ» помѣщено окончаніе статьи г. Стоюнина «Кольцовъ». Новаго въ этой статьѣ высказано не много, но она написана хорошимъ языкомъ и съ любовью къ своему предмету. Первая статья «О гальванизмѣ и его примѣненіяхъ», Ф. Петрушевскаго — любопытна и написана популярно. Вторая статья г. Лакіера «О договорахъ и обязательствахъ» также любопытна, но не для всѣхъ, потомучто очень спеціальна. Библіографія этой книги скучна и безцвѣтна. Въ Смѣси не дуренъ разсказъ Диккенса «Закулисныя тайны».

Переходимъ къ Современнику. Въ іюньской и іюльской книгахъ этого журнала продолжается романъ г. Панаева и напечатаны разсказы «Нынѣшняя любовь», г. Авдѣева и «Забавы и удовольствія въ городкѣ», г. Потѣхина. Повѣсть г. Авдѣева въ высшей степени граціозна, мило разсказана, и принадлежитъ вмѣстѣ со «Смедовской долиной» г. Григоровича и «Кружевницею» г. Михайлова, къ лучшимъ литературнымъ явленіямъ нынѣшняго года.

Содержаніе «Нынѣшней любви» очень просто. Оно заключается въ послѣднихъ словахъ, которыми оканчивается повѣсть: «остороженъ сталъ на женитьбу нынѣшній молодой человѣкъ!» Петербургскій житель пріѣзжаетъ въ провинцію, ухаживаетъ за дѣвушкою съ умненькими глазками, даже влюбляется въ нее, но узнаетъ, что у нея очень много братцевъ и сестрицъ, и очень мало наличнаго, и вслѣдствіе сего ретируется благоразумно и заблаговременно. Что можетъ быть

обыкновенные, вседневные этого сюжета? Надо непремыно прочесть всю повысть г. Авдыева, чтобы видыть, какую занимательность умыль оны придать этому простому событію. Героиня его, Сашенька, съ умненькими глазками, дыствительно очень умна, а герой похожь на всыхь молодыхь людей, съ которыми мы встрычаемся всякій день.

Разсказъ г. Потёхина о забавахъ и увеселеніяхъ въ городкѣ не лишенъ занимательности, хотя представляетъ рядъ отдѣльныхъ сценъ, не связанныхъ между собою ни какимъ происшествіемъ. Много есть въ этомъ разсказѣ повтореній, не разъ встрѣчавшихся въ прежнихъ русскихъ повѣстяхъ, много есть лишняго и неинтереснаго, но въ цѣломъ разсказъ читается не безъ удовольствія. Особенно забавенъ въ немъ разсказъ о представленіи «Черной Шали».

Объ Энеидъ мы не говоримъ болъе ни слова. «Очерки Лондона» очень интересны. Напрасно только переводчикъ приписываетъ ихъ Диккенсу. Они помъщаются въ журналъ, имъ издаваемомъ, но никакъ не могутъ принадлежать одному и тому-же перу, что ясно видно изъ сравненія этихъ маленькихъ статеекъ одной съ другою.

Въ отдълъ наукъ помъщены: Новые матеріалы для исторіи Ньютоновой книги «Математическія начала естественной философіи» — статья ничего не прибавляющая къ этой исторіи. Статья «Марія Стюартъ» довольно занимательна, но очень отрывочна. «Рыболовство» статья неинтересная и заключаетъ въ себъ много ошибочныхъ свъдъній, что очень ясно доказано разборомъ ея въ Библіотекъ для Чтенія, написаннымъ Подгороднымъ подписчикомъ. Цитаты и эпиграфы изъ Лукреція и Марціала не замънятъ незнанія основныхъ законовъ той науки, о которой авторъ началъ писать. Статья «О современномъ состояніи свътописи» очень хорошо составлена.

Въ іюньской книгъ отдъла Критики нътъ вовсе; въ іюльской разобранъ семнадцатый томъ «Матеріаловъ для познанія (узнанія?) Россійской Имперіи и приграничащихъ странъ (граничащихъ съ нею странъ) Азіи». Очень любопытная статья. Въ Библіографін объихъ книгъ нътъ ничего занимательнаго. Смъсь также менъе разнообразна, чъмъ въ прежнихъ нумерахъ. «Поъзка въ Монголію» г. Мордвинова, не смотря на отдъльные, любопытные факты, въ цъломъ суха. «Корабль Призракъ» съ его фантастической идеей возить читателя на

воображаемомъ кораблъ по разнымъ странамъ, статья интересная, хотя ея идея весьма стара. Далъе двадцать девять страницъ мелкой печати заняты біографіей Жозефа Вернета, живописца второстепеннаго. Лучше всёхъ въ этомъ нумере, очеркъ Теккерея «Докторъ Бирчъ и его молодые друзья»; «Китайскіе порты: Нингъ-По, Чусанъ и Амои» были-бы очень любопытны, если-бы выбросить изъ этой статьи не нужныя подробности. То-же самое можно сказать о второй стать в «Томасъ Муръ». Въ іюльской книгъ любопытенъ разсказъ о походъ капитана Павлуцкаго въ Чукотскую землю; но за то очень плохъ разсказъ «Деревенская Кумушка» г. Краевскаго. Не понимаемъ цъли, съ которою помъщаются разсказы въ родъ этого и чувствительной повъсти «Кто она»?, о которой мы уже говорили. Повъсть Сувестра «Сторожъ Маяка» и «Австралійскіе рудники», хорошія статьи, последняя только коротка.

Хроника петербургскихъ новостей и увеселеній весьма не богата и разсказъ о Гейнрихѣ Офтердингѣ и Новалисѣ вовсе въ ней не у мѣста; то -же самое сказали-бы мы о стихахъ, которыми она оканчивается, если-бы стихи эти не были очень милы. Но все-таки мѣсто имъ въ отдѣлѣ Словесности, а не въ Хроникѣ новостей и увеселеній. Если даже хорошіе стихи и новость въ Петербургѣ, то во всякомъ случаѣ не увеселеніе. Тоже самое мы должны сказать и объ іюльской хроникѣ: чувствительный романъ «Камелія» ни въ какомъ случаѣ не

увеселение и не хроника.

Ученыя новости этой книги хорошо составлены и замѣчательны; иностранныя также. Новый Поэтъ въ своихъ современныхъ замѣткахъ вооружается (въ іюньской книгѣ) противъ
литературныхъ мнѣній Москвитянина и нелитературной критики въ Библіотекѣ для Чтенія на «Мертвое Озеро» и сочиненія
г. Кукольника. Все это очень справедливо, какъ нельзя быть
справедливѣе. Тоже самое мы должны сказать и о его разборѣ Сына Отечества. Новый Поэтъ пишетъ легко и даже
по временамъ остроумно: въ этомъ мы отдавали ему уже не
разъ полную справедливость. Но мы замѣчали ему также,
что напрасно онъ подражаетъ Иногородному Подписчику, приводя цитаты изъ Гаутерна въ переводѣ журнала Revue des
deux mondes. Мы говорили также, что, увлекаясь иногда игривостью своего воображенія и страстью къ фигурально-рето-

рическимъ фразамъ, онъ пишетъ цѣлыя страницы такимъ языкомъ, что бываетъ трудно понять, что именно хочетъ сказать Новый Поэтъ. Онъ очень хорошо знаетъ, что Жюль-Жаненомъ быть не такъ легко. Такъ и въ іюльской книгѣ Современника, прочитавъ со вниманіемъ замѣтки поэта о пяти книгахъ Пантеона, мы все-таки никакъ не могли понять, что именно не нравится ему въ нашемъ журналѣ и за что поэтъ неблаговолитъ къ нему.

Прежде всего Новому Поэту не нравится, что мы приложили къ нашему журналу портреть Гоголя вмѣстѣ съ портретомъ г-жи Жулевой. Портреты эти не имѣютъ ничего общаго, одинъ представляетъ только-что умершаго литератора другой артистку, возбуждающую въ настоящую минуту интересъ публики. Стало-быть, оба портрета какъ нельзя болѣе современны, что именно и требуется. Мы-бы рады были сами всякій мѣсяцъ прилагать портреты великихъ писателей, и не виноваты въ томъ, что заслужить названіе великаго писателя не такъ легко. И къ тому-же г-жа Жулева одна изълучшихъ нашихъ артистокъ.

Далье, Новый Поэть, приведя, въ доказательство знанія испанскаго языка, слова Аларсона, даже въ подлинникъ, съ посильнымъ переводомъ ихъ на русскій языкъ, начинаетъ разбирать нѣкоторыя статьи, помѣщенныя въ Пантеонъ. Поэту не нравится «Дочь Карла Смѣдаго», «Гдѣ медъ тамъ и мухи», «Талисманъ», «Шихъ-Мансуръ», «Маіорша» и «Пріятный Домъ». Однимъ словомъ, всѣ литературныя произведенія Пантеона. О вкусахъ не спорять, но надобно было-бы привести побольше доказательствъ тому, что эти произведенія дурны.

Но всего любопытные въ замыткахъ Новаго Поэта маленькое вступление къ разбору Пантеона, гды онъ выставляетъ портреть какого-то Пьера Рожье. Если новому поэту было необходимо начать свой фельетонъ какимъ-нибудь портретомъ, то можно было-бы взять лицо въ роды Вихляева, котораго обрисовалъ авторъ «Львовъ въ провинци» Такое лицо ды ствительно могло-бы возбудить улыбку.

Обратимся однако-же къ Библіотекъ для Чтенія; намъ надо разобрать іюньскую и іюльскую книги этого журнала, прежде, нежели перейдемъ къ августовской Отечественныхъ Записокъ.

Въ майской книгъ Библіотеки была начата повъсть М. Ливенцова «Михако и Нина, грузинская идиллія», оконченная въ іюньской. Это ръшительно лучшее произведеніе, являвшееся до-сихъ-поръ въ отдълъ Русской Словесности этого журнала. Содержаніе идилліи не многосложно.

Сюжеть не новый. Это тоть-же «Бракъ по страсти», исторію котораго, похожую на эту, мы не разъ встрѣчали и читали у другихъ писателей. Впрочемъ развязка, приведенная г. Ливенцовымъ, чисто грузинская, восточная.

Разсказъ очень хорошъ; герои его, не смотря на то, что грузины, говорятъ безъ натянутыхъ метафоръ и гиперболъ, человъческимъ языкомъ. Описаніе Тифлиса, въ началѣ второй части, прекрасно, и вообще колоритъ мѣстности выдержанъ вездѣ, хотя мѣстами и попадаются грузинскія названія предметовъ, которые очень легко можно было назвать по-русски. Это единственный упрекъ, который мы можемъ сдѣлать автору.

Но зачёмъ Библіотека для Чтенія печатаетъ въ отдёлѣ Словесности стихотворенія въ родё тёхъ пяти произведеній, которыя помёщены въ іюльской книгѣ этого журнала? Вотъ нѣсколько строкъ изъ стихотворенія, подъ названіемъ «Цезарь передъ статуей Александра».

Ты мчаль народы, какъ потокъ, Вмьстиле ты ихе ве свою порфиру, А я созвать наяцовъ могъ.
Такой-ли следъ оставлю міру?
Ты шедъ — сдвигались города,
Пустыняме жизнь—твое даянье...

Что за стихи, что за мысли! Какой конецъ въ этомъ стихотвореніи?

И нынъ въ этой тишинъ
Твои миъ слышатся укоры,
И прожигаютъ сердце миъ
Твои властительные взоры;
Но ты оставилъ мечъ, порфиру,
И я ... еще-ли-бъ я пе могъ
Напомянуть твой образъ міру?

Что-же это такое? Шарада, загадка, логогрифъ, наборъ словъ на заданныя риемы? Всего любопытнъе послъднія два

стихотворенія «Жалобы статуй» и «Статуи къ Оссіану». Мы стали въ тупикъ передъ этими іероглифами.

Въ отдълъ Наукъ помъщены двъ статьи П. И. Небольсина «Очерки быта калмыковъ», очень любопытныя, хотя мъстами попадаются въ нихъ излишнія подробности. Статья «Римскій міръ въ V въкъ», переведенная изъ Revue des deux mondes, была уже напечатана въ Отечественныхъ Запискахъ, въ отдълъ Иностранной литературы, въ сжатомъ видъ, отчего

много выиграла.

Въ отдълъ Промышлености и Сельскаго Хозяйства, мы нашли прекрасную статью Д. Реутовича «О Хозяйствъ Жмуди». Разбирая сочиненія Жуковскаго, критикъ говоритъ: «Цъль нашей статьи сказать о Жуковскомъ то, чего именно не сказали о немъ до-сихъ-поръ другіе критики и что непремѣнно должно сказать». Но критикъ Библіотеки все-таки ничего новаго не говоритъ о Жуковскомъ. Можно, пожалуй, назвать новою мысль въ родъ слъдующей: «судить Жуковскаго положительно можетъ только лицо, равное своими достоинствами и заслугами судимому»; но эта мысль скорѣе оригинальна, чъмъ нова. Много любопытныхъ вещей можно встрътить въ этой критикъ. Перефразируя извъстное двустишіе:

Я лучшей не могу хвалы ему сказать: Мать дочери велить труды его читать,

критикъ говорить: «У Жуковскаго нѣтъ ни одного стихотворенія, котораго нельзя-бы прочесть четырнадцатилѣтней институткъ. Потомъ слъдуютъ подобныя метафоры:

«Написавъ первое стихотвореніе, Жуковскій вдругъ сталь подъ сѣнь лавра, и твердо и упорно выстояль подъ нимъ до-тѣхъ-поръ, пока не осыпался на него весь листъ: онъ такъ сказать, былъ не только увѣнчанъ лаврами, а засыпанъ ими съ ногъ до головы».

«У Жуковскаго великій океанъ любви мастерски описанъ со всёми морями, заливами, бухтами и продивами; тутъ указаны всё мели и подводные камни, всё пучины и водовороты, которыхъ должно остеретаться дёвственное сердце юноши». — «Сочиненія Жуковскаго превосходный житейскій дорожникъ, въ которомъ самымъ подробнымъ образомъ излагается топографія міра чувствъ».

Къ числу любопытныхъ сужденій отнесемъ также и то, что «послѣ Жуковскаго насъ удачно переносилъ на германскій Парнассъ одинъ только Вронченко»; любопытно также, что, цитируя Жуковскаго, критикъ приводитъ именно тѣ стихотво-

ренія, которыя принадлежать къ его первымъ опытамъ и поэтому слабъе другихъ.

Разборъ второй книги «Пропилеевъ», подписанный буквами В. Г. написанъ гораздо проще, хотя и въ немъ попадаются выраженія въ родѣ слѣдующаго: «Софоклъ, по компиляціи господина Шестакова, какое-то ощипанное, худое существо»; намъ также не нравится переводъ Эдипа — Царя, но тѣмъ не менѣе о подобномъ трудѣ мы нерѣшились-бы отзываться такъ рѣзко. Къ чему также въ серьозномъ разборѣ употреблять поговорки въ родѣ: «но изъ хвостовъ шубы не сшить».

И странное дѣло: въ этой статьѣ критикъ хвалитъ не впопадъ именно то, чего нельзя хвалить. Въ господинѣ Кудрявцевѣ, на-примѣръ, онъ восхищается не его глубокой ученостью, вѣрнымъ взглядомъ на событія, умѣньемъ группировать и объяснять факты, а напротивъ, слогомъ его, то-есть тѣмъ, что всего слабѣе у г. Кудрявцева. Даже въ цитатахъ, выписанныхъ критикомъ съ цѣлью удивить читателей, мы найдемъ примѣры тяжелаго и неправильнаго слога. Вотъ начало первой цитаты:

«Отъ дътства и юности Агриппины младшей лишь очень немного осталось на памяти исторіи. Если позволено заключать отъ времени полнаго развитія индивидуальных силь ко первому возрасту и первымъ средствамъ человъка, то надобно предположить, что дочь Германика наслъдовала столько-же отъ матери, сколько и отъ отца, очень сильную душу и кръпкую волю».

Не думаемъ, чтобы кто-нибудь назвалъ подобный языкъ легкимъ и правильнымъ. Слѣдующія выраженія въ той-же цитатѣ также неправильны: «Они не могли избѣжать от преслѣдованій», «враждовали другь—другу, подъискивались одинъ подъ другаго». «Какая злосчастная среда для воспитанія женщины!». «Неизвѣстно, что имълъ Тацитъ разсказать объ Агриппинѣ». «Но ничто такъ не могло уязвить женщину съ честолюбіемъ, женщину гордую, какъ когда то самое мѣсто, на которомъ она желала-бы разъиграть свою роль, было занято въ ея глазахъ другою.»

И это все въ одной цитатъ, которую критикъ выставляетъ, какъ образецъ удивительнаго слога.

Разборъ «Пропилеевъ» оканчивается рѣзкими замѣчаніями критика на статью г. Тихановича «Древнія Римлянки». Ни г. Кудрявцевъ, ни г. Тихановичъ не заслуживали.

Ni cet excés d'honneur, ni cette indignité.

но Библіотека для Чтенія послѣ похвалъ первому, отзывается о второмъ такъ: «статья г. Тихановича такая жалость, что и сказать нельзя».

Въ Литературной лѣтописи, разбирая «Раутъ на 1852 годъ», критикъ восхищается—чѣмъ-бы вы думали?—комедіей «Мезогинъ», которую осудили всѣ наши журналы. Въ цитатѣ приведенной критикомъ, по-крайней-мѣрѣ, хоть стихи гладки, кромѣ однако-же слѣдующихъ:

Не ахаеть никто — гдль, какь я ни стучу. .. Чтожь разродиться имь (анекдотомь) съ недвлю не могу... Чуть только доведу мой разговорь до кстати, Хоть какь мой разговорь не кстати перебыють.

Остальныя рецензіи въ Литературной лѣтописи не замѣчательны, кромѣ однако-же рецензіи разсужденія г. Шафранова «О видахъ русскихъ глаголовъ, въ синтаксическомъ отношеніи». Критикъ отзывается такимъ-образомъ объ этомъ сочиненіи: «Послѣ хорошаго обѣда и стакана добраго вина, можно уснуть и на 7-й страницѣ этого разсужденія. Я издержалъ на прочтеніе 150 страницъ цѣлыхъ десять дней; проспалъ послѣ каждаго пріема по пяти битыхъ часовъ; къ концу третьей страницы у васъ не замѣтно слипаются вѣки, у васъ начинаеть давить подъ ложечкой, и тутъ вы скоропостижно засыпаете.»

Смѣсь двухъ послѣднихъ книгъ, по обыкновенію, разнообразна и занимательна, кромѣ біографіи Жозефа Верне, занимающей тридцать три страницы. Какъ не поблагодарить «Отечественныя Записки», въ которыхъ эта біографія разсказана всего на трехъ страницахъ.

Въ этихъ - же двухъ книгахъ мѣсто Иногороднаго Подписчика занялъ Подгородный Подписчикъ. Разница между этими двумя эпитетами не велика, но между самыми статьями этихъ подписчиковъ большое различіе. Подгородный подписчикъ гораздо дѣльнѣе Иногороднаго, но съ другой стороны статьи его нѣсколько сухи и не обличаютъ большаго навыка въ искусствѣ писать фельетоны.

Говоря о Пантеонъ, Подгородный Подписчикъ высказываетъ слъдующее мнъне о «Свадьбъ Викторины»: «переводъ этотъ очень тяжель: если читать русскій тексть вслухь, языкь обобьешь объ нёкоторыя фразы, вложенныя переводчикомъ въ уста Викторины и госпожи Вандеркъ.» Такого мнёнія не слёдовало-бы приводить безъ доказательствъ; оно тёмъ страннёе, что относится къ самой Библіотек для Чтенія и ея переводу комедіи Жоржа-Санда, а не къ Пантеону. Не утомляя читателей длинными выписками, приведемъ на выдержку одну фразу госпожи Вандеркъ. Въ концё втораго дёйствія она говоритъ въ переводё Библіотеки:

«Мой другь, ты хочеть ускорить отвыздь нашего сына? Такъ ему нельзя будеть присутствовать на свадьбѣ Викторины, хотя онъ это считаль себь за праздникь».

Надъемся, что никто не назоветъ такого перевода легкимъ, а языка разговорнымъ. Вотъ та-же фраза въ Пантеонъ:

«Какъ, другъ мой, ты торопишь Жоржа увхать? Жоржъ не будетъ у нея на свадьбъ? а онъ надъялся повеселиться!»

Какой переводъ проще и чище — увидять сами читатели.

Второе письмо Подгороднаго Подписчика въ іюльской книгѣ длиннѣе и нѣсколько суше перваго; въ немъ высказано много справедливаго о Москвитянинѣ, Отечественныхъ Запискахъ и Современникѣ. Въ Пантеонѣ подписчику не нравится «Талисманъ» г. Кугушева. О личныхъ вкусахъ мы никогда не споримъ.

Музыкальныя извъстія этого нумера читаются легко и занимательны.

Прежде, чъмъ мы перейдемъ наконецъ къ главной новости нын вшняго В встника, о которой хот вли-было говорить раньше всего, скажемъ нѣсколько словъ о двухъ новыхъ утратахъ, которыя постигли въ последнее время русскую литературу и русскую живопись. Почти въ одно и то-же время получили мы извъстіе о смерти М. Н. Загоскина и К. П. Брюлова. лицъ извъстны всему образованному міру. Заслуги этихъ случаю смерти этихъ лицъ, не замътить, Не можемъ по что у насъ очень мало занимаются біографическими робностями извъстныхъ нашихъ писателей и художниковъ. Въ другихъ странахъ, при смерти всякаго лица, выходящаго изъ разряда обыкновенныхъ, вст знавшіе покойника и близкіе къ нему спъщать сообщить въ періодическія изданія все, что знали о трудахъ и жизни умершаго, и біографу покойнаго остается только выбирать свёдёнія изъ множества матеріаловъ

для составленія полной и вёрной оцёнки покойнаго. Но мы какъ-то мало дорожимъ біографическими свёдёніями о изъжизни. Многіе-ли, на-примёръ, знаютъ у насъ, что написалъ Брюловъ, кромё его капитальныхъ произведеній? Романы Загоскина, конечно, извёстны на перечетъ всей читающей Россіи, а между-тёмъ объ немъ было напечатано въ газетахъ только, что скончался такой-то, и все тутъ. Если родственники покойниковъ, пораженные печалью, не могутъ ничего сообщать обънихъ, то намъ кажется, что первый долгъ друзей и знакомыхъ умершаго высказать объ немъ все, что знаютъ.

Отъ погибшихъ талантовъ переходимъ къ живымъ, такъ много объщающимъ. Намъ предстоитъ теперь говорить о двухъ лицахъ, съ которыми намъ особенно пріятно познакомить читателей, если они еще не знаютъ ихъ. Въ августовской книгъ Отечественныхъ Записокъ мы встрътили два имени, о которыхъ еще не имъли случая бесъдовать, хотя они и не въ первый разъ являются въ печати. Мы говоримъ о г-жъ Н. Хвощинской и г. В. Крестовскомъ, о поэтъ и прозаикъ съ такими дарованіями, какія не часто встръчаются въ исторіи литературы. .Начнемъ съ поэта.

Въ 1847 году въ Литературной Газет в явилось въ первый разъ имя г-жи Надежды Хвощинской подъ стихотвореніями до того полными мысли, чувства, гармоніи, что они невольно обратили вниманіе всѣхъ любителей поэзіи. Не велико, конечно, это число, какъ не великъ былъ кругъ читателей Литературной Газеты, но это не мешало г-же Хвощинской занять съ самыхъ первыхъ стихотвореній почетное мъсто между русскими поэтами. Съ-тъхъ-поръ до послъднихъ стихотвореній, пом'єщенныхъ въ Отечественныхъ Запискахъ, талантъ молодой поэтессы шелъ въ возрастающей прогрессіи. Замъчательные всего въ этомъ таланты то, что онъ ни разу не измънялъ самому себъ, ни въ одномъ стихотворении не спускался ниже той ступени, на которую всталъ съ перваго тагу. Печатались у нея иногда стихотворенія слабъе, но каждое изъ нихъ было все-таки достойно ея дарованія; подъ каждымъ изъ нихъ она могла, не краснъя, подписать свое имя, и подъ этимъ именемъ не случалось ей, какъ многимъ нашимъ поэтамъ, печатать такія произведенія, на которыя никто и не обратилъ-бы вниманія, еслибъ подъ ними не выставлялось знакомое извъстное имя. Такая строгость къ самой себъ доказываеть въ то-же время глубокое уважение къ поэзіи, истинное пониманіе ея значенія.

Отечественныя Записки напечатали пять новыхъ стихотвореніи г-жи Хвощинской. Каждое изъ нихъ превосходно по мысли, по отдёлкѣ, по звучности стиха. Приводимъ самое коротенькое:

Нътъ, я не зову обманомъ
Того, чъмъ жизнь сказалась мнъ;
Надъ моремъ жизни нътъ тумана
Все видно на прозрачномъ диъ!
Въ него въ раздумьи и гадая
Руки не опускала я
И перловъ не искала, зная,
Что перлы тъ не для меня;
Покорно, безотвътно ими
Я любовалась на другой,
Благоговъя какъ рабыни
Передъ нарядной госпожей.

Петербургскія Въдомости, отзываясь съ самой лучшей стороны о дарованіи г-жи Хвощинской, привели другое стихотвореніе ея изъ напечатанныхъ въ Отечественныхъ Запискахъ и напечатали, въ слъдующемъ фельетонъ, еще два новыхъ. Не можемъ не привести втораго:

Не могу я приняться за дѣло,
Меня тусклое манитъ окно.
Все смотрѣла-бъ я, долго-бъ смотрѣла;
Въ небѣ вмѣстѣ свѣтло и темно.
Изъ-за облака мѣсяцъ всплываетъ,
Вѣтеръ въ листьяхъ изсохшихъ шумитъ;
Что-то сердце и жметъ и ласкаетъ,
Кто-то тихо душѣ говоритъ:
Вспоминается прошлое; слабо
Настоящее борется въ ней, —
И всю душу сейчасъ отдала-бы
Этой ночи и шуму вѣтвей.

Мы слышали, что и въ Московскихъ Въдомостяхъ будетъ напечатана статья о стихотвореніяхъ г-жи Хвощинской. Радуемся отъ всей души, что лучшіе журналы наши обратили наконецъ вниманіе но это замѣчательное дарованіе. Читатели Пантеона давно уже знакомы съ талантомъ этой дѣвицы-поэта. Въ прошлыхъ годахъ мы печатали много ея прекрасныхъ произведеній и большую драматическую поэму «Джуліо».

Въ нынѣшней книгѣ нашего журнала читатели найдутъ пять превосходныхъ стихотвореній. Не имъя удовольствія лично знать г-жу Хвощинскую, мы знаемъ только, что она постоянно живетъ въ Рязани, и никогда не была въ Петербургъ. Тъмъ замъчательнъе это дарованіе, развившееся въ провинціи, среди скромныхъ занятій семейной жизни. Весьма сожалвемъ также, что г-жа Хвощинская не издаетъ ника своихъ стихотвореній: это былъ-бы редкій и дорогой подарокъ любителямъ поэзіи. Литературная Газета, въ которой преимущественно помъщались эти стихотворенія въ 1847 и 1848 годахъ, теперь сделалась уже библіографическою редкостью, и въ то время не пользовалась большимъ авторитетомъ въ читающей публикъ. Поэтому мы убъждены, что читатели наши съ удовольствіемъ прочтуть нісколько выписокъ изъ этой газеты для того, чтобы вполнъ убъдиться въ разнообразномъ и блестящемъ дарованіи г-жи Хвощинской.

Вотъ, на-примъръ, одно изъ первыхъ ея стихотвореній:

Бывало съ подругами шумной, веселой толной Проходимъ подъ-вечеръ одинъ переулокъ глухой. Какъ птички, что вьются въ лазурной небесъ вышинъ И звонко щебещутъ — такъ ръзво смъются онъ. И жаркаго солнца огнистый, пурпурный закатъ, И длиныя тъни, и отблескъ на кровляхъ палатъ, И старыя ветлы, покрытыя пылью съдой, Нечаянно взросшій цвътокъ на сухой мостовой, Гуляющихъ пестрый, подъ-часъ презабавный нарядъ, Онъ все подмътятъ и мнъ обо всемъ говорятъ. На громкое слово — я помню — неръдко случалось, Вдругъ, въ домикъ низкомъ со скрипомъ окно поднималось, Головка на старой, трепещущей рамъ склонясь, Печальная, блъдная долго смотръда на насъ.

На сердцё я ввёкъ сохраню молодыя черты:
Взоръ яркій и томный, болёзненый видъ красоты,
Колечко на блёдной рукъ, двё косы вокругъ щекъ,
Слеза на ресницъ.... Гераній печально поблекъ
У ней на окошкъ. Она на подружекъ моихъ
Глядитъ, будто хочетъ сказать: върно праздникъ у нихъ!

Мы не знаемъ даже, чего болье въ стихотвореніяхъ г-жи Хвощинской: лиризма или драматизма? Какая прекрасная, поэтическая мысль въ слъдующемъ стихотвореніи:

> Позней осени порою Въ землю падаетъ зерно,

Тихо теплой бороздою До весны сохранено. Върь, мой другъ, что понимаетъ Лоно темное земли Цвну клада, что вручаютъ Для храненья и любви. Върю я! И если тайно Мысль мнъ въ сердце западетъ, Даръ завътный, хоть случайный Сердце свято бережетъ, Тихо жизнью согръваетъ, И изъ темной глубины Въ міръ съ молитвой отпускаетъ Въ день зиждительной весны.

Вотъ два небольшихъ, но полныхъ и мысли глубины стихотворенія:

> Тебя-ль мив вспомнить? Дни за днями Умчались, годъ еще прошелъ, И врагъ съ врагомъ и другъ съ друзьями Встръчались — насъ-же Богъ не свелъ. Ты не жалбешь? нътъ? Далеко Исчезла память обо мнъ, Какъ исчезаеть кругъ широкій На свътлой, блещущей волнъ; И память прошлаго - конечно Хранитъ томительно одна . Душа тоскующая, — въчно, Недвижно спящая волна. Года замънятся другими И постаръемъ я и ты, И скучно встрътимся чужими Средь скучной свътской пустоты: Цвътъ сердца холодно и грозно Успъетъ время оборвать.... Другъ друга встрътимъ мы такъ поздно, Что хоть-бы вовсе не встръчать.

Кому не случалось лежать на травъ И взоры въ небесной топить синевъ Подъ сводомъ деревьевъ кудрявыхъ?

Вы помните: птицы шумять по вътвямъ И гибзда свивають, и кажется вамъ

Весь трудъ ихъ безпечной забавой. И съ шумомъ и крикомъ хлопочутъ онъ И сонъ нагоняють, и въ сладостномъ снъ

Вамъ върно случалось забыться. И голову пряча подъ тънь, гдъ свъжъй, Все думаю: Чтобъ молодъй иль старъй

Десятками лътъ пробудиться? Ребенкомъ – чтобъ въ пъсняхъ не слышать труда, RM DH DINIAH

Заботы и слезъ, — гдъ трудъ нашъ всегда Такъ полно живеть въ нихъ и дышетъ, Иль старцемъ — не видъть, какъ любятъ они!.. Чтобъ въ пъсняхъ напрасно томящей любви Чириканье глупое слышать...

Уважая вполнъ самобытное и блестящее дарование г-жи Хвощинской, мы не увлекаемся однако-же имъ до такой степени, чтобы не видъть нъкоторыхъ недостатковъ въ ея стихотвореніяхъ. Мъстами попадаются въ нихъ стихи, требовали-бы болье-тщательной отдълки, и не совершенно правильные обороты. Но самый главный недостатокъ ея, по нашему мнфнію, излишняя сжатость выраженія, отъ которой стихъ, по временамъ, дълается теменъ, или, по крайней мъръ, его надо прочесть два-три раза, чтобы вникнуть въ мысль. У г-жи Хвощинской нътъ безукоризненной гладкости, гармонической плавности пушкинскаго стиха, нътъ рельефности стиха дермонтовскаго; за то ея стихъ носитъ и энергіи на себъ ръзкій отпечатокъ глубоко-прочувствованной и задуманной мысли, по которому его легко отличить отъ всёхъ другихъ. Въ своихъ произведеніяхъ она никому не подражаетъ, въ этомъ ея главное достоинство; поэтому-то она особенно замѣчательна въ группѣ современныхъ поэтовъ.

Мы-бы затрудились отв'вчать положительно на вопросъ: въ какомъ родъ лучше всего пишетъ г-жа Хвощинская? Она пробовала писать во всёхъ родахъ и, можеть быть, даже сама не сознала еще въ себъ, къ какому роду стихотвореній болье всего лежить ея сердце. Часто мелькаеть у нея элегическое направленіе, иногда оканчивающееся отраднымъ утвшеніемъ, какъ въ слъдующемъ стихотвореніи:

> И для меня бывала жизнь трудна, И я предъ образомъ рыдала, И въ ночь глубокую, не зная сна, На помощь Небо призывала. Но все прошло! Быть можеть, бережеть Судьба еще мнъ много дней ненастныхъ, Ночей безсонныхъ, слезъ напрасныхъ, Но все пройдеть! Не какъ дитя безпечное на свътъ Гляжу-мит не къ лътамъ безпечность; Но опыть мив открыль ничтожность бъдъ, Волны ихъ мутной, быстротечность, Я вижу, какъ все въ мірѣ вдаль бъжить, И въ жизни трудной не теряя силы, Вдали свътъ дивный надъ могилой Во тмѣ горитъ.

ner venterannen en

MOUNTAIN OFFICE AND ASSESSED.

editor burners

CERTIFICATION OF THE PROPERTY OF

经经验的特别证据 对证 机邻基油

rename and a second second

A THREE PARKETS OF THE

Иногда, однако-же, она теряетъ эти силы, и уныніе на минуту овладъваетъ ея душою.

Порою, эти минуты бывають до того тяжелы, что невольно становится грустно и тяжело вмъстъ съ поэтомъ, какъ въ слѣдующемъ стихотвореніи:

> Я трачу время — и жалбю О времени. Смѣшной недугъ! Но не желаю я злодъю, Не только что тебъ, мой другъ, Понять несносное мученье Напрасныхъ этихъ сожальній! Хоть есть способности и силы Трудиться — такъ желанья нътъ; Съ такимъ трудомъ придешь къ могилъ, И не въ чемъ будетъ дать отвътъ. Работать вяло и безплодно Смѣшно, почти неблагородно. А если голосъ жизни, воли --Иной и лучше станетъ звать.... О, лучше, чъмъ рыдать до боли, Забыться крвиче и поспать.... Спать — пусть бы годы уходили — И только-бы часы не били!..

Я трачу время и рыдаю О времени ... Я силю, я сплю, Но я сквозь сонъ часы считаю и знаю, сколько ихъ гублю, И для меня они примътно Уходять въ въчность безотвътно!..

Природу г-жа Хвощинская описываетъ также прекрасно и картинно. Вотъ два отрывка въ разныхъ родахъ:

> Въ поле! Знойно и лъниво Дышеть небо надъ землей, Зеленъющая нива Дремлеть вт нъгъ полдневой. Синеватые туманы. Золотистые лучи, 10 · 如图 · 3424 · 14 Подъ обрывами кургана Чуть бъгущіе ручьи; Лѣсъ надъ свѣжею долиной, Наклоненный съ кругизны, И струп ръки въ лощинъ Неподвижны и темны. Пробужденная природа И прекрасна и сильна, Въетъ въчною свободой, Въчной радостью полна.

Accesso!

Горы снёжной главой поднялись къ небесамъ, Между льдинами бьется потокъ, И ложится туманъ по зубчатымъ хребтамъ, И румянъ и роскошенъ востокъ; Льется розовый блескъ по пустынъ нъмой, Высотамъ подаренъ первый лучъ огневой. Тамъ, гдъ жизнь замерла, на пушистыхъ снътахъ Промелькнула лазурная тънь, То орелъ поднялся; ниже, въ мшистыхъ скалахъ, Показался рогатый олень, Оглянулся, прыгнулъ вдругъ съ вершины крутой—Знать, охотника онъ услыхалъ за собой.

Несмотря однако-же на множество картинныхъ описаній красотъ природы, разбросанныхъ во многихъ стихотвореніяхъ г-жи Хвощинской, она предпочитаетъ ощущенія сердца картинамъ природы; будущее занимаетъ ее болёе, чёмъ прошедшее. Доказательствомъ этому служить одно изъ лучшихъ ея стихотвореній, изъ котораго мы выписываемъ только нёсколько строфъ:

«Забудь, пъвецъ!» они сказали:
«Твои восторженные сны,
Твои мечтанья и печали
Несвоевременны, смъшны:
Что въ этой жалобъ напрасной?
И все-ли въ міръ отцвъло?
Взгляни — природа такъ прекрасна
И наше прошлое свътло.
Стремясь къ своей высокой цъли,
Душой съ природою сдружись.
И къ нашей дътской колыбели
Въ самозабвенье обратись.

Пъвецъ отвъчаетъ:

. Въ моей душъ жива любовь, сознанье. Ей ближе шумъ людей, чъмъ лътній шумъ лъсовъ, Ей ближе ихъ дъла, чъмъ грезы и мечтанья, Ей ближе нужды ихъ, чъмъ странныя преданья О баснословныхъ дняхъ исчезнувшихъ въковъ. Въ нихъ наша колыбель—то правда, но ужели Мы, наклонясь надъ ней, всю мысль ей отдадимъ?

О! сколько прошлаго насъ съ нею раздълило! Съ минутой каждою мы мчались все впередъ. Сравните — насъ теперь съ рожденья до могилы Все новое зоветъ.

Что общаго межъ нами? Какъ жеданью Летъть къ такой далекой старинъ? Иль намъ такъ милъ туманъ воспоминанья PERSONNEL CONTRACTOR

. TERROTEOPHIES

menia cenana kan

SOUR STROUGH AMEP

stoogra onanoundu

И нъжиться хотимъ мы въ этомъ снъ? Не стыдно-ли?

Прощай-же, древность! Спи спокойно! Ужъ унесла въ могилу ты Весь пъсень рядъ, тебя достойный, И полный славы, красоты, Твой геній улетыть съ тобою. Пускай надъ новою толпою Раздается новыхъ пѣсень звонъ. Пусть руководить онъ въ стремленьи, Въ часы печали и сомивныя, Пусть утъщаетъ; учитъ онъ. О нашемъ въкъ скажемъ слово, Чтобы въ въка оно дошло. Хоть зданье не совсъмъ готово, Пусть знають, какъ оно росло. Пусть знають всъ, что не напрасно И жили и отжили мы, OUTGERTS AN AUTROPEO И что тандся свътъ прекрасный Средь заблужденій нашей тмы. Аля нихъ, для правнуковъ счастливыхъ, Оставимъ пъснь, да въчно живы Мы будемъ въ ней: пускай не разъ Вспомянуть нашей пъснью насъ. Какъ тъ, чьи древнія могилы Ласкаетъ шумная волна, Мы люди, -живы наши силы И также наша жизнь полна; Гордясь, мы взглянемъ ей смълъе Въ лицо и пъснь ей отдадимъ, И пусть въ ней льется не забвенье, Но слово правды въ поученье Потомкамъ доблестнымъ своимъ.

resoranto arriati Но мы-бы никогда не кончили, еслибъ захотвли приводить вст прекрасные стихи г-жи Хвощинской. Объ ней надо писать не летучія замітки, а большую критическую статью. Поблагодаримъ Отечественныя Записки за то, что онъ взяли на себя обязанность ближе познакомить нашу публику съ этою замъчательною личностью, но замътимъ также, что въ стихахъ непріятнье встрычать опечатки, чъмъ въ прозъ, потому-что здёсь онв. могутъ придать иногда совершенно другой смыслъ выраженію. Такъ, во второмъ стихотвореніи, въ Отечественныхъ Запискахъ, первый стихъ напечатанномъ набранъ такъ:

Въ прощальный, смертный часъ не знаешь, что сказать;

по этому стиху читатель думаеть, что дёло идеть о прощаніи съ жизнью и удивляется, когда поэть говорить, что въ такой тяжелый часъ припоминаешь погоду и дорогу и проч. Очевидно, что дёло идеть вовсе не о смерти, а о разлукт, и если замёнить эпитеть смертный другимъ: смутный—стихотвореніе становится очень ясно. Но покамёсть поймешь въ чемъ дёло, невольно обвиняешь поэта въ неясности.

Другое пріятное явленіе въ августовской книжкъ Отечетвенныхъ Записокъ—это новая повъсть г. Крестовскаго «Еще Годъ» — дневникъ сельскаго учителя. Читатели Пантеона могуть судить о дарованіи г. Крестовскаго по «Утреннему визиту», превосходнымъ сценамъ, въ немногихъ словахъ такъ мастерски рисующимъ провинціальную жизнь, въ контрастъ съ мелочной стороною петербургской жизни.

Въ началѣ 1850 года, въ Отечественныхъ Запискахъ явилась первая повѣсть этого автора «Анна Михайловна», и тогда-же было сказано, что это псевдонимъ одной дамы писательницы. Въ концѣ 1850 года напечатана была другая повѣсть «Сельскій учитель,» продолженіе которой является теперь подъ названіемъ «Еще годъ». Если мы можемъ за чтонибудь посѣтовать въ этомъ случаѣ на Отечественныя Записки, то единственно за то, что они не годъ, а болѣе полутора года не печатали продолженія этой прекрасной повѣсти. Конечно, Еще годъ составляеть особое цѣлое, но въ то-же время онъ неразрывно связанъ съ Сельскимъ учителемъ, и характеръ героя повѣсти обрисовывается гораздо яснѣе, по прочтеніи обоихъ разсказовъ.

Повъсть «Еще годъ» написана въ формъ дневника — самая трудная форма послъ романа въ письмахъ. Какъ трудно тутъ не сказать чего-нибудь лишняго, не распространиться въ подробностяхъ описаній личныхъ, часто вовсе не интересныхъ и мелочныхъ. Г. Крестовскій, произвольно заключивъ себя въ затруднительную рамку дневника, умълъ сдълать въ высшей степени занимательною и эту форму. Весь разсказъ читается такъ легко, что жалъешь, зачъмъ онъ такъ скоро кончается, зачъмъ дневникъ этотъ не продолжительнъе, не подробнъе ... Съ какимъ глубокимъ искусствомъ задумана и ведена вся эта повъсть. Сколько мысли и чувства въ каждой страницъ! Какъ все это зръло обдумано, художнически выражено! Какое знаніе сердца, свъта, жизни! Не понимаемъ, какъ можетъ по-

добный талантъ скрывать свое настоящее имя. Конечно, имя это женское, — но авторъ этихъ трехъ повъстей не принадлежитъ къ числу тъхъ писательницъ, которыхъ изъ учтивости, какъ прекрасный полъ, хвалятъ критики; которымъ опытные цънители дарованій говорятъ, цълуя розовые пальчики автора, немножко замаранные чернилами: c'est très joli, се que vous avez écrit. Дарованію г. Крестовскаго могли-бы позавидовать многіе мужчины-писатели.

Мы хотёли сдёлать также выписки изъ этой пов'єсти, но почти каждая страница представляла намъ такія прекрасныя сцены, такія зам'єчательныя мысли, что мы не знали, что именно выбрать, на чемъ остановиться. Для того, чтобы показать однако-же слогъ г. Крестовскаго, выпишемъ десятокъ первыхъ попавшихся намъ строкъ, далеко не лучшихъ въ пов'єсти.

«Сколько я знаю и слышаль и наконець испыталь надъ собою, первая любовь всегда бываеть обманута; сами-ли мы ошибаемся, или насъ обманывають другіе—все равно. Отчего это такъ бываеть? Говорять, будто оттого, что первая любовь всегда безсознательна; никогда не соглашусь съ этимъ — молодые глаза лучше видять!.. Неужели необходимо, чтобъ мы стали себялюбивѣе, разборчивѣе, злѣе, для того, чтобъ сойтись съ чьей-нибудь душою? Неужели вторая, третья, можетъ быть, десятая, наконецъ, счастливая любовь должна быть непремѣню отдыхомъ для измученной, можетъ быть, уже скучающей души? Неужели и это сладкое, очаровывающее чувство должно быть доказательствомъ, что въ мірѣ — все страданіе, трудъ; поиски, и наконецъ отдыхъ? Любовь — отдыхъ!.. Эта мысль убиваетъ меня...

«И, можеть быть, мнѣ отвѣтять любовью на любовь и, можеть быть, придеть мнѣ счастіе, такое полное и прекрасное, какого еще не создавало мое воображеніе: но буду—ли я ими доволень? Лѣтніе цвѣты пышны и роскошны, но отчего всегда милѣе маленькая медуника, которая первая выглядываеть изъ оттаявшей земли? Я, сожалѣя, ищу ее въ дорогихъ букетахъ; кто мнѣ скажетъ, не буду—ли я, сожалѣя, искать моей первой боли въ моемъ будущемъ счастьи?»

Авторъ этой повъсти также прекрасно описываетъ природу, какъ анализируетъ чувства. Описанія эти у него до того картинны, что мы совершенно убъждены въ томъ, что онъ пишетъ и стихи также хорошо какъ прозу.

Намъ следовало-бы теперь поговорить о другихъ статьяхъ августовской книги Отечественныхъ Записокъ, но мы оставляемъ это до следующаго нумера. После повести г. Крестовскаго не хочется говорить ни о чемъ другомъ; передъ нею бледиветъ все остальное, точно также, какъ передъ стихами г-жи Хвощинской сильно побледнело стихотворение какого-то г. А. И. Д — ва, о которомъ мы позабыли даже упомянуть, хоть оно и напечатано въ той-же книгъ. Впрочемъ, оно и само по себе незамечательно. Эти разговоры розъ и тучекъ отзываются чемъ-то мадригальнымъ...

МУЗЫКА.

Appendique of the Samuel Court of the Court

THE STREET STREET, ASSESSED BY SHOWING ASSESSED

and propositive and store on a control was a fun

Въ лътніе мъсяцы, когда вся петербургская музыка разлетается по окрестностямъ, вслъдъ за выкочевывающими жителями столицы, и, сгруппировавшись въ загородные оркестры, оглашаетъ сады воксаловъ и трактирныхъ заведеній, у насъ очень мало выходить въ свъть музыкальныхъ произведеній. Почти не о чемъ говорить, не на что указать, нечего разыграть. Между-тъмъ нынъшній мъсяцъ принесъ намъ вещь, если не слишкомъ замъчательную, то практически полезную и почти необходимую. Мы говоримъ о «Полной форменьянной школь» составленной И. Черлицкимъ и изданной г. Гольцомъ. Г. Черлицкій наставникъ музыки въ училищъ Императорскаго Патріотическаго Общества и человъкъ очень опытный въ преподаваніи музыки. Онъ могъ изучить во время многольтней своей практики, что именно необходимо и полезно для начинающаго учиться играть на фортепьяно и что можетъ постепенно привести его къ наибольшему и правильному развитію. Плодъ этихъ многолътнихъ своихъ наблюденій онъ и издалъ теперь на пользу юношества, раздёливъ его на теоретическую и практическую части. Въ первой заключаются правила и наставленія игры, на трехъ языкахъ, русскомъ, французскомъ и нъмецкомъ, а во второй выборъ пьесъ для постепенныхъ упражненій. Пьесы выбраны имъ съ большимъ вкусомъ и знаніемъ дёла: ничто не можетъ такъ скоро испортить ученика, какъ разыгрываніе нынѣшнихъ полекъ и галоповъ, которые, по большей части, пишутся даже безъ необходимыхъ музыкальныхъ знаній и не приводять учащагося ни къ какому результату. Г. Черлицкій выбралъ по большей части музыку классическую и за это вниманіе, клонящееся прямо къ образованію вкуса учениковъ, ему всѣ будутъ благодарны. Пьесы, имъ выбранныя, принадлежатъ Моцарту, Бетховену, Генделю, Скарлатти, Баху, Клементи, Гюнтену, Розеллену, Мендельсону-Бартольди, Дёлеру, Фильду, Шопену, Рису, Крамеру, Мошелесу, Вильмерсу, Тауберту. Все это не ново, но дъльно и хорошо и какъ нельзя лучше служить для предположенной цёли. Для разнообразія прибавлены нъкоторыя русскія пъсни, испанскіе танцы, переложенія оперныхъ арій Караффы, Обера, Адама, Беллини, г-жи Пюже. Начиная съ простыхъ и легкихъ упражненій до труднъйшихъ фугъ-все придумано и расположено очень ловко и съ большимъ вниманіемъ. Мы увърены, что всъ учители музыки и родители, желающіе дать дътямъ

правильное музыкальное образование встрътять «школу г. Черлицкаго» съ большимъ удовольствиемъ. *

моды.

Касательно модъ въ Петербургѣ осень споритъ еще съ лѣтомъ, и дамы наши какъ-то неохотно отказываются отъ своихъ легкихъ одеждъ. Господствующаго вкуса нынѣ нѣтъ: костюмы на гульбищахъ и въ загородныхъ мѣстахъ встрѣчаются самые разнообразные, но съ-тѣхъ-поръ, какъ снова открылись городскіе спектакли, видны и болѣе изысканные, полузимніе наряды. Мы отмѣтимъ пять особенно красивыхъ костюмовъ, которые привлекали всеобщее вниманіе.

1 й костюмъ. Креповая шляпка, съ прошивками, изъ узорчатой соломки и съ цвътами денной-красавицы на поляхъ и подъ полями. Платье изъ одноцвътной тафты, съ зубчатыми отворотами на корсажъ, отдъланное внизу однимъ широкимъ зубчатымч воланомъ, который сверху обшитъ рюшемъ изъ той-же матеріи, отъ котораго также ниспадаетъ сборка съ зубцами. Шемизетка, вышитая à l'anglaise. Всъ зубцы платья оторочены шелковымъ шнуркомъ. Шаль черная изъ филе, съ широкой бахрамой, съ вышитой шелками гирляндою. Костюмъ этотъ очень простъ, но чрезвычайно эффектенъ.

2-й коетюмъ — еще проще. Шляпка шелковая изъ гласе, съ кружевною подшивкою подъ полями. Мантилья синяя атласная въ видъ шали, вышитая одноцвътными букетами и отороченная широкой шелковой бахромою. Платье изъ шелковой матеріи фасоне, безъ всякой отдълки на юбкъ. Широкіе подрукавники изъ англійскаго шитья.

З-й костюмъ. Шляпка сборчатая, изъ бълаго и розоваго гроденапля. Платье изъ грод'дафрикъ; на юбкъ три волана. На каждомъ воланъ нашитъ рюшъ въ видъ изгибающейся змъйки, и между каждымъ изгибомъ по бантику изъ лентъ того-же цвъта. Корсажъ сдъланъ въ видъ кофточки, плотно прилегающей къ тълу и рисующей талію. Напереди ея отвороты, внизу проръзы, также общитые рюшемъ. Рукава, наверху узкіе,постеценно разширяются и, отъ локтя почти до кисти, внизу раздвоены и общиты рюшемъ; самый-же разръзъ ихъ перепле-

^{*} Продается въ музыкальномъ магазинъ г. Гольца, въ С. Петербургъ, на Невскомъ Проспектъ, у Казанскаго моста, въ домъ Имзена. Входъ съ Екатериненскаго канала, и въ Глаоной Конторъ Цантеона.

тенъ шнурочкомъ подъ цвътъ. Подрукавники съ браслеткамя и изъ кру жевъ. Это нарядъ изысканный и вполнъ щегольской.

4-й костюм — шлянка тюлевая съ уборомъ изъ цвътовъ. Платье двуцвътное (chageant) изъ гласе. Три его волана общиты широкими полосатыми лентами, въ видъ радуги, называемыми algeriennes. Курточка короткая и гладкая, у которой рукава въ три ряда украшены сборками изъ тъхъ-же лентъ. Подрукавнички широкіе, а завязки у шлянки также изъ полосатыхъ лентъ.

5-й костюмъ. — Головной уборъ à la Гортанзъ, изъ чернаго бархата, вышитаго чернымъ стеклярусомъ и отороченнаго чернымъ узкимъ кружевомъ. Платье черное — гласе. Корсажъ высокій и закрытый, съ фалдачками. Отъ верха корсажа до самаго подола напереди рядъ пуговокъ изъ вороненой стали, отъ которыхъ идутъ бархатныя полоски, общитыя мелкимъ чернымъ кружевомъ. Шея гарнирована вышивной кардиналкою. Это нарядъ очень милый и красивый для хорошо освъщенной ложи.

Описавъ замъчательнъйшіе наряды, скажемъ, что съ осенью опять стали показываться жилетки, которыя лътомъ совсъмъ было исчезли изъ области моды. Но нынъшнія жилетки роскошнѣе, чъмъ онъ были когда-либо. По большей части онъ бѣлыя, атласныя или моаре, съ воротникомъ шалью, съ раздвоеннымъ мыскомъ внизу и двумя карманами, для часовъ и для записной книжечки или порт-моне. Вся жилетки обыкновенно вышита одноцвътными шелками и представляетъ на груди, на воротникъ и на карманахъ самыя красивыя гирлянды.

Фасоны осеннихъ шляпокъ очень разнородны. Во-первыхъ, такъ называемыя шляпки-капотъ — самое неуклюжее изобрътение для дамской головки и развъ только могутъ идти къ шестнадцатилътней красасавицъ, потому-что

Дъвушкъ въ шестнадцать лъть, Какая шляпка не пристанеть!

Это родъ покрышки съ стариннаго тарантаса, у который козырекъ отъ дождяпемпожко приподнятъ. Между полями и тульею широкая лента, которая съ каждой стороны окончивается огромнымъ кочнемъ (choux) и двумя висячими концами. Вся же шляпка испещряется широкими руло изъ матеріи другаго цвъта. Настоящая англійская выдумка. Соломенныя шляпки украшаются просто букетомъ полевыхъ цвътовъ снаружи, и кружевнымъ подбоемъ внутри полей. Гроденаплевыя и атласныя шляпки украшаются широкыми лентами, которыя окончиваются съ объихъ сторонъ букетами изъ перьевъ марабу. Замъчательны еще шляпки изъ чернаго крепа, сквозь который узоромъ продъты полоски соломки. Эти шляпки въ большой модъ и дъйствительно чрезвычайно красивы. Вотъ все, что мы можемъ сообщить вамъ на этотъ разъ о нашихъ петербургскихъ модахъ. Ехсизег du peu! Въ области модъ пока еще господствуетъ непостоянство.

entropologica de segmenta en en esta de la compositio de

the consideration of the analysis of account of the accounted that the

tunkse, kuspi e otang erropista, sukandeneng as tokung erropistajok ngsakan kusik sabou-topa ath engenden adasanak ket u andapa kep iga aregi en asamgaryaga u kumamu ukungangkung athuna

represents acousting analogy opens, passoned the economics

нея выс винесторова, облащиеся россия — этопольным со нересования прида Волугантовичение из пути втубли общего дирку и приоситейска

des por componist es esquanca e apporte a provincia, provincipal sespensis era enterentarional antialicentes e approvincia disente en pena arrolante autorisente (chouse e e ensua en concepta exponit objectivo de objectivo especialistica en provincia en ensuale

wo my actions brigan simulfactivities ration(12),

sa sopersion in the napusadar castas septendada tropicales

English Francisco

Care a language but America acomplete

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКОЙ СЦЕНЫ.

Nº 8.

MOCABAHEE MPOCTN.

Lasta Lak

комедія въ одномъ дъйствіи

передъланная съ французскаго

G. G. Rpyrnononebouns

представлена въ первый разъ:

въ с. петербургъ на александринскомъ театръ

28-го іюня 1852.

дъйствующие:

Contract of the second

АКТЕРЫ:

генрихъ де-вилье.	. Г. Смирновъ 2
МАРІЯ РЕМОНЪ	. Г-жа Левкњева.
поль, ея сынъ 5-ти лътъ	. Восп. Улина.
ТОМЪ, слуга г. Вилье	. Г. Фальевъ.
гертруда, горинчизя г-жи Ремонъ	. Г-жа Волкова.
Г-ЖА КЛЕРИ, содержательница гостинницы	. Г-жа Сандунова.

A CONTRACTOR OF THE ASSOCIATION OF THE STREET

constant and the second contraction of the second

BATART BEGINDING CONTROL OF BUTCHES OF BUTCHES

Театръ представляеть общій заль. Двери въ глубинъ и по бокамь. Нальво на перв мъ изань, окно; на право фортепіано, надъ нимь зеркало. Въ сторонъ столь, на которомь разбросаны эстамны и журналы.

I

клери. Вы долго намърены пребыть въ Гавръ?

генрихъ. Дня два или три не болъе.

томъ, Куда прикажете отнести чемоданъ?

клери (отворяя дверь нальво). Воть сюда. (Томъ уходить).

А вамъ ничего не угодно? генрихъ. О! напротивъ. Дорога возбудила во миж апетитъ и я

хотъль-бы позавтракать. клери. Ваше желаніе будеть исполнено.

генрихъ. И не забудьте извъстить меня о времени отправленія парохода въ Лондонъ.

клери. Будьте покойны, сударь. (Уходить).

tructure street the sone of the bidgeton

11

генрихъ и томъ.

томъ. Не угодно-ли вамъ пожаловать въ свою комнату? Она готова.

генрихъ. Нътъ, я останусь здъсь и пробъгу журналъ, въ ожиданіи завтрака, а ты, между-тъмъ, сходи на почту, и узнай нътъ-ли писемъ ко мнъ. Я жду извъстія отъ жены.

томъ. Неужели-съ!

генрихъ. Милая Люси! наконецъ я опять увижу тебя, послъ двухъ-мъсячной разлуки.

томъ. Два мъсяца-легко сказать.

генрихъ. Что дълать, обстоятельства удерживали меня въ Парижъ. Люси по необходимости должна была уъхать въ Лондонъ, къ своей больной матери.

томъ. Но за то день свиданія будеть счастливъйшимъ днемъ вашей жизни.

генрихъ. Про то я знаю. Ступай-же на почту.

томъ. Бъгомъ нобъгу. (Уходить).

III ·

Approximate and the second sec

sulf air pley tend and wid a granus

ГЕНРИХЪ, одинъ.

Онъ, кажется, любитъ жену мою, не менъе меня. Впрочемъ это очень естественно, она добра, скромна, очаровательна. Ее надо только увидъть разъ, чтобы полюбить навсегда. Милая Люси, какъ я счастливъ! Но куда-же я попалъ? Вотъ Бразильская гостинница. Тамъ каналъ, я кажется не ошибаюсь, я въ гостинницъ Адмиралтейства. Да, я узнаю теперь эту комнату. Бъдная Марія! здъсь я видълъ ее въ послъдній разъ. Она отправлялась въ Нью-Іоркъ. Воть и журналъ, который она перелистовала въ то время, какъ я стоялъ за этой дверью,

вотъ и фортепіано, за которымъ она пѣла прощальный романсъ. Бѣдное дитя! Она меня любила, да, она любила меня; какъ теперь вижу этотъ корабль, который уносилъ ее. Я стоялъ на берегу, едва удерживая слезы. Паруса едва-едва виднълись на горизонтѣ; я все еще искалъ ее глазами, она меня любила, а я — я боготворилъ ее. Щестъ лѣтъ прошло съ-тъхъ-поръ. Какъ летитъ время! Кажется, давно-ли это было, и вотъ ужъ я женился, она за-мужемъ ... О, еслибъ отецъ ея согласился, но нѣтъ, это было-бы безумно. Безъ состоянія, не имѣя никакого положенія въ свѣтѣ, могли-ли мы быть счастливы? Ея отецъ умно распорядился, удаливъ ее въ Нью-Горкъ; тамъ она вышла замужъ за честнаго банкира, а я ... я тоже счастливъ, я нашелъ въ другой все то, что любилъ въ Маріи! Но странно, однакожъ: отъ этихъ воспоминаній опять забилось мое сердце. О мечты моей юности, безумныя мечты! Мнѣ тяжело было съ вами разставаться.

some server of will be appropriate by IV to

ГЕНРИХЪ и КЛЕРИ.

КЛЕРИ. Завтракъ поданъ въ вашу комнату.
ГЕНРИХЪ. Ахъ да! Я и забылъ (идетъ направо).
КЛЕРИ (показывая нальво). Ваша комната здъсь, сударь!
ГЕНРИХЪ. Какъ я разсъянъ! (Уходитъ).

Challeting of Y. Challeton in the Shir and

AND LINE OF BUILDING BER

клери, потомъ, марія, гетруда и поль.

клери. Лицо этого господина мнѣ знакомо. Кажется, я его видѣла здѣсь. Но когда? (Слышны голоса за кулисами). А! еще путешественники! Какая-то дама! (Входять Марія и Гертруда съ Полемъ).

марія. Не можеть быть, чтобъ онъ быль здъсь; по словамъ капитана корабля, мужъ ожидаеть меня завтра.

гертруда. Онъ долженъ былъ предупредить васъ.

марія. Положимъ такъ, но надо быть снисходительной. Онъ не виновать, что время такъ благопріятствовало путешествію; ты всегда недовольна, Гертруда!

генрихъ. Ну, что вы будете теперь дълать?

марія. Я и сама не знаю. Пока осматривають мои бумаги и вещи, будеть уже шесть часовь; значить мнв не удастся увхать ранве вечера и потому я могу разъвхаться съ мужемъ. Я думаю, лучше всего ждать утра.

генрихъ. Еслибъ вы ему написали на всякой случай?

МАРІЯ. Твоя правда. Потрудитесь прислать въ мою комнату все нужное для письма.

клери. Сію минуту, сударыня. Эта комната нравится вамъ?

марія. Вполнъ, особливо на такое короткое вримя, какое я пробуду здъсь. Мое письмо поспъетъ сегодня въ Парижъ?

клери. Навърно (уходить).

поль. Мама! мы скоро увидимъ папашу?

марія. Ты върно очень усталь? Не хочешь—ли спать? Уложи его, Гертруда. Ступай, мой другь, ступай. (Гертруда и Поль уходять).

VI

марія. Наконецъ я во Франціи и завтра буду въ Парижѣ. А Гертруда справедлива, мой мужъ долженъ былъ встрѣтить меня! Лѣнивецъ! Но все равно! Какъ онъ обрадуется моему пріѣзду! А! здѣсь есть фортепьяво; я цѣлый мѣсяцъ ужъ не пѣла.

Прости! Насталь чась разставанья И гибнеть все, мечта, любовь... Богь въсть! наступить—ли свиданье И мы увидимся-ли вновь. Пойду унылой я дорогой, Мнъ путь печальный предстоить... Въ груди стъсненной горя много И сердце бъдное болитъ! Прости! но въруй ты надеждъ И прегради ты къ сердцу путь, И что тебя плъняло прежде — Не разлюби, не позабудь.

VII

МАРІЯ и ГЕНРИХЪ. (Во время пінія показывается въ дверяхъ своей комнаты).

марія. Генрихъ! Нѣтъ!

генрихъ. Какой непостижимый случай привелъ васъ сюда? Мнъ говорили, вашъ мужъ оставляетъ Нью-Іоркъ?

марія. Да.

генрихъ. Такъ онъ намъренъ переселиться во Францію?

марія. Да.

генрихъ. Онъ здъсь? съ вами?

марія. Онъ въ Парижъ, но я жду его съ минуты на минуту.

генрихъ. А!

марія. Я не болье часу, какъ прівхала въ Гавръ.

генрихъ. Вы, кажется перемънили прическу?

марія. Вы замътили?

ГЕНРИХЪ. А локоны такъ были вамъ къ лицу.

марія. А какую прическу носить ваша жена?

генрихъ. Вы знаете, что я женатъ?

марія. Мит писали объ этомъ. Скажите, вы счастливы?

ГЕНРИХЪ. Я буду откровененъ. Да, я счастливъ и вовсе не намъренъ разыгрывать здъсь сцену изъ Вертера. Шесть лътъ прошло сътъхъ-поръ, какъ мы разстались. У васъ есть мужъ, у меня жена. Будемъ-же довольны настоящимъ положеніемъ и не станемъ докучать другъ другу напрасными обвиненіями; не скрою, что когда вашъ отецъ отказалъ мит въ вашей рукъ, я былъ близокъ къ сумасшествію; я впалъ въ отчаяніе, отъ котораго не надъялся исцълиться; но потомъ время, в аше отсутствіе, занятія... какъ вамъ сказать... это обыкновенная развязка любви. Я васъ не забылъ. Нътъ! это было невозможно! Я ст арался въ другой найти васъ и...

марія. Нашли ?

генрихъ. Моя жена прекрасна и добра, какъ вы. Чего-же мит желать больше?

марія. И она васъ любить? ГЕНРИХЪ. Да, любитъ.

марія. Какъ ее зовуть?

генрихъ. Люси.

марія. Она англичанка?

генрихъ. Да. Но я что-то хотѣлъ вамъ сказать ... Ахъ, да! Я былъ очень радъ, услышавъ, что г. Ремонъ, менѣе чѣмъ въ два года, удвоилъ свое состояніе. Теперь, по-крайней-мѣрѣ, вы занимаете такое положеніе въ свѣтѣ, на которое имѣли право и котораго вы вполнѣ достойны.

МАРІЯ. Но вы... знаете-ли, что вы пріобрѣли извѣстность?... ГЕНРИХЪ. Извѣстность?

марія. Да, извъстность ; ваши стихи читаются съ восторгомъ.

генрихъ. Гдъ, въ Нью-Іоркъ?

марія. Разумъется. Неужели вы насъ считаете дикарями? Журнальныя похвалы доходять и до насъ.

генрихъ, И вы върите журналамъ?

марія. Посредствомъ ихъ, мы знали обо всъхъ вашихъ успъхахъ.

генрихъ Въ-самомъ-дълъ?

МАРІЯ. Въ вашихъ стихахъ такъ много души, намъ было такъ пріятно читать ихъ.

ГЕНРИХЪ. О! эта жатва посъяна вами! Повърите-ли, что моя жена плакала, читая стихи, писанные къ вамъ.

марія. Такъ она знаетъ?...

генрихъ. Что я васъ любилъ? Конечно. Я этого не могъ скрыть изъ любви къ ней.

марія. Она здёсь, еъ вами?

генрихъ. Изтъ! я съ ней увижусь въ Лондонъ; черезъ 'нъсколько дней мы возвратимся въ Парижъ... Мужъ вашъ слышалъ обо мнъ?

марія. Да, слышаль. Я не хотѣла огорчить отца отказомъ отъ этого замужества, но сочла обязанностью объявить г. Ремону, что я надъялась быть женою другою... Я не забуду его благородства въ обращении со мною! Онъ пересталь говорить о себъ, упоминаль только объ васъ, и едва появлялась книга вашего сочиненія, онъ приносиль ее, читаль вмъстъ со мною... Какъ была я благодарна ему за его по печенія, за его самоотверженіе! И наконець насталь день, когда эта благодарность обратилась въ чувство болье-ньжное, и въ этотъ день я отдала ему свою руку.

ГЕНРИХЪ. Я былъ увъренъ въ его благородствъ, но то, что, вы разсказали о немъ, заставляетъ меня желать съ нимъ сблизиться.

МАРІЯ. Онъ будеть очень радъ васъ видѣть, также какъ и мнѣ хотѣлось-бы познакомиться съ ващей женою.

ГЕНРИХЪ. Съ удовольствіемъ принимаю эту дружбу, которую вы мнѣ предлагаете! Забудемъ все и пусть братская привязанность замѣнитъ въ насъ любовь, которой мы не должны ... которой мы уже не можемъ питать другъ къ другу! Согласны вы?

марія. Вотъ вамъ отвътъ мой и моего мужа. Вы долго пробудете здъсь?

генрихъ. Дня два не болъе.

МАРІЯ. И такъ мы еще увидимся. До свиданія (уходить). **ГЕНРИХЪ.** Благодарю васъ!

VIII. OR COARC BOY CITY

The mangers, say any objection and Trans.

the remarkable to the second of the contract o

ninghen ber' bendit i Dirak.

генрихъ. Все также хороша, также очаровательна, какъ и прежде! Въ ней все тотъ же томный взглядъ, тотъ самый взглядъ, который нѣ-когда сводилъ меня съ ума! И эти чудные волосы... Я замъчаю, что между Люси и ею есть какое-то неуловимое сходство, но въ моей женъ еще болъе нъжности въ чертахъ. Бъдная Люси.

IX. Some orl hitam

TREEFERS . Starogueron moranishes (Hodanes Amening)

PEHPUX'S II TOM'S.

томъ. Письмо изъ Лондона!

генрихъ. Отъ жены?

томъ. Точно такъ, сударь.

генгихъ. Подай. Какіе чудные вечера мы будемъ вмъстъ проводить въ эту зиму! Люси не будетъ ревновать меня къ ней. Преглупое чувство эта ревность.

томъ (пр о себя). Что это значитъ? онъ не читаетъ письма! генгихъ. Впрочемъ, какъ знать, что случится? Умъ женщины порой такъ оригиналенъ...

томъ. Такъ вы сударь не намърены...

гінгихъ. Что? развъ я съ тобою говорю? Мнъ нужно освъжиться, выйду на воздухъ... Но куда я дъвалъ сигары?.. Если ... нътъ, ничего (уходитъ).

X.

томъ и гертруда.

томъ. Каково? Забылъ письмо своей жены! «Она не будетъ ревновать меня», сказалъ онъ. Что это значитъ?

ГЕРТРУДА (выходить изы комнаты Маріи, сыписьмомы вы рукахы). **Не** опоздали—ли мы на почту! « Γ -ну Вилье вы Парижъ». Какъ? Γ . Вилье?

томъ. Что? что такое? къ моему барину?

XI.

TB-RE II MAPIA.

марія. Письмо уже отправлено?

ГЕРТРУДА. Но сударыня...

марія. Что такое?

ГЕРТРУДА. Потрудитесь посмотрать (Подаеть письмо).

МАРІЯ. Какая пепростительная разсѣянность! Я думала ... дай мнѣ перо и чернила. Я сейчасъ поправлю свою ошибку (Гертруда уходить).

томъ (про себя). Гмъ! Вотъчто! Она, кажись, знакома съ бариномъ! Прехорошенькая!

ГЕРТРУДА (входить съ письменнымъ приборомъ). Извольте, сударыня.

марія Хорошо. Оставь меня (Гертруда и Толь уходять).

XII.

МАРІЯ п ГЕНРИХЪ.

марія. Г. Вилье... Что я думала въ это время? Его имя, ка-

жется, нисколько не похоже на имя моего мужа. (Увидъвъ входищаго Γ енриха). Ахъ, это онъ!

генрихъ. Виноватъ, я, кажется, вамъ помъщалъ?

марія. Нисколько, я писала къ мужу.

генрихъ. А!

марія. Получили вы извъстіе отъ вашей жены?

генрихъ. Да, но...

марія. Здорова-ли она?

генрихъ. Благодарю васъ, впрочемъ моя жена не бываетъ больна. У ней желъзное здоровье.

марія. Она очень счастлива. Я завидую ей!

генрихъ. А развъ вы страдаете?

марія. Какъ и прежде.

генрихъ. Бъдный другъ! Я имъю право васъ такъ назвать, и какъ другъ, я хочу спросить васъ о многомъ.

марія. Что такое?

генрихъ. Разскажите миъ что-нибудь о вашей жизни.

марія. Но что-же я вамъ скажу?

генрихъ. Я все номню, что вы прежде любили, о чемъ мечтали...

марія. Это были желація и мечты ребенка.

генрихъ. Помните-ли вы эту аллею, по которой вы такъ часто гуляли съ вашей матушкой?

марія. Помню.

генрихъ. А эту бълую березу, гдъ начиналась тройника ведущая къ вамъ?...

марія. И се помцю.

генрихъ. Какъ тамъ было хорошо! Какая тишина въ этой рощѣ! Какан свъжесть! Вы миѣ говорили тогда: «вотъ здѣсь-бы надо жить!» Природа въ Нью-Іоркѣ такъ-же хороша?

марія. О, тамъ совсѣмъ другая. Впрочемъ я почти не выѣзжала изъ Нью-Горка. Дъла моего мужа не позволяли ему отлучаться изъ города.

генрихъ. Что жъ вы тамъ дълали?

марія. Очень много и ничего, какъ обыкновенно во всъхъ боль-

шихъ городахъ. Но вы знаете, что я не люблю свъта. Вечера проводила я съ мужемъ, днемъ читала.

генрихъ. Однъ?

марія. Одна. Г. Ремонъ постоянно былъ въ гавани. Вы не знаете, что значитъ быть негоціантомъ. А вы никогда не оставляете своей жены?

генрихъ. Она такъ добра.

марія. И очень умна, какъ я слышала.

ГЕНРИХЪ Да, въ ней умъ живой, блестящій, легкій; разговоръ ея полонъ игривости, именно той свътской болтовни, которая такъ нравится въ обществъ.

МАРІЯ. Такъ пріятно поговорить вдвоємъ, сидя передъ каминомъ. **ГЕНРИХЪ**. Для васъ, это должно быть понятно. Вы, въроятно, вечера проводили очень счастливо?

марія. Какъ и вы.

ГЕНРИХЪ. О нътъ! Люси любитъ общество... И вотъ вы въ этомъ не сходны между собою.

марія. Да.

генгихъ. О, какъ-бы мы были счастливы! Какая-бы будущность открылась передъ нами! Вы были необходимы для моего счастія! Марія, милая Марія!

марія. Оставьте меня! (Уходить.)

XII.

ГЕНРИХЪ, потомъ ТОМЪ и Г-ЖА КЛЕРИ.

генрихъ. Что я сделаль?! Томъ!

томъ. Что прикажете?

генрихъ. Въ которомъ часу отправляется пароходъ? (Слышенъ звонокъ).

томъ. Вотъ звонятъ къ отправленію.

ГЕНРИХЪ. Хорошо. Собирайся.... живъй!

томъ. Мы вдемъ въ Англію?

0.00 yr. 8850 1 - 2 5 Victor 20

MAPIN. Some meetra not need

генгихъ. Да, да, скоръй.

томъ. Слушаю-съ. (Убъгаетъ).

генрихъ. Я зналъ, что еще не все кончено между нами! (Г-жа Клери выходить изь комнаты Маріи). Воть и вы! (Подаеть ей деньги). Возьмите, сколько вать слъдуеть.

г-жа клери. Какъ! и вы увзжаете?

генрихъ. Такъ эта дама....

г-жа клери. Тоже увзжаеть.

генрихъ. Потрудитесь сказать ей, что г. де-Вилье желаеть съ нею видъться. (Клери уходить въ комнату Маріи.) Она увзжаеть! (Второй звонокъ).

XIV.

ГЕНРИХЪ, ТОМЪ, потомъ ГЕРГРУДА.

ТОМЪ (съ чемоданами). Поторопитесь, сударь! вотъ уже второй звонокъ.

генрихъ. Хорошо... послъ...

томъ. Какъ, послъ?

THE PROPERTY OF THE PROPERTY OF HE

генрихъ. Какъ долго нътъ отвъта! (Третій звонокъ).

томъ. Развъ вы не слышите? Послъдній звонокъ!

генрихъ. Убирайся къ чорту! Кажется, долго-ли сказать да или нътъ? (Входить Гертруда).

ГЕРТРУДА. Письмо къ вамъ.

генрихъ. Ко мнъ? «Умоляю васъ, не ищите встръчи со мною! Мы не должны болъе видъться».... Скажи, что я.... Нътъ, нътъ! (Тому) Пойдемъ, пойдемъ! (Уходятъ).

archiero granza est cum consuciello de archiero nome armonase com ancadas estados esta la comención cumo accionas la Genera chienca seguil-

de Beofeste e sustituario entiques e d'acre, craras ice II fana integra-

XV.

ГЕРТРУДА, ПОТОМЬ МАРІЯ.

гертруда. Пожалуйте: онъ уже ушелъ.

марія (входить съ шляпою и шалью). Хорошо. Одівай Поля.

гертруда. Но наши вещи еще въ таможив.

марія. Устрой все, какъ сама знаешь; но ради Бога скоръе: я хочу ъхать! (Гертруда уходить).

XVI.

МАРІИ, потомь ГЕНРИХЪ.

марія. Боже, прости мое заблужденіе! Я, кажется, люблю его! (Входить Геприхь.) Опять вы!

генрихъ. Да, это я! Я не убхалъ, я не могъ убхать!

марія. Чего вы хотите оть меня?

генрихъ. Чего я хочу? И вы меня спрашиваете? Я хочу вамъ сказать, что я люблю васъ! Мнъ было слишкомъ тяжело уъхать, не открывъ вамъ чувствъ своихъ. Да, я люблю васъ, люблю какъ безумный!

марія. Генрихъ! умоляю васъ, не говорите мив этого!

генрихъ. И я могъ думать, что это дружба! Я недавно увърялъ васъ въ этомъ. Могъ-ли я питать къ вамъ одну только дружбу?

марія. Зачемъ я встретилась съ вами?

генрихъ. Вы любите другаго, не такъ-ли? И онъ васъ любитъ, и имъетъ на это право? Нътъ! этому не бывать! Я васъ прежде полюбилъ.

марія. Генрихъ, выслушайте меня! Садитесь. Вы потеряли разсудокъ. Подумайте: можно-ли возвратить прошедшее? Отъ васъ-ли зависитъ, чтобъ я не была его женою? Да, я жена его, и это самое должно защитить меня отъ васъ... Наконецъ, чего вы можете ожидать? Что я обману мужа? Я ему такъ много обязана... Я его счастіе, жизнь, отрада, все! И вы хотите, чтобъ я покрыла отчаяніемъ и стыдомъ семейство, котораго я душою! Я не затёмъ рёшилась принять имя честнаго человёка, чтобъ запятнать его.

генрихъ. Я ненавижу вашего мужа! Не говорите мит объ немъ! Я ненавижу его!

марія. А свою жену? вы и ее ненавидите? Когда вы приняли ее отъ матери, разв'в вы не клялись составить ея счастіе? Разв'в вы затівмъ отняли ее, чтобы бросить потомъ? Подумайте: она васъ любить!

генрихъ. Она? Развъ она умъетъ любить? Нътъ! намъ спился дурной сонъ. Этихъ шести лътъ не существовало. Я встрътился съ тобою не затъмъ, чтобъ потерять навсегда! Нътъ, я не выпущу тебя!

марія. Генрихъ, Генрихъ! Пощадите!

генрихъ. Мы убъжимъ съ тобою.... Теперь ты видишь, я не могу жить безъ тебя! Мы счастливы. Пойдемъ! Пойдемъ! (*Taujumъ ee*).

марія (вырывалсь). Ніть! Никогда!

генрихъ. Такъ ты хочешь моей смерти? Ты уъдешь, а я не буду жить!

марія. Это малодушіе! Слышите: малодушіе! генрихъ. Ты меня никогда не любила! марія. Я? я не любила?... генрихъ. Мы болъе никогда не разлучимся.

XVII.

ТВ-ЖЕ, ПОЛЬ, потомъ ТОМЪ-

поль. Мамаша! поъдемъ скоръй къ папенькъ! марія Это мой сынъ, сынъ моего мужа!

генрихъ. Да, вы спасены имъ! А я... прощайте!

марія. Генрихъ!

генрихъ. Больше вы не услышите обо мнъ! (Идетъ и встръчается съ Томомъ.)

марія. Боже! вразуми меня!

томъ. Вотъ давишнее письмо... я забылъ...

генрихъ. Письмо?

томъ. Развъ вы не помните?

МАРІЯ (береть письмо и читаеть. Томь уходить. Поль держится за платье матери). «Милый другь! матушкѣ легче! Прівз-

жай скоръе, ты обрадуещь ее прівздомъ. Мы такъ заботились о тебъ; но теперь все кончено; только тебя недостаєть для моего счастія... Я уже два безконечныхъ мъсяца въ разлукъ съ тобой; я едва перенесла ее, а ты замѣтилъ-ли?... Ты мнъ пишешь о дълахъ... Какое несносное слово: дѣла! Что мнъ до нихъ? Но прости меня: я, быть можетъ, кажусь тебъ безразсудной; но я такъ сильно люблю тебя. Прощай, мой милый другъ. Спѣшу кончить. Я хотъла такъ много написать, но не въ состояніи всего высказать на бумагъ. Твоя Люси»... И вотъ кому вы измѣняли!

генрихъ. О! какъ я виноватъ передъ нею!

марія. Спасенъ!

генрихъ. Спасенъ вами!

марія. Прощайте.

ГЕНРИХЪ. Прощайте.... (*цълуетъ Поля*) Милое дитя! Прощайте навсегда! (*Убъгаетъ*.)

White and the death that he

THE PERSON WHEN THE PROPERTY OF THE PROPERTY OF THE PROPERTY OF THE PARTY OF THE PA

attitif faries compress larger fraculture inquisant has as a company

CONTRACTOR OF THE PROPERTY OF

All the second of the second o

Translated Hermeton Expansion

The large management of the factor of the contract of the cont

Laramana - en Eranto a mara el Inclui de 2200

Landida e de la company de la

Terminant on the genty . JEGT

Parkenness C. L. L. Carlo Sun Said and C. Chickella

CARRESTON COMPANY SON ON THE WATER

ar de plantage de la compania de particular de la contradición de la c

Control to the standard of the

медовый мъсяцъ,

или

какъ проводятъ время молодые.

комедія въ одномъ дъйствіп.

Заимствованная съ французекаго актеромъ

с. бойковымъ.

представлена въ первый разъ
въ С. петербургъ, на аленсандринскомъ театръ
1-го Сентября 1852 г.

Auroam Highene.

дъйствующіе:

ПАВЕНЪ АНЕКСАНДРОВНЧЪ СТРВЯЬСКІЙ. ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА, его жена. НАТАКІЯ, ея горинчная.

Дъйствіе происходить на дачь въ Петербургъ.

апынонион э.

serve litaratu ka kushikasi kau

GT C. RETARRYETS, HA ARENCHMENSONS IS STEELED

Market Committee of Committee o

Театръ представляетъ хорошо меблированную комнату. Дверь въ срединъ, выходящая въ садъ Налъво окно, направо дверь. Съ лъвой стороны каминъ, возлъ него диванъ; столъ, и н немъ зажженная дампа.

the blocker become a consensus as a sequencial and a second consensus and a second consensu

ment someth from changes of the contract of th

Remember of the latest and the lates

State Space State of the country of the Continue of the contin

PROPERTY OF THE PARTY AND ADDRESS OF THE PARTY OF THE PAR

AND THE THE PROPERTY OF THE PR

of the Park Country of the Country o

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА, сидить подл'є стола и разр'єзываеть листочки у маленькой книжки костянымъ ножикомъ, и **НАТАША**.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Наташа! Скажи тетушкѣ, что черезъ четверть часа я поъду съ нею къ кузинъ.

наташа, Слушаю, сударыня. (Уходить).

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Боже мой! Какъ медленно идетъ время! Займусь книгой, можетъ-быть это меня разсветъ... Терпъть не могу новыхъ книгъ! Вотъ изволь еще тутъ разръзывать листочки!

of these group is surprise to I . of the secretary

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА В СТРВЯЬСКІЙ.

стръльскій. Это я, Евгенія. вргенія николаєвна. Вижу. стръльскій. Что вы дълаете? вргенія николаєвна. Какъ видите, разръзываю листочки у этой книга.

BURGER RELEASED TARGETT AND THE STREET TO SEE THE STREET

стръльскій. Только-то?

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Да, только. Чо я желала-бы знать, сударь, когда вы оставите меня въ покот и перестанете докучать своимъ присутствіемъ?

СТРЪЛЬСКІЙ. Сударыня! Мнѣ кажется, что я имѣю полное право быть съ вами любезнымъ... И въ томъ, что я высказываю вамъ мою страстную любовь, ничего нѣтъ предосудительнаго,—вѣдь я вамъ мужъ.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА (вздыхая). Да, къ несчастію! **СТРЪЛЬСКІЙ**. Къ несчастію! Это почему?

свадьбы я любила Апполинарія Петровича, но батюшка мой непремѣнно хотѣлъ выдать меня за васъ, въ вознагражденіе за услугу, оказанную ему нѣкогда вашимъ дядей... Не повиноваться волѣ моего батюшки, значило-бы убить его, потому-что въ то время онъ уже былъ очень слабъ здоровьемъ и я должна была согласиться на этотъ бракъ; но вы, вѣроятно, помните и то, что при первомъ моемъ съ вами свиданіи я сказала вамъ, что не люблю васъ и никогда не могу любить. Да, не могу! Сердце мое принадлежитъ другому.

стръльскій. Справедливо; обо всемъ этомъ вы меня предупреждали, но—горькое сознаніе, я полагаль, что выйдя за меня замужъ, вы позабудете Апполинарія Петровича. Что дълать! къ моему огорченію, несбылось такъ ... Вы все еще думаете о немъ, тогда какъ на меня не
обращаете даже вниманія; мало того: я ясно вижу, что вы даже ненавидите меня! Между-тъмъ я васъ люблю, люблю болье всего на
свътъ!..

крови, и все это ни къ чему не служитъ, сударъ.

СТРЪЛЬСКІЙ. Но отчего вы не можете забыть вашего Апполинарія? Отчего вы не можете любить меня?

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Потому, что вы нисколько на него не похожи. **СТРЪЛЬСКІЙ.** Вотъ, въ этомъ я совершенно съ вами согласенъ... Сходство между мною и имъ есть только въ голосъ, но что касается до другихъ качествъ, то я не обладаю такимъ умомъ какъ онъ, ни его таліей, не имъю его блъдности лица, которая такъ нравится женщинамъ, и вамъ особенно... У меня-же, какъ вы видите, румянецъ во всю щеку, причемъ я имъю несчастіе быть всегда здоровымъ.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Да, сударь, вы правы, Апполинарій ... **СТРЪЛЬСКІЙ** (съ досадой). Прахъ возьми этого блъднаго Адониса! Такъ вы все еще будете его вспоминать?

евгенія николаєвна. Я вамъ, кажется, сказала, сударь.

СТРЪЛЬСКІЙ. Почтенная откровенность — нечего сказать ... И кто знаетъ? быть-можетъ, въ настоящее время вы даже имъете съ нимъ переписку.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. (съ негодованіемъ). Послушайте, сударь! Я должна вамъ сказать, что прежде нашей свадьбы свиданія мои съ Апполинаріемъ всегда были въ присутствіи моей тетушки, переписки между нами никогда не было и своими подозрѣніями вы меня жестоко оскорбляете! Если сердце мое и принадлежитъ другому, то неприкосновенность моей чести пераздъльна съ неприкосновенностію вашей...

стръльскій. Очень обязанъ вашему благородству, но извините ревность человъка: ревность, вызванная насильно, не имъетъ разсудка. Онъ любимъ вами .. и перенести этого я не могу ... Онъ кровный врагъ мой!

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Если такъ, то будьте и моимъ кровнымъ врагомъ.

стръльскій. Евгенія, Евгенія! сжальтесь надо мною.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Еще разъ повторяю вамъ, сударь, на что-бы вы ни ръшились, вы все-таки не заслужите моего къ вамъ расположе нія и даже участія.

стръльскій. Стало-быть, ни что въ мірѣ не перемѣнитъ вашихъ мыслей ... Вижу, вы желаете моей смерти, и я умру ... Къ несчастію, это для меня одно только средство доказать вамъ всю силу моей любви.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Напрасныя и безполезныя доказательства.

стръльскій. Неть! Это выше силь моихь! Если такъ, Евгенія Николаевна, извольте, я болёе не буду надоёдать вамъ моей любовью: теперь вы можете действовать какъ вамъ угодно. Быть-можетъ, прійдетъ время, когда вы поймете всю непростительность вашей жестокости, но сознаніе это будетъ поздно. Съ этой минуты, сударыня, на ваше презрёніе и равнодушіе я буду отвёчать тёмъ-же, и если вамъ когда-нибудь вздумается привязать меня къ себъ, желанія и намёренія ваши не сбудутся.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Не безпокойтесь, сударь, этого никогда не случится: я не измѣню своему слову ... Я хорошо помню слова Апполинарія: «Евгенія, говориль онъ, вы не должны противиться волѣ вашего батюшки, если не хотите огорчить его, вы должны выдти за Павла Александровича, но объщайте мнѣ, что вы не забудете нашей дружбы» — и я объщала.

СТРЪЛЬСКІЙ (всторону, съ досадой). Сговорчивая и добродътельная женщина!

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА (продолжая). «И не забудьте», говориль онъ, «что если я буду имъть доказательства вашей любви къ господину Стръль-

скому, то я лишу себя жизни предъващими глазами»! (Всторону). Этого онъ даже и не говорилъ.

СТРЪЛЬСКІЙ. Ваша откровенность хуже милліона подозрѣній, которые-бы могли терзать меня. Кто вамъ далъ право давать подобныя клятвы, тогда какъ вы должны принадлежать только одному мужу... Слышите? только одному мужу!

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Вы начинаете шумъть?.. Прощайте, сударь. **СТРЪЛЬСКІЙ.** Вы уходите?

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. НЕТЪ, я остаюсь.

стръльский. А! стало быть, вамъ угодно, чтобъ я ушелъ?

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА Я ждала, что вы давно объ этомъ догадаетесь.

стръльскій. Такъ нътъ-же! На зло вамъ, я остаюсь. Сяду, зару сигару и не сойду съ мъста.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Въ такомъ случав, я ухожу ... Я повду съ тетушкой къ кузинъ.

СТРЪЛЬСКІЙ (теряя свой рышительный тонь). Позвольте мнъ проводить васъ.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА (поправляя передъ зеркаломъ волосы). Не безпокойтесь.

отръльскій. Но я хотель спросить вась ...

exportan disherarayanan nutri bulan da

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Опять? Вы дали слово ни о чемъ меня не спрашивать.

СТРЪЛЬСКІЙ. Будьте спокойны, сударыня, что я сдержу его. Я пойду сказать вашей тетушк $\mathfrak k$, что вы ея ждете. ($\mathbf Vxodum\mathfrak v$).

III.

ЕВГЕНІЯ ВИКОЛАЕВНА, одна.

О, милый другъ! Какое теривніе, какая любовь! какая преданность! Я должна отдать справедливость его ръдкимъ качествамъ! Какъ онъ милъ! Какъ благороденъ! И какъ онъ теривливо снесъ мои оскорбленія... О! онъ стоитъ того, чтобы полюбить его!.. И бълненькій, онъ увъренъ, что я не люблю его!.. Тъмъ лучше!.. Маленькое испытаніе даетъ мнъ право навсегда върить въ его любовь, въ его сердце и чувства. А!.. вотъ онъ.

iv.

· EBFENIA HEROMARBHA H GTPSABGRIN.

стръльскій. Тетушка васъ ждетъ.

ввгенія николаєвна. Хорошо, сударь.

СТРБЛЬСКІЙ. Она мнт позволила идти вмтстт съ вами.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Если такъ, то я остаюсь.

СТРЪЛЬСКІЙ. Ну, и я ... Пусть она тдетъ одна.

евгенія николаєвна. Это невозможно!.. Вы должны идти съ нею.

СТРЪЛЬСКІЙ. Съ удовольствіемъ, если вы пойдете.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Я остаюсь.

СТРВЛЬСКІЙ. Но для чего это?

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Я остаюсь, если вы лидете.

стръльскій. И вы идете, если я остаюсь?..

евгенія· николаевна, Да.

стръльский. О, терзаніе! Пытка пытокъ! Разсчитанная, обдуманная пытка!

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Къ чему вы такъ кричите, сударь? Зачѣмъ выходить изъ себя?

стръльскій. Виноватъ...я молчу. Я не кричу... рта не разину... молчу.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Теперь извольте сказать мнт. идете вы, или остаетесь?

СТРЪЛЬСКІЙ. Остаюсь въ самомъ плачевномъ состояніи. Извольте, уходите, сударыня, можетъ-быть, послѣ прогулки вы о́удете ко мнѣ снисходительнѣе.

вый Поль! (Вслухъ, холодно). Прощайте, сударь.

СТРЪЛЬСКІЙ. Позвольте мнѣ проводить васъ только два шага ... Немного, недалеко, только до садовой рѣшетки.

евгенія николаєвна. Нътъ.

стръльскій. Только до решетки ...

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!. Прощайте! (Уходитъ).

V.

СТРЪЛЬСКІЙ, одинъ, идетъ посмотръть, куда ушла его жена и потомъ говоритъ послъ небольшаго молчанія.

Нътъ! тутъ лопнетъ всякое терпъніе! Бываютъ минуты, когда мнъ хочется лишить себя жизни!.. И къ чему мнъ жить?.. Для чего я живу? Имъю порядочное состояніе, хорошенькую жену, которую не могу назвать своею и для которой въ тягость мое присутствіе!.. Вотъ прошло уже двъ недъли послъ нашей свадьбы, а мы все еще живемъ на разныхъ половинахъ!.. Но я заставлю ее полюбить себя, хоть-бы для этого мнъ пришлось ръшиться на самыя отчаянныя средства!.. Это разоръніе! А еще дядюшка объщаль подарить десять тысячь на зубокъ моему первому ребенку!.. Не видать мит ни потомства, ни денегъ! Подумаемъ однако, что-бы мнъ такое сдълать, какъ-бы ее влюбить въ себя? А! вотъ что: я приду къ ней и скажу: сударыня, я и Апполинарій оба любимъ васъ, по послъднему вы оказываете предпочтение, тогда какъ на меня, вашего мужа, вы не обращаете даже вниманія, и потому я рѣшилъ, что одинъ изъ насъ долженъ умереть!.. И такъ какъ мое присутствие вамъ непріятно, то ... А что, если она мять на это скажеть: «Какъ вамъ угодно»! — что тогда? Убить то я себя не убью, а только осрамлюсь! Ахъ! вотъ богатая мысль!.. У меня въ кабинетъ есть кинжалъ ... Прекрасно! Я явлюсь къ ней съ этимъ кинжаломъ, встану въ трагическую позу, и скажу ей: Евгенія, ты меня не любишь, ты отвергаешь меня!.. Я пришель проститься съ тобою. — последній часъ мой насталь! Смотри!.. (Дълаеть эксесть костянымь ножикомь, показывая, что закалываеть себя). А если она и туть скажеть: «Какъ вамъ угодно»... Что тогда?.. Въдь пожалуй, въ горячахъ, чтобы поддержать роль свою, я и заколюсь немножко ... А она немножко выйдеть за другаго!.. Нъть, это средство дорого и сильно. Лучше всего, если я явлюсь къ ней бледный и скажу: кошелекъ и смерть! Тьфу! то-есть, любовь, или смерть! Нътъ! она эдакъ сочтетъ меня за сумасшедшаго!.. Надо придумать что нибудь поблагоразумные... Подумаемъ ... Позвольте: она, кажется, не знаетъ ни руки Апполинарія, ии моей ... (Садится къ столу). Напишемъ къ ней письмо. (Пишетъ). «Милая Евгенія! Я долженъ говорить съ вами безъ свидътелей... Для

«этого прошу послъдняго свиданія, наединъ, и если вы согласитесь на «это свиданіе, то подайте мнв изъ окна знакъ платкомъ: въ это «время я буду находиться на улицъ противъ вашего дома ... Въ один-«надцать часовъ вечера я перелъзу черезъ заборъ въ вашъ садъ и по-«дамъ вамъ знакъ тремя ударами въ ладоши. Тогда изъ предосторож-«ности погасите вездъ огонь и я войду къ вамъ безъ опасенія. На-«дъюсь, что вы не откажете въ послъдней моей просьбъ ... Дъло идетъ «о моей жизни. Апполинарій Радугинъ». — Надпишу адресъ и за печатаю. (Падписываеть). «Евгенів Николаевнь Стрыльской. Очень (Запечатываетъ письмо облаткой). Я надъюсь, что это письмо достигнеть и цели и назначенія. (Идеть ко окну и кличеть). Иванъ! Иванъ! Ты отдашь это письмо моей женѣ, когда она возвратится, но не говори, кто тебъ его отдалъ ... Понялъ? (Bpocaems письмо за окно). Прекрасно! Будемъ дожидаться одиннадцати часовъ... Кто-то всходить по лестнице ... Это моя жена ... Я не хочу, чтобъ она меня встрътила ... А! ея комната выходитъ въ садъ ... войдемъ туда ... Вотъ инстинктъ-то! Сердце мое тотчасъ забъется, какъ только я услышу приближеніе жены ... Поспъшимъ. (Уходить ту Еегвнін).

VI.

THE RESERVE THE PROPERTY OF THE PARTY OF THE

ARREAGERRA

The of Thomas Control of the Street

ЕВГЕНІЯ НИКСЛАЕВНА входить съ двумя письмами, одно большаго, другое маленькаго формата.

Поля здъсь нътъ... Милый другъ! Онъ теперь върно у себя въ павильновъ... Можетъ быть, упрекаетъ меня за мою холодность!... Но я забыла объ этихъ письмахъ, которыя отдалъ мнт Иванъ. (Развертываетъ маленькое письмо). Незнакомая рука!... Откого-же это? (Смотря на подпись). Апполинарій Рагугинъ! Что это значитъ? (Читаетъ письмо про себя). Онъ проситъ свиданія, хочетъ говорить со мною паедгитъ... въ одиннадцать часовъ вечера... О! никогда! это невозможно! Ахъ, какая мысь! Я попрошу тетушку занять мое мъсто... Въ темнотъ онъ върно не замътить этого обмана, а мнт очень любопытно узнать, что онъ хочетъ сказать

VII.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА и СТРЪЛЬСКІЙ.

СТРЪЛЬСКІЙ (всторону). Она прочла мое письмо ... платокъ у ней въ рукахъ ... Она подаетъ сигналъ ... Прекрасно! Моя хитрость удалась.

тушку занять мое мъсто. (Уходить вы свою комнату).

transport of the result of the second of the

one to bright a more and a convent a receipt frame and the property and the convent and the convent of the conv

СТВЭЛЬСКІЙ одинъ.

Наконецъ я счастливъйшій изъ смертныхъ! Я ощущаю въ эту минуту невыразимое удовольствіе! Свиданіе съ женою... и въ темнотъ!... Скоро я буду подлъ нея, посреди глубокаго мрака! ... Я могу взять ее за руку и напечатлъть на ней горячій поцълуй! ... Тогда какъ при свътъ мнъ всегда въ этомъ отказывали ... О! я въ восхищеніи, я въ восторгъ отъ предстоящаго блаженства! Да, чтобъ говорить съ нею, я готовъ ръшиться на все! ... На часъ и на два я готовъ даже не быть ея мужемъ. Подумаемъ лучше объ этомъ свиданіи ... Я являюсь къ ней... Она, разумъется, принимаетъ меня за Апполинарія ... приглашаетъ състь, говорить нъжности... Вотъ оригинально-то! Я буду представлять двухъ персонажей въ одно время: любящаго и любимаго! И какъ эта мысль мнъ прежде не пришла въ голову? Но если только я замъчу что-нибудь такое ... о, тогда берегись, жена!

A CONTRACT OF THE PROPERTY OF

СТРВЛЬСКІЙ И ЕВГЕНІЯ ВИКОЛАЕВНА, входить въ волненіе.

province at a thought will be a property of the bearing

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. (всторону). Мой мужъ здѣсь! ... Тетушка легла спать и я не осмѣлилась ее разбудить ... Что дѣлать? Скоро одиннадцать часовъ! ... Апполинарій придетъ сюда и если Поль его застанетъ ... Надо скорѣе удалить его отсюда.

СТРЪЛЬСКІЙ (*не видя эксены*). Все хорошо разсчитано; я надъюсь достигнуть своей цъли.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Послушайте, сударь...

СТРБЛЬСКІЙ (оборачивансь). Ахъ! это вы!

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Я не надъялась встрътить васъ здъсь такъ поздно.

стръльскій. Я васъ также.

евгенія николаєвна Это меня очень удивляеть.

СТРЪЛЬСКІЙ (всторону). Какъ ей досадно, что я еще не сплю... Она хочетъ меня скоръе отсюда выпроводить. (Вслухъ). Я желалъ-бы узнать, сударыня, не перемънились-ли ваши ко мнъ чувства? Можетъ-быть, теперь вы забыли Апполинарія...

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Никогда, сударь!

СТРЪЛЬСКІЙ. Если такъ, то я удаляюсь ... Мое почтеніе.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Прощайте.

СТРЪЛЬСКІЙ. Покойная ночь.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Благодарю.

СТРЪЛЬСКІЙ. Желаю вамъ хорошаго сна.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Наконецъ, сударь, уйдете-ли вы?

СТРЪЛЬСКІЙ. Пду, иду. (Уходить).

tion of the state of the state

The tale of the control of the contr

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА, одна.

Что мнѣ дѣлать? Боже мой, уже одиннадцать часовъ! Можетъ быть въ эту минуту Апполинарій подлѣ нашего дома ... О! я пойду, скажу ему, чтобъ онъ не входиль сюда ... (За кулисами слышны три удара). Уже поздно! онъ въ саду!... Боже! Поль сейчась только ушель къ себѣ въ павильонъ... Что, если онъ съ нимъ встрѣтится? Поставлю лампу въ мою комнату. (Уноситъ лампу въ свою комнату. На сцень темно). Боже мой! я трепещу! ... Но надо быть твердой! Я увѣрена, что Апполинарій находится въ такомъ-же безпокойствѣ, какъ и я ... Онъ робокъ и скроменъ ... Я не должна его опасаться! ... Я буду просить его, чтобы онъ тотчасъ-же оставиль меня, если хоть сколько-нибуь дорожить моимъ снокойствіемъ. (Садится на диванъ).

XI.

выгенія ненолаевна и стръльскій.

стръльскій (всторону). Страшная минута ... Любить или не любить—вотъ въ чемъ вопросъ. Но, больше мужества. Увидимъ, что-то она скажетъ? (Перемъняя голосъ). Евгенія! вы здъсь? евгенія николаєвна. Да. **СТРЪЛЬСКІЙ**. О! наконецъ я подлѣ васъ! Наконецъ я могу прижать васъ къ моей груди!

евгенія николаєвна. Милостивый государь! оставьте выраженія стра-

сти ... Говорите причину вашего прихода

СТРЪЛЬСКІЙ (всторону). Она отказываеть ... очень хорошо! Но что будеть дальше? Женщины, вообще, въ-первую минуту любять казаться непреступными. (Приближается ощупью къ столу и опрокидываеть чернилицу). Воть прекрасно! я опрокинуль чернилицу и върно перепачкаль перчатки. (Перчатка его на правой рукь замарана чернилами). Евгенія! вашу ручку, вашу бъленькую ручку!

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Я вамъ запрещаю приближаться ко мит!

стръльскій (ощупывая находить на столь костяной ножикь и береть его. Всторону). Ножикь? О! какая мысль! (Вслухь). Если вы будете жестоки со мною, если вы не согласитесь отвъчать на мою любовь, я ръшусь на все! ... Я лишу себя жизни вотъ этимъ оружіемъ ... Смотрите, вотъ оно!

евгенія николаевна (ощупывая ручку). Ахъ, Боже мой! что

это?

сръльскій. Кинжаль.

евгенія николаєвна. Бросьте! оставьте его!

стръльскій. Евгенія! Если вы тотчасъ-же не представите доказательствъ вашей къ мнѣ любви, то я умру у вашихъ ногъ. (Встороиу). Что-то она скажетъ?

евгенія николаєвна. Но, сударь ... я не свободна... я за-мужемъ. стръльскій (съ досадою). О! не напоминайте мнъ объ этомъ!

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. И вы знаете также, что я вышла за-мужъ противъ води.

СТРЪЛЬСКІЙ (всторону). Это ужасно! (Вслухъ). Но вы не любите вашего мужа, не правда-ли? Вы его не любите?

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА (всторону). Боже мой! что ему сказать?

стръльскій. Говорите! Вашъ отвътъ ръшить мою участь! (Трагически). Поцълуй въ уста, или кинжаль въ сердце! (Авлаето жессть, что хочеть заколоть себя. Всторону). Цъликомъ изъ какой-то драмы хватилъ!

евгенія николаєвна. Да, я не люблю его!

стръльскій. Скажите, что вы презираете его.

евгенія ииколаєвна. Да, я его презираю.

СТРЪЛЬСКІЙ (всторону, съ бъщенствомъ). Самъ напросился ... чортъ возьми! (Ей, съ нъженостію). О! повторите мнѣ эти отрадныя слова!

евгенія николаєвна. Да, я его презираю ... Ужаєт, какт призираю! стръльскій (всторону). Нтт.! это ужт изт рукт вонт.! (Ей). Позвольте вашу, ручку.

ЕВГЕНТЯ НИКОЛАЕВНА. И вы тотчасъ-же уйдете?

СТРВЛЬСКІЙ. Да. (Евгенія протягиваеть ему руку. Всторону). Ахъ, она подаеть ему руку... то-есть мнъ. (Береть ел руку). Теперь позвольте поцъловать эту миленькую ручку.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА (отдергивая руку). О! ни зачто! СТРЪЛЬСКІЙ. Вы хотите моей смерти?

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Но вы слишкомъ многаго требуете!

стръльский (всторону). Отказывается! Душка! отказывается! (Возвышая голось). Вы не хотите?

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. И послів вы уйдете?

СТРЪЛЬСКІЙ. Да. (*Пълуя ев руку*. *Всторону*). Позволила! О, позорт! О, безчестіе! (*Ей*, спокойно). Да, Евгенія, я оставлю васъ, но прежде вы должны позволить мнѣ прижать васъ къ моему сердцу! (Хочето ее обнять).

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Вы безумствуете, сударь!

СТРЪЛЬСКІЙ (всторону). Браво! великолъпно! Она не позволяетъ! (Ей). Евгенія! не отвергайте вашего Апполинарія!

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Вы забываетесь, сударь! Повторяю вамъ, что я за-мужемъ. Къ тому-же, кажется, я не подала вамъ повода такъ дерзко обращаться со мною?

СТРЪЛЬСКІЙ (всторону). Воть это мнв пріятно слышать.

вытения николаевна. Вы не отвъчаете, сударь?

стръльский. Называйте меня Апполинаріемъ, или я не отвъчаю за себя! Я готовъ ръшиться на все! (Дилаетъ эксесть ножемъ).

евгенія николаєвна (со страхомо). Апполинарій!

СТРЪЛЬСКІЙ. Прибавьте: мой другъ.

евгенія николаєвна (также). Мой другь !

стръльскій (всторону). Нътъ! это ужъ изъ рукъ вонъ безсовъстно.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Теперь, Апполинарій, я надѣюсь, что вы уйдете?

СТРВЛЬСКІЙ. Уйти? О! никогда!

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА (всторону). Если-бы я могла какъ-нибудь вырвать у него этотъ кинжалъ. (Подвигаясь къ нему). Нечего дълать, останьтесь; но прошу васъ, не требуйте отъ меня ничего.

СТРЪЛЬСКІЙ (веторону). Трушу, кръпко трушу... Начинаетъ смягчаться!

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Я васъ не узнаю: прежде вы были такъ скромны и кротки . . .

стръльскій (громко). О теперь ужъ я не тотъ! Изъ кроткаго я сдълался вспыльчивымъ, раздражительнымъ...

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Успокойтесь! (Ището кинжало и дотрогивается до мужа).

стръльский (всторону). Чего она ищетъ у меня?

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА (всторону). Какъ-бы мит достать этотъ кинжалъ? (Вслужъ). Чего вы испугались? Сядьте, сядьте подлт меня.

СТРЪЛЬСКІЙ (всторону). Рѣшительно смягчилась ... Проситъ ... Это меня бѣситъ и въ то-же время доставляетъ удовольствіе! (Са-дится подлъ нея). Увидимъ, что будетъ дальше.

евгенія николаєвна. Дайте мнъ вашу руку.

стръльскій (всторону, съ негодованіемъ). Коварная жена! (Вслухъ, спокойно). Извольте, вотъ она.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА (взявъ его за руку, всторону). Въ этой рукъ нътъ!

стръльскій (всторону). Прошу покорно! что за нъжности! Со мною она никогда такъ не обращалась.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Теперь вы успокоплись, надъюсь?

Стръльскій (удерживая негодованіе). Да ... да ... (Всторону). Самая горячая минута бъщенства!

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Если такъ, то дайте мнѣ обѣ ваши руки. **СТРЪЛЬСКІЙ** (всторону). Обѣ? На что это ей? По рукамъ связать хочетъ.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Вы отказываете?

СТРЪЛЬСКІЙ (всторону). Посмотримъ, къ чему это поведеть? (Кладетъ ножикъ на диванъ подлъ себя и даетъ ей объ руки). Извольте.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА (взявь его за руки). Нёть, онь его спряталь. (Вслужь). Вы удаляетесь оть меня? (Встаеть и переходить на другую сторону дивана и садится). Сядьте туда.

стръльскій (всторону). Что она такъ суетится около меня?

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА (схвативо ножико, быстро встаето). Какая дерзость!

стръльскій (вставая, всторону). Кончено! я буду просить развода!

евгенія николаєвна (прислушиваясь). О, Боже! стръльскій. Что такое? евгенія николаєвна. Бъгите! стръльскій. Куда?

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Бъгите! Кто-то идетъ!.. Это моя горничная! СТРЪЛЬСКІЙ: Если она меня здъсь застанетъ ...

евгенія николаєвна. Бъгите, сударь, бъгите!

СТРВЛЬСКІЙ. Хорошо, я уйду, но съ однимъ условіемъ ...

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА (всторону). Я должна согласиться на все, чтобъ только удалить его. (Вслухъ). Съ какимъ? Говорите ваше условіе.

стръльскій. Вы мнъ будете писать.

евгенія николаєвна. Непремінно.

стръльскій. Но когда?

евгенія николаєвна. Завтра.

стръльскій. Ныньче вечеромъ. Я жду вашего ппсьма въ саду подъ этимъ окномъ ... Я не уйду до-тъхъ-поръ, пока не получу его. евгенія николаєвна. Извольте ... Получите.

СТРЪЛЬСКІЙ. Но въ этомъ письмъ вы должны назначить мнъ свиданіе. **ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА.** Непремънно.

СТРЪЛЬСКІЙ. Письмо должно заключать въ себъ самыя страстныя признанія въ любви.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Все, все . . только идите.

СТРЪЛЬСКІЙ (всторону). Боже мой! И я долженъ былъ все это выслушать! Но это письмо послужить доказательствомъ невърности моей жены.

евгенія николаєвна. Идите, сударь, идите!

стръльскій. Иду (всторону, уходя). Воть онь, жены-то! Бъдные мужья!

an analytic read before the Amprove companies of the control of the control of

to a first a facilità de la company de la co

ЕВГЕКІЯ, НИКОЛЬЕВНА одна, идеть въ свою комнату и выносить оттуда лампу. Сцена освъщается.

Я не могу придти въ себя отъ негодовадія! Какъ! Апполинарій, который прежде былъ такъ почтителенъ и скроменъ... О! теперь онъ достоинъ презрѣнія! Что, єсли я ему не напишу?.. О, нѣтъ! этого нельзя сдѣлать, этотъ человѣкъ теперь способенъ на все рѣшиться. (Садится и пишетъ). Темнота ночи воспрепятствуетъ ему прочесть тотчасъ-же мое письмо и онъ узнаетъ его содержаніе только по возвращенія домой... Я должна быть какъ можно осторожнѣе!.. Онъ совсѣмъ не похожъ на моего мужа, который до-сихъ-поръ, при всѣхъ своихъ правахъ, такъ нѣженъ и милъ со мною: (Запечатываетъ облаткой). Готово. (Подходитъ къ окну и говоритъ). Вы здѣсь?

стръльскій (за окномо). Здёсь.

евгенія николаєвна (бросая письмо за окно). Возьмите, и прошу вась, умоляю, уйдите скоръе!.. Наконець-то я изо́авилась отънего!.. (Взглянувъ на столъ). Ахъ! я и забыла про это письмо. (Развертываетъ его и читаетъ про себя). Боже мой! что я вижу? Письмо отъ Апполинарія! Онъ пишетъ мнѣ изъ Новгорода!.. Какътакъ? Но онъ сейчасъ только былъ здѣсь!.. Даже вотъ и доказательство его кинжалъ... (Увидя ножикъ). Что я вижу? Костяной ножикъ, которымъ я разрѣзывала книгу... А! теперь я все понимаю!

ALBERTARING AND A STREET OF THE STREET OF TH

CHREST THE ALTERNATION TOWNSON AND PRODUCT OF THE STATE STORY

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА и СГРЪЛЬСКІЙ.

to a soon tream name and another than the sound of the so

стръльскій (всторону). Притворюсь, что ничего не знаю. евгенія николаєвна (также). Не подамъ и вида, что мнъ все извъстно.

стръльскій (ей). Вы еще не спите, сударыня?

его перчатка. (Вслухъ). Подойдите, сударь, подойдите, мнѣ нужно поговорить съ вами... (всторону) и наказать за вашь обманъ.

СТРЪЛЬСКІЙ. Какой счастливый случай даритъ меня такимъ наслажденіемъ?

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Я чувствую себя не совсѣмъ хорошо и прошу васъ остаться со мною на нѣсколько минутъ.

СТРЪЛЬСКІЙ (всторону). А! она больна и оставляетъ меня для того, чтобы своимъ со мною обращеніемъ прохладить себя.:. Понимаю: я теперь буду служить для нее прохладительнымъ.

. **евгенія николаєвна**. Вы не отвъчаете мнъ? Если вамъ это непріятно, то вы можете возвратиться въ свой павильонъ.

СТРЪЛЬСКІЙ. Вы нездоровы? У васъ, можетъ быть, лихорадка?.. Не угодно-ли вамъ чаю?

СТРЪЛЬСКІЙ. Или кофе?

hams ... tero. sumerce. (escatato. ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. НЕТЪ. закрадо зай диналадо или плиналад

стръльскій. Напейтесь малины и лягте спать, это будеть лучше.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Да, я лягу спать... Покойной ночи!

СТРВЛЬСКІЙ (всторону). Нать! я не могу болье притворяться!.. Я долженъ тотчасъ-же съ нею объясниться.

евгенія николаєвна. Вы разстроены, сударь!.. Вы стали такъ REPRESENTATION OF THE PROPERTY OF THE PROPERTY OF THE PARTY OF THE PAR

стръльскій (съ силою). Нътъ, напротивъ, я хочу говорить!.. Высказать вамь все! от проделения почет и выправния и отпативности в чен

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Что такое? (Всторону). Я едва могу удержаться отъ смѣха. BUILTE MERG. IS HE BOCK.

стръльский. Знаете-ли вы, что я хочу сказать вамъ?

евгенія николаєвна. Ніть, трудно отгадать.

стръльскій. Сударыня! я знаю все!

евгенія николаєвна. Что-же вы знаете?

стръльский. То, что ныньче вечеромъ, вы получили что-то ... ипсанное рукою ... (Показываеть руку и тотчась-же ее прячеть. (Всторону). Ахъ, чуть не попался: я и забыль про перчатку!.. (Ей). Да! я знаю все! что вы можете сказать мить въ оправдание?

евгенія николаєвна. Даете-ли вы мнъ слово выслушать меня тер-

стръльскій. Хорошо, я буду теривливъ; но это уже исходъ моего теривнія.

евгенія николаєвна. Честное слово? Будете теривливы?

стръльскій. Вотъ вамъ моя рука! (Протягиваеть руку и тотчась-же отдергиваеть ее).

евгенія николаєвна. Я не запираюсь ... это правда, что я получила что-то, писанное ныньче вечеромъ.

стръльский. И вы мнт въ этомъ такъ хладнокровно признаетесь? ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Да, сударь. transporte and appearant.

стръльский. Но въдь всему есть своя мъра. Нътъ силъ выносить далъе ваше презръніе и каварство. Сударыня... Мы должны развестись!

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Все это прекрасно, сударь, но вы должны представить причины нашего развода.

стръльский. Причина есть, сударыня!.. Сегодня, въ этой комнатъ,

пять минуть тому назадь, вы имъли свиданіе съ молодымъ чельов комь ... того, кажется, довольно.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Вы правы ... Онъ и въ настоящее время еще здъсь.

стръльский (съ удивлениемъ). Какъ! онъ еще здъсь?

евгенія николаєвна. Да, сударь.

стръльскій (всторону). Какъ! Онъ, стало быть, вошелъ сюда послъ меня!.. И она осмълилась принять его?

евгенія николаєвна. Онъ пришелъ вскорт послі васъ.

стръльский (съ бъщенствомъ). А! онъ спрятался здъсь! Но горе ему, потому-что я знаю все! и живой онъ отсюда не выйдетъ.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА Но что вамъ до него? Въдь онъ пришелъ видъть меня, а не васъ.

СТРЪЛЬСКІЙ (въ прайнемъ изумленіи). Да что вы, за дурака меня считаете, позвольте васъ спросить?

евгенія николаевна. Нисколько.

стръльскій. Какъ вамъ это покажется? И она такъ безстыдно признается мнъ въ этомъ!

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Если вы убьете этого человъка, я не переживу его смерти, и вы также.

СТРЪЛЬСКІЙ (въ изумленіи). И я не переживу? Громъ и молнія! Что-же это такое? Боже мой! не помѣшался-ли ужъ я? Голова моя горитъ! (Заглядываетъ подъ столъ, стулья и диванъ). Но куда же ты скрылся, чудовище? Ты боишься меня, не смѣешь показаться? Но я найду тебя! (Евгенія Николаевна въ это время подходитъ къ дверямъ своей комнаты). А! вы спрятали его въ эту комнату, но онъ отъ меня не скроется! (Отводя Евгенію отъ дверей, говорить въ нихъ). Выходите, сударь, выходите! Трусъ! Прячется ... притворяется, что не слышитъ меня ... Хорошо-же!.. (Вбъгаетъ въ компату жены).

вытенія николаевна. Ха, ха, ха! за при на за примента за примента

стръльскій (возвращаясь). Его тамъ нѣтъ!. Онъ вѣрно выпрыгнуль изъ окна, боясь встрѣтиться со мною!.. Но все равно, я имѣю доказательство, у меня есть письмо, писанное ныньче вами къ нему, которое случайно попалось мнѣ въ руки.

евгенія николаєвна (всторону, ст улыбной). Случайно!.

стръльскій. Я еще не успъль его прочесть, но угадываю его содержаніе.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Не думаю.

стръльский. Я прочту его предъ судомъ!

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. И все-таки это ни къ чему не послужигъ; вы-же будете принуждены жить со мною и вымаливать у меня прощеніе за ваши оскоро́ительныя подозрънія.

СТРЪЛЬСКІЙ. Прошу покорно, сколько смізлости... Нізть-съ, жить съ вами я не буду...

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Будете.

стръльский. Даже и тогда, когда я представлю это письмо?

ЕВГЕНІЯ ННКОЛАЕВНА. Даже и тогда.

СТРЪЛЬСКІЙ. НЪТЪ! это ужъ ни на что не похоже! (Съ силою). На колъна, сударыня, на колъна! Я прочту вамъ это письмо, которов изобличитъ васъ въ измънъ. На колъна!

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Извольте, если вамъ этого угодно. (Становится на кольна).

СТРЪЛЬСКІЙ (читаето письмо). «Апполинарій Петровичь! Я не могу болье притворяться въ любви»...— И вы не красньете, сударыня?

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА (встаеть и садится на дивань). Нисколько.

стръльскій (продолжая). «Тотъ, котораго я люблю»... — Недавно выпрыгнулъ въ окно, не правда ли? — «Тотъ котораго я люблю, не «вы, я люблю ... люблю ... моего мужа». — Какъ! что такое? Не ошибся—ли я? — «Я люблю моего мужа». — (Въ воеторгъ). Возможно-ли! (Смотрить на жену, которая улыбается). О! я съума сойду отъ радосги!

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА (сидя на дивань). Пожалуйте сюда. (Стрыльскій подходить ко ней). На кольна, сударь, на кольна!

стръльскій (становится передъ нею на колпна). О, какъ я виновать! Теперь я не боюсь Апполинарія, потому-что вы меня любите!.. И завтра-же попрошу его къ себъ на мировую.

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА. Завтра, къ несчастію, вамъ нельзя его видѣть, онъ уже пѣсколько дней находится въ Новгородѣ ... Вотъ письмо отъ него, въ которомъ онъ извѣщаетъ о своемъ бракѣ съ моей подругой, Наденькой Минской.

стръльскій. Неужели?

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА (взяво ножико). Теперь, сударь, не угодноли вамъ будетъ заколоть этимъ кинжаломъ того человъка, который сегодня былъ здъсь у меня?

стръльскій. А! стало быть, вы все знаете? пларяти кондуля евгенія николаєвна. Какъ видите.

CANALANTE LA CARLED HE STE

AND OF THE OWNER OWNER

стръльскій. Но, Евгенія, душечка ... въдь вы прощаете миъ эту невинную хитрость?

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА (бросаясь ко нему на шею). Отъ всего сердца! ... в станости по по поправод типочна прина пр

CTT BAROUM. Land in voice, appear in a page and the color baroum.

de vivo on to mand at a

fill syles tin winne

THE RAIL DERICONSTRUCTOR OF THE PARTY OF THE

Trendsonie, distribute

Comment asked around non-

RETOR BERGERRA, LONG W TOTAL

car nor harr ore tourist thiroanterro 207 . The subarder of quadratic all 1057 . Антальский причина OTERALIS (SERVICE)

"all (company days demanded to anomaly ABSEALGERS BIRETER ...

CTP SABORIN (Second Color of the Color of the CTP of th an estima a como con agoli -- las crange ou como as argumento en «П. ?невог, частыя выпользы — васты очные 1.2 общень частыновым плав denoted by the order of the control where the control of the contr aging a 10 Thomas and agreement commenced the transfer of the com-

and the state of t

- PRESERVA BURGARBURA, E SCOTTON OF STREETING OF THE STREET, STREETING OF THE STREET, and one on attell 11. Presentable or correspond to mean energy and mercurum dece art dienes dienes et drienes et drienes de drien de decembre de decembre de la composition de la

. BETTHE BERROLLE BERROLLE CARROLLE CONTROL CONTROL OF COURSE

And the Control of Southern State on the Court of the Control of the Court of the C n. when the common but over charges were the transfer filled at 100 feet and the common of the common transfer from the common of the common o amon then the consequences and another according to a second of the control of th

de l'ampèrer dans la la company de la compan ГОСУДАРСТВЕН АНАДЕМ. Ленинградоная Тентральная БИБЛИСТЕКА имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО TEATP AFAMB